ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Диваев Александр Борисович

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Николюк Вячеслав Владимирович

Иркутск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ 24
§ 1. Категория «эффективность правового воздействия»: теоретико-правовые предпосылки 24
§ 2. Проблема эффективности в уголовно-процессуальной науке: история вопроса и формирование научного направления 51
§ 3. Эффективность уголовно-процессуального воздействия и методика ее оценки 75
ГЛАВА 2. ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 108
§ 1. Категория «цель» как феномен уголовно-процессуальной доктрины 108
§ 2. Телеологические и функциональные аспекты уголовно-процессуального воздействия 147
§ 3. Цель уголовно-процессуального воздействия 170
ГЛАВА 3. СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 184
§ 1. Уголовно-процессуальное право как средство специально-юридического воздействия 184
§ 2. Предмет и формы общесоциального уголовно-процессуального воздействия 203
§ 3. Прогнозирование результатов уголовно-процессуального воздействия 224
ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА АНТИКОНФЛИКТНОГО ТИПА 261
§ 1. Уголовно-процессуальный конфликт как социальная основа существования уголовного процесса антиконфликтного типа 261
§ 2. Структура и динамика уголовно-процессуального конфликта 280
§ 3. Внешняя сторона уголовно-процессуального конфликта 300

§ 4. Конфликтогенные факторы уголовно-процессуальных конфликтов – их внутренняя сторона 333
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 358
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 363
Приложение 1. 412
Приложение 2. 427
Приложение 3. 432

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Социальная природа государства и права очевидна. Она проявляется не только в истоках этих институтов, но и в том постоянном взаимодействии, которое характеризует процесс их сосуществования с социумом. Неучет этого фактора на протяжении определенной исторической дистанции, как показывает практика, может приводить к самым тяжелым социальным последствиям.

Общественный слом, который произошел в начале 1990-х гг. в нашей стране, – яркий тому пример. Именно он обнажил целые пласты сформировавшихся к тому времени и объективно нуждающихся в правовой регламентации общественных отношений, которые право либо вовсе игнорировало, либо если и регламентировало их, то делало это формально, нормативами, не соответствовавшими реалиям социальной среды. Данное обстоятельство вынудило законодателя проводить «массированную» и оттого зачастую поспешную модернизацию системы нормативно-правовых актов, во многом руководствуясь в этом методом проб и ошибок, что не могло не сказаться как на качестве самого нормативного материала, так и на результатах правовой деятельности, направленной на реализацию этих столь несовершенных с позиции сегодняшнего дня норм.

Однако период экстенсивной модернизации законодательства, характеризовавший последние три десятилетия жизни нашего государства, в целом постепенно подходит к своему завершению, и хочется надеяться, что на смену ему приходит длительный и не менее сложный этап поступательного развития права, предъявляющий совершенно иные требования и к законодателю, и к адресату его правовых предписаний. Государству и обществу сейчас нужен не просто закон, а качественный закон, закон, отражающий социальные потребности и интересы, способный не только *эффективно* регламентировать правовую деятельность, что важно само по себе, но и оказывать *эффективное* воздействие на общественные отношения в целом, быть катализатором их развития.

Между тем, как показывает анализ уголовно-процессуального законодательства, в данной сфере период проб и ошибок еще далек от своего завершения. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать хотя бы на тот факт, что основной нормативно-правовой акт, регламентирующий уголовно-процессуальные отношения, – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ)[1], является едва ли не самым нестабильным кодифицированным нормативным актом нашей страны. С момента принятия в него изменения вносились более 260 (!) раз. Для сравнения: за весь период действия УПК РСФСР 1960 г. (а он составил более 40 лет) было подготовлено менее 100 редакций это нормативно-правового акта. Причем до 1991 года, т. е. за более чем 30 лет его действия, было принято всего 32 закона, внесших поправки в этот кодекс. Остальные изменения УПК РСФСР 1960 г. произошли уже после распада СССР, как раз в период формирования современной правовой системы нашей страны.

Показателен и характер изменений УПК РФ: многие из них носят концептуальный, сущностный характер, зачастую идя вразрез с той идеологической основой, которая когда-то закладывалась в его положения, что оказывает самое негативное влияние на целостность уголовно-процессуального закона, непоследовательность, «идейная эклектичность» которого отмечена многими исследователями[2]. Данное обстоятельство не позволяет отнести этот кодекс к числу законодательных актов, способных оказывать эффективное уголовно-процессуальное воздействие.

Сама по себе категория «эффективность» не нова ни для правовой науки в целом, ни для теории уголовного процесса в частности. В уголовно-процессуальной доктрине разных лет велась научная дискуссия об эффективности уголовного процесса и его производств, эффективности уголовного судопроизводства и его отдельных стадий, эффективности отдельных видов

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М., 2024. С. 9.

уголовно-процессуальной деятельности, эффективности уголовно-процессуального закона и уголовно-процессуального законодательства и пр. Каждая из работ, посвященных этой проблематике, оставила след в науке, внеся вклад в исследование столь методологически сложной для познания категории.

В связи с правовыми проблемами эффективности не могут быть проигнорированы и многочисленные работы специалистов по общей теории права. Особенно нужно отметить труды советских правоведов 60-х – 80-х гг. XX в.

Несмотря на достаточное количество научных исследований, многие аспекты уголовно-процессуальной эффективности до сих пор не получили должного освещения в уголовно-процессуальной доктрине. Главной проблемой является их традиционно односторонний характер, когда за основу изучения эффективности берется исключительно формальный результат правового регулирования, осуществляемого той или иной уголовно-процессуальной нормой или их группой, без учета того общесоциального «эффекта», который они оказывают в процессе функционирования. Соответственно, этот срез эффективности воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом, остается за пределами внимания исследователя.

Учет общесоциального аспекта уголовно-процессуального воздействия автоматически ставит ряд важнейших, но до настоящего времени недостаточно изученных вопросов о социальной природе уголовно-процессуального права; о цели уголовно-процессуального воздействия как критерии его эффективности; о закономерностях целеполагания в сфере уголовно-процессуального воздействия; о социальной функции уголовного процесса и ее соотношении с целью уголовно-процессуального воздействия, о механизме и формах этого воздействия; о существе его эффективности и определении понятия «уголовно-процессуальное воздействие» как целостной категории, включающей в себя и формально-правовую, и общесоциальную составляющие; о снижающих ее факторах и средствах устранения или минимизации их влияния на эффективность уголовно-процессуального воздействия.

Эти и многие другие соображения обуславливают актуальность представленного диссертационного исследования, в основе которого лежит теоретико-правовой анализ категории «эффективность уголовно-процессуального воздействия», произведенный сквозь призму эффективности специально-юридических и общесоциальных форм воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом как на предмет своего регулирования и охраны, так и на всю систему общественных отношений в целом.

Степень научной разработанности темы. Вопросы, поставленные перед настоящим исследованием, несмотря на их оригинальность, в тех или иных их аспектах ранее затрагивались и в трудах специалистов в области общей теории права, и в работах ученых-процессуалистов.

Безусловно, в первую очередь в этой связи необходимо упомянуть о таких исследователях уголовного процесса, как В. А. Азаров, Л. Б. Алексеева, А. Ю. Астафьев, С. В. Бажанов, А. С. Бахта, Д. В. Богатский, А. Д. Бойков, Л. А. Воскобитова, Я. А. Вилдерс, Б. Я. Гаврилов, И. В. Губенок, А. П. Гуляев, А. Х. Давлетшин, О. И. Даровских, Ю. В. Деришев, А. Я. Дубинский, З. З. Зинатуллин, В. И. Каминская, А. М. Ларин, С. С. Левин, И. А. Либус, П. А. Лупинская, М. Ф. Маликов, А. И. Михайлов, И. Б. Михайловская, Б. А. Митийченко, Т. Г. Морщакова, В. В. Николюк, Е. П. Остапенко, П. Ф. Пашкевич, И. Л. Петрухин, А. В. Победкин, М. П. Поляков, Н. Н. Полянский, А. П. Попов, И. Г. Смирнова, И. В. Смолькова, А. Ю. Смолин, М. С. Строгович, А. А. Тарасов, В. Т. Томин, Ф. Н. Фаткуллин, Ю. В. Францифоров, К. Ю. Хамуллин, А. Д. Чулюкин, Г. М. Шафир.

Учитывая социально-правовую направленность данного диссертационного исследования, среди трудов указанных ученых особо стоит обратить внимание на сравнительно недавние диссертационные работы И. Г. Смирновой («Социальная ценность уголовного процесса», Томск, 2012 г.) и О. И. Даровских («Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности», Челябинск, 2022 г.), в которых были непосредственно затронуты проблемы, составляющие часть его

объекта. В то же время нельзя не отметить, что эти вопросы рассматривались с несколько иных позиций, нежели в представленной диссертации. В частности, И. Г. Смирнова социальные основы уголовного процесса исследовала с точки зрения его ценности как средства упорядочивания взаимодействия трех социальных субъектов (акторов[1]) – человека, общества и государства, что само по себе явилось достаточно новым взглядом на традиционную проблему соотношения частных и публичных интересов в уголовном процессе.

О. И. Даровских непосредственно обратилась к проблеме эффективности в уголовном процессе, сформулировав ряд важных выводов относительно «эффективности уголовно-процессуальной деятельности». Согласно авторской концепции, ее критериями являются справедливость, качественность, доступность, экономичность, своевременность, достаточность, объективность и результативность уголовно-процессуальной деятельности. При этом исследование О. И Даровских, объектом которого является «система используемых в уголовном судопроизводстве средств, обеспечивающих эффективное уголовное судопроизводство… и уголовно-процессуальная деятельность, в рамках которой данные правовые средства применяются»[2], имеет традиционные методологические основы, рассматривая эффективность с формально-правовой стороны, с точки зрения оценки результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Проблемы правовой эффективности на протяжении уже более чем полутора сотен лет являются предметом пристального внимания и представителей общетеоретической правовой науки, которые были пионерами в изучении этой проблематики. Анализируя степень научной разработанности темы диссертации, нельзя не сказать как о работах ученых дореволюционной школы права (Ю. С. Гамбаров, Н. А. Градескул, Б. А. Кистяковский, К. М. Коркунов,

---

[1] Актор (от лат. actor) – в социологии: индивидуальный или коллективный субъект, совершающий целенаправленную деятельность в отношении других субъектов, носитель социальной роли.

[2] Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. … д-ра. юрид. наук. Челябинск, 2022. 538 с.

С. А. Муромцев) и советских исследователей (С. С. Алексеев, М. И. Байтин, Е. Л. Бонк, А. Н. Величко, В. В. Глазырин, И. Я. Дюрягин, В. Н. Кудрявцев, В. В. Лазарев, А. Е. Лунев, В. И. Никитинский, Л. Н. Павловская, Л. С. Пашков, И. Н. Петров, В. Ф. Прозоров, П. М. Рабинович, И. С. Самощенко, Д. С. Чечет, Е. П. Шикин, С. А. Шлыков и др.), так и о трудах специалистов в области современной теории права (А. А. Абрамова, М. И. Гильмутдинова, С. А. Жинкин, А. А. Зелепукин, В. В. Лапаева, А. А. Максуров, Е. А. Мамай, Ю. В. Оносов, А. В. Поляков, С. И. Пунченко, О. В. Хусаинова, И. Л. Честнов).

Специфический характер избранного направления познания эффективности уголовно-процессуального воздействия предопределил необходимость глубокого изучения таких категорий, как «цель» и «социальный конфликт» в их уголовно-процессуальном преломлении, которые также были предметом пристального внимания теории уголовного процесса, что в особенности характеризует проблему определения «цели» в уголовном процессе, которая относится к одной из самых востребованных наукой.

Данная категория подвергалась глубокому научному осмыслению еще в дореволюционный период развития уголовно-процессуальной доктрины (Я. И. Баршев, И. Г. Василенко, С. И. Викторский, П. И. Люблинский, И. Я. Михайловский, В. К. Случевский, И. Я. Фойницкий и др.).

Дальнейшее развитие научной теории о феномене цели в уголовном процессе было связано с советской уголовно-процессуальной теорией. Среди авторов, занимавшихся этой проблематикой, наиболее заметны работы Т. Н. Добровольской, Н. Н. Полянского, М. С. Строговича, В. Т. Томина, М. А. Чельцова, П. С. Элькинд и др.

Однако по-настоящему востребованной эта проблематика стала вместе с введением в действие нынешнего уголовно-процессуального закона. В последние два десятилетия в этой сфере уголовно-процессуальной науки появились исследования за авторством А. В. Агутина, А. Е. Адаменко, Н. В. Азаренка, Д. М. Беровой, Л. А. Воскобитовой, Л. М. Володиной, Ю. В. Козубенко, А. А. Козявина, П. А. Лупинской, Г. А. Печникова, А. П. Попова и др.

Несмотря на популярность феномена цели в теории уголовного процесса, в диссертации, как представляется, удалось сформулировать свой оригинальный подход к его пониманию и исследовать цель в качестве критерия эффективности уголовно-процессуального воздействия, сформулировав ее содержание и закономерности процесса целеполагания.

Наконец, категория «социальный конфликт», или в контексте исследования – «уголовно-процессуальный конфликт», также не нова для уголовно-процессуальной науки. В то же время в сравнении с феноменом цели это явление менее востребовано теорией уголовного процесса. В этой связи можно выделить, пожалуй, только работы О. А. Баева, Н. А. Баевой, Л. В. Головко, С. В. Гороховой, М. А. Жидкова, Н. Ю. Лебедева, Ю. В. Францифорова.

Несмотря на достаточно представительный круг исследователей, изучавших те или иные аспекты проблем эффективности в уголовном процессе и значимость работ каждого из них, многие теоретические и практические проблемы не получили должной доктринальной разработки, что обусловило необходимость данного диссертационного исследования.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования является система общественных отношений, подвергаемых специально-юридическому и общесоциальному воздействию со стороны норм уголовно-процессуального права.

Его *предмет* – действующее уголовно-процессуальное законодательство, судебно-следственная практика, отраженная в материалах уголовных дел, постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, судебных решениях по уголовным делам, массив пояснительных материалов к законопроектам о внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, данные официальной судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, результаты интервьюирования судей и сотрудников правоохранительных органов, а также теоретические научные положения по теме исследования.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в разработке концептуальных основ эффективного функционирования механизма уголовно-процессуального воздействия.

Достижение поставленной перед диссертационным исследованием цели подчинено необходимости постановки и решения следующих его **задач**:

1) дать обобщенный анализ развития и современного состояния научной мысли относительно категории «правовая эффективность» в ее общеправовом и специальном уголовно-процессуальном контексте;

2) определить понятие, содержание, критерии и теоретические основы эффективности уголовно-процессуального воздействия, сведя их в упорядоченную систему доктринальных закономерностей;

3) охарактеризовать категорию «цель» как феномен уголовно-процессуальной науки;

4) выявить закономерности уголовно-процессуального целеполагания;

5) сформулировать и обосновать формирование бесконфликтной социальной среды как цели уголовно-процессуального воздействия, характеризующей современное уголовно-процессуальное право России;

6) охарактеризовать социальную функцию уголовного процесса и соотнести ее с современной целью уголовно-процессуального права России;

7) разграничить категории «правовое воздействие» и «правовое регулирование» применительно к уголовно-процессуальному праву;

8) установить предмет и формы специально-юридического и общесоциального воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом;

9) разработать критерии научно обоснованного прогноза развития уголовно-процессуального законодательства;

10) обосновать утверждение, что уголовно-процессуальный конфликт является социальной основой существования уголовного процесса антиконфликтного типа;

11) определить понятие уголовно-процессуального макро- и микроконфликта, их структуру и динамику;

12) охарактеризовать внешнюю и внутреннюю сторону уголовно-процессуального конфликта в качестве его конфликтогенных факторов, способы и средства противодействия им.

Теоретическая основа диссертационного исследования представлена широким кругом научных работ не только по уголовному процессу, но и по общей теории права, иным отраслевым правовым наукам, а также философии, социологии, конфликтологии и теории управления за авторством дореволюционных русских, советских, современных российских и зарубежных исследователей.

Научная новизна исследования состоит в разработке концепции эффективности уголовно-процессуального воздействия как системы научно обоснованных положений, позволяющих оценить соответствие результатов правового и общесоциального воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом на определенные группы общественных отношений, исходя из единого критерия – цели такого воздействия.

В ходе формирования данной концепции:

– аргументировано преимущество феноменологического подхода к изучению эффективности уголовно-процессуального воздействия перед онтологическим подходом;

– установлено, что эффективность уголовно-процессуального воздействия, выражаемая в совокупности формально-юридической (правовой) и общесоциальной эффективности, единственным критерием имеет цель такого воздействия;

– сформулированы закономерности целеполагания в уголовном процессе, понятие и содержание антиконфликтной цели уголовно-процессуального воздействия как единственно возможной на современном этапе общественного развития;

– структурирован предмет уголовно-процессуального воздействия;

– выявлены формы и сущность специально-юридического и общесоциального воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом на соответствующие элементы его предмета;

– дано понятие уголовно-процессуального конфликта макро- и микроуровня как разновидности социального конфликта, проведен его структурный и динамический анализ;

– интерпретирована внешняя сторона уголовно-процессуальных конфликтов, установлен состав его акторов, рассмотрены их социальные и правовые признаки;

– изучена внутренняя сторона уголовно-процессуальных конфликтов микро- и макроуровней, элементы которой являются одновременно их конфликтогенными факторами.

Теоретическая значимость работы определяется сформулированными в ней положениями, которые впервые на доктринальном уровне позволили рассмотреть категорию «эффективность уголовно-процессуального воздействия» как комплексную категорию, включающую в себя оценку правовой и общесоциальной эффективности воздействия, оказываемого уголовно-процессуальным правом. Это дает возможность избавиться от одностороннего формального подхода в оценке эффективности уголовно-процессуального права, когда за основу берется оценка исключительно правовых результатов реализации его норм, и познать не только формальную сторону эффективности уголовно-процессуального воздействия, но и общественную полезность той или иной нормы уголовно-процессуального права, а также прогнозировать последствия ее введения в действие.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные в ней рекомендации и предложения могут быть использованы в законопроектной деятельности как основа для формулирования цели законопроекта и прогнозирования последствий его применения на уровне закона.

Кроме того, положения диссертационного исследования могут рассматриваться в качестве методологической основы для толкования и

применения норм уголовно-процессуального права в потенциально или реально конфликтной ситуации, позволяя правоприменителю задействовать весь спектр антиконфликтных уголовно-процессуальных средств.

В сфере профессионального юридического образования теоретические положения и практические рекомендации, сформулированные в исследовании, могут быть использованы при подготовке учебной и учебно-методической литературы, преподавании курсов «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» и «Уголовный процесс», специальных дисциплин, а также курсов повышения квалификации судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов.

Методология и методы исследования. В основе методологии представленного исследования лежит всеобщий метод материалистической диалектики, который позволил познать его объект как объективную категорию в развитии и взаимосвязи с другими правовыми и общесоциальными явлениями.

В ходе исследования, в зависимости от решаемой задачи, нами применялся комплекс общенаучных методов в их правовом преломлении: анализ и синтез, системный метод, метод структурного исследования, исторический, логический, социологический методы. Они дали возможность познать объект данной диссертационной работы, ядро которой представлено такими категориями, как «эффективность», «правовой механизм», «уголовно-процессуальное воздействие», «цель», «уголовно-процессуальный конфликт»:

– с точки зрения развития научных представлений о них;

– в качестве элементов системы функционирования уголовно-процессуального права;

– как системных явлений, имеющих внутреннюю структуру;

– как функциональных и функционирующих явлений.

В ходе проведения исследования, кроме общенаучных, использовались и частнонаучные методы, как то: формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод толкования и интерпретации правовых норм, метод правового моделирования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Совокупность практически обоснованных, находящихся в системном единстве теоретических положений, являющихся основой для проведения феноменологических исследований уголовно-процессуального права, его отдельных институтов и норм, позволяет определить эффективность уголовно-процессуального воздействия как модификацию общественной среды, осуществляемую посредством уголовно-процессуального права (его норм, институтов) с целью достижения определенного правового и общесоциального результата.

2. Методика оценки эффективности уголовно-процессуального воздействия предполагает учет следующих положений:

– оценке подлежит эффективность операции, но не эффективность системы, а поэтому методологически ошибочно говорить об эффективности уголовно-процессуального права; эффективным или неэффективным может быть исключительно акт его реализации, посредством которого данная отрасль права, ее институты и нормы воздействуют на общественные связи;

– уголовно-процессуальное право (функционирующая система) оказывает целенаправленное воздействие на разные группы общественных отношений, непосредственно влияя на поведение субъектов уголовно-процессуального права, осуществляющих реализацию его предписаний, и опосредованно – на поведение иных социальных акторов (государство, общество, социальные группы);

– совокупная эффективность уголовно-процессуального воздействия определяется путем сложения результата непосредственного воздействия норм и институтов уголовно-процессуального права на систему отношений, составляющих его отраслевой предмет (формально-юридическая эффективность) и того социально полезного результата, который был достигнут в итоге реализации уголовно-процессуальных нормативных предписаний (общесоциальная эффективность уголовно-процессуального воздействия);

– цель уголовно-процессуального воздействия является критерием его эффективности, степень которой находится в прямой зависимости от того, насколько она реализована;

– оптимизация средств уголовно-процессуального воздействия (норм и институтов уголовно-процессуального права, а также практики их применения) не является его целью; в качестве таковой необходимо рассматривать совершенствование социальной среды, подверженной уголовно-процессуальному воздействию;

– оптимальность уголовно-процессуальных средств воздействия (норм и институтов уголовно-процессуального права) – это условие, но не характеристика акта уголовно-процессуального воздействия, т. е. процесса функционирования этих средств.

3. Имманентно присущая уголовно-процессуальному праву способность оказывать одновременное влияние как на отношения, составляющие его отраслевой предмет, так и на иные группы общественных связей позволяет констатировать, что традиционный термин «правовое регулирование», используемый для обозначения механизма действия права, недостаточен и односторонен. Наиболее точно природу уголовно-процессуального механизма выражает категория «правовое воздействие», которая вбирает в себя его как специально-юридические, так и общесоциальные формы.

4. Субъективный характер правового целеполагания позволяет сделать вывод о том, что сама постановка вопроса о «цели» уголовного процесса или уголовного судопроизводства методологически ошибочна. Наличием цели может характеризоваться исключительно уголовно-процессуальное воздействие, осуществляемое посредством реализации правовых предписаний, содержащихся в нормах уголовно-процессуального законодательства. Ни уголовный процесс, ни уголовное судопроизводство как явления объективные не могут иметь цели, им присуща исключительно социальная функция, которая производна от причин, вызвавших появление и существование особого сегмента общественных отношений, в настоящее именуемого уголовным процессом.

5. Процесс правообразования в уголовно-процессуальной сфере представляет собой последовательность этапов (стадий), результатом чего становится появление новой или усовершенствованной нормы уголовно-

процессуального закона. Его стадиями являются: 1) формирование потребности в уголовно-процессуальном воздействии на существующие общественные отношения, не подвергнутые ему, но объективно нуждающиеся в этом, или в совершенствовании такого воздействия, а равно в учреждении ранее не существовавших общественных отношений; 2) осознание данной потребности частью социума или его отдельными представителями; 3) распространение идеи о необходимости модификации общественной среды уголовно-процессуальными средствами на общесоциальный уровень или, по крайней мере, значительную часть социума; 4) кристаллизация цели уголовно-процессуального воздействия; 5) доведение ее до законодателя или восприятие им этой цели; 6) принятие уголовно-процессуальной нормы или внесение изменений и (или) дополнений в существующую норму.

6. Объективная природа уголовного процесса позволяет рассматривать его социальную функцию как константу, не зависящую от типа уголовного процесса и исторического периода его существования. Содержание социальной функции уголовного процесса детерминировано трансформацией естественной потребности личности и общества в обеспечении взаимной безопасности в социальную потребность обеспечения легитимности акта привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее. В таком контексте уголовный процесс необходимо рассматривать как средство удовлетворения этой социальной потребности, что и является его социальной функцией.

7. Содержание цели уголовно-процессуального воздействия носит переменный характер, изменяясь вместе с развитием общества и государства. Соответственно, познанию может быть подвергнута либо цель уголовно-процессуального воздействия, которая отражает потребности современных исследователю государства и общества, либо цель уголовно-процессуального воздействия, характеризовавшая их в прошлом. Цель уголовно-процессуального воздействия, которая может соответствовать потенциальным потребностям государства и общества в будущем, может быть лишь спрогнозирована.

8. Учитывая двойственную сущность уголовно-процессуального воздействия (специально-юридическое и общесоциальное воздействие), его цель также надлежит рассматривать в двух аспектах – правовом и социальном. Социальная составляющая цели уголовно-процессуального воздействия является прямым отражением общественной природы уголовно-процессуального права как средства компромиссного воздействия на социальный конфликт. Отсюда цель уголовно-процессуального воздействия заключается в формировании бесконфликтной социальной среды посредством обеспечения пропорциональности уголовно-процессуальных средств отстаивания интересов личности, общества и государства, реализуемых в сфере уголовно-процессуальных отношений.

9. Для максимально точной реализации цели уголовно-процессуального воздействия, обеспечения полного соответствия ей уголовно-процессуальной деятельности суда, прокурора, следователя, дознавателя она должна быть «опредмечена» посредством нормативного закрепления задач уголовно-процессуальной деятельности, которые заключаются в: 1) возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовного дела в порядке, определенном законом, с тем чтобы виновные в совершении преступления были обоснованно привлечены к уголовной ответственности и понесли законное и справедливое наказание, а невиновные – освобождены от уголовной ответственности и уголовного наказания; 2) охране прав, свобод и законных интересов личности, а также реабилитации каждого невиновного и иного лица, имеющего право на реабилитацию в соответствии с законом.

10. Юридическое прогнозирование – специальное средство, обеспечивающее процесс правового целеполагания в сфере уголовно-процессуального воздействия и его эффективность. Результат прогностической деятельности – прогноз развития уголовно-процессуального законодательства – должен отвечать требованиям: 1) стратегичности; 2) концептуальности; 3) объективной обусловленности; 4) реалистичности; 5) системности; 6) результативности.

11. Комплексная природа уголовно-процессуального воздействия предопределяет структуру его предмета. Исходя из того, что уголовно-процессуальное воздействие осуществляется в специально-юридических и общесоциальных формах, предмет уголовно-процессуального воздействия в качестве подсистем включает в себя 1) предмет специально-юридического воздействия и 2) предмет общесоциального воздействия.

12. Предмет специально-юридического уголовно-процессуального воздействия представлен исключительно совокупностью общественных отношений по возбуждению, расследованию, рассмотрению, разрешению уголовного дела, исполнению приговора и связанных с ними отношений, непосредственно регулируемых и охраняемых нормами уголовно-процессуального права (собственно уголовно-процессуальные отношения). Природа этих отношений позволяет классифицировать их на две группы: 1) «легализованные» государством фундаментальные уголовно-процессуальные отношения, существовавшие в догосударственном состоянии общества, наличие которых впоследствии обусловило появление уголовного процесса как социально-правового явления и 2) объективно обусловленные уголовно-процессуальные отношения, учреждаемые государством, возникновение которых возможно исключительно по воле законодателя.

13. Предмет общесоциального уголовно-процессуального воздействия – совокупность общественных отношений, которые подвергаются управленческому воздействию со стороны уголовно-процессуального права. В их число входят как сами уголовно-процессуальные отношения, на которые уголовно-процессуальное право оказывает непосредственное управленческое воздействие – микроуровневое уголовно-процессуальное воздействие, так и комплекс иных общественных связей, отличных от уголовно-процессуальных отношений, модифицируемых уголовно-процессуальным правом опосредованно – макроуровневое уголовно-процессуальное воздействие.

14. Объектом общесоциального уголовно-процессуального воздействия является уголовно-процессуальный конфликт как социально обусловленный

способ разрешения уголовно-процессуальных противоречий посредством реализации одной из сторон конфликтного отношения своих целей и интересов за счет интересов другой стороны либо неприемлемыми для нее средствами. Его видами являются: 1) уголовно-процессуальный макроконфликт – конфликт между государством и обществом (социальной группой), основанный на противоречии уголовно-процессуальных интересов и средств их реализации, который может быть предотвращен посредством уголовно-процессуального воздействия, но не может быть им разрешен; 2) уголовно-процессуальный микроконфликт как способ разрешения противоречий, возникших по поводу целей и интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений, а также используемых ими средств их реализации, на который уголовно-процессуальное право может оказывать и превентивное, и решающее воздействие.

15. Структурно уголовно-процессуальный конфликт включает в себя внешнюю и внутреннюю сторону. Элементами первой являются участники уголовно-процессуального конфликта и их поведение в конфликте. Внутреннюю сторону уголовно-процессуального конфликта образуют цели и интересы его участников, которые формируют конфликтную мотивацию, а также противоречия, составляющие содержание уголовно-процессуального конфликта.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность, научная обоснованность и аргументированность результатов диссертационного исследования определяются избранной методологией, масштабом и репрезентативностью полученных эмпирических данных.

Эмпирической базой исследования явились:

– официальные статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел РФ;

– материалы опубликованных социологических исследований федерального уровня, проведенных социологическими учреждениями «Фонд общественного мнения» и «Всероссийский центр изучения общественного мнения»;

– статистические материалы, полученные самими соискателем в ходе проведения исследования в судах, правоохранительных органах и органах адвокатуры 12 субъектов РФ (г. Москва, Республика Алтай, Республика Хакасия, Иркутская область, Новосибирская область, Орловская область, Омская область, Томская область, Кемеровская область – Кузбасс, Алтайский край, Краснодарский край, Красноярский край) посредством личного опроса, анкетирования и интервьюирования 112 судей судов районного уровня и уровня субъекта РФ, 192 работников прокуратуры, 256 следователей и дознавателей, 178 адвокатов, а также изучения материалов 156 уголовных дел.

Предметом эмпирического изучения стали также пояснительные записки к 104 законопроектам о внесении изменений и дополнений в положения УПК РФ, опубликованные на официальном сайте Государственной Думы РФ.

Материалы исследования были внедрены в образовательную и практическую деятельность и используются:

– федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва) при подготовке кадров для службы в органах внутренних дел (акт внедрения научной и научно-технической продукции от 16.02.2026);

– федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Байкальский государственный университет» (г. Иркутск) в виде внедрения в образовательную деятельность кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора по дисциплине «Уголовный процесс» по направлению подготовки бакалавриата 40.03.01 Юриспруденция; по дисциплине «Меры уголовно-процессуального принуждения» по направлению магистратуры 40.04.01 Юриспруденция по профилю «Уголовный процесс и прокурорский надзор» (акт внедрения научной и научно-технической продукции (ННТП) № 11-02-01-20 / Э-85 от 08.10.2025);

– федеральным казенным образовательным учреждением высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Новокузнецк)

при подготовке кадров для службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также для иных правоохранительных органов, путем их интеграции в курсы «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», «Уголовный процесс» для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (акты внедрения научной и научно-технической продукции от 03.02.2026);

– Следственным департаментом Министерства внутренних дел РФ при подготовке организационно-распорядительных актов, материалов оперативных совещаний и занятий по профессиональной подготовке, а также в практической деятельности территориальных органов предварительного следствия в системе МВД России (акт внедрения научной и научно-технической продукции от 05.02.2026);

– Главным следственным управлением Следственного комитета РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия в рамках проведения занятий по служебной и правовой подготовке по вопросам толкования и применения уголовно-процессуального законодательства в процессе применения мер пресечения по уголовным делам (акт внедрения научной продукции, научно-технической продукции от 23.04.2025);

– Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Красноярскому краю в рамках проведения занятий по правовой подготовке сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по вопросам применения уголовно-процессуального законодательства (методические рекомендации «Порядок задержания лиц при попытке проноса в исправительные учреждения запрещенных предметов (веществ) и уголовно-процессуального оформления его результатов» (акт внедрения научной и (или) научно-технической продукции от 19.07.2024);

– Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Свердловской области в рамках проведения занятий по правовой подготовке сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по вопросам применения уголовно-процессуального законодательства (методические рекомендации «Порядок задержания лиц при попытке проноса в исправительные

учреждения запрещенных предметов (веществ) и уголовно-процессуального оформления его результатов» (акт внедрения научной и (или) научно-технической продукции от 18.06.2024).

Полученные в результате исследования и подвергнутые научной апробации выводы стали основой модернизации теоретического наполнения учебных дисциплин (модулей), преподаваемых диссертантом, а именно: «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс), «Уголовный процесс», «Теория доказательств в уголовном процессе», «Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве», «Актуальные проблемы уголовно-процессуального права».

Теоретические и прикладные положения диссертационного исследования были предметом обсуждения на международных и всероссийских научно-практических мероприятиях, проводимых в период 2011–2025 гг. в Москве, Горно-Алтайске, Иркутске, Красноярске, Новокузнецке, Новосибирске, Омске, Орле, Перми, Рязани, Томске и других городах.

Основные теоретические положения, выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертационном исследовании, отражены в 49 научных работах общим объемом 73,32 п. л. (монографии, учебные пособия, научные статьи), из которых 19 – статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертационного исследования обусловлена внутренней логикой изложения. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих в себя 13 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

§ 1. Категория «эффективность правового воздействия»: теоретико-правовые предпосылки

Исследование эффективности уголовно-процессуального воздействия, что вполне естественно, не может обойтись без методологической основы и, в частности, изучения его базовых категорий – «эффективность» и «правовое воздействие» – в их теоретико-правовом звучании.

Несмотря на то, что познание феномена эффективности и разработка методики ее оценки применительно к уголовно-процессуальным явлениям для нас носит характер системообразующих проблем, начнем исследование все же не с них, а с определения категории «правовое воздействие», что продиктовано требованиями логики. Думается, вполне очевиден тот факт, что эффективность – не самостоятельная категория, так как «эффективным» или «неэффективным» может быть только «что-то», и без привязки к конкретному явлению ее исследование утрачивает какой бы то ни было смысл. Соответственно, прежде чем разбираться с содержанием категории «эффективность», необходимо определиться с тем, эффективность чего именно является предметом познавательной деятельности. Если следовать нашей гипотезе, таковым является эффективность *правового воздействия.*

Как показал анализ научной литературы по рассматриваемой и смежной тематике, категория «правовое воздействие» достаточно нова для отраслевых правовых наук, но уже вполне привычна для теории права. Хотя здесь стоит сделать оговорку: ученые-отраслевики, и в том числе процессуалисты, сам термин «правовое» (в контексте уголовно-процессуальных исследований – процессуальное) воздействие используют достаточно давно, о чем речь пойдет в следующем параграфе, однако без должного теоретического обоснования.

В общеправовой же науке она уже достаточно прочно вошла в научный арсенал, имея солидную концептуальную основу.

Критическое отношение теории права к исключительно формально-юридическому восприятия права как средству правового регулирования или охраны, в зависимости от функционала той или иной правовой нормы, стало проявлять себя еще в 60-х гг. прошлого века. Именно тогда стали раздаваться голоса в обоснование того, что право – это гораздо более универсальное социальное средство, которое не только регулирует и охраняет группы отношений, составляющие предмет правового регулирования (охраны), но и опосредованно влияет на общественные связи, к предмету права не относящиеся.

Апогеем того, что в период 1960-х – 1970-х гг. происходило в теории права по этой проблематике, стала дискуссия, проведенная в 1979 г. редакцией ведущего академического правового журнала «Советское государство и право» на тему «О понимании советского права». Несмотря на более чем 45 лет, прошедших со времени обсуждения, многие выводы, полученные по ее итогам, и по сей день выглядят весьма современно.

Так, в частности, В. П. Казимирчук в рамках дискуссии писал: «К характерным чертам концепции права… относится изучение свойства социальной обусловленности права… Сюда же следует отнести изучение социального механизма действия права как эффективного инструмента управления социальными процессами»[1].

С. З. Зиманов видел социальные функции права еще более определенными, указав, что «право не только содержит в себе нормативные определенности, но и выступает как выражение социально-ценностных установок, берущих начало в области социальной жизни и возвращающихся к ней при своей реализации»[2].

Р. О. Халфина по этому поводу отмечала: «Как в области теории государства и права, так и в отраслевых науках в ряде работ раскрывается связь права с другими правовыми явлениями общественной жизни, показывается место

---

[1] О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 63.

[2] Там же. С. 48.

права в социальной системе, нормы исследуются в их взаимодействии с различными сферами общественных отношений… Такое понимание права дает возможность соотносить его со всем богатством явлений общественной жизни, глубже раскрывать подобного рода взаимосвязи»[1].

Нами приведены далеко не все, но наиболее характерные мнения, общий рефрен которых звучит следующим образом: право – это нечто большее, чем просто регулятор общественных отношений, и если с этой точки зрения характеризовать правовой механизм, целесообразно видеть в нем не просто механизм правового регулирования, а *механизм социального воздействия права*, по отношению к которому механизм правового регулирования является системой более низкого порядка, его составным элементом.

Проблему изучения социального механизма действия права можно отнести к числу традиционных аспектов научного познания. Попытки ее разрешения предпринимались еще в классических исследованиях С. Муромцева, Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова – наиболее известных представителей дореволюционной социологической школы русского права. Позже они получили развитие в ранних работах уже советской правовой теории.

Так, например, одним из видных советских ученых, отстаивавших такой подход, был Е. Б. Пашуканис, который, в частности, писал: «Право как объективное социальное явление не может исчерпываться нормой или правилом, все равно записанным или незаписанным. Норма… выводится из существующих уже отношений»[2]. И далее: «Обычным заблуждением является в данном случае способ мышления юриста-догматика… Юрист-догматик, решая вопрос, является ли данная норма права действующей или нет, чаще всего совершенно не имеет в виду установить наличность или отсутствие некоего объективного социального явления, но лишь наличность или отсутствие логической связи между нормативным положением и более общей нормативной посылкой»[3].

---

[1] О понимании советского права… С. 49.

[2] Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм (опыт критики основных юридических понятий). М., 1924. С. 42–43.

[3] Пашуканис Е. Б. Указ. соч. С. 43.

Обратим внимание на глубину понимания механизма действия нормы права в выказанном исследователем тезисе. Насколько живо и образно Е. Б. Пашуканис иллюстрирует особенности мышления «юриста-догматика», погруженного в «мир» норм и их конструкций, жонглирующего их смыслом, логикой изложения, выверяющего их «по миллиметру», обеспечивая техническую безупречность нормы, которая в конечном итоге оказывается никому не нужным «украшательством», по той простой причине, что «юрист-догматик» не учел ни социальной, ни исторической их обусловленности права!

Естественно, мы не против технического и логического совершенства нормы права, однако нужно понимать, что это не самоцель. Может, это прозвучит несколько категорично, но, по нашему мнению, социально обусловленная норма права, даже если она технически и логически не совершенна, имеет гораздо больше шансов быть востребованной и пользоваться «успехом» у своих адресатов, нежели чем самая технически и логически безупречная норма, которая социуму не нужна.

На теоретическую и прикладную значимость исследования социального механизма действия права теория указывала и позднее. В частности, С. С. Алексеев по этому поводу писал: «Определяя правовое регулирование через понятие правового воздействия, нужно учитывать, что последнее – широкое понятие, которое характеризует все направления и формы влияния права на общественную жизнь, в том числе и функционирование права в качестве идеологического, воспитательного фактора»[1].

«Важным фактором осуществления функции социального регулирования общественных отношений»[2] называл право В. В. Перфильев. При этом сам механизм действия права рассматривался им как «социальное бытие юридических регуляторов», а правовое регулирование «у́же понятия “воздействие права”, так как последнее охватывает не только правовые средства упорядочивания

---

[1] Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 290.

[2] Перфильев В. В. Действие права (понятие, структура, свойства) : дис. … канд. юрид. наук. М., 1975. С. 4.

социальных отношений, но и средства осуществления идеологического воздействия права»[1].

Разделяли мнение о различии правового регулирования и правового воздействия в своих работах и другие представители теоретической науки, занимавшиеся данной проблемой в 60-х – 70-х гг. прошлого века[2]. Да и в целом, «социальность» права и механизма его действия в этот период времени стала рассматриваться как некая данность, которая, тем не менее, требовала своего осмысления[3].

В то же время, признавая социальную природу права, сравнительно немногие из сторонников этого мнения предпринимали попытки теоретической разработки механизма его социального действия, на необходимость чего также было обращено внимание в рамках дискуссии на страницах журнала «Советское государство и право». Например, А. В. Мицкевич, полемизируя с апологетами так называемой «широкой» трактовки права, в то же время указывал, что традиционное понимание права как системы норм не может отразить механизм социального действия права, в связи с чем необходима разработка «социального механизма формирования и действия права в обществе», для чего вовсе не требуется «атаковать нормативное определение права, которое имеет прочную основу»[4].

И в этом автор был, безусловно, прав. Исследование социальной природы права вовсе не колеблет его нормативности. Право – настолько сложное и многогранное явление, что его природа с легкостью вмещает в себя и чисто формально-юридические, и социальные аспекты, а поэтому исследованием социальности уголовно-процессуального права мы не опровергаем его нормативности, а углубляем знания о нем, выявляем те «пласты» его природы,

---

[1] Перфильев В. В. Указ. соч. С. 4.

[2] См., например: Мицкевич А. В. Некоторые вопросы взаимодействия и нравственности в период перехода к коммунизму // Правоведение. 1962. № 3. С. 15–25 ; Витченко А. М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1968. С. 65–92 ; Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972. 292 с., и др.

[3] О понимании советского права… С. 59–66.

[4] Там же. С. 52.

которые никогда не могли бы быть изучены, если бы оно рассматривалось исключительно как совокупность формально-определенных, общеобязательных, обеспеченных силой государства правил поведения. Известный советский правовед Л. С. Явич называл это «еще одной гранью права, которая выходит за рамки официально признанных и защищаемых государством отношений, не переставая при этом быть собственно правом»[1].

Наиболее концептуальным исследованием механизма социального воздействия из всех проведенных в советский период, безусловно, следует признать работу В. П. Казимирчука[2].

В своей концепции автор исходил из двух констант: во-первых, он считал, что само по себе право социально, и неучет этого его свойства самым негативным образом сказывается на понимании как самой его сущности, так и механизма его действия; и, во-вторых, свое ви́дение механизма социального правового воздействия В. П. Казимирчук выстраивал исходя из теоретической посылки, рассматривающей право в качестве средства социального управления. При этом исследователь достаточно четко сформулировал свои представления о социальной природе права, рассматривая его как социально обусловленное явление: «…Право должно быть, прежде всего, динамичной системой, чутко реагирующей на изменения в социальной действительности… оно признано точно отражать требования объективных законов общественного развития, ибо такое соответствие обеспечивает и наиболее благоприятные условия для действия законов в жизни. Наконец, право должно отражать не всякие, а именно назревшие потребности и интересы общества, социальных коллективов, личности»[3].

Важно отметить, что, исследуя механизм социального правового воздействия, В. П. Казимирчук никоим образом не отрицает того факта, что право целенаправленно воздействует на общественные отношения путем их правового регулирования. Оно рассматривается им как важнейшая составляющая

---

[1] Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 13.

[2] Казимирчук В. П. Социальное действие права в условиях развитого социализма : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1977. 31 с.

[3] Там же. С. 2.

комплексного социального воздействия права. В то же время автор совершенно прав в том, что «правовые нормы и принятые законы не переходят автоматически в поведение коллективов и личности. Поведение социальных систем определяется воздействием множества факторов, в том числе и внешней среды… Процесс социального управления только при самом первом приближении может рассматриваться по кибернетической схеме “команда – действие”… сложность процесса социального управления требует учета самых разнообразных факторов»[1].

Целым рядом особенностей характеризуется еще один подход к пониманию механизма социального действия права, сформулированный несколько позднее И. Я. Дюрягиным, который предлагал механизм социального действия права именовать «юридическим механизмом управления» и понимать его как «процесс управленческого воздействия компетентных органов государства и общественности на деятельность управляемых субъектов (объектов управления) с помощью права в целях создания общественно полезных результатов»[2]. При этом данный механизм И. Я. Дюрягин отличал от механизма правового регулирования. «Так, – пишет автор, – если в механизме правового регулирования основной является связь между нормами права и правоотношением, в котором данные нормы реализуются как бы автоматически самими сторонами без государственного вмешательства, то в юридическом механизме управления преобладающее значение приобретают связи между управляющими и управляемыми субъектами»[3].

Рассматривалось право с точки зрения его управленческого воздействия на общественные отношения и в более поздних работах[4].

---

[1] Казимирчук В. П. Указ соч. С. 8.

[2] Дюрягин И. Я. Указ соч. С. 57.

[3] Там же. С. 55.

[4] См., например: Пискотин М. И. Социализм и государственное управление. М., 1984. 256 с. ; Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988. 256 с. ; Решетов Ю. С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань, 1989. 154 с. ; Гойман В. И. Действие права (Методологический анализ) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. 351 с. ; Тихомиров Ю. А. Действие закона. М., 1992. 163 с., и др.

Проведенный анализ тенденций развития общеправовой науки, показывает, что в теории права уже на рубеже 70-х – 80-х гг. XX в. был сформулирован достаточно обоснованный вывод, согласно которому право – это универсальное социальное средство, воздействующее в специально-юридических и иных формах на общественные связи, как традиционно включаемые в предмет правового регулирования и охраны, так и не имеющие к нему отношения. Данный вывод позволяет определить правовое воздействие как *модификацию общественной среды посредством специально-юридического и общесоциального влияния, оказываемого правом на систему общественных отношений с целью достижения определенного правового и социального результата.*

Соответственно, ведя речь об эффективности, исследователь должен учитывать не только результаты собственно правового воздействия, оказываемого нормой права, правового института или отраслью в целом на предмет отраслевого регулирования или охраны, но и то, как эти правовые регуляторы влияют на социум, способствуют ли они общественной пользе или нет. Это возможно только при комплексном исследовании всех форм влияния права на развитие общества, а не узкоспециализированном изучении результатов регулятивного или охранительного воздействия права на изолированный круг общественных отношений, включаемых в структуру предмета права (отрасли права). Отсюда вывод: исследуя феномен эффективности, нужно изучать не только эффективность правового регулирования или правовой охраны. Предметом такого исследования должна стать эффективность всех форм взаимодействия права и общества или, другими словами, – эффективность *правового воздействия.*

Перейдем к теоретико-правовым основам эффективности как качественной характеристике правового воздействия.

Этимологически слово «эффективность» происходит от латинского «effectus». Не имея аналогов, оно как заимствование прямо вошло во многие языки мира, буквально означая «эффект», от которого в русском языке произошло прилагательное «эффективный».

При этом в русском языке термин стал использоваться сравнительно недавно. Так, если обратиться к «Словарю академии российской» – классическому толковому словарю русского языка, изданному в конце периода правления Екатерины II, мы не найдем в нем ни «эффекта», ни «эффективности»[1]. Впервые слово «эфект» (именно в таком варианте, с одной «ф») появилось в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, который определяет его как «нравственное действие, впечатление, влияние, сильное разительное действие на чувства»[2].

Приведенные историко-лингвистические факты указывают на вполне обоснованный вывод: термин «эффективность» в том значении, в котором мы его знаем в настоящее время, вошел в русский лексикон не ранее конца XIX – начала XX в., и изначально – исключительно как специализированное научное понятие. Стало быть, весьма маловероятно, что мы сможем найти какие-либо научные работы российских ученых-правоведов, датированные более ранним периодом времени, которые в буквальном смысле были бы посвящены эффективности права, определяли бы ее критерии и содержание.

Однако это не означает, что дореволюционные исследователи вовсе не проводили изысканий, направленных на совершенствование правовых явлений, повышение их отдачи и общественной пользы. Как показало проведенное исследование, проблемы повышения эффективности права живо волновали правовую науку и до появления этой категории в научном лексиконе.

В частности, о соотношении закона и практики его реализации, а также о путях их максимального сближения задумывались основоположники российской социологической школы права, среди которых можно назвать таких известных авторов, как С. А. Муромцев[3], К. М. Коркунов[1], Б. А. Кистяковский[2], Н. А. Гредескул[3], Ю. С. Гамбаров[4].

---

[1] См.: Словарь Академии Российской. Часть VI и последняя. От «Т» и до конца. СПб., 1794. 1066 с.

[2] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1866. Ч. 4. С. 609.

[3] См.: Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 11–15 ; Муромцев С. А. Право и справедливость (отрывок из публичной лекции) // Сборник правоведения и общественных знаний : в 2 т. СПб., 1898. Т. 2. 12 с.

В основе их правового мировоззрения лежал тезис о неотделимости права от общественной жизни, его предопределенности уровнем общественного развития и невозможности ни раздельного существования права и общества, ни их изолированного друг от друга изучения.

Так, Б. А. Кистяковский, критикуя сторонников правового позитивизма, писал: «…Чрезвычайная легкость, с которой право как норма может быть отделено от социальной жизни и подвергнуто исследованию в этом мысленно изолированном от социальных отношений виде, свидетельствует о том, что с этой стороны мы не подойдем к праву как к социальному явлению»[5]. Правовые нормы – это не то явление, которое можно было бы «рассматривать безотносительно к их влиянию на жизнь… сущность правовых норм не в их внутренней ценности… Право состоит из норм, постоянно и регулярно осуществляющихся в жизни, и потому *осуществление* (курсив наш – А. Д.) есть основной признак права»[6]. Право для него – это производное от общественной жизни, оно следует за ней, развивается вместе с обществом, а поэтому, познавая, необходимо «исходить из рассмотрения права в его воплощении в правовых отношениях… надо смотреть на то право, которое живет в народе и выражается в его поведении, в его поступках, в его сделках, а не параграфах кодексов»[7].

При этом писаное право, т. е. право, закрепленное в законах, и, как называл ее известный австрийский правовед Е. Эрлих, «правовая жизнь», обречены на несоответствие друг другу по одной простой причине: писаное право, «состоящее из общих абстрактных, безличных и схематичных постановлений», статично. Оно изменяется только «спорадически, и для изменения его всякий раз требуется приводить в движение сложный механизм

---

[1] Коркунов К. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 183–275.

[2] Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 338–355.

[3] Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900. С. 1–44.

[4] Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. СПб., 1911. С. 35–38.

[5] Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 345–346.

[6] Там же. С. 346.

[7] Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 346.

законодательной машины»[1]. В отличие от него «правовая жизнь» динамична. Она постоянно находится в движении. Одни отношения сменяют другие, приводя к тому, что «правовая жизнь может уклониться от действующего писаного права, что однако до известного момента не будет влиять на формальную силу писаного права»[2].

Таким образом, согласно воззрениям представителей социологического правового учения, законодательство и правовая практика объективно не соответствуют друг другу. Отстающим элементом в этой связке всегда был и будет закон, требующий для своего появления громоздкой законотворческой процедуры. В то же время данное противоречие рассматривалось ими в весьма рациональном ключе – как источник постоянного совершенствования писаного права. Оно, по признанию приверженцев социологической школы права, постоянно противоборствует с юридической практикой, и борьба эта ведется ровно до тех пор, пока, как писал еще один австрийский правовед – Л. Шпигель, писаное право не отказывается «от борьбы и спокойно принимает противозаконие… и при том не как единичное, изолированное противозаконие, а как противозаконие массовое, тогда именно обнаруживается, что правовая норма, которой это касается, больше не действует»[3]. Возьмем на себя смелость продолжить: а, следовательно, такая норма либо подлежит изменению, либо вовсе – полной отмене.

Как видим, проблема соотношения писаного права с практикой применения закона дискутировалась уже во второй половине XIX – начале XX вв., что опровергает популярный ныне тезис о том, что это исключительно современная проблема, и ранее с таким явлением сталкиваться не приходилось.

Более того, представители социологического направления правовой науки вполне адекватно представляли себе и значение изучения социальной природы права как средства повышения его эффективности. Чем как не рассуждением о путях повышения эффективности закона является следующее высказывание

---

[1] Цит. по: Кистяковский Б. А. Указ соч. С. 348.

[2] Там же.

[3] Там же.

Б. А. Кистяковского: «…Есть целая область явлений и фактов, которые должны послужить самостоятельным предметом социально-научного исследования права… Только оно даст возможность законодателю работать не вслепую, не наугад, как это бывает по большей части теперь, а вполне отдавая себе отчет о том, как должен быть издан тот или другой закон, для того, чтобы он оказал *желаемое воздействие* (курсив наш – А. Д.) на жизнь»[1].

Развитие русской социологической школы права было прервано событиями Февральской и Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны. Помимо объективной невозможности производить полноценные государственно-правовые исследования в период подобных социально-политических трансформаций, одной из причин того явилось изменение общих настроений в кругу теоретиков права по поводу соотношения закона и правовой практики. Для советской правовой науки с некоторых пор противоборство законности и целесообразности утратило всякий смысл, так как на смену дилемме «законно или целесообразно» пришла формула «все, что законно, то и целесообразно». Любое правовое предписание, учрежденное советской властью, будучи выражением воли трудящихся масс, по природе своей признавалось целесообразным, а поэтому противоречий между законностью и целесообразностью быть не могло – закон всегда целесообразен. Как в данной связи высказался А. Я. Вышинский, «социалистическая целесообразность – это и есть подлинная сущность, подлинное содержание законности»[2].

Представление о бесспорной целесообразности закона просуществовало без каких-либо существенных изменений вплоть до середины 60-х гг. прошлого века. Одним из первых, кто обратил внимание на негативные последствия отождествления законности и целесообразности, стал П. М. Рабинович. Он писал: «…Прокламирование только лишь единства законности и целесообразности было недостаточным, односторонним. Такой подход снимал вопрос о необходимости изучения *эффективности* (курсив наш – А. Д.) закона, чем тормозилось

[1] Кистяковский Б. А. Указ. соч. С. 352.

[2] Вышинский А. Я. Сталинская Конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 16.

совершенствование законодательства… а также теоретического изучения закономерностей, связанных с реальным обеспечением социалистической целесообразности правового регулирования»[1].

Как уже нами отмечалось выше, 60-е гг. XX в. в правовой науке ознаменованы существенными подвижками в подходах к пониманию права и проблеме его эффективности. Пионером в исследовании эффективности права был классик советской, а позднее – и российской общеправовой теории С. С. Алексеев. Еще в 1964 г. на страницах своей работы «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» он исследовал механизм обеспечения эффективности воздействия права на социалистические отношения[2], в основе которого лежит процесс правотворчества. Посредством правотворческой деятельности, как считал автор, происходит «кристаллизация», «юридическое оформление, превращение воли народа в государственную и возведение государственной воли в закон»[3]. Успех и эффективность правотворчества лежит в сфере сочетания его объективных и субъективных закономерностей, в своевременном установлении всех объективных потребностей общественного развития, с чем нельзя не согласиться.

Совершенно верен в этом отношении тезис, высказанный С. С. Алексеевым, о том, что одинаково вредит общественному развитию как отставание права от этих потребностей, так и их опережение им. Задача законодателя заключается в том, чтобы установить именно те потребности, которые актуальны для общества, что называется, «здесь и сейчас». Только актуальное право – эффективно. Конечно, помимо социальных потребностей на процесс правотворчества оказывают влияние и многие другие опосредованные факторы, такие как общественное мнение или та же правовая наука[4]. Однако социальные потребности С. С. Алексеев считал главными из них.

---

[1] Рабинович П. М. Законность и целесообразность в советском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1966. С. 7–8.

[2] Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1964. С. 49–106.

[3] Там же. С. 75.

[4] Алексеев С. С. Механизм правового регулирования… С. 78–83.

Важным аспектом концепции эффективности правового воздействия, разработанной С. С. Алексеевым, была и необходимость постоянного «мониторинга» последствий реализации правовых предписаний. По мнению автора, не только нормы формируют реальность – существует и «обратная связь»: «Практика правового регулирования указывает на необходимость усовершенствования принятых норм, их дальнейшего развития; выясняет такие стороны и последствия принятых норм, которые заранее не были предусмотрены; оттачивает и уточняет отдельные положения действующих правовых актов; обнаруживает необходимость издания дополнительных актов и актов, конкретизирующих данные нормы; иногда практика показывает нецелесообразность сохранения принятых норм»[1].

Положения, высказанные С. С. Алексеевым, послужили основой для формирования во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. самостоятельного исследовательского направления в рамках теоретико-правовой науки – теории эффективности.

Как мы уже упоминали выше, несмотря на некоторое распространение в науке категории «правовое воздействие», все же большинство исследователей рассматривало, да и рассматривает до сих пор, право исключительно с формально-юридической стороны, сосредотачивая основное внимание на изучении эффективности того, как оно регулирует и охраняет общественные отношения. Причем, такой взгляд характерен не только для отраслевых наук[2], но для и общей теории[3] права. Исследователи расходятся лишь в методике изучения эффективности правового регулирования.

---

[1] Там же. С. 87–88.

[2] См., например: Лунев А. Е. Эффективность правового регулирования компетенции органов государственного управления // Проблемы государства и права на современном этапе. М., 1972. Вып. 6. С. 3–15 ; Павловская Л. Н. Вопросы эффективности правового регулирования в деятельности местных Советов депутатов трудящихся : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1974. 20 с., и др.

[3] См. например: Пашков Л. С., Чечет Д. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11 ; Байтин М. И. О повышении эффективности правового регулирования в социалистическом общенародном государстве // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1968. С. 29–65 ; Прозоров В. Ф. Некоторые проблемы теории эффективности правового регулирования // Проблемы

Помимо эффективности правового регулирования предметом исследования становились такие правовые явления, как эффективность правоприменительной деятельности[1], а также составных частей правовой нормы – в первую очередь ее санкции. В последнем случае речь чаще всего шла об эффективности уголовного наказания[2], административных санкций[3] и иных правовых мер воздействия[4]. Появился и целый ряд отраслевых работ, посвященных эффективности[5], в числе

совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М., 1987. Вып. 38. С. 68–84, и др.

[1] См., например: Шикин Е. П. Основные условия эффективного применения права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 21 с. ; Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань, 1975. 207 с. ; Лазарев В. В. Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества. Теоретическое исследование : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 1977. 33 с., и др.

[2] См., например: Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград, 1973. 160 с. ; Лысов М.Д. Наказание и его применение за должностные преступления. Цели, эффективность и принципы индивидуализации. Казань, 1977. 158 с. ; Смолькова И. В. Штраф как мера наказания по советскому уголовному праву и его эффективность : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1978. 20 с. ; Делиев А. Н. Уголовно-правовые меры охраны функционирования советской торговли и их эффективность : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1983. 24 с. ; Рагимов И. М. Эффективность лишения свободы и пути ее повышения. Ленинград, 1988. 32 с., и др.

[3] См., например: Орловский А. А. Эффективность имущественных санкций в сфере снабженческо-сбытовой деятельности объединения, предприятия : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1975. 24 с. ; Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность. Сущность, применение эффективность административных взысканий. Ленинград, 1975. 251 с. ; Селивон Н. Ф. Контрольная функция местных Советов народных депутатов: сущность и эффективность осуществления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1978. 27 с. ; Саввин М. Я., Силаев А. И. Эффективность административно-правовой деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и ее оценка. М., 1990. 64 с., и др.

[4] См., например: Масевич М. Г. Гражданско-правовая ответственность предприятий и ее эффективность // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 82–87 ; Залогин В. И. Эффективность норм права, направленных на укрепление трудовой дисциплины : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 1984. 16 с., и др.

[5] См., например: Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968. 184 с. ; Никифоров Б. С. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968. 255 с. ; Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. 247 с. ; Тарановская Е. А. Эффективность правового регулирования материально-технического снабжения. Ленинград, 1976. 126 с. ; Шахов В. Д. Юридические гарантии в трудовом праве и их эффективность : автореф. дис . … канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 22 с. ; Лапин Б. Н. Эффективность применения норм гражданского процессуального права в стадии подготовки дела к судебному разбирательству : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ленинград, 1980. 20 с. ; Федосова В. А. Эффективность действия норм советского государственного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1980. 18 с. ; Быков А. Г. Эффективность хозяйственного договора : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1982. 33 с. ; Эффективность гражданского законодательства / под ред. В. П. Грибанова. М., 1984. 190 с. ; Марочкин С. Ю. Эффективность норм международного права: понятие, условия и

которых были и исследования, посвященные ее уголовно-процессуальным аспектам, о чем речь пойдет в следующем параграфе[1].

В то же время на фоне многочисленных работ, посвященных формально-правовым аспектам эффективности, еще в конце 60-х гг. начали появляться единичные исследования, ставящие вопрос об общесоциальной эффективности права.

В частности, как попытку отхода от формально-юридического взгляда на эффективность права и комплексного подхода к ее оценке следует рассматривать работу И. С. Самощенко и В. И. Никитинского, которые, отмечая невозможность с достаточной степенью обоснованности оценить уже имеющиеся в распоряжении научного сообщества предложения по совершенствованию законодательства, указывали, что одной из причин этого является нехватка «одного звена – знания того, какова социальная эффективность тех норм, которые уже действуют, которые предлагается изменять, дополнять, совершенствовать. Не хватает же их потому, что получить точные и всесторонние сведения о том, каков реальный результат действия конкретных норм права, достигаются ли благодаря им, и в

критерии : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. 18 с. ; Шумский А. В. Эффективность законодательства об охране труда: на материалах строительных мероприятий : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. 21 с., и др.

[1] См., например: Шафир Г. М. Эффективность участия защитника в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ленинград, 1968. 24 с. ; Либус И. А. Эффективность защиты в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ташкент, 1971. 17 с. ; Левин С. С. Эффективность участия защитника в кассационном производстве по уголовным делам : автореф. дис . … канд. юрид. наук. Москва, Таллин, 1974. 17 с. ; Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 1, 2 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1975 ; Чулюкин Л. Д. Эффективность уголовно-процессуальных норм и методика ее изучения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1977. 16 с. ; Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В. М. Савицкий. М., 1979. 320 с. ; Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. 136 с. ; Давлетшин А. Х. Защита на предварительном следствии и ее эффективность : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1982. 22 с. ; Маликов М. Ф. Судебный приговор и его эффективность : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ташкент, 1984. 51 с. ; Зинатуллин З. З. Эффективность уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ленинград, 1984. 31 с. ; Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. 176 с. ; Митийченко Б. А. Эффективность проведения судебной экспертизы в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1985. 23 с. ; Дубинский А. Я. Эффективность применения мер уголовно-процессуального принуждения органами предварительного расследования в системе МВД СССР. Киев, 1985. 107 с. ; Царев В. М. Эффективность участия защитника в доказывании на представительном следствии. Красноярск, 1990. 153 с., и др.

какой мере цели, которые имел в виду законодатель, с помощью традиционных методов (теоретических, сравнительного правоведения, обобщения судебной и арбитражной практики), к которым обычно прибегала правовая наука, зачастую практически невозможно»[1].

Однако первым по-настоящему комплексным исследованием эффективности правовых норм стала работа, подготовленная на основе продолжительных отраслевых исследований, проведенных авторским коллективом под руководством В. Н. Кудрявцева. В ней был сформулирован ряд базовых постулатов, которые, так или иначе, использовались и используются в дальнейших исследованиях, посвященных этой проблематике.

По мнению авторов данной работы, для «полного и всестороннего обоснования подхода к раскрытию понятия эффективности правовых норм» необходимо исходить из того, что: 1) эффективность правовых норм – свойство их действия; 2) цели правовых норм – критерий оценки их эффективности; 3) без информации о результатах действия правовых норм и соотнесения их с целью этих норм определение эффективности невозможно; 4) юридическую эффективность правовых норм следует отличать от их социальной эффективности; 5) эффективность правовых норм может приобретать самые различные значения; 6) эффективность правовых норм необходимо отграничивать от иных свойств их действия[2].

В ряду указанных положений обращает на себя внимание первое: эффективность – свойство действия правовой нормы.

В принципе, для большинства теоретических исследований, проведенных советскими правоведами по вопросам правовой эффективности, характерна общая методологическая основа: право их авторами рассматривалось «в движении», как некое средство воздействия на общественные отношения. Его же эффективность

---

[1] Самощенко И. С., Никитинский В. И. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1969. Вып. 18. С. 5–6.

[2] Эффективность правовых норм / Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. М., 1980. 280 с.

оценивалась ими с учетом результатов выполнения правом его регулятивной функции. Такой подход в науке получил наименование «феноменологического».

Как полная противоположность ему, в середине 1970-х гг. сформировалась «онтологическая» концепция эффективности права, основанная на ее понимании как совокупности неотъемлемых, имманентно присущих правовой норме свойств. В рамках этого подхода изучение эффективности сводилось к познанию самой нормы права, ее «потенциала» как средства правового воздействия, вне оценки результатов такого воздействия на общественные отношения.

Примечательно, что одним из сторонников онтологического учения эффективности был известный процессуалист Ф. Н. Фаткуллин, который писал, что эффективность – это «лишь внутреннее свойство правовых норм… их “способность” оказывать благоприятное воздействие на объект в заданном направлении»[1]. Соответственно, об эффективности правовой нормы вполне допустимо говорить вне практики ее применения, просто анализируя содержание нормы, имея в виду ее «расчетную (прогнозируемую) эффективность»[2].

Наиболее последовательно проблема социальной эффективности права в советской теории права разрабатывались авторами, предлагавшими рассматривать право как средство социального управления. Один из них – И. А. Дюрягин – в качестве объекта своего исследования указывал на эффективность юридического механизма управления. Сообразно этому автор считал необходимым включить в методику оценивания эффективности права критерии, применявшиеся в 1970-е – 1980-е гг. к оценке эффективности управленческой деятельности. При этом сама эффективность управления рассматривалась им как «своеобразная *мера полезности* управления с учетом достижения стоящей цели, совершенных затрат, а также полученного результата»[3].

---

[1] Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 22.

[2] Эффективность правовых норм… С. 24.

[3] Дюрягин И. Я. Право и управление. М., 1981. С. 123.

Сознавая сложность выделения «меры полезности» права, И. Я. Дюрягин четко определял, что для него проблема эффективности – это проблема результативности. Однако, учитывая, что «механизм правового воздействия не имеет какой-либо вещественно-энергетической формы, а осуществляется только на информационном уровне… право не может иметь самостоятельной субстанциональной результативности», а, следовательно, «правомерно вести речь об эффективности той деятельности, которая регулируется правом, а точнее, об эффективности реализации права и правовых норм, и в этом смысле – об эффективности действия права, т. е. его норм и правовых актов»[1]. Другими словами, эффективность права он предлагал оценивать опосредованно – по результатам той деятельности, которая им регулируется.

Изложенное выше позволяет констатировать, что к началу 80-х гг. прошлого века в советской правовой науке сложилось отдельное, вполне самостоятельное направление научного познания, востребованное как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне – теория эффективности. В контексте ее проблематики был поднят широкий спектр актуальных вопросов, два из числа которых до сих пор носят дискуссионный характер: каковы содержание и критерий (или критерии?) эффективности права, а также какова методика ее исследования?

Ответ на первый из предложенных вопросов, как тогда, так и сейчас, определяется тем, об эффективности какого правового явления идет речь. Учитывая, что советская теория права в целом подвергла сомнению возможность изучения правовой эффективности в статике, усматривая в этом перспективу получения исключительно прогностического знания, исследования советских правоведов носили преимущественно феноменологический характер. В то же время подход сторонников такой методологии исследования правовой эффективности к познанию этого феномена был различен, что позволяет условно разделить их на две группы.

---

[1] Там же. С. 129.

Представители первой предлагали рассматривать эффективность права как соответствие результатов правового регулирования (или действия нормы права) той цели, которую ставил законодатель перед нормой права. Вторая группа исследователей предлагала включать в концепт эффективности права третий элемент – средства достижения этой цели. Соответственно, для первых эффективным в праве считалось все то, что принципиально способствует достижению цели правового воздействия, тогда как для вторых эффективно только то, что привело к достижению цели с наименьшими затратами (моральными, техническими, организационными, материальными и т. д.).

Первый из этих подходов хронологически оформился еще в конце 1960-х гг. как выражение «отношения между фактически достигнутым, действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие нормы»[1]. При этом его сторонники подвергали достаточно убедительной критике мнение тех исследователей, которые в содержание эффективности права включали средства достижения его целей. При таком понимании, как считали они, в расчет берутся в первую очередь «неправовые» факторы, такие как «оптимальность затрат сил, энергии, времени», которые «зависят не… от достоинств и недостатков юридического инструментария и тому подобных свойств материально-правовых предписаний»[2], с чем трудно не согласиться. Действительно, некомплект штатов, недостатки организации деятельности органов и учреждений, на которые возложена обязанность по реализации правовых предписаний, отсутствие достаточного количества материальных ресурсов и т. д. – это не следствие, а причина неэффективности правового воздействия. А поэтому и мнение о том, что эти факторы являются элементами эффективности, ее содержанием – неубедительно. Они скорее могут рассматриваться как условия достижения эффективности правового воздействия. Но содержание того или иного явления и условия его существования – это не одно и то же.

---

[1] Эффективность правовых норм… С. 19.
[2] Эффективность правовых норм… С. 12.

Развитие подхода к пониманию эффективности правового воздействия как соотношения между целями права и полученными результатами его воздействия не могло не поставить перед исследователями и вопрос о том, что же нужно понимать под такими результатами, что является предметом оценки эффективности?

Ответ на него также не получил однозначной научной трактовки. Одна достаточно представительная группа авторов – сторонников формально-юридического подхода к пониманию природы права отстаивала мнение о том, что оценке должны подвергаться исключительно результаты его регулятивного и (или) охранительного воздействия. Однако противники такого подхода указывали на то, что он игнорирует тот факт, что право существует не *«над»* или *«вне»*, а *в* обществе, и как оно «уживается» с ним, в целом не может не учитываться при оценке его эффективности.

Реакцией на этот очевидный пробел в представлении об эффективности права стало предложение о необходимости обязательного оценивания, наряду с формальными результатами действия права, также и общественной полезности правового воздействия, наличие которой, наряду с правовой эффективностью, стало рассматриваться в качестве обязательной предпосылки социальной ценности права. Наиболее радикальные представители этого научного течения даже предлагали при оценке эффективности права исходить исключительно из общественной полезности правовой нормы, отождествив ее с эффективностью права. Эту позицию высказывали, в частности, А. С. Пашков и Д. М. Чечет, которые предлагали под эффективностью права понимать «его действенность, результативность, т. е. способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном полезном для общества направлении»[1]. Похожее мнение разделял и О. В. Смирнов[2].

Представленное мнение не встретило поддержки в научном сообществе по вполне очевидной причине: устраняя проблему согласования эффективности и

---

[1] Пашков А. С., Чечет Д. М. Указ. соч. С. 3.

[2] Смирнов О. В. Указ. соч. С. 30.

социальной полезности права, оно одновременно порождает обратный вопрос – как оценить правовую эффективность таких норм? В этой связи более действенным способом разрешения проблемы соотношения эффективности и социальной полезности стала концепция, которая при оценке эффективности права предлагала выделять «два уровня эффективности: а) юридическую эффективность правовой нормы, характеризуемую соответствием поведения адресатов правовой нормы с требуемым поведением, указанным в норме; б) социальную эффективность правовой нормы, эталоном оценки которой является, как правило, не само правомерное поведение ее адресатов, а более отдаленная социальная цель, находящаяся вне непосредственной сферы правового регулирования»[1].

Важной общетеоретической проблемой исследований эффективности правового воздействия стал вопрос определения критериев (показателей) эффективности и методики ее изучения. Причем, как показало дальнейшее развитие науки, она не носила характер «болезни роста», т. е. не была обусловлена молодостью теории эффективности права. Даже после того, как правовая теория в целом определилась с содержанием этого понятия, вопрос о критериях эффективности окончательно не был разрешен.

С. С. Алексеев, анализируя критерии, ориентируясь на которые, исследователь мог бы судить об эффективности механизма правового воздействия, отнес к таковым «факты, свидетельствующие о достижении или недостижении поставленных законодателем целей, о тех трудностях, которые возникли при реализации нормативного акта, параллельных и попутных последствиях, реакцию общественного мнения на правовой акт, практику применения нормы, отношение научного сообщества к тому или иному нормативному предписанию»[2].

Особое отношение в ряду критериев эффективности права, предложенных С. С. Алексеевым, в теории права сформировалось к общественному мнению. Многие исследователи сознавали его значимость и рассматривали общественное

---

[1] Эффективность правовых норм… С. 49.
[2] Эффективность правовых норм… С. 88–91.

мнение в качестве «одного из факторов, которые влияют на эффективность правовых норм»[1], однако при этом считали его весьма своеобразным индикатором эффективности права, причиной чего является неоднородность общественного мнения. Одно дело, когда об эффективности правовых предписаний высказывается обыватель, который судит об этом скорее интуитивно, ориентируясь исключительно на свой жизненный опыт. И совсем другое, когда общественное мнение по этому вопросу складывается в среде профессионалов, по долгу службы или в силу профессиональных обязанностей реализующих правовое предписание, или в научном кругу. С этой точки зрения мнению, высказываемому по поводу эффективности права профессиональным или научным сообществами, придавалось особое значение, как критерию, который «может носить… характер весьма компетентной экспертной оценки»[2].

Сторонником активного внедрения в исследование эффективности права метода экспертной оценки в свое время был И. Н. Петров, который предполагал использовать этот метод на основе «усреднения оценок весомостей, даваемых группой экспертов»[3].

Одновременно с группой сторонников применения экспертного метода в исследовании эффективности права в теории сформировалась и весьма представительная группы противников его широкого распространения, которые вполне обоснованно указывали на то, что этот метод не сможет дать объективной картины действия права, являясь, по сути, всего лишь результатом субъективного восприятия правовых реалий очень немногочисленной группой сведущих лиц. Именно поэтому, в целом не отрицая возможности привлечения экспертного сообщества к оценке эффективности правового воздействия, они считали, что степень ее достоверности должна подкрепляться надежным статистическим материалом.

---

[1] Бонк Е. Л. Общественное мнение и эффективность правовой нормы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1982. С. 4.

[2] Бонк Е. Л. Общественное мнение и эффективность правовой нормы... С. 13.

[3] Петров И. Н. Экспертная оценка эффективности правовых норм // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1975. Вып. 2. С. 51–52.

Однако и ориентация исключительно на данные статистики, при всем том, что они в основе своей объективны (если, конечно, не были умышленно искажены), также не признавалось панацеей в исследовании эффективности права. В основном за ними признавалось значение эмпирической базы для последующего анализа эффективности права. «Как сущность явления скрыта за внешними формами, и для ее познания недостаточно одних чувственных восприятий, а необходим качественный анализ внутреннего содержания явления, так и для выявления эффективности действия права недостаточно одного количественного измерения внешних проявлений эффективности, а требуется исследовать и качественную ее сторону», – писал по этому поводу И. Я. Дюрягин[1].

Вообще, относительно использования статистических и в целом математических методов изучения эффективности в правовой науке не сложилось единого мнения. Так, одним из сторонников активного внедрения в данную сферу таких методов являлся А. Н. Величко[2]. Как считал автор, методика социально-правовых исследований должна рассматриваться как «система формализованных правил обоснования соотнесения правовых теоретических посылок с эмпирическими показателями и выработка их операционных понятий», включающая в себя «1) обоснование выборки исследования; 2) разработку информационно-логической схемы анализа информации; 3) разработку методик сбора информации; 4) планирование процедур сбора информации; 5) планирование обработки информации; 6) планирование анализа информации»[3].

При всем своеобразии «математический» подход к установлению эффективности правовых предписаний не получил широкого распространения ни в советской правой науке, ни в современной теории права. Хотя и математический, и статистический методы широко используются при сборе

---

[1] Дюрягин И. Я. Указ. соч. С. 145.

[2] Величко А. Н. Методика и техника социально-правовых исследований эффективности правовых норм // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1977. Вып. 8. С. 29–41.

[3] Величко А. Н. Указ соч. С. 31.

правовой информации, говорить о том, что эта технология в полной мере способна реализовать себя в сфере изучения правовых явлений, не приходится.

В связи с проблемой определения показателей эффективности права в теории советского права был поднят вопрос об «отрицательной эффективности». Суть вопроса заключается в следующем. По мнению большинства правоведов, говорить об эффективности права можно только в положительной коннотации, а, следовательно, любые другие варианты воздействия права на общественные отношения, когда следствием этого является отсутствие ожидаемого эффекта воздействия или даже вред общественным отношениям, следует рассматривать как свидетельство неэффективности права[1]. При этом некоторые исследователи полагали уместным говорить об «обратной эффективности» или «антиэффективности» права[2]. В частности, авторы исследования «Эффективность правовых норм» по этому поводу писали следующее: «…Квалифицируя действие той или иной нормы как антиэффективное, мы учитываем лишь те конкретные последствия, которые непосредственно отдаляют нас от достижения намеченной цели»[3].

Несколько утихнув в 1990-х гг., в первой декаде XXI в. стартовал новый виток дискуссии о проблемах эффективности в праве, который развивается до сих пор[4]. Основные доктринальные новшества, привнесенные современной правовой

---

[1] Шлыков С. А. О содержании понятия эффективности правовых норм // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1977. Вып. 8. С. 20.

[2] См., например: Эффективность правовых норм… С. 15 ; Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. С. 26–27.

[3] Эффективность правовых норм… С. 56.

[4] См., например: Зелепукин А. А. Проблемы эффективности российского законодательства : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 233 с. ; Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 206 с. ; Марина И. Н. Средства повышения эффективности норм права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с. ; Хусаинова О. В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 161 с. ; Мамай Е. А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 284 с. ; Оносов Ю. В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук Н. Новгород, 2011. 255 с. ; Гильмутдинова М. И. Теоретические основы эффективного правоприменения : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2012. 165 с. ; Максуров А. А. Эффективность и качество

наукой в теорию эффективности правового воздействия, связаны с переосмыслением правового статуса личности, попытками определения того, как он соотносятся с этой категорией. Так, А. В. Поляков по этому поводу пишет, что человек является «основным элементом, компонентом, актором такой системы… Само существование правовой системы, как системы отношений между людьми, предполагает, что никакое правовое регулирование не может быть эффективным в онтологическом (системном) аутопойетическом смысле без учета того, что представляет собой человек, каким образом и для чего он способен вступать в правовое общение. Исследование этого вопроса неизбежно приводит к выводу о том, что человек как духовная личность и его благополучие (развитие) благосостояние и являются глубинной (онтологической) целью системного правового регулирования»[1].

Небезынтересны в этой связи и рассуждения В. В. Лапаевой, которая верно отмечает, что «любая правовая тема, в том числе – повышение качества и эффективности правового регулирования – может быть осмыслена по-разному в зависимости от типа правопонимания, которого придерживаются исследователи»[2]. При этом автор одной из основных правовых проблем нашей страны считает то обстоятельство, что «смена мировоззренческих ориентиров, связанная с переходом к закрепленной в Конституции РФ человеко-центристской правовой парадигме, не сопровождается соответствующей корректировкой правовой догматики»[3]. И, как логическое следствие этого, либертарно-юридическое правопонимание есть необходимое условие эффективного правового регулирования. В представлении исследователя только такое, основанное на формальном равенстве всех и каждого, понимание права

права. М., 2015. 372 с. ; Пунченко С. И. Социальная эффективность права в современной России : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 169 с., и др.

[1] Поляков А. В О понятии эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. трудов межд. научной конференции. Воронеж, 2016. С. 21.

[2] Лапаева В. В. Либертарно-юридическая догматика как фактор повышения качества и эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. трудов межд. научной конференции. Воронеж, 2016. С. 27.

[3] Там же. С. 28.

субъектами правовой деятельности является залогом его эффективности. Современная юридическая теория, по мнению В. В. Лапаевой, как раз ведет разработку такой человеко-центристской догмы права[1].

И. Л. Честнов в качестве факторов, накладывающих отпечаток на новое, «постклассическое измерение эффективности правового регулирования», называет антропологичность (человекоразмерность), процессуальность, конструктивизм, контекстуальность (правовое регулирование протекает и зависит от исторического и социокультурного контекста), знаково-символическое опосредование, практикоориентированность[2].

Антропологический аспект является основой и концепции эффективности права, сформулированной С. А. Жинкиным. Следует согласиться с ним в том, что эффективность права как «социально-духовного регулятора» – это многоаспектная категория и, вопреки сложившейся в теории права концепции, под ней прежде всего следует понимать «успешное осуществление им своего духовного и социального назначения в конкретный исторический период, осуществление господства правовых начал в общественной жизни, когда поведение личности, общественные отношения, деятельность государства оцениваются с позиции справедливости, гуманизма, упорядоченности, предсказуемости и разумности, единства, свободы и ответственности»[3].

Помимо явной антропоцентричности, современный этап правовой теории характеризует определенный отход от специально-юридического понимания объективного права как совокупности формально-определенных и обеспеченных государственной властью правил поведения, регламентирующих или охраняющих отношения в определенной сфере общественной жизни. Право в представлении нынешней теории все больше и больше социализируется, все дальше дистанцируется от писаных норм права (законодательства). Правовой позитивизм

---

[1] Там же. С. 31.

[2] Честнов И. Л. Эффективность правового регулирования в постклассическом измерении // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. трудов межд. научной конференции. Воронеж, 2016. С. 90.

[3] Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и психологическое измерение : дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 25–26.

хотя и постепенно, однако явно трансформируется в правовой социологизм, а вслед за этим меняется и представление об эффективности права, его критериях, факторах, влияющих на нее, также претерпевает серьезные изменения. Сейчас эффективность – это не только и даже не столько формальная четкость, внутренняя и внешняя непротиворечивость правовой нормы, ее «технологичность» с позиции правотворчества. Сегодня эффективной признается только такая норма закона, которая отражает потребность личности в свободе, правовую суть общества, его внутреннюю правовую природу. И если право, отраженное в соответствующих нормах, способствует этому, оно, безусловно, эффективно, как эффективна сама норма права, посредством которой право «приходит» в жизнь каждого.

§ 2. Проблема эффективности в уголовно-процессуальной науке: история вопроса и формирование научного направления

Уголовно-процессуальная наука, являясь элементом системы знаний об обществе и совершенствуясь параллельно с развитием научных представлений об общественном прогрессе, рано или поздно не могла не поставить перед собой задачу познания того, какие закономерности лежат в основе взаимодействия уголовно-процессуального права и общества.

Выглядит вполне естественным, что отправной точкой в изучении этих вопросов стала Судебная реформа XIX в. Столь резкий скачок в развитии сферы уголовно-процессуальных отношений, повлекший их существенное усложнение в сравнении с тем, как доселе выглядела система этих отношений, не мог не спровоцировать таких исследований.

В 1864 г. с целью ознакомления «с более капитальными произведениями иностранной юридической литературы» был переведен на русский язык труд известного немецкого криминалиста К. Миттермайера «Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному

судопроизводству»[1]. Будучи ярким представителем социологической школы права, автор заведомо «обрекал» законодательство любого государства на несовершенство, отмечая при этом особое место судебной практики в деле восполнения его пробелов. В частности, он писал: «…В уголовном судопроизводстве никакому законодателю не удастся строго и посредством таких правил, которые можно было бы признать за окончательные определения, установить пределы власти и обязанности лиц, действующих в этом производстве… Юридическая практика должна показать здесь свое значение. Только изучение законов на практике уясняет ряд комбинаций и явлений, коих важность оценивается не прежде, пока значение их не узнается на деле»[2].

В качестве факторов, оказывающих влияние на эффективность уголовного судопроизводства, К. Миттермайер указывал на «политическое, социальное и нравственное состояние народа», т. е. объективные по своему характеру факторы. «В уголовном судопроизводстве более, чем в какой-либо другой части законодательства, обнаруживается недействительность самых лучших формальных постановлений, если они не согласны с нравственным и общественным духом того народа, для которого предназначены, – писал он. – К этому должно присоединяться убеждение всех граждан, что всякий из них обязан способствовать достижению цели и приведению в действие тех учреждений, которые относятся к отправлению правосудия»[3].

В качестве обратного примера, когда определенный уголовно-процессуальный институт был негативно встречен обществом, что послужило препятствием для его эффективной реализации, автор приводил суд присяжных, который и в то время являлся основной формой осуществления правосудия по уголовным делам в Англии, но не стал таковой во Франции и Германии. По этому поводу ученый утверждал, что суд присяжных в том виде, как он ныне существует в Англии, образовался «не вдруг», а предстал «институтом, который

---

[1] Миттермайер К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству. СПб., 1864. 580 с.

[2] Миттермайер К. Ю. А. Указ соч. С. IV.

[3] Там же. С. 105.

всегда был уродован для того, чтобы приспособить его к видам администрации, замыслам партий, требованиям общественного мнения»[1], от чего были избавлены монархии стран континентальной Европы.

Но К. Миттермайер – немец. Как же к рассматриваемой проблематике на рубеже конца XIX – начала XX вв. относилась российская уголовно-процессуальная наука? Предсказуемо степень ее активности в исследовании этих вопросов в сравнении с общетеоретической правовой наукой была гораздо ниже, что вполне объяснимо. Несмотря на солидные историю и багаж сгенерированных знаний, в теоретических аспектах уголовно-процессуальная наука была и остается ведомой по отношению к общей теории права. Пока та или иная правовая концепция не получит признания в качестве одной из базовых научных теорий или, по крайней мере, не оформится в окончательном своем виде, отраслевые науки очень осторожно вводят ее наработки в свои положения. Именно такой, сравнительно новой и во многих аспектах «сырой» была в тот период времени русская социологическая школа права. Соответствующим было и отношение к ней со стороны отраслевых наук: их представители отдавали должное ее положениям, находили в них разумное зерно, однако откровенно основывать свои изыскания на социолого-правовых положениях не спешили.

Вместе с тем в работах некоторых дореволюционных процессуалистов можно встретить высказывания, явно базирующиеся на представлениях сторонников социологической школы о соотношении «писаного» и «реального» права. Так, один из них – Л. Е. Владимиров, отметившийся знаковым сочинением, посвященным уголовно-процессуальным доказательствам и доказыванию по уголовным делам, рассуждая о соотношении «права предначертанного и права воплощенного», писал: «Право нужно изучать и оценивать не в его обнародованном уставе, которым оно для осуществления в жизни *предначертывается*, а в его действительности, в котором оно *воплощается*… Право не есть чисто-интеллектуальное, это не есть только произведение ума…»[2].

---

[1] Владимиров Л. Е. Правовое творчество. М., 1905. С. 169–170.

[2] Владимиров Л. Е. Указ. соч. С. 11.

Причинами расхождения содержания норм права с правовой реальностью он видел исключительно нежелательные субъективные проявления людей, применяющих право, как то: 1) их стремление идти по «линии наименьшего сопротивления со стороны окружающих условий и их пороков» и 2) «корыстные… личные цели», которые преследуют люди при «переводе права предначертанного в воплощенное», вследствие чего происходит видоизменение мысли и воли законодателя «в совсем иное, но полезное для их личных целей»[1].

Схожая проблематика прослеживается и в работах авторов, посвященных пределам и критериям судейского усмотрения при принятии ими решений по уголовным делам.

Известный ученый-процессуалист П. И. Люблинский ситуацию, когда «правила закона дополняются, а порой и видоизменяются» судебной практикой, рассматривал в качестве индикатора несовершенства закона. По мнению автора, она, «приспособляя так или иначе закон к жизни, выполняет важную общественную функцию, данную самою жизнью, ибо кто может поставить свое толкование закона выше того, которое дал суд… правотворческая деятельность при толковании высшего судебного учреждения сдерживается не какими-либо государственными правовыми мерами, а лишь общественным мнением, оказывающим воздействие на правильное направление толкования, подобно тому как оно влияет на справедливое направление законодательства»[2].

Вопрос о пределах судейской воли в принятии решений обострился после Октябрьской революции 1917 г. Самый ранний период становления Советского государства, вплоть до середины 20-х гг. прошлого века, характеризуется достаточно оживленной полемикой о соотношении «революционной законности и революционной целесообразности» в деятельности судьи. Именно в ходе нее была подвергнута критике школа так называемого «свободного права», одним из направлений которого в то время рассматривалось социологическое правовое учение. Причем изначально она не была отвергнута как «классово чуждое»

[1] Люблинский П. И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах. СПб., 1904. С. 12.

[2] Там же. С. 13.

учение. Более того, некоторыми советскими авторами школа «свободного права» рассматривалась как безусловно прогрессивный подход к его пониманию, одна из действенных попыток преодоления противоречий положительного права и социальной реальности.

Например, Л. Успенский, разрабатывая комплекс проблем юридической техники, подверг достаточно жесткой критике традиционный для того времени подход, согласно которому толкующий норму права может применить ее к любому частному случаю жизни, исходя только из самой нормы положительного (т. е. писаного, формального) права, безотносительно взятых вне этой нормы предпосылок ее появления и существования. По мнению Л. Успенского, такой подход к толкованию правового предписания страдает излишним идеализмом и может иметь место только если «полагать систему позитивного права логически замкнутой, утверждать возможность разрешения на основании общего духа закона любого, вновь появившегося случая», при том, что «система положительного права действительно представляет единое целое, проникнутое общим духом». Однако, вполне очевидно, что в реальности все обстоит гораздо сложнее, а поэтому, учитывая, что «всякое положительное право есть всегда результат длительного исторического процесса, который протекал в разные времена и в разных обстоятельствах… законы… не могут иметь один и тот же смысл. Вот почему понятие об общем смысле, или общем духе законов следует признать фикцией»[1].

В то же время вызывали вопросы те критерии, которыми, по мнению сторонников школы «свободного права», должен был пользоваться суд при толковании правовых норм в целях достижения наибольшего эффекта их применения. Они, эти критерии, и были предметом критики советской юридической науки 20-х гг. прошлого века.

В частности, активный отпор в советском правоведении встретило мнение, провозглашавшее абсолютную «свободу творчества» судьи, наиболее видными сторонниками которого были австрийские правоведы Е. Эрлих, Г. Канторович и

[1] Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927. С. 65.

Г. Радбух. Суть его заключалась в «смещении приоритетов от влияния закона к всеобщему или обусловленному судейскому усмотрению»[1]. Например, Е. Эрлих по этому поводу писал: ««Расплывчатое понятие, пробел в праве, через которые новые и плодотворные идеи проникли в действующее право, – это негласное волеизъявление: оно не правовой институт, а целая система новых, ещё борющихся за своё существование правовых норм, не единичная проблема, а конгломерат проблем»[2]. Задача судьи заключается лишь в том, чтобы распознать эти «нарождающиеся» нормы и применить их, хотя бы они и не были отражены в нормах закона. «Юрист, – по Е. Эрлиху, – не создаёт право, он должен его найти… любое решение добавляет кое-что к действующему праву… оно не является лишь подтверждением действующего права, но может стать источником нового права»[3].

Естественно, такая точка зрения, по сути, дающая судье абсолютную свободу, не получила поддержку в научной среде по причине того, что она совершенно стирает грань между законным и беззаконным, нормативным и произвольным. «При таком крайнем выражении идей школы свободного права, – писал Л. Успенский, – совершенно теряется определенность права, а между тем она является основным свойством правового регулирования»[4].

Опасность такого радикального представления о праве суда на свободу толкования закона отмечали и сами сторонники школы свободного права. А. Кауфман писал, что такое «извращение права может вызвать пренебрежение понятийностью и формой закона»[5]. Соответственно, со временем внутри данного правового учения сформировалось несколько научных течений, ставящих перед собой задачу преодолеть сложившее противоречие и сформулировать для правоприменителя хоть какой-то критерий, отталкиваясь от которого, он мог бы дать адекватное толкование формального предписания.

---

[1] Горбань В. С. Правовое учение Йеринга и его интерпретации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 302.

[2] Цит. по: Горбань В. С. Указ. соч. С. 302.

[3] Горбань В. С. Указ. соч. С. 309.

[4] Успенский Л. Указ соч. С. 67.

[5] Цит. по: Горбань В. С. Указ. соч. С. 308.

Одним из них стала социологическая школа права, представители которой призывали судей в толковании права и преодолении его пробелов исходить не из абстрактного отвлеченного смысла правовой нормы, а пользоваться наблюдениями за социальной жизнью, что дало бы судье возможность понять, как право действует в социуме, какой эффект может быть достигнут применением права. Ориентация на это знание, понимание социального результата действия права и есть тот критерий, который правоприменитель должен использовать при осуществлении своей деятельности.

Сторонники другого направления школы свободного права рассматривали право как средство преодоления социальных противоречий. Судья, в их понимании, как субъект применения права, определяя волю законодателя, в каждом конкретном случае должен, во-первых, определить, насколько правовое предписание способно разрешить возникшее противоречие, и, во-вторых, разрешить конфликт между ними, взвешивая интересы спорящих сторон и предвидя возможные результаты удовлетворения интересов той или иной стороны, если, пользуясь правовой нормой, этого сделать невозможно.

Наконец, представители третьей ветви в развитии школы свободного права, основывая свои представления о праве на положениях его естественно-правового понимания, как права неписанного и «надпозитивного», призывали судью в неразрешенной позитивным правом ситуации исходить именно из соображений естественного права, как единственно справедливого права в социуме.

Ни один из трех способов преодоления противоречий позитивного права, разрешения его пробелов и коллизий, предлагавшихся сторонниками школы свободного права, не нашел поддержки в советской правовой науке 1920-х гг. Ее представители пришли, в целом, к единодушному мнению, что каждый из предложенных критериев недостаточно четок, а, следовательно, и неприменим на практике. При этом необходимо признать верной саму логическую посылку, от которой в советской правовой науке того периода предлагалось отталкиваться в разрешении вопроса о критериях толкования закона: «При применении права

следует бояться двух крайностей: 1) мертвой юриспруденции понятий, которая сводит применение права к простому логическому следованию букве закона и не замечает, что закон этот не может собой покрыть всех конкретных случаев многообразной жизни, и 2) отрицания всяких критериев признания свободного и независимого от законодателя права, такого свободного творчества судьи, которое, в конце концов, сотрет грань между произволом и авторитетным судебным решением»[1]. В поиске некоего «третьего пути» и состоит задача юридической науки.

Однако, как его найти? Не секрет, что в первое десятилетие существования советской власти критерии, предлагавшиеся к использованию судами, для устранения пробелов законодательства сами имели не менее абстрактный характер. Так, например, ст. 5 Декрета о суде от 24 ноября 1917 г. прямо устанавливала, что «суды руководствуются в своих решениях и приговорах законами отмененных правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат *революционной совести и революционному правосознанию*». «Революционным», а затем и «социалистическим» правосознанием при разрешении уголовных и гражданских дел предлагали судам пользоваться и более поздние нормативно-правовые акты. Чем же эти нормативные ориентиры принципиально отличаются от того, что провозглашалось на теоретическом уровне сторонниками школы свободного права? Чем «революционное правосознание» как ориентир в правоприменении принципиально отлично, например, от субъективного понимания «естественного права» или «устройства общественной жизни»?

Сознавая очевидные сложности в формулировании конкретного, а, следовательно, практически применимого критерия, который позволил бы судьям восполнять пробелы законодательства, применяя его к правовой ситуации, некоторые авторы предложили просто отказаться от него, сориентировав правоприменителя на неукоснительное исполнение предписаний закона и требований иных нормативных актов. В частности, на таком положении вещей

[1] Успенский Л. Указ. соч. С. 69.

настаивал Н. В. Крыленко[1], а вслед за ним практически все крупнейшие ученые-процессуалисты того периода. Другое дело, что некоторые из них в основе своей позиции имели аргументы скорее идеологического, чем научного толка[2], что в целом никоим образом не влияло на общий итог дискуссии – в сфере уголовно-процессуального регулирования закон стал единственным критерием, позволяющим отделить правовое от неправового.

Как видим, советская уголовно-процессуальная наука, вслед за теорией права, предприняв попытку объяснить закономерности взаимодействия уголовно-процессуального закона с судебно-следственной практикой, и также, столкнувшись с проблемой выявления причин и пределов их расхождения, вернулась на позицию жесткого позитивизма, практически прекратив на несколько десятилетий исследования в области изучения эффективности воздействия уголовно-процессуального права на социальную среду.

В предыдущем параграфе мы уже упоминали о том, что советская правовая наука живо откликнулась на возникший в 60-е гг. XX в. вызов, связанный со все бóльшим расхождением содержания правовых предписаний и правоприменительной практики, сформулировав базовые положения теории эффективности права. Вполне предсказуемо не остались в стороне и отраслевые науки, и уголовно-процессуальная наука в частности.

Уже на этом этапе развития уголовно-процессуальной теории в вопросе изучения правовой эффективности выделились два научных направления.

Первое из них было представлено авторами, сосредоточившими свои усилия на исследовании эффективности уголовного судопроизводства или его отдельных элементов[3].

---

[1] Крыленко Н. В. На рубеже (о правовой реформе в реконструктивный период) // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 43. С. 1332–1334.

[2] См. например: Мокичев К. Против буржуазных влияний в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1949. № 2. С. 8.

[3] См., например: Каминская В. И. Теоретические проблемы социальной обусловленности и эффективности уголовного правосудия // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 53–68 ; Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 181–189 ; Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / отв. ред. В. Н. Кудрявцев… ;

Второе – теми исследователями, которые предпринимали попытки установления эффективности уголовно-процессуального права или уголовно-процессуального закона[1]. При этом, характеризуя его методологические основы, нужно учитывать, что советской уголовно-процессуальной науке в целом было присуще отождествлять уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальное право, а поэтому объектом этих исследований на самом дел являлось одно и то же явление[2]. Сообразно этому сторонники изучения эффективности уголовно-процессуального закона (уголовно-процессуального права) разрешали и проблему методики такого исследования, вполне допуская ее онтологический вариант: раз у нормы уголовно-процессуального права есть некие «неотъемлемые свойства», с наличием которых непременно связывается ее эффективность, то и эффективность уголовно-процессуальной нормы вполне может быть априорной, «существовать» вне ее действия.

Иллюстрацией этого тезиса может быть высказывание А. Д. Бойкова, который все условия эффективности уголовно-процессуального права сводил к формальному соответствию уголовно-процессуальных норм «целям судопроизводства и принципам уголовного процесса, отражающим как правовую идеологию, так и нравственные представления общества; обеспеченность норм гарантиями их реального исполнения; реальная исполнимость правовых предписаний; непротиворечивость отдельных норм и всей системы процессуального законодательства»[3].

Петрухин И. Л. Понятие оптимальности и эффективности правосудия // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1980. Вып. 6. С. 126–134 ; Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. 136 с. ; Пашкевич П. Ф. Указ. соч., и др.

[1] См., например: Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 163–180 ; Чулюкин Л. Д. Эффективность уголовно-процессуальных норм и методика ее изучения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1977. 16 с. ; Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В. М. Савицкий. М., 1979. 320 с., и др.

[2] Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности… С. 178.

[3] Бойков А. Д. Указ. соч. С. 163

Такое представление о содержании эффективности уголовно-процессуального права не встретило принципиальных возражений в науке. Некоторые авторы, правда, предлагали называть указанные А. Д. Бойковым условия эффективности «не внешними факторами эффективности права, но ее атрибутами, неотъемлемыми свойствами, без которых эффективность права не может ни существовать, ни мыслиться»[1], что не меняло смысла высказанной точки зрения.

Более того, в глазах некоторых исследователей такой подход в изучении эффективности уголовно-процессуальной нормы обладал неоспоримым преимуществом перед феноменологическим подходом. Так, А. М. Ларин писал: «Возможности феноменологического подхода в известном отношении ограничены. По своей сути этот подход применим лишь к закону, находящемуся в действии. Однако определение эффективности закона через практику его применения, через «пробы и ошибки» – путь не оптимальный. Недостатки действующего и изучаемого закона, пока они не устранены, снижают эффект правоприменения. Очевидно, гораздо лучше предупредить такие недостатки еще при подготовке и обсуждении законопроекта. В этой стадии первостепенное значение приобретает онтологический подход, основанный на знании общих закономерностей построения, функционирования и развития закона»[2].

Несколько противоречивое мнение о методе исследования эффективности уголовно-процессуального права высказывал З. З. Зинатуллин, который, изучая эффективность института уголовно-процессуального принуждения, указывал, что, с одной стороны, «она заключается… в ее собственных, внутренних качественных свойствах, вне которых… вещь… есть ничто». С другой же, далее он писал, что «эффективность правовой нормы не может рассматриваться изолированно от конкретных социальных условий ее действия (жизни)»[3].

---

[1] Бойков А. Д. Указ. соч. С. 178.

[2] Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности… С. 184.

[3] Зинатуллин З. З. Указ. соч. С. 21.

Избранная тем или иным исследователем методика установления уголовно-процессуальной эффективности определяла не только то, эффективность чего именно подвергалось изучению, но и критерии эффективности.

Если следовать логике онтологического подхода, единственным критерием эффективности уголовно-процессуального закона необходимо рассматривать степень того, в какой он «отражает интересы общественного развития, соответствует материальным и духовным запросам общества и может служить орудием организации общественных отношений сообразно целям законодателя», без учета средств достижения цели правовой нормы[1]. А. М. Ларин для обозначения степени эффективности уголовно-процессуального закона предлагал ввести в научный обиход специальный термин – «мера эффективности», отражающий соответствие системы уголовно-процессуального законодательства и отдельных его элементов этим критериям на определенном этапе его развития[2].

Приверженцы феноменологического метода изучения уголовно-процессуальной эффективности предлагали опираться на другие ее критерии. Признавая эффективность уголовного судопроизводства как производное от результатов уголовно-процессуальной деятельности, они в качестве таковых рассматривали их соотношение с целями (задачами) уголовного судопроизводства. Вполне естественно, что такой подход ставил вопрос об учете оптимальности средств, затраченных на достижение данной цели и их включении в число обязательных критериев эффективности уголовного судопроизводства.

Так, противником их включения в число критериев эффективности уголовного судопроизводства был И. Л. Петрухин, который, как представляется, совершенно обоснованно писал по этому поводу следующее: «Разумеется, эффективными или неэффективными могут быть и средства достижения целей. Но применяя понятие эффективности в этом смысле, мы неизбежно смещаем угол зрения, опускаемся в своем анализе на уровень подсистем (забывая, что объект

---

[1] Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Указ. соч. С. 177–178.
[2] Там же. С. 178.

исследования – система в целом) и при этом от финального (целевого) подхода незаметно переходим к организационно-техническому»[1]. Проще говоря, автор повторил вывод, сделанный противниками такого подхода в теории права: средства достижения целей права – это не сама его эффективность, а скорее необходимое условие ее достижения.

В целом соглашаясь с высказанным И. Л. Петрухиным мнением, тем не менее, считаем возможным возразить автору в том, что средства достижения целей права могут быть «эффективными или неэффективными». Думается, правильнее было бы говорить об их оптимальности, нежели чем об эффективности. Любое правовое средство (норма права, право, отрасль права), которое позволяет достичь цели правового воздействия априори эффективно, и оценка затрат, сопряженных с его использованием, может говорить лишь об оптимальности этого средства.

При этом минимизация затрат, т. е. фронтальная оценка трат материальных, организационных, моральных и др. ресурсов по типу «чем меньше – тем эффективнее», абсолютно неприемлема для оценки оптимальности средств достижения цели уголовно-процессуального регулирования. На это неоднократно указывали многие исследователи, и, в том числе, сам И. Л. Петрухин[2]. Более того, автор считал, что увеличение до известных пределов тех же материальных трат на правосудие является одним из средств повышения его эффективности. Так, по этому поводу он писал: «Правосудие по уголовным делам… не ставит своей задачей получение максимальной прибыли, обеспечение рентабельности предприятий, снижение себестоимости, увеличение валового продукта, рост национального дохода… Отсюда вытекает недопустимость характеристики эффективности правосудия по уголовным делам и всей системы уголовной юстиции через показатели снижения затрат на эти виды государственной деятельности»[3].

---

[1] Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 132.
[2] Там же. С. 131.
[3] Там же. С. 131.

Одним из сторонников учета средств достижения целей уголовного судопроизводства при определении его эффективности в советской науке уголовного процесса был П. Ф. Пашкевич[1]. В частности, он писал, что «единая сложная форма судопроизводства по всем делам от самого запутанного о каком-либо тяжком злодеянии до самого простого и малозначительного не способствует экономному и эффективному применению процессуальных средств»[2]. И далее: «…Сложная форма судопроизводства для простых дел никакой пользы не приносит и никаких гарантий для правильного отправления правосудия не дает… Она не обеспечивает эффективного применения уголовного закона»[3].

Рассуждения П. Ф. Пашкевича были по-разному встречены научным сообществом. Причем это касалось даже не сути его конкретных предложений по совершенствованию порядка уголовного судопроизводства, на которых мы останавливаться не будем. Неоднозначно наука отнеслась к самому подходу, использованному П. Ф. Пашкевичем, который эффективность уголовного судопроизводства поставил в прямую зависимость от используемых средств досудебного предварительного производства по уголовному делу. В частности, автору прямо было указано на недопустимость такого «бухгалтерского» подхода к вопросу эффективности уголовного судопроизводства[4]. Его смысл заключался в том, что автор формулировал выводы об эффективности того или иного процессуального института и досудебного производства по уголовному делу, в целом опираясь на определенный массив эмпирической информации. Приведя ряд примеров из следственной практики, когда следователи по «простым делам» затягивали досудебное производство по уголовному делу, П. Ф. Пашкевич сделал вывод о неэффективности современного ему предварительного расследования по уголовным делам и необходимости упрощения его формы.

---

[1] Пашкевич П. Ф. О процессуальной экономии в досудебных стадиях советского уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1974. Вып. 1. С. 162–173.

[2] Там же. С. 162.

[3] Там же. С. 167.

[4] Дискуссия (по докладу П. Ф. Пашкевича о проблемах процессуальной экономии в советском уголовном процессе) // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1974. Вып. 1. С. 260–265.

Именно это было подвергнуто достаточно жесткой критике со стороны приверженцев онтологического подхода в изучении эффективности. Так, например, А. М. Ларин ставил в упрек П. Ф. Пашкевичу принципиальную невозможность получения данных об эффективности права исключительно на основе эмпирических данных, неучет им многочисленных сопутствующих производству по делу факторов, снижающих эффективность, которые имеют организационно-технический характер (загруженность сотрудников органов предварительного расследования, недостатки организации труда, нарушения служебной дисциплины)[1].

Сторонники феноменологического подхода, наоборот, значительное внимание уделяли методикам сбора и оценки эмпирического материала, отражающего, по их мнению, результаты воздействия уголовно-процессуальных норм на общественные отношения, что в системе их представлений о правовой эффективности выглядит вполне естественным[2]. В исследовании, проведенном Т. Г. Морщаковой и И. Л. Петрухиным, которое было посвящено оценке качества судебного разбирательства уголовных дел, которое, безусловно, коррелирует с эффективностью уголовного судопроизводства, с одной стороны, говорилось: «Изучение эффективности правосудия в конечном счете всегда связано с характеристикой степени достижения стоящих перед правосудием целей, т. е. предполагает статистическое исследование уровня данного вида деятельности в целом или отдельных ее этапов по достаточно большому количеству дел»[3]. С другой же, авторы работы признавали, что только статистическими показателями оценить качество работы суда нельзя, поэтому исследовали возможность вовлечения в этот процесс анкетного метода,

---

[1] Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности… С. 184.

[2] См., например: Каминская В. И. Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона (очерк первый) // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1968. Вып. 7. С. 3–21 ; Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам). М., 1987. 240 с.

[3] Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 5.

получившего широкое распространение в последующие годы, метода шкалирования, метода экспертных оценок[1].

Особый интерес представляют рассуждения авторов по поводу анализа судебной практики, как средства оценки качества судебного разбирательства. Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин предлагали учитывать некоторые «вводные» при его осуществлении – условия, вне учета которых оценка качества судебного разбирательства представлялась им бессмысленной. В частности, делая вывод о качестве судебной деятельности, обязательному учету, по их мнению, должны подлежать: 1) то, как полно участникам судебного разбирательства обеспечивалось использование их процессуальных прав; 2) ориентация самого суда на «извлечение возможно большей пользы из деятельности различных участников судопроизводства для обеспечения качества рассмотрения и разрешения дел»; 3) готовность самих судов предоставить активную роль участникам судопроизводства в судебном разбирательстве[2].

Отметим, что авторы в приведенной цитате ведут речь именно о тех «неуловимых» факторах, которые сопутствуют уголовно-процессуальной деятельности, влияя на ее эффективность, при том, что их выражение в конкретных показателях весьма затруднительно. Однако и не учитывать их невозможно, иначе картина действенности уголовно-процессуального права, построенная на статистике, анкетировании и экспертном мнении, получится далекой от истинного положения вещей. И в этом мы не можем не согласиться с Т. Г. Морщаковой и И. Л. Петрухиным.

Попытку изучения подобного рода факторов, однако уже применительно ко всему уголовному судопроизводству, предпринял на «излете» существования Советского государства В. Т. Томин[3]. Анализируя в первую очередь социальные и организационные причины неэффективности уголовного судопроизводства, автор

---

[1] Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 138–237.

[2] Там же. С. 49–50.

[3] Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства // Томин В. Т. Избранные труды. СПб., 2004. С. 179–306.

писал о пяти блоках проблем, названных им «противоречиями уголовного судопроизводства», а именно:

– о противоречии между потребностями общества в обеспечении социальной справедливости и возможностями правоохранительной системы;

– о противоречии между задачей обеспечить неотвратимость ответственности лиц, совершивших преступления (цель), и обязанностью блюсти законные интересы лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство;

– о противоречии между предназначенностью уголовного судопроизводства для проведения государственной политики и необходимостью обеспечить независимость следователей, прокуроров, судей от других государственных и общественных органов;

– о противоречии между необходимостью в специальных людях, осуществляющих эту деятельность, и предубежденностью против них;

– о противоречии между нуждой в преобразованиях уголовного судопроизводства и консерватизмом этой системы как необходимым условием ее устойчивости[1].

Оценивая исследование В. Т. Томина, вышедшее в год распада СССР – в 1991 г., можно констатировать, что оно подвело своего рода черту под определенным этапом в развитии теории эффективности в уголовном процессе. Такой вывод следует хотя бы из того, что автор первым из советских процессуалистов предположил, что уголовное судопроизводство, будучи, согласно господствовавшему в то время представлению о социальной сущности права как средстве социального управления, управляющей системой, не только само управляет, но и подвергается воздействию со стороны управляемой системы, что является мощнейшим фактором, влияющим на эффективность уголовного судопроизводства. Соответственно, повышение эффективности уголовного судопроизводства может происходить не только за счет его внутренних ресурсов. Во многом его эффективность находится в прямой зависимости от внешних

[1] Томин В. Т. Указ. соч. С. 191.

условий, в которых приходится функционировать этой системе. Такой подход ранее был озвучен в общеправовых теоретических разработках[1], однако в работах по теории уголовного процесса прозвучал впервые.

Революционным, безотносительно периода развития науки уголовного процесса, выглядит и утверждение В. Т. Томина о том, что «правовые нормы – это еще не все право (как регулятор деятельности). Право – это еще и процесс и детерминанты применения правовых норм, это еще ведомственный инструктивный и нормативный материал, право – это еще и правосознание и даже квалификация персонала»[2]. По сути, автор прямо встал на позицию, близкую к пониманию права в его социологической интерпретации, что было не характерно не только для советской уголовно-процессуальной теории, но и общей теории права в целом, что для того периода времени, когда был издан данный труд, вполне объяснимо. Правовой позитивизм основан на стабильной социальной ситуации, тогда как «в периоды предельного обострения общественных противоречий… устаревшие нормы права выступают тормозом для дальнейшего прогрессивного развития в рамках существующей системы общественных отношений и для изменения самой этой системы»[3].

Кардинальные изменения 1990-х гг., приведшие к слому действовавшего социального уклада, повлекли за собой и изменения государственного устройства и правопорядка, что предсказуемо вынудило приостановить исследования в области эффективности права: теории права и отраслевым наукам требовалось время для накопления эмпирического материала. Вновь принятые нормы всех уровней должны были показать себя в действии, прежде чем исследователи возобновили изучение этой тематики.

Новый виток дискуссии об этих проблемах стартовал в начале XXI в. Анализ содержания уголовно-процессуальных исследований последних двух десятилетии обнаруживает наличие целого ряда разработок, посвященных уголовно-процессуальным аспектам эффективности, что в первую очередь

---

[1] См., например: Дюрягин И. Я. Указ. соч. С. 37–52.

[2] Томин В. Т. Указ. соч. С. 234.

[3] Смирнова И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 4.

связано с принятием и вступлением в действие нового УПК РФ 2001 г. В связи с рассматриваемой проблематикой можно отметить как более ранние исследования Ю. В. Деришева, В. В. Николюка[1], И. В. Губенка[2], так и сравнительно недавние работы Е. П. Остапенко[3], А. Ю. Астафьева[4], В. Т. Томина, М. П. Полякова, А. П. Попова[5]. В последние годы продолжает развивать тему эффективности в уголовном процессе О. И. Даровских[6]. И это только специальные работы диссертационного или монографического уровня.

Кроме них, вопросы эффективности в контексте исследования иных уголовно-процессуальных проблем поднимались С. В. Бажановым[7], Е. Г. Васильевой[8], Б. Я. Гавриловым[9], А. Д. Назаровым[10], М. П. Поляковым[11],

---

1 Деришев Ю. В., Николюк В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография. Красноярск, 2003. 198 с.

[2] Губенок И. В. Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права (проблемы теории и практики) : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 211 с.

[3] Остапенко Е. П. Процессуальная деятельность судьи как фактор повышения эффективности правосудия по уголовным делам : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 232 с.

[4] Астафьев А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. 237 с.

[5] Томин В. Т. Очерки теории эффективного уголовного процесса : монография. М. ; Берлин, 2015. 164 с.

[6] Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 538 с.

[7] Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 588 с.

[8] Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М., 2013. 584 с.

[9] Гаврилов Б. Я. О проблемах эффективности уголовно-процессуального законодательства: мнение ученого и позиция следователя // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: сборник трудов конференции. М., 2021. С. 78–83 ; Гаврилов Б. Я. Роль эффективности уголовного процесса в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства: современное состояние и меры по совершенствованию // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход : материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 19–26.

[10] Назаров А. Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины : монография. М., 2014. 248 с.

[11] Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография. Н. Новгород, 2011. 152 с.

И. Г. Смирновой[1], Ю. В. Францифоровым[2], К. Ю. Хамуллиным[3] и другими авторами.

Указанные обстоятельства определенно свидетельствуют, что в рамках уголовно-процессуальной науки сформировалось полноценное теоретическое направление – отраслевое учение об эффективности уголовно-процессуального права и отдельных его элементов[4].

Чем же может быть охарактеризована уголовно-процессуальная теория в этой части на современном этапе ее развития?

Во-первых, сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что в настоящее время ученые-процессуалисты отдают явное предпочтение феноменологическим исследованиям, изучая эффективность различных видов процессуальной деятельности. Это отличает современные работы от тех же разработок позднего советского периода, среди которых многие были, по сути, онтологическими исследованиями, посвященными изучению эффективности уголовно-процессуального закона в его статике. Однако на определенном этапе в науке стало преобладать мнение, что такой подход не способен дать какое-либо представление о реальной эффективности уголовно-процессуального закона, так как сам по себе закон не может быть эффективным или неэффективным. Показать эффективность может исключительно практика его применения, воплощенная в уголовно-процессуальной деятельности. Распространение феноменологических исследований в уголовно-процессуальной теории стало отражением этой тенденции.

При этом уголовно-процессуальный закон по-прежнему остается предметом научных исследований, однако сейчас он изучается преимущественно

---

[1] Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2012. 52 с.

[2] Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 569 с.

[3] Хамуллин К. Ю. Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 221 с.

[4] Диваев А. Б. Проблема правовой эффективности в уголовно-процессуальной науке : история вопроса и формирование научного направления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 3 (78). С. 71–78.

с позиции его оптимальности (оптимизации), как средство достижения эффективности уголовного судопроизводства, что можно считать *второй* характерной чертой современных исследований по теории уголовно-процессуальной эффективности. Ее иллюстрацией является высказывание Д. В. Богатского: «…Оптимизировать можно нормы УПК РФ, а термин "эффективность" применим к проблеме ее повышения относительно уголовно-процессуальной деятельности органов уголовной юстиции»[1].

Сам по себе вопрос о соотношении категорий «эффективность» и «оптимальность» исследовался еще советской правовой наукой. Суть проблемы очевидна – это достаточно близкие по смыслу категории, и разграничение их логического содержания является необходимым условием понимания существа каждой из них. В частности, некоторые советские исследователи предлагали рассматривать эффективность, наряду с полезностью и экономичностью, в качестве одного из элементов оптимальности[2].

Эта точка зрения получила некоторое распространение и в современной уголовно-процессуальной науке. Например, о подчиненном характере категории «эффективность» по отношению к категории «оптимальность» применительно к досудебному производству писали Ю. В. Деришев и В. В. Николюк[3]. При этом авторы исследования предлагали отказаться от таких критериев, как «полезность» и «экономичность», при оценке оптимальности досудебного производства, которые, по их мнению, могли бы быть «поняты несколько превратно»[4], по сути, отождествив оптимальность и эффективность досудебного производства.

Несмотря на то, что проблема соотношения эффективности и оптимальности в уголовном процессе до сих пор не получила однозначной трактовки, отказ от онтологического понимания эффективности в уголовном

---

[1] Богатский Д. В. Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства РФ как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 13.

[2] Самощенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1971. Вып. 25. С. 17.

3 Деришев Ю. В., Николюк В. В. Указ. соч. С. 18.

[4] Там же. С. 18.

процессе и перенос «центра тяжести» в изучении уголовно-процессуального закона в плоскость его оптимизации следует считать логически оправданным. Изучать эффективность уголовно-процессуальной деятельности онтологически, т. е. в статике, невозможно хотя бы с точки зрения присущих ей «внутренних» свойств. На это обратил внимание еще В. Н. Кудрявцев, который, критикуя этот подход к пониманию эффективности права, прямо писал: «Вместо того, чтобы исследовать общественные процессы, вызывающие необходимость правового регулирования, определять наиболее эффективные пути и формы этого регулирования, изучать практические результаты принятия того или иного закона, многие юристы ограничиваются догматическим анализом понятий, поверхностным комментаторством»[1].

Деятельность – категория, отражающая динамику тех или иных процессов, что необходимо подразумевает ее целенаправленность и результативность. Отсюда вывод: изучение эффективности деятельности того или иного вида возможно исключительно с позиции оценки соответствия результатов, достигнутых при осуществлении этой деятельности, той цели, которая была перед ней поставлена. В этой связи совершенно не случайным выглядит то обстоятельство, что проблемы эффективности уголовного судопроизводства разрабатываются, в первую очередь, исследователями, занимающимися вопросами цели и целеполагания в уголовном процессе, а также его социальной природой, в чем и проявляется деятельностный подход в изучении эффективности уголовно-процессуального воздействия. Цель – это и результат, и причина уголовно-процессуального воздействия. Вполне естественно, что их познание затрагивает проблему того, насколько оно эффективно, способно ли это воздействие реализовать поставленную перед ним цель. Так, В. Т. Томин в свое время определял эффективность уголовного судопроизводства как «достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при

[1] Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок… М., 1975. Ч. 1. С. 5.

минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство»[1].

Вторила ему И. Б. Михайловская, в круг научных интересов которой входил в том числе и вопрос о социальной обусловленности уголовно-процессуальной формы. Рассматривая проблему ее эффективности, она пришла к следующему выводу: «…Даже в тех случаях, когда законодатель нормативно формулирует цель (задачи, социальное назначение) уголовного судопроизводства, возникает необходимость ее соотнесения с нормативно же закрепленным средством достижения желаемого результата»[2].

Можно отметить в этой связи и исследование И. Г. Смирновой, которая, изучая социально-ценностные (аксиологические) характеристики уголовного судопроизводства неминуемо столкнулась с проблемами его эффективности. Более того, «неэффективность уголовного судопроизводства» указана автором в качестве ее основного мотива познания уголовного судопроизводства со столь необычного ракурса. По этому поводу И. Г. Смирнова совершенно справедливо пишет: «…Пока мы не определимся с сущностными, аксиологическими составляющими права, не найдем его оптимальное ценностное выражение в целях правового регулирования, не определим критерии социальной ценности, их индикаторы и механизмы защиты, все предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства могут оказаться неэффективными, нерезультативными»[3].

Третьей чертой современных работ по теории эффективности в уголовном процессе можно назвать их сосредоточение на проблемах эффективности правосудия по уголовным делам, с некоторых пор ставших вновь пользоваться достаточно большой популярностью среди исследователей.

Настоящий пик интереса данная тематика пережила в 70-х – 80-х гг. прошлого века еще в советской уголовно-процессуальной науке. Отражением

---

[1] Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса… С. 17.

[2] Там же. С. 27.

[3] Смирнова И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства… С. 5.

этого в первую очередь стали исследования В. Н. Кудрявцева, Т. Г. Морщаковой и И. Л. Петрухина.

Впоследствии интерес к этим проблемам несколько поутих. Однако в настоящее время вопросы эффективности правосудия снова находятся в фокусе внимания научной общественности. Немаловажное значение в этом сыграл тот факт, что проблема «обеспечения эффективной деятельности судебной власти» была озвучена на нормативном уровне в утвержденной постановлением Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг.

Используется термин «эффективность» применительно к отправлению правосудия по уголовным делам и в более поздних программных документах, например, в утвержденной постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы».

Постоянно об эффективности различных аспектов судебной деятельности в уголовном процессе идет речь и в итоговых документах Всероссийского съезда судей РФ. Так, в постановлении IX Съезда «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития» от 08.12.2016 упоминается об «эффективности и качестве правосудия», «эффективности построения системы защиты прав и интересов граждан и организаций», «эффективности механизмов судебной власти».

Не является исключением и постановление, вынесенное по итогам очередного, последнего на момент проведения данного исследования X Съезда судей, в котором «повышение качества, оперативности и *эффективности правосудия*, доверия гражданского общества к суду» заявлено в качестве приоритетной задачи судебной системы РФ.

В последнее время термин «эффективность» был включен законодателем и в формулировки норм, изложенных в УПК РФ. В качестве примеров таких нормативных установлений можно привести положения частей 3, 3^1, 3^3 статьи 6^1,

УПК РФ, в которых упоминается об «*эффективности* действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела».

И, наконец, *четвертой* отличительной чертой современного этапа развития теории эффективности в уголовно-процессуальной науке является ее явная «антропоцентричность». Такой подход к проблеме эффективности уголовного судопроизводства, несомненно, связан с введением в действие положений ст. 6 УПК РФ, которая, несмотря на все свои недостатки, оказала существенное влияние на формирование мировоззрения многих современных исследователей[1].

§ 3. Эффективность уголовно-процессуального воздействия и методика ее оценки

Уголовно-процессуальная теория продолжает заниматься вопросами эффективности и по-прежнему сталкивается в этом с определенными сложностями. Так, до сих пор не очевидны ответы на базовые вопросы теории эффективности в уголовном процессе: что такое «эффективность» и эффективность чего именно познается в контексте этих исследований; как, в статике или динамике, нужно исследовать эти явления; какова методика этих исследований; какими критериями нужно пользоваться для установления эффективности и сколько их; как соотносится эффективность с близко расположенными категориями, и, прежде всего, оптимальностью? Каждый из

[1] См., например: Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. … д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991. 269 с. ; Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 27–42 ; Лупинская: П. А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2008. № 2. С. 277–298 ; Воскобитова Л. А. Назначение, цели и задачи современного уголовного судопроизводства: проблемы понимания // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений : материалы межвуз. науч.-практ. конференции. М., 2009. Ч. 1. С. 56–66 ; Лантух Н. В. Уголовный процесс (уголовное судопроизводство): понятие, сущность и назначение : лекция // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 10. С. 160, и др.

этих вопросов носит, без преувеличения, определяющий характер, и получение если не окончательного ответа на них, то хотя бы «технологии» их разрешения, в виде совокупности неких концептуальных основополагающих положений, опираясь на которые можно было бы оценивать уголовно-процессуальную эффективность, думается, способно значительно облегчить жизнь как законодателю, так и правоприменителю.

Анализ научных исследований в сфере уголовно-процессуальной эффективности натолкнул нас на один, как представляется, крайне немаловажный вывод. Общим недостатком практически всех работ по этой проблематике явился тот факт, что их авторы в своих исследованиях редко обращались к базовым положениям других наук, «причастных» к разработке основ теории эффективности, следствием чего явился несколько поверхностный характер выводов, сформулированных в них.

Примером такого «процессуально-центричного» подхода является определение «эффективного правосудия», данное И. В. Губенком. По мнению автора, таковым может считаться «рассмотрение и разрешение судом отнесенных к его компетенции споров в установленной законом процессуальной процедуре, с соблюдением процессуальных сроков, основанное на правильном установлении достоверности фактов и в точном применении к ним закона, в том числе международных норм права и правил, отвечающих принципам справедливости, равенства, законности и обеспечивающее реальную защиту нарушенных прав и законных интересов лица, обратившегося в суд»[1].

Даже беглый взгляд на данное определение ставит вопрос о границах, отделяющих эффективное правосудие от критериев его законности. Если следовать логике автора, любое правосудие, основанное на положениях закона и осуществляемое в соответствии с процедурой, априори эффективно. Однако это не так. Соблюдение процедуры вовсе не гарантирует эффективности деятельности, так как процедура – не самоцель, а поэтому эффективность воплощается не в самой деятельности, а ее результате.

---

[1] Губенок И. В. Указ. соч. С. 59.

Вызывает вопросы и такой критерий эффективности правосудия, как способность «реальной защиты нарушенных прав и законных интересов». Для нас он как минимум спорен по причине своей неопределенности. Что значит «реальная» защита и чем она отличается от «нереальной» защиты? Ответа на этот вопрос И. В. Губенок также не дает. Более того, тот концепт, который положен в основу этой работы, не способен дать ответа на этот вопрос.

Ставит во главу угла соблюдение требований «процедурности» как критерия эффективности уголовного судопроизводства в своем недавнем исследовании и О. И. Даровских. Автор указывает, что «…в уголовно-процессуальной деятельности важна не только цель, но и процедура, в соответствии с которой деятельность осуществляется и цель достигается[1]. Следуя этой логике, она выделяет такие критерии эффективного уголовного судопроизводства, как своевременность, качественность, соответствие требованиям справедливости, достаточности, объективности, законности и доступности, экономичности и результативности[2].

В сравнении мнений И. В. Губенка и О. И. Даровских позиция последней выглядит более обоснованной, однако и она вызывает некоторые вопросы. Чтобы быть критерием чего-либо, т. е. «определяющей мыслью, точкой зрения, представляющейся мерилом для определения оценки предмета, явления, подтверждающей достоверность знаний»[3], то или иное явление должно являться неким эталоном, бесспорной или, по крайней мере, общепризнанной мерой. Однако критерии эффективного уголовного судопроизводства, предложенные О. И. Даровских и, безусловно, заслуживающие в этом качестве внимания, вряд ли могут рассматриваться в качестве критерия эффективности, так как каждый из них сам по себе требует критерия своей истинности, являясь оценочной субъективной категорией. Как, например, использовать в качестве критерия эффективности такой признак уголовно-процессуальной деятельности, как

---

[1] Даровских О. И. Указ. соч. С. 72–73.

[2] Там же. С. 73.

[3] Игнатюк И. Л. Историко-культурологическое осмысление понятия «критерий» // Вестник КемГУ. 2011. № 3 (11). С. 217.

своевременность? Чтобы понять, является ли уголовное судопроизводство своевременным, необходимы критерии своевременности, т. е. своего рода «критерии критериев», что и не позволяет считать своевременность самостоятельным критерием эффективности.

Те трудности, которые возникают при исследовании такой «неуловимой» материи, коей является эффективность права, как представляется, можно только посредством проведения комплексного изучения этой проблематики, с привлечением не только общеправовых и отраслевых, в данном случае – уголовно-процессуальных, знаний, но и положений других сфер научного познания, таких как теория управления, социология и экономика. Именно там разработаны базовые категории теории эффективности: «цель», «операция» и «система», а также закономерности их взаимодействия в процессе эффективного функционирования различных, и в том числе социальных, систем, к числу которых относится уголовно-процессуальное право.

Однако, прежде чем приступить к формулированию базовых положений теории эффективности в уголовном процессе, необходимо дать ответ на ряд принципиальных вопросов.

Первый из них: что должно подлежать изучению в контексте исследования эффективности – сама норма уголовно-процессуального права (или его институт) или ее действие?

Напомним, что с этой точки зрения в теории права имеются два подхода – онтологический и феноменологический. Сторонники первого из них считают возможным изучать потенциальную эффективность уголовно-процессуальной нормы вне рассмотрения того, как она реализуется в общественной жизни, что, по нашему мнению, нельзя считать оценкой эффективности, которая неразрывно связана с результатами действия нормы. Процесс изучения уголовно-процессуальных норм в статике, до того как они оказали влияние на общественные отношения, необходимо рассматривать как процесс прогнозирования возможных последствий действия правового предписания.

Однако является ли «прогнозируемая эффективность» реальной эффективностью? Очевидно, что нет.

При этом, во избежание недопонимания, сразу оговоримся, что мы не против юридического прогнозирования в целом и прогнозирования эффективности действия норм (институтов) уголовно-процессуального права, в частности. Это необходимое средство обеспечения эффективности уголовно-процессуального воздействия: нормы уголовно-процессуального права, введенные в действие вне прогнозирования результатов ее потенциального воздействия на общественную жизнь, имеют гораздо меньше шансов на успешную реализацию. Мы настаиваем на другом: эффективность норм уголовно-процессуального права не может быть установлена вне результатов их действия, не может быть изначально эффективных и неэффективных норм (институтов) уголовно-процессуального права.

Соответственно, исследовать эффективность уголовно-процессуального права на любом уровне (и с точки зрения оценки эффективности конкретной его нормы или института, и при изучении эффективности целой его отрасли) можно исключительно с позиции изучения «права в действии», ориентируясь на полученные результаты уголовно-процессуального воздействия, а феноменологический подход в этом случае является единственно возможным.

Второй вопрос, ответ на который имеет принципиальное значение для данного исследования, одновременно являет собой другой аспект проблемы объекта исследования эффективности или неэффективности. Логика феноменологического подхода предполагает ее изучение через призму оценки результатов действия норм уголовно-процессуального права. Однако что под этим подразумевается? *Результаты чего должны быть взяты за основу при установлении эффективности правового предписания?*

Если охарактеризовать вектор развития уголовно-процессуальной науки по проблеме эффективности, то нельзя не отметить явного превалирования исследований, посвященных изучению эффективности *уголовно-процессуального регулирования*. Другими словами, оценивая эффективность уголовно-

процессуального права, ученые-правоведы призывают изучать то, как оно осуществляет свою регулятивную функцию. В целом мы не отрицаем такого подхода, однако, по нашему мнению, он нуждается в существенной корректировке в силу своего весьма ограниченного характера. О чем идет речь?

Во-первых, оценивая эффективность, нужно учитывать, что уголовно-процессуальное право не только регулирует уголовно-процессуальные отношения, но и охраняет их (о чем подробно речь пойдет ниже), и сосредоточение усилий исключительно на исследовании эффективности уголовно-процессуального регулирования оставляет за границами познания то, как оно осуществляет свою охранительную функцию. Соответственно, оценивая эффективность специально-юридического воздействия уголовно-процессуального права на его отраслевой предмет, необходимо учитывать все формы такого его воздействия.

Однако и это представляется не достаточным. А поэтому, во-вторых, оценивая эффективность, необходимо исходить из того, что уголовно-процессуальное право – универсальное социальное средство, способное оказывать не только специально-юридическое, но и иное воздействие, как на общество в целом, так и на отдельных его представителей[1]. Но такое воздействие никак не может быть учтено, если оценивать эффективность лишь с позиции того, как уголовно-процессуальное право воздействует на свой отраслевой предмет. Формально уголовно-процессуальная норма может выглядеть достаточно эффективной и, допустим, реализовывать ту регулятивную (или охранительную) правовую цель, которая была заложена в ее содержание законодателем. Однако, как оценить эффективность нормы, которая одновременно с этим негативно воздействует на общество в целом, провоцирует социальные конфликты, буквально «стравливая» социальные группы? Эффективна ли она с точки зрения социума в целом? Думается, что ответ очевиден: будучи вполне эффективной

[1] См. подробнее: Диваев А. Б. Механизм уголовно-процессуального социального воздействия // Общество и право. 2020. № 3 (73). С. 26–32.

формально-юридически, она не только неэффективна, но и вредна для общественного развития.

Если подвергнуть изучению только то, насколько эффективно специально-юридическое воздействие уголовно-процессуального права на его отраслевой предмет, эта негативная сторона его «работы» остается за пределами внимания исследователя и не позволяет познать его реальную эффективность. Исследователь, находящийся в этой парадигме, сознательно лишает себя возможности изучить то, насколько право общественно полезно. Безусловно, изучение эффективности специально-юридических форм правового воздействия – это важный аспект познания эффективности права. Однако нужно понимать, что право должно не только формально претворяться в жизнь, но и оказывать благоприятное общесоциальное воздействие, развивать общественные отношения, предохранять общество от внутренних конфликтов. Если же право «работает», но не приносит при этом общественной пользы или вовсе оказывает негативное общесоциальное воздействие, такое право эффективно лишь с формальной точки зрения, но на самом деле – общественно вредно.

Следовательно, изучая эффективность уголовно-процессуального воздействия, мы должны исходить из того, что оно *не ограничивается специально-юридическими формами*. Помимо них, уголовно-процессуальное право как универсальное социальное средство оказывает воздействие на всю систему отношений, сложившихся в социуме. Мы назвали такое воздействие *общесоциальным правовым воздействием,* отличающимся от его специально-юридических форм: 1) опосредованным характером и 2) адресатом, которым является не конкретный субъект уголовно-процессуального права, а определенные социальные группы и даже общество в целом, т. е. субъекты социальной жизни или социальные факторы[1].

Преимущества комплексного подхода к изучению эффективности, когда изучаются и специально-юридические, и общесоциальные формы уголовно-процессуального воздействия, а, следовательно, оценивается не только его

[1] Диваев А. Б. Механизм уголовно-процессуального социального воздействия… С. 31

формальный результат, но и общественная полезность реализации правовых предписаний, представляются неоспоримыми. Отсюда следует, что в контексте вопроса об эффективности нужно говорить не просто об эффективности уголовно-процессуального регулирования, а об *эффективности уголовно-процессуального воздействия*, проявляющегося во всем многообразии аспектов взаимодействия уголовно-процессуального права и общества.

Сразу подчеркнем, что мы не стремимся опровергнуть тот очевидный тезис, что уголовно-процессуальное право – это средство правового регулирования, а его механизм применительно к данной его функции – механизм правового регулирования, что многократно обосновывалось в уголовно-процессуальной науке[1]. Наша задача заключается в другом. А именно: *в обосновании того, что ставшее привычным утверждение о том, что правовое воздействие уголовно-процессуального права на общественные отношения состоит исключительно в их правовом регулировании – тезис недостаточный и односторонний.*

При этом, как мы уже упоминали в предыдущем параграфе нашего исследования, некоторые ученые-процессуалисты использовали и используют в своих исследованиях термин «воздействие». В частности, еще П. С. Элькинд, рассматривая уголовно-процессуальное право сквозь призму регулятивной функции, определяла его как «специфическую форму *юридического воздействия* (курсив наш – А. Д.) социалистического государства на поведение участников» уголовно-процессуальных отношений[2].

Л. Б. Алексеева, являясь одним из авторов коллективной монографии, посвященной вопросам эффективности уголовно-процессуального закона, в

---

[1] См., например: Строгович М.С. Сущность права / Теория государства и права: учебник / науч. ред.: М.П. Карев. М., 1949. 511 с. ; Строгович М.С. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса // Советское государство и право. 1952. № 8. С. 14–15 ; Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград, 1963. 172 с. ; Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 7 ; Алексеев Н. С., Даев В. Г, Кокорев Л. Д. Очерки развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 25–26 ; Шхагапсоев З. Л. Механизм правового регулирования охранительных отношений в уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 430 с. и др.

[2] Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права... С. 32.

контексте исследуемых вопросов также употребляла этот термин, определив механизм уголовно-процессуального регулирования, как «совокупность юридических средств, обеспечивающих *воздействие* (курсив наш – А.Д.) на общественные отношения»[1].

В. Д. Холоденко определял понятие механизма уголовно-процессуального регулирования, как «систему заложенных (содержащихся)… правовых средств регулирования деятельности (правовых инструментов), характеризующихся своими способами *воздействия* (курсив наш – А.Д.) на деятельность и общественные отношения, возникающие при производстве по уголовным делам»[2].

А. С. Бахта, который изучал механизм уголовно-процессуального регулирования как самостоятельный правовой феномен, в его определении также использовал категорию «воздействие»[3]. При этом, самой примечательной отличительной чертой его авторского определения является то, что он впервые механизм уголовно-процессуального регулирования определил как совокупность согласованно действующих элементов, направленных не только на регулирование уголовно-процессуальных отношений, но и на некое иное «воздействие в сфере уголовного судопроизводства». К сожалению, эта идея не получила должного развития и, что это за «воздействие», каковы его параметры и адресат, так и осталось не выясненным.

Схожую позицию по этому вопросу занимает И. И. Ахматов, который, исследуя проблему уголовно-процессуальных отношений, справедливо отмечает, что «…уголовно-процессуальное регулирование – лишь одна из форм

---

[1] Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности… С. 138.

[2] Холоденко В. Д. О совершенствовании механизма правового регулирования деятельности суда по собиранию и проверке доказательств // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 1. С. 170.

[3] Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : монография. Хабаровск, 2010. С. 31.

воздействия (курсив наш – А.Д.) на общественные связи, охватывающая далеко не все его формы»[1].

Как видим, процессуалисты вовсе не пренебрегают возможностью, определяя достаточно привычную для нашей правовой науки категорию механизма правового регулирования, использовать не совсем обычную для теории уголовного процесса категорию – воздействие. Однако, дальше этого в теории уголовного процесса предпочитают не заходить. А «зайти» нужно, просто жизненно необходимо, что диктуется чисто *гносеологическими* аргументами, суть которых может быть выражена следующим тезисом: истинная природа уголовно-процессуального права не может быть познана, если оно будет подвергнуто изучению исключительно с формально-юридической точки зрения. Более того, понимание права исключительно с этих позиций может привести к существенным изъянам правотворчества, следствием чего неминуемо станут проблемы с реализацией правовых предписаний.

Поясним. Так, традиционно господствующим в теории уголовного процесса взглядом на природу права является представление о нем как о некой сущности, появляющейся исключительно по воле государства и движимой его же волей. Отсюда и превалирующее в уголовно-процессуальной науке мнение, отождествляющее уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальное право, исключающее из числа его источников что-либо помимо закона.

Между тем, любое правило поведения, возведенное в правовое предписание, неважно, о какой отрасли права мы ведем речь – социально. Общественные отношения, уже воспроизведенные социумом, но пока не регламентированные правом, либо пока не существующие, но необходимые ему – вот единственный источник права. И неучет этого, попытка навязать правила поведения, «изобрести» отношения, которых не может быть здесь и сейчас – основная причина неэффективности правового воздействия.

---

[1] Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных отношений : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 78.

При этом «было бы крайним упрощением недооценивать роль государства в обеспечении режима господства права»[1], однако выводить природу и силу права исключительно от государства, ставить право в положение его производного – значит изначально идти по ложному пути. В таком понимании собственная природа права, его связь с интересами и потребностями социума в целом и каждого конкретного индивида, на которого распространяется данное правовое предписание, остаются недоступными для восприятия.

Для теории права это непреложные истины. С. С. Алексеев еще в начале 90-х гг. писал, что «… право… существует и развивается в известном противоборстве с государством…», а не только является его «порождением»[2]. К сожалению, теория уголовного процесса по-прежнему не очень восприимчива к таким постулатам и в своих представлениях традиционна: право для нее – это закон, а форма воздействия права на общественные отношения – их правовое регулирование.

Чем опасна такая гносеологическая однобокость в понимании сущности уголовно-процессуального права? Как представляется, минимум двумя потенциальными проблемами.

Во-первых, в чисто научном плане изучение права исключительно в его юридических проявлениях – в виде формально определенных положений законов и иных нормативно-правовых актов – явно не позволяет познать его как социальный институт, на что уже было указано выше. Образно говоря, такой способ познания права можно сопоставить с попытками изучить природу человека только по его отражению в зеркале, так как закон (в самом широком смысле этой категории) – это лишь некий образ (форма выражения) права, но не само право. Исследователь может сколь угодно долго пытаться постичь суть права по техническим, логическим, лексическим и т. п. параметрам нормативно-правового акта, выстраивать из них, из его норм более или менее сложные

---

[1] Гойман В. И. Указ. соч. С. 21.

[2] Алексеев С. С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. №2. С. 3 – 11.

конструкции, но в конечном счете это не приведет к пониманию природы этого явления.

Но это лишь одна сторона проблемы. Не менее существенны негативные последствия такого понимания права, если они находят проявление в правотворческой деятельности. С одной стороны, «слепая вера» во всесилие правотворческой деятельности государства, в его способность волевым путем, без учета или даже вопреки общественным потребностям и интересам «создавать» право и поддерживать его работоспособном состоянии, представляет собой одну из причин появления норм закона, законодательных институтов и даже целых нормативных актов, которые либо вообще не имеют потенциала быть воплощенными в жизнь, либо, в лучшем случае, реализуются не так, как то задумал законодатель.

Примеров того, как отдельные нормы, а иногда и целые институты уголовно-процессуального законодательства проявляют слабую жизнеспособность немало. Одним из наиболее показательных является институт мер пресечения, попытки преобразования которого нам видятся не всегда социально обусловленными. Анализ изменений закона, произведенных законодателем за весь период действия УПК РФ 2001 г., показывает, что многие новеллы в этой сфере плохо стыкуются с сущностью и целью применения мер пресечения, что является главной причиной их низкой эффективности.

Так, не является секретом, в том числе и для законодателя, тот факт, что органы предварительного расследования и суд в основном обходятся двумя крайними по своей строгости мерами – подпиской о невыезде и заключением под стражу. При этом, выбирая между ними, правоприменитель зачастую руководствуется той логикой, что подписка о невыезде и надлежащем поведении применяется «по умолчанию», если отсутствуют основания для избрания меры пресечения виде заключения под стражу. Однако «между» этими крайностями есть еще шесть мер пресечения, удельный вес применения которых в общей массе исчисляется единицами процентов. В чем причина этого? Как представляется, именно в том, что законодатель рассматривает уголовно-процессуальное право

исключительно как средство регулирования общественных отношений, которое можно «заставить» работать путем бесконечного совершенствования технической стороны выражающих его норм, введения все новых и новых положений закона и даже новых мер пресечения, запрета применять некоторые из мер к обвиняемым в определенных видах преступлений и т. п.

Между тем, такой экстенсивный путь повышения эффективности уголовно-процессуального воздействия вряд ли возымеет успех. Чтобы проиллюстрировать то, как, по нашему мнению, законодатель мог бы действительно скорректировать отношение следователя к «непопулярным» мерам процессуального принуждения, внеся *социально обусловленные* изменения в уголовно-процессуальное законодательство, сформулируем несколько возможных направлений совершенствования закона, дав одновременно некоторые пояснения к ним.

Основная причина того, почему ряд мер пресечения практически не используются следователями, дознавателями и судом, видится в их неспособности реализовать стоящую перед мерами пресечения цель. В данной ситуации мы сталкиваемся как раз с тем случаем, когда некоторые из мер, названных законодателем «мерами пресечения», на самом деле таковыми не являются.

В первую очередь речь идет о мерах, которые являются разновидностями поручительства за надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого), т. е., собственно, о личном поручительстве, а также о его специальных вариантах – присмотре за несовершеннолетним и наблюдении командований воинской части.

Учитывая охранительный характер мер пресечения, призванных противодействовать неправомерному поведению подозреваемого, обвиняемого в ходе производства по уголовному делу, а также осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания, каждая из них должна соответствовать цели охраны уголовно-процессуального права от возможных противоправных посягательств на него. Соответственно этому, меры пресечения – это охранительные средства, в основе механизма функционирования которых лежит возможность применения правоограничений к обвиняемому (подозреваемому). Если то или иное

процессуальное средство не содержит в себе правоограничительного потенциала, оно мерой пресечения объективно не является.

Зададимся вопросом: какие правоограничения для подозреваемого или обвиняемого содержат в себе указанные выше виды поручительства? Ответ, думается, очевиден – никаких. Мера пресечения, обеспечивая охрану уголовно-процессуального закона, должна оказывать непосредственное воздействие на поведение адресата своего воздействия. Однако ни личное поручительство, ни присмотр за несовершеннолетним, ни наблюдение командования воинской части такого воздействия не подразумевают. Если они и воздействуют, то не на обвиняемого (подозреваемого), а на поручителя, а поэтому с этой точки зрения эти процессуальные средства – скорее не меры пресечения, а меры обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), применение которых может быть и целесообразно, однако только в дополнение к мере пресечения, в частности – той же подписке о невыезде.

Именно в таком контексте их применение выглядит вполне социально обусловленным. Допустим, у следователя имеется дилемма, какую меру пресечения применить в отношении конкретного лица? С одной стороны, характеристики его личности не позволяют принять однозначного решения и обратиться в суд с ходатайством о заключении под стражу. С другой же – наличие поручителя, который письменно ручается за надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого), вполне может склонить чашу весов в пользу обвиняемого (подозреваемого) и стать лишним аргументом за избрание в отношении него меры пресечения в виде подписки о невыезде.

Схожая по своей природе мера – присмотр за несовершеннолетним, кроме указанных причин, неэффективна еще и в силу того, что несовершеннолетнего зачастую просто некому отдавать под присмотр, так как социальный портрет его родителей, опекунов, попечителей зачастую не позволяет говорить о них как о лицах, которые могут обеспечить надлежащий контроль за поведением несовершеннолетнего и предупредить с его стороны нарушение уголовно-

процессуального закона. И эта причина также носит не правовой, а социальный характер.

Более того, как показали результаты проведенного нами анкетирования и интервьюирования 256 следователей 12 регионов нашей страны (Приложение 3), даже наличие родителей, опекунов, попечителей или иных заслуживающих доверия лиц, которые, по логике законодателя, могли бы обеспечить надлежащее поведение несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), на самом деле не рассматривается следователями и дознавателями как достаточное условие для избрания этой меры. По результатам исследования, опрошенные достаточно предсказуемо указали следующее:

– подписка о невыезде и надлежащем поведении является для них основной мерой пресечения, применяемой «по умолчанию», т. е. в случаях, когда оснований для применения более строгой меры пресечения нет;

– мера пресечения в виде личного поручительства ими не применялась ни разу, что связано с ее недостаточным, по мнению респондентов, принудительным потенциалом, а, следовательно, и невозможностью пресечь возможное противоправное поведение подозреваемого (обвиняемого) с ее помощью;

– присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) ими также не применяется. Хотя в отношении этой меры пресечения, в отличие от личного поручительства, следователи и дознаватели высказались более «благосклонно», опрошенные ее безоговорочно не отвергали, указывая, что по возможности воспользовались бы ей. Более того, несколько анкет содержали в себе ответы, позволяющие констатировать, что присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) воспринимается некоторыми следователями, дознавателями как разновидность подписки о невыезде, и «завуалированно» они ее применяют, однако как дополнение к подписке о невыезде. В частности, ряд респондентов в своих ответах прямо указывали, что, избирая подписку о невыезде в отношении несовершеннолетнего, они одновременно разъясняют его законным представителям обязанность присматривать за несовершеннолетним и последствия неисполнения им своих обязанностей, по сути «конструируя» меру

пресечения, совмещающую в себе черты подписки о невыезде и присмотра за несовершеннолетним.

Интересные, на наш взгляд, выводы можно сделать из анализа социальных причин неэффективности залога.

С одной стороны, законодатель по-прежнему видит в ней определенную альтернативу заключению под стражу, свидетельством чему являются изменения, внесенные в ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ Федеральным законом от 07.04.2010 № 60-ФЗ, результатом которых стала не только коррекция ее содержания, но и трансформация смысла данной нормы.

Согласно пояснительной записке к проекту указанного закона, причиной его принятия стала необходимость «гуманизации» уголовно-правовой политики в сфере уголовной ответственности за экономические преступления. Авторы законопроекта констатировали, что «общее количество лиц, содержащихся под стражей, остается стабильно высоким, а в некоторых регионах значительно превышает имеющееся число мест в следственных изоляторах. В значительной степени это обусловлено чрезмерно жесткой и не всегда оправданной практикой следственных органов и судов при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу…». На этом основании ими было сформулировано предложение оградить лиц, подозреваемых или обвиняемых в экономических преступлениях от применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу в общем порядке, избирая ее только в исключительных случаях, указанных в ст. 108 УПК РФ. Данный факт в общем-то известен. Интересно другое: в этой же пояснительной записке предлагается «существенно уточнить редакцию статьи 106 УПК Российской Федерации «Залог», что *позволит расширить* (курсив наш – А. Д.) применение этой меры пресечения…».

Таким образом, законодатель еще в 2010 г. пытался активизировать применение залога за счет запрета применения меры пресечения в виде заключения под стражу по отдельным категориям уголовных дел. Однако сделать ему этого так и не удалось, на что прямо указывает статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ (Приложение 1, табл. 1.4, диагр. 1.4).

Анализируя приведенные показатели, необходимо обратить внимание на следующее. Во-первых, залог никогда не пользовался особой «популярностью» среди следователей, дознавателей и судов. Даже в годы, демонстрировавшие наиболее высокие цифры, общее количество случаев применения этой меры пресечения на фоне подписки о невыезде и заключения под стражу носило и носит характер погрешности. И, во-вторых, определенные всплески этих показателей, приходящиеся на 2009–2010 г. и 2020 г., по времени в точности совпадают с изменениями ч. 1^1 ст. 108 УПК РФ, которыми законодатель расширял перечень составов экономических преступлений, пытаясь активизировать правоприменителя в применении залога. Однако эти кратковременные всплески каждый раз сменялись сначала стагнацией, а затем и устойчивой отрицательной динамикой применения залога.

В чем кроется главная причина ситуации, сложившейся в сфере применения залога, и почему, несмотря на очевидные усилия законодателя, он так и не получил должного распространения на практике? Думается, что все дело в его природе: он, как и другие «проблемные» меры – не мера пресечения, а средство их обеспечения. Именно это и не дает возможности реализовать охранительную цель, которая не присуща залогу, что, в свою очередь, не позволяет правоприменителю широко использовать залог: следователи, дознаватели и суды просто не видят в нем достаточное средство, действительно способное обеспечить надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого).

С другой стороны, мы не призываем вообще отказаться от залога, как и не считаем необходимым исключить из закона такие меры, как личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним и наблюдение командования воинской части. Однако, повторим, все они гораздо уместнее выглядят не в числе мер пресечения, а как средства обеспечения надлежащего поведения лица, используемые с учетом личности обвиняемого (подозреваемого), уровня его благосостояния, тяжести обвинения (подозрения) и пр., одновременно с избранием в отношении него меры пресечения в виде подписки о невыезде.

Кстати, «уровень благосостояния» или, в терминологии закона, – «имущественное положение залогодателя», без учета которого невозможно определить ни саму возможность применения залога, ни его размер, также можно отнести к существенным социальным факторам, препятствующим распространению залога на практике. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев с учетом тех минимальных размеров залога, которые определены ч. 3 ст. 106 УПК РФ, уровень благосостояния обвиняемых (подозреваемых) не позволяет применить к ним это средство. В этой норме закона предпринята попытка увязать тяжесть обвинения и размер возможных неблагоприятных последствий, которые угрожают обвиняемому (подозреваемому), нарушившему условия залога, однако сделано это без учета типичной криминологической характеристики преступника, совершающего тяжкие и особо тяжкие преступления.

Так, нижний предел суммы залога по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях определен законом в размере 500 тысяч рублей. Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев это преступления насильственного, корыстно-насильственного характера, бытовые преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, можно с изрядной долей уверенности утверждать, что зачастую обвиняемые в совершении таких преступлений просто не обладают возможностью внести залог в такой сумме.

В этой связи можно возразить: хорошо, уровень благосостояния не позволяет применять залог в отношении большинства обвиняемых или подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, но закон предусматривает возможность применить эту меру пресечения и в отношении лиц, обвиняемых в менее тяжких преступлениях. И сумма такого залога вполне «подъемна» для большинства из них, находясь в пределах от 50 до 500 тысяч рублей. Однако, зададимся вопросом, много ли следователей и, в первую очередь, дознавателей, предпочтут обращение в суд для избрания меры пресечения в виде залога к обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления

небольшой или средней тяжести *самостоятельному* избранию меры пресечения в виде подписки о невыезде? Ответ, думается, очевиден – очень немногие.

Отсюда вывод: не учтя социальных реалий, законодатель попытался формализовать основания применения залога в качестве меры пресечения, дифференцировав подход к разным группам обвиняемых (подозреваемых) и собственноручно поставил барьер на пути его применения.

Вызывает сомнения в социальной обусловленности и установленный законом исключительно судебный порядок применения залога. Общепризнанно, что он в большей степени гарантирует права и законные интересы граждан, нежели внесудебный «прокурорский» порядок. Не будем вдаваться в обсуждение того, так это или не так, однако отметим: судебная процедура призвана *охранять* права и законные интересы лиц и организаций, вносящих залог, безотносительно того, сам обвиняемый или подозреваемый вносят его или он внесен в его интересах кем-то другим. А раз так, значит, акт применения залога должен таить в себе опасность для их охраняемых прав и законных интересов. В то же время сущность залога определенно указывает на то, что инициаторами его применения обычно являются сами обвиняемые (подозреваемые) либо лица, действующие в их интересах. Даже в том случае, когда залог избирается по инициативе суда, в качестве альтернативы домашнему аресту или заключению под стражу, тот в любом случае принимает такое решение с согласия вносящего залог, подтверждающего возможность этого. По-другому – никак. Залог не может изыматься «насильно», против воли обладателя имущества, являющегося предметом залога. Но тогда, спрашивается, зачем судебное решение, что охраняет судебная процедура? Не проще ли и логичнее допустить избрание залога – как в судебном, в случае если она избирается в судебном заседании, так и во внесудебном порядке, оставив исключительно судебной только процедуру обращения залога в доход государства при нарушении меры пресечения?[1]

---

[1] См.: Диваев А. Б. К вопросу об эффективности применения и исполнения мер пресечения в уголовном процессе // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 114–125 ; Диваев А. Б. Совершенствование системы мер принуждения, применяемых к осужденным

Итак, анализ положений всего одной главы УПК РФ наглядно демонстрирует, что далеко не только совершенство юридико-технического оформления правовых предписаний отвечает за их реализацию. Закон оказывает мощнейшее регулятивное воздействие на общественные отношения, но зачастую даже он не может оказать какого-либо влияния на поведение конкретных исполнителей своих предписаний, которые в своей деятельности руководствуются началами, максимально удовлетворяющими *их* интересы и потребности. Игнорирование этих факторов, стремление только принудительной силой закона подчинить волю конкретного индивида, призванного реализовывать правовые предписания, во многих случаях не имеет никаких перспектив.

Исходя из изложенного, имея в основе сформулированное нами в предыдущем параграфе «универсальное» определение правового воздействия, определим уголовно-процессуальное воздействие как *модификацию общественной среды посредством специально-юридического и общесоциального влияния, оказываемого нормами уголовно-процессуального права на общественные отношения, с целью достижения определенного правового и социального результата.*

Сообразным этому видится ответ на *третий ключевой вопрос – о методике познания эффективности уголовно-процессуального воздействия.* Учитывая, что уголовно-процессуальное право оказывает не только специально-юридическое, но и общесоциальное воздействие, вполне обоснованной видится методика исследования и оценки эффективности его воздействия на двух уровнях.

Первый уровень отвечает за установление *формально-юридической эффективности* уголовно-процессуального воздействия, непосредственно оказываемого нормой права субъектов конкретных уголовно-процессуальных отношений, которым эта норма адресована. При этом, учитывая, что уголовно-процессуальное право воздействует не только на правоотношения, но опосредованно влияет и на иные общественные отношения, истинно эффективной

в производстве по исполнению приговора: межотраслевой аспект // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2 (59). С. 132–142.

нормой может считаться лишь та, которая не только формально регулирует или охраняет свой предмет специально-юридического воздействия, но и оказывает *иное общественно полезное* воздействие. Исследование и оценка этого «глубинного» общесоциального воздействия – общ*есоциальной эффективности уголовно-процессуального воздействия* – это *второй уровень* познания его эффективности.

Четвертый вопрос, на который нужно дать ответ при исследовании эффективности уголовно-процессуального воздействия, – это вопрос о ее критерии. Именно о «критерии», а не о «критериях», так как, в нашем понимании, он всего один, и это *цель уголовно-процессуального воздействия,* являющаяся субъективным отражением общественных потребностей, имеющих объективную природу.

Обратим внимание, критерием (т. е. мерой) эффективности уголовно-процессуального воздействия является именно цель, но не результат воздействия, который может рассматриваться лишь в качестве одного из показателей эффективности, т. е. средства ее оценки. Причины, приведшие к такому выводу, все те же: право нематериально, его воздействие на общественные отношения зачастую не имеет строго овеществленных, видимых последствий, воплощаясь в акте передачи информации, формирующем в лучшем случае поведенческую реакцию, а чаще всего – просто ценностные ориентиры адресата правового предписания, что практически невозможно выразить какими бы то ни было точными показателями.

Допустим, как понять, насколько эффективна с точки зрения обеспечения прав и свобод граждан судебная процедура избрания мер пресечения? Теоретически считается, что она эффективнее внесудебной процедуры, так как предоставляет более существенные гарантии обеспечения прав и свобод личности. Однако что на это указывает? Как оценить тот факт, что суды за 2024 г.

удовлетворили более 88% (82514 из 93744) ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу?[1]

Причем, как показывает динамика показателей судебных решений, вынесенных по ходатайствам следователей и дознавателей об избрании этой меры пресечения за последние 10 лет, т. е. с 2015 г., этот процент практически не меняется (см. Приложение 1, табл. 1.1). За весь период его колебания составили менее 4% (максимальный в 2015 г. – 91,7%, минимальный в 2023 г. – 87,1%), при том, что количество ходатайств и, как следствие положительных судебных решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, упало с 2015 г. более чем на 40% (Приложение 1, диагр. 1.1).

На первый взгляд, существенное падение (почти в 1,5 раза) абсолютных показателей заключения обвиняемых (подозреваемых) под стражу может свидетельствовать о гуманизации процедуры избрания этой меры пресечения, а, следовательно, и укреплении системы гарантий прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Однако, если обратиться к относительным показателям, которые демонстрируют завидное постоянство, этот вывод становится не таким очевидным. По сути, уменьшение количества случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу произошло не по причине совершенствования порядка ее избрания, повышения требовательности судов к обоснованию ходатайств и пр., а в силу других причин (например, прямого запрета применять эту меру пресечения к отдельным категориям подозреваемых или обвиняемых).

Или как, например, оценить факт увеличения случаев вынесения оправдательных приговоров, как это произошло в 2015 г. (Приложение 1, диагр. 1.2)? Свидетельствует ли он о повышении эффективности уголовно-процессуального воздействия? Если относиться к этому просто, «математически», то ответ, безусловно, должен быть положительным: раз закон предписывает возможность вынесения оправдательного приговора, и правоприменитель стал

[1] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции 2015–2024 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/?ref=w3use.com (дата обращения: 28.07.2025).

чаще обращаться к этому правовому средству, значит, эффективность правового регулирования в этой сфере налицо. Однако вполне очевидно, что этот вывод может быть ошибочным, так как «чистая» математика здесь не работает. Факт увеличения количества оправдательных приговоров может свидетельствовать об обратном, а именно – о снижении эффективности правового регулирования досудебного производства по уголовному делу, что приводит к значительному ухудшению качества подготовки материалов уголовных дел органами предварительного расследования и, как следствие, – к увеличению количества оправдательных приговоров. Конечно, гипотетически предложенная ситуация вполне может стать и следствием эффективного действия системы гарантий прав, свобод и законных интересов обвиняемых по уголовному делу. Однако вышеуказанный негативный фактор, вплоть до установления реальных причин увеличения количества оправдательных приговоров, должен предполагаться и учитываться наравне с этим положительным результатом правового воздействия.

Точно так же выглядит ситуация, если, предположим, наоборот, произойдет увеличение количества обвинительных и, соответственно, уменьшение количества оправдательных приговоров по уголовным делам, как это произошло в 2020 г., характеризуемым резким снижением количества оправданий практически в 2 раза по сравнению с обычным уровнем (Приложение 1, диагр. 1.2). С одной стороны, это может свидетельствовать о повышении качества работы органов предварительного расследования, а, следовательно, и эффективности правового регулирования досудебного производства по уголовному делу. Однако с точно такой же степенью вероятности данное обстоятельство может быть вызвано снижением эффективности гарантий прав, свобод и законных интересов граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство или даже недостаточной эффективностью уголовно-правовой охраны личности, общества и государства. Несмотря на всецело принудительную природу уголовного права, его нельзя рассматривать как исключительно карательную отрасль права. Карать должно уголовное наказание, уголовное же право призвано не карать, а охранять личность, общество и государство от

преступных посягательств. Соответственно, эффективность уголовно-правовой охраны не может определяться тем, сколько раз суд применял данную норму уголовного права, назначая наказание за совершенное преступление. Увеличение этих показателей может говорить как раз об обратном: раз суду часто приходится наказывать за данное преступление, значит, норма уголовного права, содержащая запрет на такую форму поведения, имеет недостаточный превентивный эффект. Она, по сути, действует постфактум, реагируя на факт преступления, но не способна сдерживать потенциального преступника от посягательства.

Такие диаметрально противоположные выводы могут быть сделаны из обычного факта – изменения количественных показателей соотношения обвинительных и оправдательных приговоров. И прямой учет только этих показателей, в отрыве от анализа качественных изменений, способен неверно сориентировать законодателя в деле повышения эффективности правового воздействия.

Что демонстрируют приведенные примеры? Только одно. Просто цифровыми показателями эффективность «измерить» практически невозможно. Они всего лишь демонстрируют результат правового воздействия, но не его эффективность. Оценка эффективности должна иметь комплексный характер и осуществляться с учетом результата (показателей) правового воздействия, соотнесенного с иными факторами, многие из которых не поддаются численному измерению (обоснованность процессуальных решений, внимательное, ответственное отношение судей к принятому решению, позиция прокурора, поведение защиты и др.).

Кроме того, несмотря на видимую объективность статистических методов, применяемых для изучения тех или иных явлений, нужно помнить и об изрядной доле субъективизма, вкладываемого в исследование социальных явлений при помощи этих средств. По-настоящему объективно статистическое исследование природных явлений, технических, физических, химических и других процессов – в общем, всего того, что существует независимо от человека, протекает вне его воздействия. Право же настолько объективно, насколько его объективность

осознается творцом права – человеком, а, следовательно, и статистика, отражающая действие права, имеет относительно объективный характер.

Примером того, как «объективная» статистика может повлечь чисто субъективные выводы об эффективности определенного массива норм уголовно-процессуального права, могут послужить рассуждения А. И. Цыреторова, который на основе динамики рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в нашей стране, обнаружив увеличение их количества, утверждает, что «несмотря на то, что данная категория дел по-прежнему составляет чуть более 0,1% от всех рассмотренных по существу уголовных дел, что меньше статистической погрешности, увеличение в разы частоты рассмотрения уголовных дел с участием присяжных наглядно свидетельствует о повышении эффективности этого института»[1]. Из чего следует такой вывод? Автору наверняка известно, что факт увеличения количества дел, рассмотренных данным составом суда, связан с его допуском в 2018 г. на уровень районных судов, и ни с чем более. О действительной эффективности данной формы рассмотрения уголовных дел можно было бы судить только при двух условиях: если увеличение количества случаев рассмотрения уголовных дел имело бы сколько-нибудь осязаемый характер и произошло не в силу «волевого» решения государства, а по общественной инициативе, без видимого изменения условий функционирования норм, регламентирующих производство в суде с участием присяжных заседателей, что свидетельствовало бы о том, что социум «принял» эту процедуру рассмотрения уголовных дел. Без этого, «эффективность» суда с участием присяжных заседателей носит мнимый характер.

Таким образом, ни статистический, ни социологический метод выявления правовой эффективности сами по себе нельзя признать достаточными. Единственным *критерием эффективности уголовно-процессуального воздействия выступает степень реализации его цели*, что может быть выявлено только путем комплексного исследования показателей специально-юридического

[1] Цыреторов А. И. Определение эффективности правового воздействия на реальные процессы и фактические результаты в уголовном судопроизводстве // Lex russica. 2025. № 78 (2). С. 86.

воздействия и меры реализации тех социально полезных изменений, которые моделировались общесоциальной целью, стоящей перед нормой уголовно-процессуального права, его институтом или отраслью права в целом, и произошли в силу их правового воздействия.

Наконец, последний, *пятый вопрос*, который должен быть разрешен, прежде чем мы сформулируем понятие эффективности уголовно-процессуального воздействия: *является ли количество затраченных для достижения цели средств ее элементом или нет?*

Как известно, в теории уголовного процесса по этому поводу мнения разошлись, и часть авторов склонна вводить средства реализации поставленной цели в структуру эффективности и, соответственно этому, считать эффективным исключительно то, что не просто достигает поставленной перед соответствующей нормой права цель, но делает это наиболее оптимальным набором средств, не допуская чрезмерной траты ресурсов. Несмотря на внешнюю привлекательность второго подхода, нам представляется, что он не совсем отвечает правилам логики.

Учитывая, что право само по себе является средством достижения общественно значимой цели правового воздействия, вводить в привычное соотношение «средство – цель» еще один элемент, являющийся средством, – значит нарушить правила логики. Говоря об уголовно-процессуальных средствах достижения цели воздействия, гораздо правильнее вести речь об оптимальности как о качественной характеристике норм уголовно-процессуального права (его институтов) – средствах реализации цели уголовно-процессуального воздействия, но не как о самостоятельном элементе содержания категории «эффективность» и саму оптимальность уголовно-процессуальных норм (институтов) рассматривать как условие его эффективности.

Итак, с учетом изложенного, *эффективность уголовно-процессуального воздействия* можно определить как *способность конкретной нормы уголовно-процессуального права (его институтов, отрасли в целом) модифицировать общественную среду, реализуя субъективно поставленную правовую цель и достигая при этом объективно социально полезного результата.*

Изложенные выше положения позволяют сформулировать ряд концептуальных закономерностей теории эффективности уголовно-процессуального воздействия.

1. С учетом того, что первоначально понятие «эффективность» использовалось в трудах, посвященных функционированию сложных систем, и разрабатывалось применительно к исследованию операции – процесса применения (или функционирования) системы[1], для оценивания ее эффективности преимущества феноменологического подхода перед онтологическим учением для нас бесспорны. В этом мы солидарны с преимущественно сложившейся в современной уголовно-процессуальной теории тенденцией. Однако в этой связи важна терминология, так как описать такой сложный социальный процесс, коим является уголовно-процессуальное воздействие, ограничиваясь традиционной правовой терминологией, невозможно, а поэтому обратимся к теории эффективности, которая операцию или процесс применения (функционирования) системы рассматривает объектом исследования эффективности, а оптимальность организации данного процесса – предметом этого исследования. Перенося эти положения на сферу исследования эффективности уголовно-процессуального воздействия, получаем следующее:

– эффективность в сфере уголовно-процессуальных отношений следует изучать исключительно «в динамике»;

– уголовно-процессуальное право – это функционирующая система;

– операция или акт реализации его норм (т. е. акт функционирования системы) являются объектом исследования эффективности;

– оптимальность уголовно-процессуального закона и организации уголовно-процессуальной деятельности по реализации его норм, в том числе в контексте затраченных на это средств (правовых, материальных, моральных и пр.), – это одновременно условия эффективности операции и предмет ее исследования.

---

[1] Морозов Л. М., Петухов Г. Б., Сидоров В. Н. Методологические основы теории эффективности. Л., 1982. С. 8.

Исходя из этого, первой закономерностью представляется следующая: *при исследовании эффективности изучению подлежит эффективность операции, но не эффективность системы, а поэтому методологически ошибочно говорить об эффективности уголовно-процессуального права; эффективным или неэффективным может быть исключительно акт его реализации, посредством которого право воздействует на общественные связи, а, следовательно, в рамках теории эффективности именно оно – уголовно-процессуальное воздействие – является объектом исследования.*

2. В теории эффективности операцией принято считать упорядоченную совокупность взаимосвязанных действий, направленных на достижение поставленной цели. Следовательно, вполне справедливым будет утверждение о том, что операция – это некое целенаправленное воздействие системы на ее объект. Если экстраполировать этот общий вывод на исследуемые нами явления, данная закономерность будет выглядеть следующим образом: *уголовно-процессуальное право (функционирующая система) оказывает целенаправленное воздействие на разные группы общественных отношений, опосредованно влияя на поведение соответствующих субъектов, осуществляющих реализацию его предписаний.*

3. Параметры этого воздействия определяются тем, что оно не исчерпывается исключительно его специально-юридическими формами. Как и любая другая отрасль права, уголовно-процессуальное право также оказывает опосредованное правовое воздействие и на те группы общественных связей, которые в предмет уголовно-процессуального права не входят, и, более того, для правового воздействия на которые оно не предназначалось. Из этого следует, что *совокупную эффективность уголовно-процессуального воздействия необходимо рассматривать с учетом не только того, как уголовно-процессуальное право непосредственно воздействует на отношения, составляющие его предмет (формально-юридическая эффективность), но и того общего социально-полезного результата, который был достигнут в итоге реализации его*

предписаний (общесоциальная эффективность уголовно-процессуального воздействия).

4. Важнейшую роль в изучении эффективности уголовно-процессуального воздействия играет категория цели, под которой в самом общем виде в теории эффективности понимается желаемый и достижимый результат функционирования системы.

Сразу отметим, что приведенное определение носит упрощенный характер, но даже оно позволяет сформулировать базовое понимание цели уголовно-процессуального воздействия как некоего желаемого результата функционирования уголовно-процессуального права. В предлагаемом определении обращают на себя внимание два момента, которые требуют пояснений.

Во-первых, о чьем «желании» идет речь? Вполне очевидно, что его носителем, а, следовательно, и субъектом, определяющим содержание уголовно-процессуальных норм, не может быть какой-то конкретный индивид. Такое «желание» может исходить исключительно от общества в виде общественной потребности, средством удовлетворения которой является норма закона, сформулированная законодателем в качестве реакции на ее возникновение. Это – основа нормотворчества. Только при соблюдении последовательности – от общественной потребности к норме закона – результат деятельности законодателя – сгенерированная и закрепленная им на уровне закона позитивная норма уголовно-процессуального права – носит объективный характер и обладает способностью реализовывать ту общественно полезную цель, ради достижения которой она и появилась. С этой точки зрения объективно обусловленная норма уголовно-процессуального права – это не столько средство правового воздействия, сколько «средство исполнения» общественных пожеланий.

Изложенное позволяет назвать именно *цель уголовно-процессуального воздействия единственным критерием его эффективности, степень которой находится в прямой зависимости от того, насколько эта цель реализована.* Сообразно этому можно говорить как об эффективном или неэффективном, так и

о более или менее эффективном уголовно-процессуальном воздействии – все зависит от факта и степени реализации его цели.

И второе, на что необходимо обратить внимание, – это содержание цели уголовно-процессуального воздействия.

Согласно представлениям, сложившимся в теории эффективности, цель операции может воплощаться в трех вариантах ее результатов: 1) в создании материальных объектов и предоставлении нематериальных благ; 2) в совершенствовании самой функционирующей системы; 3) в совершенствовании окружающей ее среды. Если с этой точки зрения проанализировать содержание цели уголовно-процессуального воздействия, можно сделать вывод о том, что *она должна заключаться исключительно в совершенствовании социальной среды, в которой функционирует уголовно-процессуальное право или, другими словами, системы общественных отношений, подверженной такому воздействию.* Чем мы руководствовались, придя к такому умозаключению?

Думается, аргументировать тот факт, что создание материальных объектов и предоставление нематериальных услуг целью функционирования уголовно-процессуального права быть не может, особой надобности нет: правовая сфера – это все-таки не производство. В то же время не так однозначно выглядит ответ на вопрос о том, почему в качестве цели уголовно-процессуального воздействия не может рассматриваться совершенствование самой функционирующей системы. Тем более, что «самосовершенствование» закона, как показывает текст весьма информативных в этом отношении документов – пояснительных записок к законопроектам о внесении изменений и дополнений в УПК РФ, часто упоминается инициаторами законодательной деятельности в качестве цели разработки законопроекта, а, следовательно, и цели самих новелл закона. Доказательств этому множество. Возьмем для примера лишь несколько из изученных нами законопроектов.

Так, 02.05.2017 в Государственную Думу был внесен законопроект № 163784-7, предполагавший увеличение срока рассмотрения жалобы в порядке

ст. 125 УПК РФ с 5 до 14 суток[1]. Не вдаваясь в рассмотрение сути предлагавшейся новеллы и оценку ее рациональности, просто проанализируем ту цель, которую перед ней ставили инициаторы законопроекта. По их мнению, таковой являлось «…обеспечение надлежащего порядка подготовки и проведения судебного заседания по жалобам на решения и действия (бездействие) органов предварительного расследования и прокурора…», что как раз иллюстрирует ситуацию, когда целью операции (акта реализации будущей нормы закона, если бы она была принята законодателем) становится самосовершенствование функционирующей системы. Такая постановка цели неверно ориентирует законодателя: вместо того, чтобы оценить, насколько увеличение срока рассмотрения жалобы повлияет на обеспечение интересов участников данной деятельности, он при рассмотрении законопроекта должен иметь в виду, насколько предлагаемые новеллы нужны суду, хватит ему времени для подготовки заседания или нет. На самом же деле цель подобного законопроекта видится в совершенствовании социально-правовой среды – усилении системы гарантий прав и законных интересов лиц, обжалующих в судебном порядке действия и решения, осуществленные в досудебном производстве.

Или недавний законопроект № 18454-8 о дополнении ст. 125.1, 131 и 132 УПК РФ нормами, предполагающими наделение потерпевшего правом обжаловать в судебном порядке постановление следователя, дознавателя или прокурора о размере понесенных потерпевшим расходов на выплату вознаграждения его представителю[2]. Инициаторы законопроекта следующим

---

[1] Законопроект № 163784-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования порядка судебного контроля в досудебном производстве и судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанции») // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz/b?class=b&b[NumberSpec]=163784-7&b[NumberSpec][]=163784-7&b[ClassOfTheObjectLawmakingId]=1&#data_source_tab_b (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Законопроект № 18454-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (об обжаловании постановления следователя, дознавателя или прокурора по вопросу о размере расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю)» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz/b?class=b&b[NumberSpec]=163784-7&b[NumberSpec][]=163784-7&b[ClassOfTheObjectLawmakingId]=1&#data_source_tab_b (дата обращения: 20.05.2022).

образом сформулировали цель принятия предлагаемых ими новелл закона – «…сокращение подобных жалоб… снижение нагрузки на органы предварительного расследования и суды за счет оптимизации процедуры определения размера подлежащих возмещению издержек». Та же самая ситуация. Авторы законопроекта прямо утверждают, что их цель – оптимизировать процедуру и снять часть нагрузки с лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу. Но насколько она оправдана, учитывая, что функционирующая система – нормы уголовно-процессуального права – сама по себе является средством реализации целей законодателя? Такая постановка цели влечет вопрос о том, к каким действительным последствиям приведет принятие законопроекта, так как получить формальный результат, а именно сократить число жалоб, поступающих от участников уголовного судопроизводства, не так уж сложно – достаточно максимально усложнить процедуру обжалования. Да и является ли сам факт сокращения подобных жалоб социально ценным? Думается, что ответ очевиден, и он является отрицательным. Социально важным является не сокращение случаев обжалования тех или иных властных решений, а, как и в предыдущем случае, укрепление системы гарантий прав и законных интересов граждан. И именно из этого должен был исходить законодатель, осуществляя целеполагание законопроекта, а не из необходимости «снизить нагрузку на органы предварительного расследования».

К сожалению, подобным недостатком целеполагания – подменой эффективности правовых средств воздействия их оптимальностью – характеризуются большинство изученных нами пояснительных записок к законопроектам[1].

[1] В ходе исследования нами были изучены пояснительных записки к 104 законопроектам о внесении изменений и дополнений в УПК РФ за период с 2004 г. по первую половину 2025 г. Предметом исследования стали законопроекты, предлагавшие внесение содержательных изменений и дополнений в положения уголовно-процессуального закона. Законопроекты «технического» характера, как, например, направленные на приведение положений УПК РФ в терминологическое соответствие, о подследственности и подсудности преступлений, составы которых введены в УК РФ, и т. п. законопроекты нами игнорировались.

Отсюда следующая закономерность: *целью уголовно-процессуального воздействия является не оптимизация его средств – норм уголовно-процессуального права и практики их применения, а совершенствование той социальной среды, в которой функционирует уголовно-процессуальное право и на которую оно оказывает свое воздействие. Оптимизация, с этой точки зрения, должна рассматриваться как средство достижения эффективности уголовно-процессуального воздействия.*

5. Если принять изложенное положение за основу, становится понятным соотношение между категориями «эффективность» и «оптимальность» средств уголовно-процессуального воздействия. Если первая из них – эффективность – является отражением цели уголовно-процессуального воздействия, воплощенной в его результатах, то вторая – оптимальность – это качественная характеристика средств достижения этой цели – норм уголовно-процессуального права и практики их реализации. Соответственно этому, *такие средства могут быть более или менее оптимальными или вовсе не оптимальными. Однако эффективными они быть не могут. Эффективным является уголовно-процессуальное воздействие – процесс функционирования этих средств, результатом чего становится воплощение его правовых и социальных целей в жизнь.*

ГЛАВА 2. ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

§ 1. Категория «цель» как феномен уголовно-процессуальной доктрины

Познание цели той или иной сферы человеческого бытия всегда представлялось нетривиальной задачей. Необходимость ее разрешения обусловлена самой сутью этой категории, ее значением для человеческой жизнедеятельности.

В уголовно-процессуальной науке проблема определения цели уголовного процесса была и остается одной из самых востребованных. Самые ранние работы, посвященные ей, появились еще до того, как уголовный процесс нашей страны приобрел более-менее привычную форму. Так, например, Я. И. Баршев еще в 1841 г., т. е. почти за четверть века до начала Судебной реформы XIX в. писал: «… *Главная цель* уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы исследовать и открывать учиняемые преступления, и преступников подвергать заслуженному наказанию»[1]. При этом, что примечательно, уже тогда автор отличал цель уголовного судопроизводства в целом и цель производства по конкретному уголовному делу, которая, по его мнению, заключается в том, чтобы, «собрав материалы, необходимые для верного и справедливого приговора относительно вины или невинности изобличаемого в каком-либо преступлении лица, признать его невинным или достойным известного наказания»[2].

П. Дегай чуть позднее по поводу цели уголовного судопроизводства высказал следующую мысль: «Как бы ни было различно судопроизводство по местности и политическим обстоятельствам каждого народа, оно всегда будет иметь двоякую цель: наказание за преступление, соответствующее началам

---

[1] Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 35.

[2] Там же.

устрашения и исправления, и удовлетворение за понесенный вред, соответствующее началу возмездия»[1].

Заметим, что представленные позиции во многом схожи. Во-первых, оба автора писали не о цели уголовного процесса, а о цели уголовного судопроизводства, что в целом закономерно – уголовно-процессуальная наука тогда еще не различала эти категории. И, во-вторых, несмотря на своеобразие каждой из приведенных точек зрения, идея, выраженная в них, едина – цель уголовного судопроизводства состоит в наказании преступника.

Такое видение цели уголовного процесса превалировало в уголовно-процессуальной науке вплоть до начала XX в. Не поколебали его ни Судебная реформа 1864 г., ни развитие научной мысли. Наиболее радикально в этом отношении высказывался И. Василенко: «Цель карательного правосудия только тогда достигнута, когда доказана виновность лица, несущего наказание»[2].

В. Случевский позднее писал несколько иначе, что, однако, не меняет сути самого подхода к пониманию цели уголовного процесса: «Цель, к достижению которой стремится уголовный процесс, заключается в том, чтобы в каждом отдельном конкретном случае совершившегося преступления дать правовое осуществление наказанию»[3].

В советский период самым ярким приверженцем точки зрения, что целью уголовного процесса является наказание преступника, был, пожалуй, М. А. Чельцов. Несмотря на все изменения, которые произошли в советском уголовно-процессуальном законодательстве на протяжении десятилетий, своему мнению автор не изменил. Менялась форма выражения мысли, но не ее суть. В конце 20-х гг. прошлого века цель уголовного процесса определялась им как «установление и осуществление карательной обязанности государственных органов юстиции в связи с совершением преступления»[4]. По прошествии

---

[1] Дегай П. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. СПб., 1847. С. 1.

[2] Василенко И. Понятие норм права и уголовного процесса. СПб., 1878. С. 31.

[3] Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 4.

[4] Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс. Харьков, 1929. С. 36.

времени – в 60-х гг. XX в. М. А. Чельцов по этому поводу высказывался еще более определенно: «Основной целью уголовного процесса надо считать изобличение виновного в преступлении, назначение и применение к нему справедливого наказания»[1].

Кроме М. А. Чельцова уголовное наказание считали целью уголовного процесса и еще ряд советских процессуалистов. В частности, в определенный период своей научной деятельности ее отстаивал В. Т. Томин, который писал о цели по конкретному уголовному делу как об «изобличении лиц, виновных в совершении преступления, применении к ним справедливого наказания или иных мер государственного или государственно-общественного воздействия, обеспечивающих в конкретном случае достижение целей уголовного наказания без назначения наказания, а также внесение изменений в качественную и количественную характеристики наказания в случаях, когда такие изменения будут способствовать достижению целей наказания»[2].

В настоящее время к этой точке зрения присоединились Е. Р. Пудаков[3], А. В. Агутин. Последний прямо утверждает, что «при всей кажущейся поливариантности имеющихся позиций по данной проблеме их смысл заключается в одном, целью уголовного процесса является наказание лиц, виновных в совершении преступления»[4].

Схожее мнение поддерживает и Ю. В. Козубенко, который цель уголовного судопроизводства формулирует как «установление лица, реально совершившего преступление, и опровержение презумпции его невиновности с последующим возложением на него соответствующих мер государственного принуждения

---

[1] Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1962. С. 12.

[2] Томин В. Т. Понятие цели советского уголовного процесса // Правоведение. 1969. № 4. С. 70.

[3] См.: Пудаков Е. Р. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 38.

[4] Агутин А. В. Мировоззренческие идея в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 26.

(наказания, принудительной меры медицинского характера, принудительной меры воспитательного воздействия)»[1].

В целом же, если охарактеризовать отношение современных исследователей к рассматриваемой концепции, нельзя не отметить того факта, что большинство из них не склонны принимать ее в «чистом» виде, что имеет свои объяснения. На формировании их отношения к цели уголовного процесса не могло не сказаться господство либерального правопонимания, сложившегося в 90-х гг., в основе которого лежит тезис о приоритете прав и свобод человека над государственными и общественными ценностями. Так, например, И. Е. Адаменко по этому поводу пишет: «Направленность уголовно-процессуальной деятельности не только на наказание, но и на обеспечение законных интересов участников уголовного процесса, вовлеченных в такую деятельность, дает основание вести речь о том, что ограничение цели уголовного процесса только наказанием является весьма проблематичным»[2].

Р. Т. Гаприндашвили отстаивает похожее мнение, указывая, что «уголовный процесс представляет собой деятельность уполномоченных лиц, осуществляющуюся путем доказывания с целью раскрытия преступлений, изобличения лиц их совершивших и разрешения уголовных дел по существу, чтобы виновные лица понесли справедливо наказание, а права лиц, потерпевших от совершения преступлений, были защищены»[3].

Несмотря на широкое распространение мнения об уголовном наказании как цели уголовного процесса (или уголовного судопроизводства – в данном случае это не принципиально) и производных от него точек зрения, уже в конце XIX – начале XX в. в научной литературе был отмечен целый ряд слабых мест этой концепции. Самый веский довод «против» состоял в следующем: признавая

---

[1] Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 87.

[2] Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: систематизирующие основания и компоненты : дис … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 363.

[3] Гаприндашвили Р. Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13.

наказание целью уголовного процесса, неминуемо следует признать и тот факт, что в случае достижения противоположного результата, а именно оправдания обвиняемого или прекращения в отношении него уголовного дела по реабилитирующему основанию, цель уголовного процесса нельзя считать достигнутой, а, следовательно, производство по уголовному делу должно быть продолжено вплоть до тех пор, пока обвиняемый не будет наказан либо пока не будут исчерпаны все процессуальные «ресурсы» для ее достижения. Однако, очевидно, что на самом деле все обстоит иначе. Оправдывая обвиняемого, государство посредством суда дает оценку событию, являвшемуся предметом производства по уголовному делу, а также его деянию, и констатирует *итоговый результат* – лицо признано невиновным в совершении преступления. Т. е. результат есть, производство по уголовному делу не может быть продолжено, а стало быть, и цель уголовного процесса достигнута.

Не укладываются в рамки данной концепции и случаи, когда суд выносит обвинительный приговор, освобождая при этом осужденного от наказания или вовсе не назначая его. Как такая ситуация сообразуется с этой целью уголовного процесса? Преступление, преступник, факт виновности – здесь налицо. Нет только самого главного – преступник не наказан. Т. е. цель уголовного процесса не достигнута?

Более того, анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что в некоторых случаях уголовное судопроизводство может преследовать прямо противоположную, нежели наказание преступника, цель. Представление о том, что производство по уголовному делу развивается исключительно по стандартной траектории: возбуждение уголовного дела – предварительное расследование – рассмотрение дела судом – и, наконец, наказание, является чрезвычайно упрощенным.

Уголовный процесс – многовекторная деятельность, и одним из векторов его развития являются случаи, когда производство по уголовному делу осуществляется с целью оправдания обвиняемого, что характерно для ситуаций с отказом обвиняемого от прекращения уголовного дела по нереабилитирующему

основанию, когда закон требует продолжить производство по уголовному делу. Для чего оно осуществляется в этом случае? Очевидно, что не с целью наказания, которое в таком случае в принципе невозможно, так как закон формально препятствует этому, требуя окончить производство по уголовному делу, даже если в конечном итоге виновность обвиняемого будет подтверждена. Обвиняемый в таком случае не дает согласие на прекращение дела и настаивает на продолжении производства с целью опровержения вывода о виновности, которая подразумевается при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, и своего оправдания.

В таком же направлении развивается производство по делу и в каждом случае рассмотрения вышестоящим судом апелляционной, кассационной или надзорной жалобы, в которой заинтересованные лица требуют отменить обвинительный приговор или изменить его в сторону смягчения, а равно при возобновлении производства по уголовному делу, когда обнаружены обстоятельства, которые могут служить отмене обвинительного приговора.

Что примечательно, указанные проблемы вполне сознавались сторонниками мнения о наказании как цели уголовного процесса, однако разрешить их они так и не смогли. М. А. Чельцов, предполагая наличие достаточно весомых возражений относительно высказанной им позиции, писал: «Против такого определения (цели уголовного процесса – А. Д.) вовсе не говорят возможные оправдательные приговоры и те процессуальные институты, которые направлены на охрану прав обвиняемого. Целью… процесса может быть осуждение и наказание только виновного. Значит, все, что может быть выяснено для установления невиновности или смягчения степени вины и должно быть выяснено»[1]. Все это верно. Однако, как приведенная цитата аргументирует его мнение? Если целью уголовного процесса является осуждение и наказание, зачем государству в лице органов уголовного преследования предпринимать меры по установлению невиновности или обстоятельств, смягчающих наказание? Раз эта деятельность не выражает цели уголовного процесса, она – бесцельна, и если осуществляется, то как бы

[1] Чельцов М. А. Уголовный процесс… С. 12.

попутно, в «инициативном порядке». А если следователь, дознаватель и, что во сто крат опаснее, суд не предпримут этих мер, то это нельзя рассматривать как негативный показатель их деятельности – такой цели перед ними же не стоит.

Как известно, «сила действия равна силе противодействия». Несмотря на естественнонаучный характер этого правила, «аллегорически» оно может быть распространено на любые процессы, и в том числе процесс развития научной мысли: естественной реакцией на появление какой-нибудь радикальной научной идеи является обоснование ее абсолютной, и столь же радикальной, противоположности.

Нечто подобное произошло с учением о цели уголовного процесса. Осознание противоречий точки зрения, признающей в качестве таковой наказание преступника, привело к появлению прямо противоположной позиции. В качестве «пионера» выступил известный русский, а позднее и советский, правовед П. И. Люблинский. Он одним из первых в процессуальной науке обосновал совершенно иной взгляд на цель уголовного процесса. «Уголовное уложение имеет в виду преступника, – писал П. И. Люблинский, – оно применяется лишь к осужденному, устав уголовного судопроизводства применяется к каждому гражданину и потому не должен иметь в виду преступника», а, следовательно, целью уголовного процесса является «цель ограждения невиновных от наказания, а не цель применения наказания к виновным, что не требует сложной процедуры»[1].

Если следовать логике автора, уголовный процесс существует не там, где реализуется наказание в отношении виновного, а там, где установлены механизмы, сдерживающие государство, не допускающие применение уголовно-правовых мер в отношении невиновного.

При всем идеализме такого человекоцентричного подхода нельзя не признать, что с точки зрения логики он выглядит вполне состоятельным. Действительно, само по себе право государства на наказание не требует ни

[1] Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб., 1906. С. 9.

какого-либо специального обоснования, ни оформления какой-либо особой процедурой его реализации. Государство – это единственный носитель легального права на принуждение, безусловным элементом которого выступает уголовное наказание, и в распоряжении этим правом оно – абсолют. Только государство обладает аппаратом претворения принуждения в жизнь, и любые формы противодействия этому праву противоправны. Зачем же тогда государству для реализации права на уголовное наказание уголовный процесс? Если с этих позиций подходить к цели уголовного процесса, то он является скорее не средством уголовного наказания, а препятствием для этого. Любые «процессуальные сложности», как то презумпция невиновности, активное участие обвиняемого в производстве по уголовному делу, допуск защитника, обеспечение его участия в следственных и иных процессуальных действиях, наличие строгих, подчиненных исключительно требованиям закона процедур их производства, особых правил их документирования и др. – все это препятствия на пути реализации уголовного наказания. Как справедливо по этому поводу писал Н. Н. Полянский, «если бы процесс имел… единственной целью осуществление материального права государства на наказание, то законодатель и ограничивался бы тем, что наделял бы суд и вспомогательные органы всеми полномочиями, нужными для энергичного осуществления репрессии»[1]. Однако этого нет. История развития уголовного процесса показывает скорее обратную тенденцию – постоянное усложнение уголовно-процессуальной формы[2] путем введения все новых и новых гарантии прав, свобод и законных интересов участников процессуальной деятельности, что отмечено в работах по истории уголовного

---

[1] Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 8.

[2] Необходимо отметить, хотя это прямо и не относится к тематике нашего исследования, что говоря об усложнении уголовно-процессуальной формы, мы рассматриваем ее как закономерность развития уголовного процесса в целом, на протяжении всей исторической дистанции, от догосударственных и квазигосударственных форм разрешения социальных конфликтов до уголовного процесса в его современном понимании. Нынешняя тенденция на оптимизацию порядка производства по уголовному делу, выражающаяся в первую очередь в сокращении уголовно-процессуальной формы, нисколько не противоречит основной закономерности. По сути, таким образом, процесс производства по уголовному делу трансформируется, но не деградирует путем возврата к прошлым, исторически изжившим себя формам.

процесса[1] и является достаточно сильным аргументом против того тезиса, что целью уголовного процесса является наказание.

Нельзя сказать, что в последующие десятилетия представление об уголовном процессе как средстве «ограждения невиновных от уголовного наказания» получило большое распространение. Возвращение к нему состоялось лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века.

В этой связи особо необходимо отметить исследование, проведенное Е. Б. Мизулиной, центральную часть которого заняла разработанная автором «концепция самоограничения государства»[2]. Критикуя уголовный процесс «прошлого», автор пишет: «Можно доказать, что законодатель, моделируя уголовный процесс как обвинительный, исходил из интересов всех членов общества, имея в виду его защиту от преступлений… Однако, нельзя не согласиться и с тем, что эти аргументы ровным счетом ничего не меняют: ради, возможно, благих целей законодатель извратил суть уголовно-процессуального способа. Он пренебрег тем, чем пренебрегать нельзя: воспользовался ради достижения одних целей (борьба с преступностью) тем, что предназначено совсем для других (недопущение осуждения невиновного)»[3].

Как видим, автор, хотя и не прямо, называет целью уголовного процесса (или «уголовно-процессуального способа», в терминологии Е. Б. Мизулиной) недопущение осуждения невиновного, повторяя основной тезис П. И. Люблинского.

Следует ли это мнение признать верным? При всей его внешней привлекательности и оно представляется нам односторонним, а поэтому – неспособным в полной мере отразить содержание цели уголовного процесса.

---

[1] См., например: Полянский Н. Н. Указ соч. С. 8–15; Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. 846 с.; Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977. 92 с.

[2] См.: Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. 32 с.

[3] Там же. С. 12.

Само по себе появление в науке диаметрально противоположных мнений полезно для развития научной мысли. Это катализатор данного процесса, повод для дискуссии на предмет поиска некоего третьего между этими крайностями. Излишне радикальная позиция в оценке общественных процессов, абсолютизация чего-то в ущерб другому – явный признак незрелости научной теории и повод для поиска истины, которая зачастую находится «посередине». Опасность теорий, абсолютизирующих одно и игнорирующих другое, кроется в другом – они хороши как исходная точка в исследовании, но не фундамент для решения прикладных задач.

Однако, нечто похожее произошло с действующим уголовно-процессуальным законом, когда в положениях ст. 6 УПК РФ было установлено, что назначение уголовного судопроизводства России состоит в *защите* прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и *защите* личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, при том, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Сразу обратим внимание, что в представленной формулировке закона ни слова не сказано о защите интересов государства и общества, что прямо противоречит Уголовному кодексу Российской Федерации 1996 г.[1] (далее – УК РФ), для реализации положений которого предназначен уголовно-процессуальный закон.

В современной уголовно-правовой доктрине преступление – это *общественно опасное деяние,* посягающее на государственный и общественный интерес, что следует и из формулировки ст. 2 УК РФ, которая задачами уголовного закона видит не только охрану прав и свобод человека и гражданина,

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

собственности, но и *общественного* порядка и *общественной* безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности *человечества*, а также предупреждение преступлений. Отсюда, не вызывает сомнений тот факт, что рассматривая вопрос о цели в уголовном процессе, необходимо помнить не только о человеке, но и о государственных и общественных, т. е. публичных интересах. По этому поводу точно писал Б. Г. Розовский: «Если ныне мы будем относить к задаче уголовного процесса только защиту прав кого бы то ни было – потерпевших, обвиняемых и других, то возникает вопрос: какая же тогда деятельность направлена на раскрытие преступления и осуждение виновного и какой отраслью права она регулируется»[1].

Полемизируя с мнением автора цитаты, можно возразить, что это активное «преследовательское» начало уголовного судопроизводства логически скрыто за формулировкой п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, предусматривающей, что назначение уголовного судопроизводства заключается в защите прав и законных интересов потерпевшего, реализация чего, по замыслу законодателя, должна осуществляться посредством уголовного преследования и наказания лица, причинившего вред потерпевшему. Однако и это утверждение логически небезупречно. Представленная в настоящее время модель российского уголовного судопроизводства реализует свое назначение только когда органы и лица, осуществляющие от имени государства уголовное преследование, и потерпевший действительно «работают» на одной стороне, т. е. когда их интересы совпадают. И для нашего законодателя, который предложил такую трактовку назначения уголовного судопроизводства, по всей видимости, другой вариант развития событий не предполагался, иначе он не отнес бы потерпевшего безапелляционно к стороне обвинения.

В действительности же, как показывает практика, характер «взаимоотношений» между потерпевшим и следователем, дознавателем или

---

[1] Розовский Б. Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса: эссе. Луганск, 2004. С. 40.

государственным обвинителем может быть самым разнообразным, и их интересы могут в корне расходиться. Это может происходить, например, в случаях, когда уголовное дело возбуждается в публичном порядке, вопреки воле потерпевшего, находящегося в родственных или близких отношениях с причинителем вреда и желающего в силу этого погасить конфликт вне правового поля; когда прокурор, руководитель следственного органа или суд не дают согласия на прекращение уголовного дела за примирением сторон; когда государственный обвинитель в суде, вопреки воле потерпевшего изменяет обвинение в сторону, улучшающую положение подсудимого или вовсе отказывается от него и т. д. Во всех этих и подобных им ситуациях уголовное судопроизводство осуществляется вопреки интересам потерпевшего, а, следовательно, не может рассматриваться как средство защиты их прав и законных интересов.

Трудно не согласиться с Д. А. Жестовской и А. Г. Тузовым, которые, анализируя п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, высказали следующее замечание: «Защита прав потерпевшего, объявленная в ст. 6 УПК РФ, возможна только в той мере, в которой частный интерес потерпевшего встраивается в публичный интерес привлечения преступника к уголовной ответственности»[1].

Кроме того, как известно, потерпевший – не обязательный участник уголовного судопроизводства. В этой связи достаточно вспомнить, например, о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка или преступлениях против государственной власти, где основным объектом посягательства являются как раз государственные и общественные интересы. Вполне очевидно, что в ходе производства по делам о таких преступлениях защищать права и законные интересы потерпевшего невозможно по причине его отсутствия. Соответственно, если ориентироваться на ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в таких случаях назначение уголовного судопроизводства состоит лишь в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод. Признавая в рассматриваемом случае такую

[1] Жестовская Д. А., Тузов А. Г. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 48.

трактовку назначения уголовного судопроизводства, мы обязаны согласиться и с тем, что возбуждая уголовное дело, привлекая лицо в качестве обвиняемого по уголовному делу, осуществляя уголовное преследование и даже вынося обвинительный приговор суд, прокурор, следователь, дознаватель *защищают* обвиняемого от незаконного и необоснованного уголовного преследования, что выглядит, мягко говоря, неубедительно.

Таким образом, представление о цели уголовного процесса как недопущении наказания невиновного и необоснованного ограничения прав личности, имеет следующие концептуальные пробелы.

Первый. Уголовный процесс нельзя сводить только к деятельности по защите личности от возможного государственного произвола, необоснованного вторжения в права, свободы и законные интересы. Он – это еще и деятельность по уголовному преследованию обвиняемого, признанию его виновным, назначению ему уголовного наказания и обращению обвинительного приговора суда к исполнению, а также сопутствующая этому деятельность (например, по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора).

Второй. В публичном уголовном процессе защищаются не столько частные интересы потерпевших и лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию, сколько интересы общества и государства. Превалирование частных интересов перед публичными в сфере уголовного судопроизводства характерно только для производства по делам частного обвинения, являющегося скорее исключением из общих для уголовного судопроизводства правил.

Третий. Такое понимание цели уголовного процесса не дает ответа на вопрос о том, как быть с правами и законными интересами иных лиц. Как, например, уголовное судопроизводство соотносится с защитой прав и законных интересов лица, в отношении которого обвинение и осуждение вполне законны и обоснованы? Или для защиты их прав и законных интересов уголовный процесс не предназначен, и такая цель не ставится законодателем перед уголовным судопроизводством? Уже сейчас следователь, дознаватель или судья на гипотетический вопрос обвиняемого, вполне обоснованно ссылающегося на ст. 6

УПК РФ, почему они отказываются защищать его права, свободы и законные интересы, могут ответить, что их деятельность для этого не предназначена, так как эта норма в буквальном смысле предписывает им защищать только тех, кто преследовался и был осужден незаконно и необоснованно. Свое же мнение о законности уголовного преследования и осуждения обвиняемого они высказали в соответствующих процессуальных решениях.

В разрезе исследования проблемы цели в уголовном процессе небезынтересным представляется вопрос о том, как ее определяет уголовно-процессуальное законодательство государств – бывших республик Союза ССР.

Следует отметить, что, несмотря на общие исходные условия, в этой части кодексы ныне суверенных государств, как с точки зрения терминологии, так и концептуально, существенно отличаются от российского уголовно-процессуального закона.

Так, категорией «назначение» воспользовался только законодатель Азербайджанской Республики, однако несколько в ином контексте, нежели чем она использована в нашем законе. Часть 1^1 ст. 1 УПК Азербайджана от 14.07.2000 содержит в себе норму, регламентирующую «назначение уголовно-процессуального законодательства», которое заключается в определении «наличия или отсутствия состава преступления в деяниях, отражающих признаки преступления, виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, а также правовых процедур уголовного преследования и защиты лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении деяния, предусмотренного уголовным законом».

Уголовно-процессуальные законы большинства других постсоветских государств – бывших республик Союза ССР в своем содержании используют более традиционные термины – «цель» или «задача». Причем в большинстве случаев эти нормы предусматривают «задачи уголовно-процессуального законодательства» (УПК Кыргызстана от 28.10.2021; УПК Республики Беларусь от 16.07.1999; УПК Узбекистана от 22.09.1994). Реже в кодексах этих государств говориться о «цели уголовно-процессуального законодательства» (УПК Латвии

от 21.04.2005 и УПК Грузии от 09.10.2009). И только УПК Украины от 13.04.2012, УПК Молдовы от 14.03.2003 и УПК Таджикистана от 03.12.2009 содержат в себе нормы, устанавливающие задачи уголовного судопроизводства, а УПК Туркменистана от 18.04.2009 и УПК Казахстана от 14.07.2014 – задачи уголовного процесса.

Анализ содержания этих норм показал, что во всех без исключения кодексах формулировки целей и задач носят двунаправленный характер. Ни один из них не ограничился в своих положениях указанием исключительно на защиту прав и законных интересов личности как на единственную ценность, для охраны которой предназначен уголовно-процессуальный закон или уголовное судопроизводство. Это самое главное отличие и, как представляется, одновременно преимущество кодексов наших соседей.

В конкретных же формулировках в качестве цели (задачи) указываются:

– «1) защита личности, общества и государства от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; 3) быстрое и полное расследование преступлений; 4) изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления; 5) справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона; 6) незамедлительная и полная реабилитация в случаях незаконного обвинения или осуждения невиновного; 7) обеспечение возмещения материального ущерба и морального вреда» (УПК Кыргызстана);

– «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден» (УПК Узбекистана);

– «эффективное применение норм уголовного закона и справедливое регулирование уголовно-правовых отношений» (УПК Латвии);

– «защита личности, общества и государства от преступлений» (УПК Молдовы);

– «уголовное преследование лиц, которые подозреваются, обвиняются в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний» (УПК Беларуси);

– «своевременное и полное раскрытие преступлений, привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, справедливое разрешение рассматриваемых вопросов в суде» (УПК Таджикистана);

– «защита личности, общества и государства от уголовных преступлений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного рассмотрения с тем, чтобы каждый, кто совершил уголовное преступление, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни невиновен не был обвинен или осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению и чтобы к каждому участнику уголовного судопроизводства была применена надлежащая правовая процедура» (УПК Украины);

– «оперативное и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения уголовного закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (УПК Туркмении);

– «пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений» (УПК Казахстана).

Гораздо более сбалансированными формулировками «целеустанавливающих» норм, в сравнении с ныне действующим законодательством, отличались и проекты УПК РФ, конкурировавшие в свое время с проектом действующего уголовно-процессуального закона.

Так, в одном из проектов УПК РФ, внесенном группой депутатов – членов Комитета Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе, задачи уголовного процесса определялись как «обеспечение строгого соблюдения установленного порядка производства по уголовным делам и процессуальных норм, гарантирующих *защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства от преступлений*, путем быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения и привлечения к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливого судебного разбирательства и правильного применения уголовного закона», при том, что «установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае обвинения или осуждения невиновного – незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений, формированию уважительного отношения к праву» (ст. 6 Проекта).

В проекте УПК РФ, подготовленном рабочей группой В. В. Киселева, задачи уголовного процесса состояли в «защите *личности, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства* от преступных посягательств путем быстрого и полного раскрытия преступлений, уголовного преследования лиц, их совершивших, объективного судебного разбирательства и правильного применения закона, на основе строгого соблюдения процессуальных норм…» (ч. 1 ст. 7 проекта).

Как свидетельствуют опубликованные стенограммы парламентских слушаний, на спорный характер ст. 6 проекта действующего УПК РФ ведущие ученые-процессуалисты страны обращали внимание еще при обсуждении проекта ныне действующего уголовно-процессуального закона. Так, в частности, А. П. Гуляев подверг жесткой критике те ее положения, которые назначением уголовного судопроизводства провозгласили защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод. По его мнению, декларировать это в качестве первоочередной задачи уголовного

процесса было все равно, что «презюмировать виновность» следователя или дознавателя[1].

В таком же ключе к этой норме уголовно-процессуального закона относились и некоторые представителя адвокатского сообщества, что может на первый взгляд показаться странным. Например, Г. М. Резник по поводу нее высказался следующим образом: «Ну, казалось бы, мне как правозащитнику, надо рукоплескать тому, что… наипервейшая задача – это охрана прав личности от необоснованного привлечения к уголовной ответственности… здесь я вынужден согласиться… уголовный процесс… затевается не для ограждения прав личности…»[2].

Интересна в этом отношении и экспертная оценка ст. 6 тогда еще проекта УПК РФ, высказанная швейцарским исследователем Стефаном Трекселем: «…Эта статья преувеличивает добрые намерения авторов Проекта. Не может быть никакого сомнения в том, что в первую очередь задачей уголовного процесса является установление факта преступления, розыск подозреваемого и проведение беспристрастного судебного разбирательства с целью установить виновность подсудимого и назначить ему наказание. Утверждение на первом месте, что задачей уголовного процесса является защита личности, поднимает вопрос, какую личность следует защищать – обвиняемого от органов государства или потерпевшего от преступника?»[3]

Подвергались справедливой критике как положения ст. 6 УПК РФ, так и сама концепция единственной цели уголовного процесса – защиты прав личности, и после принятия УПК РФ 2001 г.[4]

---

[1] Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат. М., 2007. С. 551.

[2] Там же. С. 564.

[3] Там же. С. 401.

[4] См., например: Куцова Э. Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации // Ученые-юристы МГУ о современном праве М., 2005. С. 292 ; Зинатуллин З. З. Иерархия функций российского уголовного процесса // Российский судья. 2001. № 4. С. 102 ; Берова Д. М. К вопросу о соотношении понятия функции уголовного судопроизводства с понятиями целей, задач, и принципов уголовного судопроизводства // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 153–158 ; Печников Г. А., Назаров С. Д., Блинков А. П.

Представленные мнения противников закрепленного в законе назначения уголовного судопроизводства составляют лишь малую долю тех, что были высказаны в науке против такого видения основ современного уголовного судопроизводства[1].

Естественно, палитра высказанных в уголовно-процессуальной науке мнений не ограничивается исключительно критикой ст. 6 УПК РФ. В научной литературе, в публичных высказываниях многие не менее уважаемые процессуалисты выражали и выражают диаметрально противоположное мнение, признавая прогрессивный характер концептуальной основы действующего уголовно-процессуального законодательства. Среди них можно назвать таких известных авторов, как Е. Б. Мизулина[2], П. А. Лупинская[3], И. Б. Михайловская[4], Л. А. Воскобитова[5], А. В. Смирнов[1], Н. В. Лантух[2] и многих других.

Общая цель уголовного судопроизводства и статья 6 УПК РФ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43) С. 92–93 ; Азаров В. А. Либерализация антикриминального законодательства и защита общечеловеческих ценностей в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 1 (30). С. 106 ; Томин В. Т. Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции // Уголовный процесс России: Проблемные лекции. Пятигорск, 2014. С. 26–71 ; Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 188, и др.

[1] См., например: Берова Д. М. К вопросу о соотношении понятия функции уголовного судопроизводства с понятиями целей, задач, и принципов уголовного судопроизводства // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 153 – 158; Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : дисс. … д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. 439 с.; Зажицкий В. И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 22–26; Ищенко Е. П. Действующий УПК и задачи уголовного судопроизводства // Труды Кубанского государственного аграрного университета. Серия: Право. 2008. № 2 (3). С. 41–48; Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. 175 с. ; Попов А. П. Целеполагание в современном уголовном отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 46 с. ; Суденко В. Е. Объективная истина как цель уголовного процесса // Транспортное право и безопасность. 2017. № 9 (21). С. 66–73 ; Томин В. Т. Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции // Уголовный процесс России: Проблемные лекции. Пятигорск, 2014. С. 26–71, и др.

[2] Мизулина Е. Б. Указ. соч.

[3] См., например: Лупинская: П. А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства… С. 277–298 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М., 2013. С. 27–31.

[4] См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства… С. 33–35.

[5] См., например: Воскобитова Л. А. Назначение, цели и задачи современного уголовного судопроизводства: проблемы понимания // Актуальные вопросы применения уголовно-

Каждый из перечисленных авторов приводит ту или иную систему аргументов в отстаивание своей позиции, однако как наиболее существенный чаще всего приводится следующий довод: в настоящей редакции ст. 6 УПК РФ максимально соответствует международным стандартам, содержащимся в международно-правовых документах[3]. Откровенно говоря, это слабый аргумент, так как не совсем понятно, как это «соответствие» было бы поколеблено, внеси законодатель, наряду с защитой личности, в закон указание на то, что уголовное судопроизводство призвано защищать конституционный строй (которым этот же приоритет прав личности и обеспечивается), общественную безопасность и общественный порядок. Думается, что никак. Однако такого двуединства назначения уголовного судопроизводства законодатель, к сожалению, не воспринял.

Этот недостаток ст. 6 УПК РФ, кстати, признается и некоторыми сторонниками содержащегося в ней назначения уголовного судопроизводства, о чем свидетельствуют их попытки «примирить» необходимость защиты интересов личности с обязательностью защиты интересов государства и общества. Так, А. В. Смирнов пишет: «В статье 6 говорится о защите прав и интересов лишь физических и юридических лиц (организаций), однако уголовное судопроизводство – отрасль публичного права, и большинство уголовных дел являются делами не частного, а публичного обвинения… Поэтому содержание ч. 1 ст. 6 следует толковать расширительно, а в уголовном процессе должна осуществляться защита не только частных интересов отдельных физических и юридических лиц, но и публичных интересов, а именно: *основ конституционного строя, нравственности, обороны страны и безопасности государства*»[4].

процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений : материалы межвуз. науч.-практ. конференции. М., 2009. Ч. 1. С. 56–66.

[1] См.: Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2008. С. 17–19.

[2] Лантух Н. В. Уголовный процесс (уголовное судопроизводство)… С. 160.

[3] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М., 2004. С. 14.

[4] Смирнов А. В. Указ. соч. С. 18.

Л. А. Воскобитова также признает, что, «не ставя под сомнение правильность правозащитной стратегии современного российского уголовного судопроизводства, нельзя не признать, что в его защите нуждаются не только права личности… но еще и охрана собственности, общественного порядка, общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ, мира и безопасности человечества… Уголовное судопроизводство, обеспечивая правильное применение таких норм уголовного права, фактически обеспечивает защиту и всех указанных ценностей, и было бы не лишним указать на них в ст. 6 УПК РФ»[1].

Кроме попыток совместить в формулировке целей (задач) уголовного процесса интересы личности, государства и общества, представить их в качестве двух сторон единого целого, в науке предпринимались попытки вместо «единства противоположностей» синтезировать что-то новое, принципиально отличное. Одной из них явилось появление весьма распространенного мнения о том, что целью уголовного процесса является применение норм уголовного права. Сразу необходимо сказать, что, несколько отличаясь по форме, содержательно оно практически повторяет точку зрения, определяющую целью уголовного процесса наказание преступника. Данное утверждение требует некоторых пояснений.

Мнение о том, что уголовный процесс – это форма реализации уголовно-правовых предписаний, высказывалось уже давно. Так, в советской процессуальной литературе достаточно часто использовалась цитата К. Маркса о том, что «материальное право… имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы… Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни»[2].

---

[1] Воскобитова Л. А. Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 31–32.

[2] См., например: Боннер А. Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. 1978. № 4. С. 24.

Определенное распространение такое видение назначения уголовного процесса получило и в русской дореволюционной науке. Например, И. Я. Фойницкий в свое время, определяя уголовный процесс как «юридически определенный порядок производства уголовных дел в видах осуществления права на наказания», в то же время признавал, что он «существенно необходим для применимости уголовно-правовых норм»[1].

Еще конкретнее по этому поводу писал С. И. Викторский: «…Уголовно-процессуальное право есть совокупность юридических норм, созданных для решения вопросов о применении нормы материального уголовного права в каждом отдельном случае правонарушения»[2].

При этом следует принимать во внимание, что в то время какой-то общепринятой теории применения права еще не было, поэтому признание уголовного процесса видом правоприменительной деятельности происходило скорее на интуитивном уровне.

Настоящий расцвет учения о правоприменении пришелся на 50-е – 60-е гг. прошлого века. Несмотря на строго идеологический характер советской правовой науки, к ее несомненным достоинствам следует отнести глубочайшую теоретическую проработку данной проблематики. Именно тогда были проведены исследования механизма правоприменения, результаты которых актуальны до сих пор, а выводы, сделанные по итогам этих изысканий, по сути, и сегодня определяют теоретическую основу отраслевых работ по праву[3].

Об остроте и востребованности данной проблемы в этот период времени говорит тот факт, что в середине 50-х гг. XX в. на протяжении нескольких лет

---

[1] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб., 1912. С. 2.

[2] Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 2.

[3] См., например: Денисов А. И. Социалистическое право. М., 1955. 68 с.; Явич Л. С. Некоторые теоретические проблемы осуществления норм советского права // Ученые записки Таджикского государственного университета. Т. XII. Труды юридического факультета. Вып. 4. Сталинабад, 1956. С. 27–69 ; Вильнянский В. И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского юридического института / отв. ред. С. И. Вильнянский. Харьков, 1957. Вып. 8 С. 3–18 ; Александров Н. Г. Применение норм советского социалистического права. М., 1958. 40 с. ; Недбайло П. Е. Применение норм советского права. М., 1960. 511 с. ; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 187 с.

велась оживленная заочная дискуссия между ведущими учеными-теоретиками права, посвященная механизму правоприменения. Ее участниками были и классики советской теоретической науки – С. Я. Кечекьян, Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, А. М. Васильев, П. Н. Галанза, И. Е. Фабер и др. Итоги этой полемики были опубликованы на страницах ведущего академического правового издания того времени – в журнале «Советское государство и право»[1].

Такой всплеск активности в теории права послужил своеобразным катализатором для начала исследований механизма уголовно-процессуального правоприменения[2], и к настоящему времени тезис о правоприменительной природе уголовного процесса можно с достаточной степенью определенности назвать общепризнанным знанием. Вместе с тем, это вовсе не означает, что оно не может быть переосмыслено[3].

В основе нашей позиции по этому вопросу лежат два тезиса. *Первый* заключается в том, что посредством уголовно-процессуальных отношений (в реальности существующих в виде уголовно-процессуальной деятельности их участников) происходит не реализация уголовно-правового отношения, а именно применение нормы уголовного права, что принципиально важно. Дело в том, что реализация правовых предписаний – это гораздо более широкое понятие, чем применение нормы права, которое, как известно из теории права, – всего лишь одна из форм ее реализации, наряду с использованием, исполнением и соблюдением. При этом ставшее практически безальтернативным мнение о том, что нормы уголовного права реализуются исключительно путем их применения,

---

[1] К итогам дискуссии о применении советского права // Советское государство и право. 1955. № 3. С. 44–53.

[2] См., например: Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности М., 1939. С. 77–83 ; Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. 172 с. ; Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. 176 с.; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности… 320 с. ; Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. 112 с. ; Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 108–134, и др.

[3] См. подробнее: Диваев А. Б. Уголовный процесс как специальная форма реализации норм уголовного права // Российская юстиция. 2022. № 10. С. 34–41.

по нашему убеждению, ошибочно. И это *второй* тезис, на который хотелось бы обратить внимание.

На чем он основан? Исключительно на природе норм уголовного права, подавляющее большинство из которых являются запрещающими нормами, что подразумевает их реализацию *вне правоотношений*, поскольку любой запрет воплощается в жизнь исключительно в пассивной форме – посредством воздержания его адресата от запрещенной формы поведения, т. е. без вступления в какие бы то ни было правоотношения. Отсюда следует и важнейшая особенность, характеризующая механизм воздействия большинства норм уголовного права на общественные отношения: они, будучи запрещающими нормами, в отличие, например от управомочивающих и обязывающих норм, «работают» постоянно. Они на регулярной основе воздействуют на сознание своего адресата – субъекта права, оказывая превентивный эффект и препятствуя совершению им запрещенных законом деяний. Именно поэтому в обычной ситуации для реализации правового запрета не требуется ни юридического факта, ни правоотношения.

Недооценка этого принципиального положения приводит к неверным выводам относительно соотношения уголовного и уголовно-процессуального права. Е. Я. Мотовиловкер писал об этом так: «Очевидно, что связь двух явлений не может быть правильно отражена в теории, если ошибочно определяется характер одного из них»[1].

Указанная особенность существенно отличает механизм реализации запрещающих норм от того, каким образом претворяются в жизнь управомочивающие или обязывающие правовые предписания, которые, содержа в себе дозволение на совершение каких-либо действий либо указание на правовую обязанность, реализуются исключительно активным путем – использованием права или исполнением обязанности. Такие нормы права выполняют свою функцию спорадически, всплесками – в силу возникновения юридического факта и вступления соответствующего субъекта права в конкретное правоотношение и

[1] Мотовиловкер Е. Я. Указ соч. С. 108–109.

только в тот период времени, пока оно существует. Именно поэтому управомочивающие и обязывающие нормы реализуются не иначе как в форме правоотношений.

Однако соблюдение запрета – хотя и основная, но не единственная форма реализации норм уголовного права. Кроме нее есть и особая экстраординарная форма, для осуществления которой необходим юридический факт – нарушение уголовно-правового запрета или, другими словами, совершение преступления. Она заключается в *применении* тех средств уголовно-правового воздействия к преступнику, которые допустимы законом.

Учитывая, что соблюдение уголовно-правового запрета (пассивную форму реализации уголовной нормы) нужно рассматривать как основной способ их воплощения в жизнь, применение нормы уголовного права необходимо считать вспомогательным способом их реализации. Следовательно, сам уголовный процесс с этой точки зрения можно определить как специальную форму реализации норм уголовного права[1].

Признание за уголовным процессом значения формы применения норм уголовного права автоматически опровергает весьма распространенный в науке уголовного права тезис о том, что уголовно-правовое отношение, которое призвано «обслуживать» уголовный процесс, возникает в момент совершения преступления, а сам факт его совершения – это тот юридический факт, который влечет его возникновение. В обычной ситуации, когда норма уголовного права соблюдается, ни о каких правоотношениях, тем более уголовно-правового характера, речи идти не может. Что же происходит в момент совершения преступления? С правовой точки зрения не меняется ничего. Если бы речь шла об управомочивающих или обязывающих нормах, субъекты права посредством вступления в правоотношения реализовали бы свои права и обязанности – содержание их статусов. Но о каком правоотношении может идти речь при нарушении уголовно-правового запрета? Между кем оно возникает, и каково его содержание?

---

[1] Диваев А. Б. Уголовный процесс как специальная форма реализации… С. 38

Обычно, отвечая на данный вопрос, имеют в виду государство и преступника. Вместе с тем, ни та, ни другая сторона не могут реализовать каких-бы то ни было взаимных прав и обязанностей просто в силу факта совершения преступления, а, следовательно, никакой правовой связи между ними в момент его совершения не возникает. Можно провести некоторую условную аналогию, заключающуюся в том, что фактом преступления государство по отношению к преступнику приобретает своего рода «правоспособность» на привлечение его к уголовной ответственности, которая может быть им реализована только при наступлении определенных условий.

То же самое относится и к противоположной стороне, т. е. к преступнику. После совершения преступления у него не появилось обязанности испытывать какие-либо неблагоприятные последствия своего деяния. Как раз наоборот, совершив свое деяние, преступник, *ранее* находившийся в правовом поле, соблюдавший уголовно-правовой запрет, в момент его совершения «выпадает» из сферы правовой регламентации. Он не просто не вступает в какие-либо правоотношения: вопреки требованиям закона, в результате своего поведения он выходит за рамки права. Недаром его уголовно-правовой статус носит название «преступник», т. е. тот, кто преступил закон, вышел за пределы закона, поставил себя вне закона[1].

Таким образом, вести речь о наличии какого-либо уголовного правоотношения, появляющегося вместе с преступлением, представляется весьма затруднительным. В противном случае необходимо было бы признать и тот факт, что реализация нормы уголовного права, регламентирующей его, начинается вместе с совершением преступления, что не соответствует действительности.

---

[1] Это подчеркивает и особый характер той формы противоправной деятельности, которая называется «преступление». Преступление — это выход за пределы предписания закона, его несоблюдение. Значительно более широким по смыслу является категория «правонарушение». Этот термин не используется уголовным законом и практически не применяется в уголовно-правовой доктрине, как представляется, не случайно. В отличие от преступления, правонарушение, как более общая категория, характеризует не только буквально «преступление через запрет», но и в том числе такую форму противоправного поведения, как невыполнение обязанностей.

Когда же возникает уголовное правоотношение? По нашему мнению, вместе с вступлением обвинительного приговора суда в законную силу. Именно в этот момент государство приобретает возможность реализовать в отношении осужденного все те обременения, которые следуют за фактом его привлечения к уголовной ответственности, а тот, приобретя с точки зрения уголовного закона статус преступника, обязуется претерпеть эти лишения. По сути, акт вступления обвинительного приговора в законную силу – это и есть тот юридический факт, с которым закон увязывает возникновение уголовно-правового отношения. До этого никакого уголовного правоотношения быть не может.

Возникновение уголовно-правового отношения – важнейшее по своему смыслу обстоятельство, инициирующее применение нормы уголовного права. Одновременно с этим преступник принудительно возвращается в правовое поле, регламентируемое нормами уголовного права. Наказание же – это не обязательная, но, как правило, применяемая к преступнику карательная мера, направленная на восстановление социальной справедливости, следствие его противоправного выхода за рамки предписаний уголовного закона.

Какое место в этом механизме занимают уголовно-процессуальные отношения? Как представляется, они предшествуют появлению уголовно-правового отношения, но не обслуживают его. Эти отношения есть этапы применения нормы уголовного права, то, что в теории права выражается следующей формулой: установление фактических обстоятельств случившегося – правовая квалификация – принятие решения по делу. Их появление связано с особым юридическим фактом – заявлением или сообщением (в смысле действия, а не носителя информации) о преступлении, а развитие – с производством по уголовному делу. Соответственно, посредством уголовно-процессуальных отношений, складывающихся между участниками производства по уголовному делу, запускается в действие механизм уголовного принуждения (преступник принудительно водворяется в уголовно-правовое поле), *после чего* применяется норма уголовного права, но уже *в рамках уголовного правоотношения* и если для этого имеются установленные законом основания. С этой точки зрения

необходимость применения уголовной нормы нужно расценивать не как цель, а как причину производства по уголовному делу. Очень точно по этому поводу высказались на страницах своей монографии М. С. Строгович, А. М. Ларин и Л. Б. Алексеева: «…Уголовный процесс не расправа. Вопрос о наличии оснований к применению норм уголовного права в каждом случае решается – положительно или "отрицательно" – в итоге расследования или судебного разбирательства»[1].

Научная концепция, рассматривающая применение нормы уголовного права в качестве цели уголовного процесса, хотя и получила определенное распространение[2], в целом не была поддержана в науке уголовного процесса. Своеобразный ее «ренессанс» произошел в начале 1990-х гг., когда реализация уголовного закона была провозглашена целью уголовного процесса в положениях Концепции судебной реформы, сформулированной в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 24.10.1991 № 1801-П. В этом программном документе было прямо сказано: «Вопреки вульгарным идеям, целью уголовной юстиции является не борьба с преступностью, а защита общества от преступлений путем *реализации уголовного закона*, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков)». При этом под реализацией уголовного закона авторы документа понимали не только привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания, но и *отказ от уголовного преследования невиновных*» (курсив наш – А. Д.).

Схожее мнение прозвучало в исследованиях более позднего периода[3]. Так, об «оптимальной реализации уголовного права» как цели уголовного процесса прямо заявили М. П. Поляков и А. Ю. Смолин[4].

---

[1] Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности… С. 224–225.

[2] См., например: Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. С. 14.

[3] См., например: Зажицкий В. И. Указ. соч. С. 22–26; Россинский С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций. М., 2007. С. 7.

[4] Поляков М. П., Смолин А. Ю. Указ. соч. С. 43–44.

Повторим: по нашему мнению, признание применения (или реализации) уголовного закона целью уголовного процесса ошибочно. Уголовный процесс – это и есть применение нормы уголовного права, а, следовательно, в такой трактовке цели он, фактически являясь средством достижения цели, отождествляется с целью. По сути, в этой парадигме уголовный процесс осуществляется ради самого себя, становится самоцелью.

Более того, постановка перед органами уголовной юстиции такой цели может привести как раз к обратному эффекту, нежели чем тот, на который уповали в свое время разработчики Концепции судебной реформы. Нельзя не согласиться с ее авторами в том, что «неверные цели, поставленные перед юстицией, порождают подтасовку ее сотрудниками, стремящимися оправдать общественные и начальственные ожидания, отчетных данных о своей работе. Происходят искажения статистической отчетности во всех звеньях. Юстиция занимает круговую оборону от разочарованного общества… Признание за юстицией подлинных целей, отвечающих ее природе и возможностям, необходимо для того, чтобы судебная реформа пошла в правильном направлении, не порождая иллюзорных надежд и не препятствуя раскрытию преимуществ правосудия»[1]. Однако, как добиться этого в условиях, когда уголовную юстицию ориентируют на цель в виде применения уголовного закона, непонятно.

Достаточно распространена в теории уголовного процесса еще одна точка зрения, определяющая в качестве цели уголовного процесса «установление истины по уголовному делу». Одним из первых об этом писал еще в конце XIX в. Д. Г. Тальберг. Он двояко понимал цель уголовного процесса, и если одной из ее составляющих было установление «соответствия данного конкретного случая предположению определенной юридической нормы… ответственности лица перед уголовным законом», что, в общем-то, было вполне традиционно для того времени, то вторая часть цели уголовного процесса формулировалась им гораздо

[1] О концепции судебной реформы : постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24.10.1991 № 1801-П // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 31 окт. № 44. Ст. 1435.

самобытнее: «…Исследовать… прошедший факт или выяснить все обстоятельства, сопровождавшие совершение известного преступления»[1].

Более определенно писал по данному вопросу еще один представитель дореволюционной школы русского уголовного процесса – Г. С. Фельдштейн: «Цель уголовного процесса в том, что он стремиться к раскрытию истины в смысле установления факта преступления и вместе с тем к определению вытекающих из него последствий»[2].

Весьма представительным был ряд сторонников данного мнения в советский период развития науки уголовного процесса[3]. Так, например, М. С. Строгович прямо писал: «Цель уголовного процесса – это прежде всего установление фактических обстоятельств дела в полном и точном соответствии с действительностью, т. е. установление *истины*»[4].

Несмотря на то, что категория истины была «вычищена» из действующего уголовно-процессуального закона, этот подход к пониманию цели уголовного процесса пользуется популярностью и в настоящее время[5].

Как известно, в основу действующего уголовно-процессуального закона положена концепция, отрицающая истинность результата уголовно-процессуальной деятельности: «истинным», по мнению его разработчиков, может

---

[1] Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Киев, 1898. С. 6.

[2] Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 1.

[3] См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки уголовного процесса. М., 1968. 470 с. ; Каминская В. И. О единстве советского процессуального права // Вопросы борьбы с преступностью. 1974. Вып. 21. С. 29–46 ; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 113 ; Божьев В. П. Указ. соч. С. 8.

[4] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса…С. 41.

[5] См., например: Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 103–132 ; Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 24–25 ; Брестер А. А. Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 14. Вып. 1. С. 74–81 ; Брестер А. А. Начало, форма и метод уголовного процесса : дис. … канд. юрид. наук Томск, 2013. 219 с. ; Смолин А. Ю. Уголовный процесс как технология: предпосылки концепции // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 157–162 ; Пиюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2017. С. 38, и др.

быть только способ достижения этого результата, т. е. уголовно-процессуальная процедура. По сути, этим презюмируется, что все достигнутое формально соответствующими закону средствами – истинно. Е. Б. Мизулина, ставшая одним из идеологов современного закона, так и писала об этом: «…Постановка вопроса о существовании уголовно-процессуальной истины неправомерна не только потому, что не содержит в себе ответа, но и потому, что вообще не может быть отнесена к числу уголовно-процессуальных парадигм. В той сфере, которая именуется уголовным процессом, можно и нужно говорить об истинности способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не ее результата»[1].

Это положение неоднократно и вполне справедливо подвергалось критике современной уголовно-процессуальной наукой, однако факт остается фактом: истина в уголовно-процессуальном законе – «persona non grata».

Несмотря на популярность точки зрения, предлагающей считать достижение истины по уголовному делу целью уголовного процесса, она также имеет целый ряд изъянов, главным среди которых является то обстоятельство, что в традиционном понимании установление истины по уголовному делу – это цель уголовно-процессуального доказывания, но не уголовного процесса в целом. Однако цель целого нельзя сводить к цели его части. При всей важности и конструктивной необходимости уголовно-процессуальное доказывание не исчерпывает собой всего объема содержания такого явления как уголовный процесс. Это главная, но лишь часть уголовного процесса. Никому же не приходит в голову целью уголовного процесса называть обеспечение нормального хода производства по уголовному делу и охрану уголовно-процессуального права от противоправных посягательств, что является целями уголовно-процессуального принуждения. Необходимо согласиться с А. П. Поповым, который писал, что «познание истины является необходимым

[1] Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. …. д-ра юрид. наук… С. 92.

условием достижения цели уголовного процесса при производстве по конкретному уголовном делу, однако не самой целью»[1].

В контексте анализа подходов к проблеме «цели», сформировавшихся в уголовно-процессуальной доктрине, интересной представляется проблема соотношения этой категории с категорией «задачи», которая зачастую рассматривается в качестве синонима «цели» при характеристике результата уголовно-процессуальной деятельности.

Ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., как известно, предусматривала систему «задач уголовного судопроизводства». Напомним, что согласно ей таковыми являлись быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В период действия УПК РСФСР 1960 г. к числу сторонников мнения о том, что цель уголовного процесса тождественна системе задач уголовного судопроизводства, относились такие известные авторы, как П. С. Элькинд[2], А. Д. Бойков[3], а, в более поздний период, уже в самом конце действия УПК РСФСР 1960 г., – Н. А. Власова, С. И. Гирько[4], Р. Х. Якупов[5].

Несмотря на отказ от применения термина «задачи уголовного судопроизводства» в современном законе, предлагают отождествлять эти термины и некоторые современные авторы[6].

---

[1] Попов А. П. Целеполагание в современном уголовном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 23.

[2] Элькинд П. С. Категории «цель» и «средства» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 98–103.

[3] Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 41.

[4] Власова Н. А., Гирько С. И. Этапы судебной реформы и реализация некоторых задач уголовного судопроизводства // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов М., 1994. С. 3.

[5] Якупов Р. Х. Уголовный процесс. М., 2004. С. 35.

[6] См., например: Куцова Э. Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М. К. Треушникова. М., 2005. С. 290–309 ; Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве… С. 13 ; Мезинов Д. А. О соотношении понятий «цель» и

Рассматривая указанную проблему, сразу отметим, что мы исходим из того, что категории «цель» и «задача» – не различные наименования одного и того же явления, а совершенно разные сущности. Убедиться в этом не сложно – достаточно проанализировать современное лексическое значение этих терминов.

Так, в академическом словаре под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под целью понимается, в том числе, «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить»[1]. Под задачей же – «то, что требует исполнения, решения… сложный вопрос, проблема, требующая исследования и решения»[2]. Вполне очевидно, что это не одно и то же. Задача в современном понимании – это скорее некое препятствие, которое требуется разрешить, устранить субъекту, а вовсе не то, к чему он стремится, что желает получить. С этой точки зрения, если связать эти категории, можно выстроить такую последовательность: решение задачи – это средство достижения цели, задача – это этап, который необходимо преодолеть, препятствие, которое нужно устранить для ее достижения.

Точно такая же причина – отсутствие лексического тождества, как представляется, является главным аргументом против отождествления категорий «цель» в уголовном процессе и назначения уголовного судопроизводства, указанного в ст. 6 УПК РФ. Сторонников этого мнения в современной науке уголовного процесса, надо сказать, немало. Среди них можно назвать таких ученых, как И. Б. Михайловская, В. И. Радченко, А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, и многих других авторов[3].

Причем зачастую это тождество ими рассматривается как само собой разумеющееся, постулируемое знание. А. В. Смирнов так и пишет: «Уголовно-

---

«задача» в науке уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 129–131 ; Козявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного процесса. М., 2010. С. 117, и др.

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 873.

[2] Там же. С. 203.

[3] См., например: Михайловская И. Б. Указ. соч. С. 27–61 ; Уголовный процесс / под общ. редакцией В. И. Радченко. М., 2006. С. 20–21 ; Уголовный процесс / под общ. ред. А. В. Смирнова… С. 17–18.

процессуальный закон использует понятие “назначение уголовного судопроизводства” (ст. 6 УПК). Синонимом слова “назначение” является понятие “цель”»[1]. Причем в подтверждение своих слов автор ссылается на уже упомянутый нами академический словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Однако, если обратиться к этому изданию, несложно убедиться в том, что лексически термин «назначение», в интерпретации словаря, отстоит от термина «цель» еще дальше, чем термин «цель» от термина «задача», содержание которых, как было продемонстрировано выше, также вовсе не одинаково. Думается, что такая вольность в обращении с научной терминологией недопустима. А поэтому отождествление всех этих на самом деле самостоятельных по значению терминов невозможно[2].

Выше мы уже упоминали, что на определенном этапе развития в науке получила распространение, если так можно выразиться, «многоцелевая» точка зрения, суть которой сводилась к тому, что уголовный процесс настолько разнонаправлен, что свести все их к одной цели не представляется возможным.

Одним из первых о многообразии целей уголовного процесса писал еще М. С. Строгович, который целью уголовного процесса считал «обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое наказание лица, совершившего преступление, ограждение от неосновательного обвинения невиновного человека и оказание воспитательного воздействия на граждан»[3].

Позднее похожее видение целей уголовного процесса было предложено и другими известными учеными советской школы уголовного процесса. Так, Т. Н. Добровольская достижение целей правосудия по уголовным делам считала возможным достичь путем «своевременного привлечения к ответственности и справедливого осуждения лиц, действительно виновных в совершении посягательств… путем коммунистического воспитания граждан, предупреждения

---

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка… С. 17.

[2] О разграничении категорий «цель» и «задачи» уголовного судопроизводства см., например: Володина Л. М. Цель и задачи уголовного процесса // Государство и право. 1994. № 11. С. 126–132 ; Зеленская Т. В. Понятие и сущность уголовно-процессуальной деятельности. Иркутск, 2010. 44 с.

[3] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1… 1968. С. 41.

правонарушений и устранения причин и условий, способствующих их совершению»[1].

Обратим внимание на то, что автор в своих рассуждениях пишет не о цели уголовного процесса, а о цели правосудия по уголовным делам. Между тем, в работах того периода эти категории зачастую отождествлялись, а цели правосудия не редко определялись через положения ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., которая предусматривала задачи уголовного судопроизводства. В частности, И. Л. Петрухин предлагал о целях правосудия говорить с учетом положений ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которая полностью повторяла ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., содержавшую задачи уголовного судопроизводства. По его мнению, в этом контексте можно было выделить «широкие» и «узкие» цели правосудия по уголовным делам. При этом «узкие» цели правосудия по уголовным делам, как считал автор, прямо производны от этих норм. Он писал: «Из формулировки ст. 2 Основ уголовного судопроизводства вытекает: 1) каждое уголовное дело должно быть правильно разрешено, т. е. по нему необходимо: а) достоверно и полно установить все фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания…, б) правильно квалифицировать деяние подсудимого на основе норм уголовного права и правильно применить нормы гражданского права, если судом принимается решение о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, либо суд отказывает в этом; в) назначить справедливое наказание либо обоснованно отказаться от применения наказания к подсудимому; 2) производство в судах должно вестись таким образом, чтобы при этом строго соблюдались требования социалистической законности, охранялись права и законные интересы обвиняемого и других участников процесса; 3) осуществление правосудия должно оказывать максимально возможное воспитательное воздействие на граждан»[2].

---

[1] Добровольская Т. Н. Цель советского социалистического правосудия // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. Сб. 2. Душанбе, 1968. С. 97.

[2] Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок… Ч. 1. С. 28.

Встречаются сторонники многоцелевого подхода к пониманию цели в уголовном процессе и в настоящее время. Например, один из них – А. П. Попов – выделяет следующие цели уголовного процесса: изобличение лиц, виновных в совершении общественно опасных деяний (на следственном и оперативно-розыскном уровнях), определение степени вины этих лиц в содеянном, применение к ним справедливых наказаний или иных предусмотренных законом мер воздействия (на следственно-судебном уровне), а также внесение изменений в качественные и количественные характеристики принудительных мер воздействия (на судебном уровне) с тем, чтобы достичь целей наказания, установленных уголовным законом[1].

Э. Ф. Куцова закрепляла за уголовным процессом целую систему «задач (целей)», к которым ею были отнесены: обеспечение реализации, при наличии к тому предусмотренных законом оснований, норм уголовного права; путем расследования и разрешения уголовных дел компетентными государственными органами и должностными лицами; в режиме строгого исполнения закона, обеспечивая этим изобличение виновного в совершении преступления, его справедливое наказание (или освобождение от уголовной ответственности или наказания), недопущение привлечения к уголовной ответственности невиновных, их осуждения, своевременное признание их невиновности; применение мер уголовно-процессуального принуждения лишь при действительной необходимости этих мер для раскрытия преступлений, изобличение виновных, соблюдая при этом гарантии, установленные международным и российским законодательством; возмещение или компенсация вреда, причиненного противозаконными действиями государственных органов и их должностных лиц, участвовавших в уголовном судопроизводстве[2].

Т. В. Трубникова в качестве целей уголовного процесса называет 1) установление истины по делу и вынесение на этой основе правосудного итогового решения; 2) убеждение населения в том, что установлена именно

---

[1] Попов А. П. Указ соч. С. 23–24.

[2] Куцова Э. Ф. Указ. соч. С. 292–293.

истина; 3) охрану прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в уголовный процесс, от чрезмерного их ограничения в ходе уголовно-процессуальной деятельности[1].

А. А. Козявин предлагает «дифференцированно разложить» цель уголовного судопроизводства на «1) основную цель уголовного процесса; 2) институциональные цели уголовно-процессуальной деятельности; 3) субъектные цели уголовного судопроизводства»[2]. При этом основной целью уголовного процесса автор видит «разрешение сложного социального конфликта, спровоцированного совершением преступления»[3].

Вслед за социологическими исследованиями, где в ходу термин «древо целей», о таком стали упоминать и в уголовно-процессуальной науке. В частности, А. В. Агутин так пишет по этому поводу: «…Целью уголовного процесса как отрасли деятельности является его генеральная цель, а цель производства по конкретному уголовному делу соотносится с целью уголовного процесса как отрасли деятельности как часть и целое и представляет собой не что иное, как цель первого уровня (главную цель)… Такую совокупность последовательно дробящихся целей в сфере уголовного судопроизводства в соответствии с понижающимся уровнем его подсистем деятельности вполне можно называть “деревом целей” уголовного процесса»[4].

Помимо разных вариаций теории множественности целей уголовного процесса, в последние несколько лет в науке появились и другие оригинальные идеи.

Так, например, Д. М. Берова рассматривает цель уголовного процесса с функциональных позиций и считает, что она состоит в том результате, «который необходимо достичь в ходе уголовно-процессуальной деятельности, то есть

---

[1] Трубникова Т. В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 134.

[2] Козявин А. А. Указ. соч. С. 121.

[3] Там же. С. 124.

[4] Агутин А. В. Указ. соч. С. 25.

реализации конкретными субъектами уголовного процесса уголовно-процессуальных функций»[1].

Небезынтересны и рассуждения И. Г. Смирновой, которая в рамках своего диссертационного исследования изучала ряд основополагающих уголовно-процессуальных категорий, и в том числе категорию цели уголовного процесса, исследовав ее сквозь призму аксиологического (ценностного) подхода. В частности, автор обосновывает вывод, что назначение уголовного судопроизводства, предусмотренное ст. 6 УПК РФ, «не является целью уголовного судопроизводства и не должно быть ею», так как «цель предполагает ориентацию на конкретный результат, в то время как назначение основано на социальной потребности существования правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства, т. е. ориентировано на начальный момент уголовно-процессуальной деятельности»[2]. Цель же уголовного процесса, по мнению И. Г. Смирновой, должна определяться на основе его «социальной ценности» и состоять в «защите личности, общества и государства от последствий совершенных общественно опасных деяний, а также охране законных прав и интересов путем обеспечения законности, обоснованности и справедливости принимаемых процессуальных решений и совершаемых процессуальных действий в сфере уголовного судопроизводства»[3].

Весьма популярной в последние годы стала точка зрения, согласно которой целью уголовного процесса является разрешение социального (как вариант – уголовно-правового, правового) конфликта[4].

В частности, похожим образом цель уголовного процесса определяет Л. В. Головко, для которого она заключается в «разрешении по существу

---

[1] Берова, Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 28.

[2] Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства… С. 25.

[3] Там же.

[4] См., например: Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 26–28.

уголовно-правового спора (о преступлении и наказании)»[1]. Это мнение носит своего рода «компилятивный» характер, так как конструкция, примененная автором при определении содержания цели уголовного процесса – «разрешение уголовно-правового спора» – вмещает в себя и установление истины по уголовному делу (без этого разрешение уголовного дела немыслимо), и применение уголовного закона к виновному лицу, а также признание его виновным и назначение ему уголовного наказания за содеянное.

Почти такую же позицию по этому вопросу имеет А. С. Александров: «Видимо, если оставаться на исключительно юридической позиции, – пишет он, – то цель уголовного процесса можно определить как принятие окончательного решения по уголовному делу, т. е. разрешение уголовного дела в порядке, определенном законом»[2].

Наконец, нельзя не упомянуть еще об одной точке зрения относительно проблемы цели в уголовном процессе, а именно о мнении, вообще отрицающем ее существование. Например, З. В. Макарова считает, что уголовного процесса «вообще» не существует, есть лишь уголовный процесс по конкретному уголовному делу, содержанием которого является уголовно-процессуальная деятельность, а поэтому цель может быть не у уголовного процесса, а у уголовно-процессуальной деятельности[3].

На первый взгляд, весьма привлекательная точка зрения. Действительно, когда речь заходит о цели и целеполагании, о них говорят как о категориях, имеющих субъективный характер, так как целеполагание – процесс, осуществляемый субъектом деятельности. Уголовный процесс же, равно как и уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное право – это объективные явления, что ставит под вопрос саму дискуссию о существовании цели уголовного

---

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М., 2017. С. 53.

[2] Александров А. С., Александрова И. А., Круглов В. И. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Н. Новгород, 2005. С. 14.

[3] Макарова З. В. Цель, средства и результат уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2014. С. 161.

процесса (уголовного судопроизводства, уголовно-процессуального права). Однако, отрицая существование уголовного процесса вообще, сводя его к производству по уголовному делу и соглашаясь с тем, что у каждого отдельного производства имеется своя конкретная цель, мы тем самым фактически отвергаем само существование какой бы то ни было единой целевой установки для уголовно-процессуальной сферы отношений, что совершенно не соотносится с их публично-правовым характером. Такая трактовка цели хороша для гражданского процесса, где, действительно, в каждом конкретном случае цель производства по делу является отражением частного интереса сторон, и говорить о какой-либо единой целевой установке в целом для него достаточно сложно. Но она вряд ли приемлема для уголовного процесса, где в основе целеполагания лежит публичный интерес, в силу которого оно не может быть отдано на откуп конкретных участников уголовно-процессуальных отношений. Целеполагание в сфере уголовного процесса общественно значимо, а поэтому и цель в уголовном процессе не может быть множественной, выражать чьи-то частные устремления. Соответственно, постановка проблемы цели и целеполагания в уголовном процессе вполне справедлива и оправданна, однако требует, как представляется, совершенно иных методологических основ для своего разрешения.

§ 2. Телеологические и функциональные аспекты уголовно-процессуального воздействия

Преодоление методологических препятствий, возникающих в ходе изучения какой-либо научной проблемы, видится нам в использовании общетеоретического знания, как той основы, на которой должно строиться любое исследование. Это утверждение в полной мере может быть распространено на уголовно-процессуальную науку: только общая научная теория, с ее максимально абстрагированным от прикладного уровня, предметом научного познания, может рассматриваться как универсальное средство разрешения тех противоречий, с которыми порой сталкивается исследователь.

Конечно, уголовный процесс – настолько сложное социально-правовое явление, что любые попытки получения абсолютного знания о нем, даже на основе философской методологии, выглядят малореалистичными. Однако изучение базовых системообразующих вопросов уголовно-процессуальной науки на основе общетеоретических наработок представляется нам совершенно необходимым.

Между тем, вовлечение общетеоретического знания в процесс познания уголовно-процессуальной действительности носило и носит фрагментарный характер. На это в свое время сетовала еще П. С. Элькинд, утверждавшая, что цель и задачи уголовного процесса нередко исследуются «без учета соответствующих достижений философской науки, равно как и без их комплексного анализа»[1]. К сожалению, можно констатировать, что данное утверждение справедливо и для современной уголовно-процессуальной теории. В большинстве изученных нами специализированных работ по данной тематике их авторы либо вообще не оговаривают того, что они понимают под категорией «цель», сразу приступая к исследованию различных аспектов цели и целеполагания в уголовном процессе, либо ограничиваются ее обыденным пониманием как некоего «желаемого результата деятельности».

При этом для нас вполне очевидным является факт того, что уголовно-процессуальная наука не должна заниматься самостоятельным изучением общеупотребимых научных категорий, к коим относится и категория цели, однако то, что всякое научное утверждение должно иметь научную же основу, для нас факт бесспорный. А поэтому в полном соответствии с этим тезисом, прежде чем рассуждать на специальную тему об уголовно-процессуальных аспектах цели и целеполагания, необходимо рассмотреть эти категории в их общетеоретическом понимании.

«Цель» в философии относится к числу тех базовых понятий, которые формируют мировоззренческий поход исследователя. Сообразно этому, вовсе не удивительно, что в науке образовалось целое направление философского знания,

---

[1] Элькинд П. С. Указ. соч. С. 98.

получившее название «телеология» (от греч. teleos – цель). В самом общем смысле современная наука телеологией называет «способ понимания и объяснения явлений реального мира, при котором важное место отводится понятиям цели»[1]. В специальной же интерпретации этого термина – особое философское учение, объясняющее развитие явлений с помощью конечных целей, так называемых целевых причин, или целей-детерминант.

Независимо от избранного подхода и специфики уголовно-процессуальных отношений, методика их исследования не только допускает, но и предполагает телеологический анализ, который хотелось бы начать с изучения общих закономерностей механизма целеполагания, без понимания которых невозможно уяснить того, чем же на самом деле является «цель».

Факт того, что все сущее находится в постоянном взаимодействии друг с другом, очевиден и не требует дополнительной аргументации. Соответственно этому, любой индивид в процессе жизнедеятельности, взаимодействуя со средой обитания, испытывает давление внешних факторов. В простейшем варианте такое столкновение можно проиллюстрировать взаимодействием человека и сил природы, когда тот по мере своих возможностей пытается либо приспособиться к природе (совершенствовать себя как систему), либо приспособить ее под себя (усовершенствовать условия функционирования себя как системы).

Однако, человек, будучи социальным существом, являясь частью общественного процесса, взаимодействует не только с естественной, но и социальной средой обитания, что подразумевает его возможную неудовлетворенность своим социальным существованием и стремление либо занять более подходящее место в социальной структуре, либо изменить сами социальные условия «обитания». При этом, несмотря на то, что «человек не выбирает для себя эпохи и условий своей деятельности. Он застает их готовыми… человек сам, своей собственной деятельностью так или иначе, в большой мере незаметно для себя, оказывает свое воздействие на формирование

---

[1] Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 556.

этого целого, поскольку сама эта эпоха, сами эти условия деятельности и это господство суть не что иное, как продукт его же собственной деятельности»[1].

Человек не просто взаимодействует с окружающим миром и, в том числе, общественной средой, испытывая на себе его воздействие, но, будучи частью этого мира, своей деятельностью способен изменять его, так как социальная среда это и есть жизнь людей, объединенных в социальную структуру – социум.

В то же время необходимо учитывать один важнейший нюанс: самостоятельно человек способен изменить исключительно себя, но не социальные условия – для этого необходимо сложение социальных усилий. Это принципиально отличает процесс целеполагания, результатом которого становится цель занятия индивидом иного места в социуме (самосовершенствование себя как системы), от целеполагания, направленного на изменение общественных реалий (совершенствование условий существования себя как элемента системы).

Целеполагание первого типа индивид осуществляет самостоятельно, вне общественного процесса, руководствуясь собственным состоянием неудовлетворенности своей социальной ролью и желанием изменить ее. В его основании лежит своего рода внутренний конфликт: индивида вполне устраивает социальная среда, однако его не удовлетворяет его место в ней.

Совершенно иначе выглядит целеполагание второго типа. Объясняется это тем, что оно основано на общественной потребности, порожденной конфликтом между внешней средой и внутренними потребностями, не отдельного индивида, а целой группы индивидов. При этом каждый конкретный представитель этой группы, осознавший такую потребность, неминуемо сталкивается с противоречием между субъективным желанием устранить несовершенство социальной среды и объективным характером сложившихся социальных условий, в силу которого целеполагание, направленное на совершенствование условий функционирования системы, не может исходить от какого-либо отдельного индивида. Это всегда продукт осознания социальной проблемы коллективом

[1] Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат» М., 1968. С. 5.

индивидов, выражающий их совместный интерес. Без достижения этой совместности целеполагание второго типа невозможно, а, следовательно, невозможно и изменение социальных условий, так как усилий отдельного индивида для достижения сколько-нибудь значимого социального результата просто-напросто недостаточно.

Соотнося оба типа целеполагания, коллективное целеполагание нельзя рассматривать и как сумму индивидуальных «целеполаганий». Главная особенность коллективного целеполагания заключается именно в том, что его причиной является осознанный *общий* единый интерес, но не сумма интересов, а результатом – *общая* цель, но не совокупность целей. Более того, соотношение индивидуального и коллективного целеполагания не исключает возможного противоречия их результатов, когда индивидуальная цель не только противоречит общему социальному интересу, но и носит откровенно социально вредный или даже опасный характер. Данное обстоятельство объясняется все тем же: первый тип целеполагания индивидуален, и оттого цели индивида не всегда могут совпадать с общественными интересами.

Какой тип целеполагания характерен для тех сфер общественных отношений, на которые воздействует право? Чтобы ответить на это вопрос, нужно подчеркнуть: право – это не цель, а средство, и поэтому его предназначение – не самосовершенствование, а улучшение тех социальных условий, на которые оно может воздействовать как управляющая система. Соответственно, если с этой точки зрения характеризовать процесс правового целеполагания, вполне логичен вывод о том, что оно может осуществляться только в коллективном варианте, так как любая правовая норма социальна по своей природе. Отсюда, *правовое целеполагание* можно определить *как его коллективную разновидность, основанную на общей заинтересованности группы индивидов в совершенствовании социальных условий функционирования права как управляющей системы при помощи правовых средств*[1].

---

[1] Диваев А. Б. Телеологические аспекты уголовно-процессуального воздействия // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 6. С. 148.

Базовые закономерности правового целеполагания предопределяют содержание категории «цель» в ее правовом контексте. Исходя из смысла этого процесса, цель следует рассматривать как результат целеполагания, субъективное представление о «более положительном» содержании действительности, чем та, которой она является сама по себе[1]. Однако это только часть истины, так как цель – это не только отражение оценки и некий образ идеального состояния реальности, но и необходимая предпосылка (причина) предстоящей деятельности по ее модификации. А, следовательно, цель нужно рассматривать также и как способ постановки задач по преодолению нужд и противоречий, существующих в действительности, и определения круга средств реализации цели. Другими словами, цель для субъекта целеполагания – это ориентир, определяющий, «что» и «как» нужно предпринять для ее реализации. Как это верно было подмечено Н. Н. Трубниковым, «цель деятельности включает в свое содержание… осознание того, что для ее реализации еще необходима реальное действие»[2]. Результат этих действий воплощает степень реализации цели.

Суммируя изложенное, сформулируем теоретически обоснованное определение цели как: *1) продукта осознанного восприятия и оценки окружающей действительности, содержанием которого является идеальное представление о ее возможном состоянии в отсутствии выявленных проблем и противоречий, а также 2) способа постановки задач и определения системы средств, направленных на ее реализацию.*

Уяснение общетеоретических основ целеполагания будет неполным без обращения к проблеме соотношения категории «цель» с близко расположенным к ней по смыслу термином – «причина». Тем более, что телеология исследует такое явление, как целевая причина, или цель-детерминанта.

Несмотря на всю близость соотносимых категорий, они вовсе не тождественны. В свое время красочную характеристику этому соотношению дал Р. фон Йеринг, который писал: «Камень падает не для того, чтобы упасть, а

---

[1] Трубников Н. Н. Указ. соч. С. 55.

[2] Там же. С. 56.

потому что он должен падать… человек же, совершающий деяние, совершает его не *потому что, а для того, чтобы*… деянием достигнуть того или другого… это “для того, чтобы” столь же неизбежно для воли, как “потому что” для камня; сколь невозможно движение камня без причины, столь мало возможно и движение воли без цели»[1].

Предложенная цитата примечательна как минимум двумя моментами. Во-первых, она указывает на то, что цель необходимо отличать от имманентно присущих всему объективному качественных характеристик, свойств, признаков и т. п. «Камню», как символу всего материального, а значит – объективного, присуще «падать», это его объективное свойство, которое не зависит ни от него самого, ни от воли кого бы то ни было. Соответственно, у объектов или явлений объективного мира не может быть ни цели, ни целеполагания. У них есть предназначение, или, в современной терминологии, – функция, а если речь идет о социальных явлениях – социальная функция.

И во-вторых. Раз целеполагание и цель не могут характеризовать объективные явления, эти категории нужно рассматривать исключительно в субъективном ключе: целеполагание – это процесс, в основе которого лежит *субъективное* восприятие действительности; цель же – это *субъективное* представление об идеальном состоянии системы или условий ее функционирования. С этой точки зрения, допустим, у молотка как у некой объективной сущности не может быть цели – у него может быть только назначение. Цель же есть у человека, который использует его. Она, эта цель, может соответствовать его назначению, когда человек забивает им гвоздь, или не соответствовать ему, когда молоток, используется, например, в качестве орудия преступления. Однако, независимо от этого, его назначение – объективно, цель же и целеполагание – субъективны.

Если учесть данные соображения, становится понятным, почему ни одна из проанализированных нами в предыдущем параграфе точек зрения не способна сформулировать цель объективных по природе уголовно-процессуальных

[1] Йеринг фон Р. Цель в праве. Т. 1. СПб, 1881. С. 2.

явлений, так как каждая из них имеет в основе единую методологическую неточность – она определяет не цель, а причину существования этих явлений. Причем неважно, о чем идет речь – об уголовном процессе, уголовном судопроизводстве или уголовно-процессуальном праве.

Возьмем для примера хотя бы хронологически самый ранний из всех подходов, согласно которому целью уголовного процесса является наказание преступника. Признавая наказание целью уголовного процесса, мы, по сути, соглашаемся и с тем, что наказание – это то, *для чего* существует уголовный процесс, что абсолютно не отражает его природы. Средством наказания является не уголовный процесс, а охранительная норма уголовного права, а, следовательно, наказание как цель характеризует уголовное право, а не уголовный процесс. Уголовный процесс же существует не для того чтобы, а *потому что* необходимо установить событие преступления, выявить лицо, совершившее преступление, доказать его виновность и применить к нему соответствующую норму уголовного закона, наказав преступника или отказаться от этого, если наличие преступления или виновность не доказаны. Следовательно, необходимость наказания выступает не целью, а *причиной* уголовного процесса.

Следуя этой логике, идентичный вывод можно сделать и относительно других подходов к определению цели уголовного процесса. Те же применение нормы уголовного права или установление истины по уголовному делу – также должны рассматриваться не как цель, а как причина, в первом случае, существования производства по уголовному делу, а во втором – применения нормы уголовного права.

В таком контексте каждый из указанных подходов к определению цели уголовного процесса следует рассматривать как вариант одной и той же концепции. Чтобы убедиться в этом, достаточно деятельность по установлению истины по делу, применению нормы уголовного права и наказанию преступника расположить в последовательности друг за другом, что даст нам не что иное, как этапы уголовного правоприменения. Однако выше мы уже писали о том, что уголовный процесс – это и есть применение нормы уголовного права и

утверждение о том, что любой из этапов уголовно-процессуальной деятельности – цель уголовного процесса, по сути, превращает уголовный процесс в самоцель, что нарушает законы логики.

Сформулировав ряд базовых положений, перейдем непосредственно к телеологическому анализу уголовно-процессуальной действительности, и в первую очередь ответим на вопрос, а может ли у уголовного процесса или уголовного судопроизводства вообще быть цель?

Сам по себе этот вопрос для уголовно-процессуальной науки не нов. Так, в частности, его в своем диссертационном исследовании поднимал Р. А. Хашимов, который пришел к выводу, что употребление в науке словосочетаний «цель уголовного процесса», «цели уголовно-процессуального права» принципиально неверно и можно говорить лишь о «целях в уголовном процессе» или «целях уголовно-процессуальной деятельности»[1].

Если исходить из закономерностей процесса целеполагания, ни о какой цели уголовного процесса или уголовного судопроизводства говорить нельзя, так как целеполагать может только субъект – носитель сознания. Только он способен, осмыслив реальность, осознав ее несовершенство и оценив свои возможности, сформулировать идеальное (отраженное в сознании) представление о возможной реальности, а следовательно, цель производна от сознания и *субъективна* по своей природе. Уголовный процесс же (или уголовное судопроизводство) объективен и существует как система сложившихся социальных отношений, а поэтому у него цели быть не может. Применительно к уголовному процессу (уголовному судопроизводству) речь может идти исключительно о его *социальной функции* (или социальном назначении), которая производна от причин, вызвавших к жизни эти общественные связи, не давших им исчезнуть в силу социальной ненадобности и трансформировавших их в то, что мы привыкли называть уголовным процессом. Он – это некая социальная данность, с которой приходится сталкиваться субъекту в силу своей профессии, должностного положения или

[1] Хашимов Р. А. Категория «цель» в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 10.

вовлечения в систему этих отношений властным решением. Пользуясь терминологией Р. фон Йеринга, об уголовном процессе можно говорить лишь в контексте того, «почему», но не «для чего» он существует.

Итак, ни уголовный процесс, ни уголовное судопроизводство не могут иметь цели. Но в таком случае справедлив вопрос, о цели чего можно вести речь применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений? Для ответа на него необходимо немного вернуться назад, к процессу целеполагания.

Выше мы уже отмечали, что в правовой сфере целеполагание может носить исключительно коллективный характер и быть направлено только на изменение социальных условий функционирования права как управляющей системы. Если исходить из этой посылки, единственно возможным субъектом такого целеполагания становится *общество, социум, требующий реализации своих интересов посредством уголовно-процессуального воздействия* на те или иные группы общественных отношений. Каково содержание этих интересов, а, стало быть, и содержание цели такого воздействия, мы определим позже, а пока попытаемся аргументировать саму возможность существования такого субъекта целеполагания, как социум.

В социологии под «социумом» принято понимать «большую устойчивую социальную общность, характеризуемую единством условий жизнедеятельности в каких-то существенных отношениях». При этом общество как целостная система признается «высшей формой социума»[1].

Исходя из представленного определения, во-первых, термин «социум» вполне допустимо рассматривать как синоним категории «общество». И, во-вторых, что в данном случае более важно, обязательным признаком социума является единство условий существования, а, следовательно, и общность интересов его элементов, коими являются конкретные индивиды и их группы, составляющие социум. В его отсутствие группа индивидов, какой бы количественно она не была, не может рассматриваться как социум. Это будет

[1] Социологический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 336.

обычная совокупность разрозненных индивидуальностей, не имеющих ничего *общего*, а поэтому *обще*ством и не являющаяся.

Таким образом, ни общетеоретическая, ни теоретико-правовая наука не отрицают существования такого «мегасубъекта» целеполагания, как социум. Могут вызвать вопросы лишь особенности процесса общесоциального целеполагания, обусловленного множественностью субъектов, составляющих социум, а, следовательно, и сложностью согласования их потребностей, что почти всегда требует для формулирования цели длительного времени, зачастую исчисляемого годами, а иногда и десятилетиями.

Кроме того, и результат такого целеполагания в большинстве случаев не вполне очевиден. Чаще всего он не формализуется на официальном уровне, существует как поддержанная государством доктрина, идеология, стратегия развития и т. п. или даже как некая идея, находящая общественную поддержку через публичные научные диспуты, социологические опросы, средства агитации и массовой информации. Конечно, иногда эти целевые установки отражаются и в официальных программных документах. Примером может являться Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы (утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406)[1], в которой имеется отдельный раздел «Цель, основные задачи Программы, срок ее реализации, целевые индикаторы и показатели». В качестве целей программы закреплены «повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций». Традиционно целевые установки, адресованные судьям, содержатся и в итоговых постановлениях Съезда судей РФ.

Однако, несмотря на это, в большей своей части цели все-таки остаются неформализованными, существуя в виде «общественного мнения»[2], выражающем

---

[1] О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы : постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 1. Ст. 13.

[2] Holtzendorf F. Wesen und Werth der öffentlichen Meinung. München, 1879. 159 s.

запрос на регламентацию, охрану или совершенствование уголовно-процессуальных отношений правовыми средствами.

Определившись с субъектом целеполагания в уголовно-процессуальной сфере, перейдем к рассмотрению следующей проблемы и все-таки попытаемся установить, какое уголовно-процессуальное явление может быть охарактеризовано целью.

Еще раз подчеркнем, что ни уголовный процесс, ни уголовное судопроизводство не могут иметь целей, а, следовательно, из «классического триумвирата» уголовно-процессуальных явлений, которые обычно связывают с «целью» в теории уголовного процесса: уголовный процесс, уголовное судопроизводство и уголовно-процессуальное право, остается только уголовно-процессуальное право. И, надо признать, что позиция, связывающая цель с уголовно-процессуальным правом, наиболее близка к истине, однако требует существенного уточнения: *целью характеризуется не само уголовно-процессуальное право, а то воздействие, которое оно оказывает на общественные отношения.*

Главным аргументом в пользу заявленного тезиса является сама природа права, носящая объективно-субъективный характер. Вопреки распространенному в теории тезису о его абсолютной объективности, нужно признать, что это свойство права носит достаточно условный характер, так как любая социальная норма исходит от человека, или, если быть более точным – сообщества людей, объединенных едиными условиями существования, т. е. от социума. Несмотря на то, что она – плод взаимодействия сознания человека и объективной действительности, в конечном итоге ее источник – человеческое сознание, а, следовательно, по природе своей право – это отражение объективного в субъективном. Конечно, в основе права лежит знание об объективной действительности, понимание тенденций общественного развития, определенная теоретическая база как сумма знания о разных аспектах социальной жизни, так же объективных по своей сути, и пр. Но все же, право – не совсем объективно, или, если точнее, оно объективно настолько, насколько объективным его *считает*

субъект – правотворец и правоприменитель. Отсюда вывод: *раз право – это отражение объективного в субъективном, социум может модифицировать объективную реальность, перенаправляя правовое воздействие с целью совершенствования социальных условий своего существования*. Рассмотрим, как это происходит в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Выше мы уже писали о том, что уголовно-процессуальное право, как управляющая система, оказывает специально-юридическое и общесоциальное воздействие на общественные отношения. Для нас совершенно очевиден факт того, что это воздействие не может быть хаотичным, бессистемным. Уголовно-процессуальное право – это одновременно и управляющая, и управляемая система. Как управляющая система оно воздействует на общественные отношения, направляя их в то или иное русло. Но кто или что задает направление этого воздействия?

Уголовно-процессуальное право не способно само формировать цель своего воздействия. Целеполагание, как мы установили, может осуществлять исключительно субъект, и если следовать той логике, что субъектом правового целеполагания является социум, обоснованным выглядит вывод, что именно социум должен управлять уголовно-процессуальным воздействием, ставя перед ним общественно полезные цели и направляя это воздействие. Однако общество не в силах самостоятельно модифицировать право – оно может лишь формировать потребность в этом и целеполагать, моделируя ту усовершенствованную форму правового воздействия, которая отвечает общественным потребностям. Для самого же совершенствования правового предписания ему необходимо государство, которое, будучи носителем публичных функций, действуя в лице своих правотворческих органов, обязано выявить и формализовать цель уголовно-процессуального воздействия, приняв или изменив соответствующую норму права. С этой точки зрения *уголовно-процессуальное право – это лишь средство воздействия на общественные отношения в общественно же полезных целях*, и поэтому *целью может характеризоваться не само право, а то воздействие, которое оно оказывает.*

Указанные закономерности трансформации общественной потребности в норму уголовно-процессуального права составляют содержание процесса правообразования, что позволяет выделить несколько его этапов (стадий):

1) Формирование потребности в уголовно-процессуальном воздействии на существующие общественные отношения, не подвергнутые ему, но объективно нуждающиеся в этом либо совершенствовании такого воздействия, а равно в учреждении ранее не существовавших общественных отношений;

2) Осознание данного обстоятельства частью социума (например, определенной профессиональной корпорацией – судейским сообществом, адвокатурой, сотрудниками органов предварительного расследования и др.) или его отдельными представителями (допустим, учеными-процессуалистами);

3) Распространение идеи о несовершенстве уголовно-процессуального воздействия на общесоциальный уровень или, по крайней мере, значительную часть социума и формирование социальной потребности в его усовершенствовании;

4) Кристаллизация цели уголовно-процессуального воздействия в его модифицированном виде;

5) Доведение ее до правотворца или восприятие им этой цели, что, в первую очередь, происходит в форме законопроектной деятельности, в обязательном порядке подразумевающей формулировку цели законопроекта. В современных реалиях эта цель находит отражение в пояснительной записке к законопроекту, предоставляемой вместе с ним;

6) Принятие уголовно-процессуального закона или внесение изменений и дополнений в существующую законодательную норму.

В представленной последовательности этапов уголовно-процессуального правообразования обращает на себя внимание тот факт, что его «видимую» часть, ту, которую принято назвать правотворческой деятельностью, составляют лишь частично пятый и шестой этапы. Это важная и, более того, системообразующая часть правообразования, без которой право не может считаться «образовавшимся», так как все-таки право – не идея, а общеобязательное правило,

признанное государством и опирающееся на его силу. Однако не менее важен процесс формирования идеи, воплощаемой в праве, или то, что в некоторых иностранных источниках называется «предзаконной деятельностью» (pre-lawmaking activities)[1]. Игнорирование этапов правообразования, предшествующих правотворчеству, несет в себе угрозу неприменимости норм права, появления феномена, названного В. В. Николюком «мертвыми нормами», под которыми он понимает «нормативные предписания законов…, входящих в систему источников уголовно-процессуального права, которые по разным причинам не применяются на практике»[2].

Для дальнейшей эффективности уголовно-процессуального воздействия определяющими являются его четвертый и пятый этапы.

Важность четвертого этапа объясняется тем фактом, что именно в ходе него происходит окончательное формирование той цели уголовно-процессуального воздействия, которую «желал» бы реализовать социум, и для чего собственно необходима модификация уголовно-процессуального права. На этом этапе общественная потребность, как абстрактное чувство неудовлетворенности условиями существования социума, приобретает предметный характер, конкретную форму – идею-представление о требуемом состоянии уголовно-процессуальных отношений. Этот процесс хронологически может происходить с точки зрения общественного процесса практически моментально, в течение нескольких месяцев, а может протекать годами и даже десятилетиями, однако, независимо от этого, его результат – цель уголовно-процессуального воздействия. Если такая цель не сформировалась – потребность была либо ложной, либо хотя и реальной, но не удовлетворимой уголовно-процессуальными средствами. Причем, даже в этом случае пятый и шестой этапы непосредственного правотворчества не исключены. Однако в такой ситуации законодатель работает «вхолостую», так как принятые им нормы не имеют перспективы быть реализованными, а отсюда –

---

[1] Vago S., Barkan Steven E. Law and Society. NY, 2018. P. 106–107.

[2] Николюк В. В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 2 (77). С. 20.

феномен «мертвых норм» и ошибки в целеполагании – главная и общая причина их появления. Примеров тому можно привести немало.

Так, пожалуй, одним из самых ярких является норма п. 6 ст. 5 УПК РФ. Согласно ее первоначальной редакции государственным обвинителем признавалось должностное лицо органа прокуратуры, а равно *должностное лицо органа дознания по поручению прокурора, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу.*

Научное сообщество в то время по-разному отнеслось к такой новелле. Были как сторонники такого нововведения (Т. Н. Москалькова[1], С. И. Гирько[2]), так и его противники (В. Ф. Крюков[3]). Однако, Генеральная прокуратура сказала однозначное «нет» позиции законодателя, фактически заблокировав применение этой нормы. Согласно п. 1.4 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 03.06.2002 № 28 «Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» прокурорам предписывалось вплоть «до особого распоряжения исключить поручение поддержания государственного обвинения в суде должностным лицам органа дознания и следователям». Обратим внимание, что Генеральная прокуратура «сработала» на упреждение, так как ее приказ вышел в свет почти за месяц до введения УПК РФ 2001 г. в действие, и уже это должно было насторожить законодателя, дать ему возможность начать диалог с Генеральной прокуратурой, донести до нее свою позицию. Более того, она не просто предотвратила применение нормы п. 6 ст. 5 УПК РФ, но и одновременно купировала опасность применения ее по аналогии с возложением обязанности по поддержанию государственного обвинения на следователей, о чем эта норма даже не упоминала.

---

[1] Москалькова Т. Н. Органы дознания // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 137.

[2] Гирько С. И. Современные проблемы поддержания органом дознания обвинения перед судом // Российский следователь. 2005. № 6. С. 8-11.

[3] Крюков В. Ф. Соотношение основных функций, осуществляемых органами прокуратуры на досудебной и судебной стадиях уголовного процесса (проблемные вопросы науки и практики прокурорского надзора) // Научные труды. Выпуск 5 : в 3 т. / Российская академия юридических наук. М., 2005. Т. 3. С. 529.

Но по какой-то причине диалога не случилось. Более того, Федеральным законом № 58-ФЗ законодатель меняет содержание этой нормы, и к числу потенциальных государственных обвинителей, помимо, традиционно, должностных лиц органов прокуратуры, отнес не только дознавателей, но и *следователей, которым прокурор поручил поддержание государственного обвинения в случаях, когда предварительное расследование произведено в форме дознания.* Нужно ли говорить о том, что Генеральная прокуратура РФ оставила свой приказ в силе.

Последующее развитие событий вполне было вполне предсказуемым: стороны остались на своих позициях, и норма п. 6 ст. 5 УПК РФ, позволявшая прокурорам поручать поддержание государственного обвинения по делам, расследованным в форме дознания, следователям и дознавателям, так ни разу и не была применена на территории РФ вплоть до своей отмены в 2007 г.

Чем показателен данный пример? Несоответствием той цели, которую преследовал законодатель, объективной реальности. В принципе, цель включения в УПК РФ такого новшества и логика его действий понятна: законодатель, действуя в парадигме того, что дознание – упрощенная форма расследования (а она, нужно признать, в первоначальной редакции УПК РФ действительно была таковой, в отличие от современного варианта закона), пытался разгрузить прокуратуру, перенацелить ее на поддержание обвинения по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, априори считая дела, расследованные в форме дознания, более простыми делами, поддержание обвинения по которым не должно было составить труда. Однако при этом законодатель не учел ни реального уровня подготовки корпуса дознавателей, ни их загруженности, ни, наконец, мнения самой Генеральной прокуратуры РФ насчет такого развития уголовно-процессуального законодательства или, другими словами, социальных условий и потребностей в допуске следователей и дознавателей в суды. Именно это стало причиной сложившейся ситуации.

Имеются и другие, менее показательные примеры, когда ошибки целеполагания со стороны законодателя видны не сразу и выявляются на

протяжении определенного периода времени, но при этом, несмотря на все предпринимаемые усилия, та или иная норма или даже целый уголовно-процессуальный институт не находят эффективной реализации. К таковым можно отнести, например, институт производства в суде с участием присяжных заседателей, совокупность норм, регламентирующих производство дознания в сокращенной форме, целый ряд норм, устанавливающих порядок применения таких мер пресечения, как личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним, залог, а также иных мер принуждения в виде обязательства о явке, денежного взыскания и пр.

Формирование общественно значимой цели уголовно-процессуального воздействия знаменует следующий – пятый этап правообразования, на котором, дабы не остаться в виде «мертвой» идеи, эта цель должна быть так или иначе доведена до субъекта правотворчества. На этом этапе любой «сбой», рассинхронизация объективно обусловленной общесоциальной и субъективно осознанной правотворцем цели уголовно-процессуального воздействия неминуемо влечет его неэффективность. Другими словами, в идеале цель уголовно-процессуального воздействия для социума и правотворца, которому социум делегировал полномочие формализовать и защищать право, должна быть единой. Если же это не «цель», а «цели», значит, истинная объективно обусловленная цель уголовно-процессуального воздействия не доведена до правотворца или же не воспринята им, и вместо нее тот, конструируя норму уголовно-процессуального права или уголовно-процессуальный институт, исходит из иной «надуманной» цели уголовно-процессуального воздействия. Будет ли эта норма или институт юридически, а самое главное, социально эффективными, остается только догадываться.

Вывод о том, что субъектом целеполагания в уголовном процессе является социум, который посредством государства может модифицировать уголовно-процессуальное право под свои нужды, и тем самым перенаправлять уголовно-процессуальное воздействие, в свою очередь, наталкивает еще на одно интересное умозаключение. Исследователи феномена цели и целеполагания в уголовном

процессе, независимо от отстаиваемой ими концепции, единодушно рассматривали ее как нечто неизменное, имманентно присущее уголовному процессу. Но с точки зрения представленной нами и обусловленной общетеоретическим знанием конструкции цели и целеполагания этот вывод представляется спорным. Общество и государство не статичны, они находятся в динамике. Если на определенном этапе их существования и случаются периоды стагнации (застоя), то с точки зрения исторической перспективы они непродолжительны. При этом неважно, какова эта динамика, имеет она прогрессивный или регрессивный характер, но они не стоят на месте, и признавать цель уголовно-процессуального воздействия чем-то постоянным – значит отрицать этот очевидный факт. Не может цель уголовно-процессуального воздействия, характеризующая, допустим, социум средневековья, сохраниться до настоящего времени в неизменном виде. Иначе нужно было бы признать, что не только цель уголовно-процессуального воздействия не изменилась, но и само государство и общество законсервировались на уровне Средних веков, что выглядит абсурдно. С течением времени и государство, и общество меняются, а, следовательно, меняется и представление о цели правового воздействия. Неизменной остается не цель, а социальные функции общественных институтов, природа которых объективна. *Одним из таких институтов является уголовный процесс, социальная функция которого постоянна. Цель же уголовно-процессуального воздействия не может быть константой, она подвижна и содержательно отличается в разные исторические периоды, в зависимости от сложившегося типа уголовного процесса, определяемого балансом личных, общественных и государственных интересов*[1].

Предложенный тезис влечет резонный вопрос: в чем же тогда заключается социальная функция уголовного процесса? Для ответа на него необходимо прежде всего разобраться с социальными причинами его существования, или, другими словами, сформулировать «почему» существует эта сфера общественных

[1] Диваев А. Б. Телеологические аспекты уголовно-процессуального воздействия… С. 153–154.

отношений, ибо «любое явление социальной действительности может реализовывать свое назначение лишь в том случае, если будет функционировать… изучение функций явления есть изучение самого явления»[1],

Существование тех или иных социальных институтов, и уголовного процесса в том числе, детерминировано только одной причиной – социальными потребностями. Общество, несмотря на то, что это «коллективный» субъект, – разумно. Естественно, используя эту категорию применительно к обществу, мы не имеем в виду разум в классическом понимании. «Разумность» общества выражается в-другом: для удовлетворения своих нужд оно способно концентрировать общественные усилия, результатом чего становится появление или, наоборот, исчезновение того или иного сегмента общественных отношений, в которых появляется или, наоборот, исчезает необходимость. Проще говоря, если тот или иной общественный институт появился и существует на протяжении сколько ни будь длительного времени – значит, в нем есть необходимость. В противном случае, он, будучи не востребован обществом, прекращает свое существование.

Какая же базовая социальная потребность лежит в основании уголовного процесса?

В наиболее общем смысле слова потребность – это причина любой деятельности субъекта – носителя потребности, в качестве которого могут выступать «любой биологический организм, человеческий индивид, естественно сложившееся сообщество людей (семья, род, племя, народ), социальный слой или социальная группа в рамках данного общества… общество как определенная социальная система, социальный институт… человечество в целом»[2]. Саму потребность при этом принято определять как «…обнаружение некоторых необходимых противоречий, которые разрешаются благодаря действиям и деятельности субъекта. Противоречие представляет собой основание

---

[1] Абрамов А. И. Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 82.
[2] Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 12.

потребности; стимул, побуждение к действию, стремление, состояние неудовлетворенности – его внешнюю форму»[1].

В философии наличие потребностей рассматривается как свойство всего живого, т. е. не пребывающего в статике. И социальный субъект как любой живой организм – не статичен. Он живет своей социальной жизнью, а, следовательно, о социальном субъекте необходимо говорить как о динамично развивающейся (прогрессирующей) или, наоборот, регрессирующей системе.

Общественный прогресс – это процесс усложнения общественных структур вследствие появления у их членов все новых и новых социальных потребностей. В этой связи может идти речь и о потребности в существовании каких-либо социальных институтов (возникновение государства, его органов, учреждений, права, отраслевая специализация его норм и т. д.). Общественная деградация, примитивизация общественных отношений влечет обратный процесс – регресс, упрощение, а зачастую и исчезновение многих социальных потребностей.

Сказанное позволяет сделать один общий вывод: любой организм характеризуется системой потребностей, и чем сложнее этот организм (т. е. чем более развит социальный субъект – носитель потребностей), тем более сложной является эта система, и одновременно более разветвленной является система средств их удовлетворения. Именно это – появление системы социальных потребностей и усложнение совокупности средств их удовлетворения – фактор развития личности и общественного прогресса. Но как они появились?

Первоначально сформированные природой биологические потребности человека практически неотличимы от потребностей, присущих другим биологическим существам. Однако их совокупность конечна. Ее явно недостаточно для дифференциации средств удовлетворения этих потребностей, а следовательно, и для усложнения общественной структуры. В то же время человек отличается от иных биологических существ способностью разумного восприятия окружающей действительности, что вкупе с различием человеческих существ с точки зрения индивидуальных способностей является причиной

[1] Там же. С. 24.

происшедшей в определенный момент активизации поиска новых и наиболее рациональных средств удовлетворения имеющихся потребностей, что способствовало укреплению жизнеспособности как самого индивида, так и всего человеческого сообщества в целом. В конечном счете необходимость поиска и использования этих «новых» средств взаимодействия с окружающим миром привела к социализации этого процесса, что трансформировалось в самостоятельную, уже социальную, потребность.

В дальнейшем, с развитием общественных связей, усложнилась и система этих потребностей. Исторически это происходило неоднородно: общество то делало стремительные шаги вперед, то так же стремительно откатывалось назад. Однако, несмотря на это, в «досоциальное» состояние система потребностей не возвращалась больше никогда, а, следовательно, процесс социализации потребностей (по крайней мере, на данном историческом отрезке) необратим.

Рассмотренные базовые закономерности формирования социальных потребностей в полной мере характеризуют сферу уголовно-процессуальных отношений.

Вопрос о том, в силу чего возник сегмент человеческих отношений, связанных с привлечением к наиболее строгому виду ответственности представителей человеческого сообщества, посягнувших на жизнь, здоровье, имущество и иные блага своих же соплеменников, достаточно слабо изучен в литературе. Из последних исследований, посвященных этой тематике, мы могли бы выделить работу Е. Г. Васильевой, которая, как представляется, дала достаточно внятную трактовку этой проблемы[1]. Однако и она прямо не называет причину возникновения уголовно-процессуальных отношений – ту самую потребность, средством удовлетворения которой стал уголовный процесс. Предложим свою трактовку данной научной проблемы.

К числу одной из основополагающих биологических потребностей любого индивида является потребность в обеспечении личной безопасности, в том числе от посягательств на жизнь, здоровье, свободу и имущество со стороны себе

[1] Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование… 580 с.

подобных. Эта потребность в равной мере характеризует и члена первобытного сообщества, и жителя средневекового города, и современного человека. Однако для многих обеспечение безопасности индивидуальными усилиями не представляется возможным по самым разным причинам: физическое превосходство одних над другими, количество членов рода, их половозрастные характеристики и др. Единственным способом решения данной задачи является объединение усилий всего сообщества и направление их на защиту каждого его члена в отдельности. После того, как это произошло, уровень защищенности и жизнеспособности всего сообщества в целом значительно повысился, так как здесь как нигде работает закономерность: безопасность каждого в отдельности – безопасность всех. Соответственно, уже на этом уровне потребность в обеспечении безопасности стала приобретать социальные черты.

Однако, это только одна сторона медали. С другой стороны, как только потребность в защите от посягательств на индивидуальные блага и ценности стала реализовываться в общественной форме, индивид, обвиняемый в таком посягательстве, сам ощутил потребность в защите от чрезмерной репрессии со стороны общества. Таким образом, и у него образовалась потребность в обеспечении личной безопасности, так как неконтролируемость мер воздействия со стороны сообщества не менее опасна, чем само посягательство на интересы отдельных его представителей, пострадавших от посягательства. Как представляется, рационально организованное сообщество, коим в большинстве своем являются человеческие общественные структуры, вряд ли заинтересовано в неконтролируемой расправе над своим же представителем. Оно, безусловно, обязано прилагать усилия для преследования и наказания лиц, преступивших правила общежития и причинивших вред членам данной общественной структуры. Однако это должно иметь четкие фактические и нормативные (сейчас это нормативно-правовые, а ранее – нормативные, в самом широком смысле этого термина) основания, а также соответствовать принятым в данном сообществе критериям справедливости. Только в этом случае акт привлечения к ответственности будет принят сообществом, т. е. *легитимирован им*.

С осознанием этого факта сначала отдельными представителями отдельных человеческих сообществ, а потом и всем сообществом в целом, происходят два параллельных общественно значимых процесса: 1) трансформация естественной потребности личности и общества в обеспечении взаимной безопасности в новую, уже социальную потребность учреждения специального средства обеспечения взаимного принятия (легитимации) акта привлечения у ответственности и 2) окончательное оформление этой социальной потребности. Необходимость ее удовлетворения, как представляется, и стало причиной появления особой процедуры, которая позволяла бы общественными усилиями, привлекая к ответственности посягнувшее лицо, одновременно ограждать его от чрезмерного воздействия со стороны самого общества. По сути, появился прообраз уголовного процесса, который с появлением государства, принявшего на себя бремя защиты общественных интересов, окончательно оформился в то, что мы сейчас знаем под этим наименованием.

Таким образом, уголовный процесс, что тогда, на заре государственности, что сейчас, – это средство удовлетворения социальной потребности в *легитимации акта привлечения к уголовной ответственности или освобождения от нее*, а стало быть, именно эту потребность следует считать *базовой уголовно-процессуальной потребностью,* а ее удовлетворение – *социальной функцией* уголовного процесса.

§ 3. Цель уголовно-процессуального воздействия

Та цель уголовно-процессуального воздействия, о которой пойдет речь дальше, – это некий «моментальный снимок» действительности, ее характеристика на нынешнем этапе развития общества, государства и права. Учитывая, что она – это отражение тех социальных реалий, которые сложились в сфере уголовного процесса к настоящему времени, выводы, сформулированные нами в данном параграфе, не могут быть распространены ни на прошлое, ни на будущее состояние уголовно-процессуальных отношений в нашей стране. Это

современная цель уголовно-процессуального воздействия, и только таковой она может быть. Уголовно-процессуальное право развивается вместе с развитием общества и государства, и вслед за ними претерпевает изменения и цель его воздействия. Соответственно, непосредственному исследованию может быть подвергнута либо цель уголовно-процессуального воздействия, которая соответствует потребностям современных государства и общества, либо цель уголовно-процессуального воздействия, характеризующая их в прошлом. Будущая цель уголовно-процессуального воздействия может быть лишь спрогнозирована или смоделирована как некий образ будущих уголовно-процессуальных отношений.

В предыдущей главе мы уже установили базовые закономерности эффективного уголовно-процессуального воздействия, указав на то, что оно имеет не только специально-юридический, но и общесоциальный аспект. Соответственно этому и его цель можно рассматривать с двух сторон – как в правовом, так и социальном смыслах. Причем, что важно, это именно две взаимосвязанные стороны одного и того же феномена, но не две самостоятельные цели уголовно-процессуального воздействия. На такой вывод мы делаем на основании того, что, несмотря на различие своих форм, уголовно-процессуальное воздействие имеет единый характер, в чем проявляется его сложная природа. При этом подчеркнем, что специально-юридическое и общесоциальное воздействие на те или иные группы общественных отношений уголовно-процессуальное право оказывает одновременно. Просто его специально-юридические формы понятны, привычны и вполне «осязаемы», так как носят прямой характер, составляя видимую часть уголовно-процессуального воздействия, а его общесоциальные формы – опосредованы, и их результаты зачастую отложены во времени, что затрудняет их восприятие и создает впечатление разномоментности существования этих форм воздействия. Хотя это вовсе не так. Издание, изменение или отмена любой уголовно-процессуальной нормы, модификация каждого уголовно-процессуального института, любой акт реализации норм уголовно-процессуального права в каждом случае дает не только непосредственный

результат, воздействуя на ткань уголовно-процессуальных отношений, но *одновременно* влечет за собой и общесоциальные последствия, изменяя социум в целом. И дабы они носили общественно полезный характер, как законодателю, так и правоприменителю необходимо четко осознавать не только правовую, но и социальную составляющую цели уголовно-процессуального воздействия.

В чем же заключается эта общая единая цель, на реализацию которой направлены и специально-юридические, и общесоциальные формы уголовно-процессуального воздействия?

В разрешении данной фундаментальной проблемы уголовно-процессуальной науки мы предлагаем отталкиваться от достаточно нетрадиционного для нашей правовой науки понимания права *как средства «компромиссного воздействия на конфликтующие, сталкивающие интересы»*[1] *личности, общества и государства, обеспечивающего баланс правовых средств их реализации.*

В основе выдвинутой нами гипотезы лежит базовое противоречие, которое не может быть устранено, но должно учитываться при поиске наиболее оптимальных форм уголовно-процессуального воздействия. В чем оно заключается?

Думается, факт того, что уголовный процесс – поле, на котором сталкиваются различные интересы, очевиден. Он предопределен самой природой этих отношений и давно является предметом дискуссии в уголовно-процессуальной теории[2]. Однако противоборство субъектов – носителей этих

---

[1] Горбань В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009. С. 60.

[2] См., например: Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. 243 с. ; Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 547 с. ; Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процессе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 49 с. ; Артамонова Е. А. Частное начало в современном уголовном процессе: основные формы проявления. М., 2014. 199 с. ; Бояринцев В. Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 1987. 218 с. ; Власова С. В. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства

интересов, коими, как уже было сказано, являются общество, государство и личность, носит явно неравный характер. Государство в этом имеет неоспоримое преимущество, располагая прерогативой формулировать уголовно-процессуальный закон, по сути, распоряжаясь средством уголовно-процессуального воздействия. Соответственно, несмотря на объективный характер уголовного процесса как системы сложившихся общественных отношений, уголовно-процессуальное право, воплощаемое в законодательных предписаниях, – субъективно и потенциально может выражать как

по уголовным делам. М., 2019. 200 с. ; Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. 171 с. ; Головко Л. В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. № 3. С. 61–69 ; Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. 199 с. ; Зусь Л. Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Владивосток, 1976. 107 с. ; Зусь Л. Б. Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства : учебное пособие. Ч. 2 : Вопросы теории. Владивосток, 1978. 87 с. ; Калмыков В. Т. Дела частного обвинения. Минск, 1978. 111 с. ; Катькало С. М., Лукашевич В. З. Судопроизводство по делам частного обвинения. Ленинград, 1972. 208 с. ; Ковтун Н. Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора // Государство и право. 1995. № 11. С. 66-71 ; Козявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. М., 2010. 272 с. ; Кокорев Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 1984. 160 с. ; Кокорев Л. Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве : автореф. … дис. д-ра юрид. наук. Ленинград, 1975. 39 с. ; Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973. 199 с. ; Куцова Э. Ф. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности (советский уголовный процесс) : автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 1986. 46 с. ; Левченко О. В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности. М., 2021. 176 с. ; Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов-н/Д, 1992. 96 с. ; Мартынчик Е. Г., Радьков В. П., Юрченко В. Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. 188 с. ; Мизулина Е. Б. Уголовный процесс. Концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. 148 с. ; Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. 555 с. ; Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства… 144 с. ; Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. 336 с. ; Москалькова Т. Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования) : автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 1997. 35 с. ; Названова Л. А. Принцип публичности в стадиях возбуждения уголовных дел и предварительного расследования : дис. … канд. юрид. наук. Л., 1990. 205 с. ; Петрухин И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М., 1989. 192 с. ; Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. 254 с. ; Петрухин И. Л. Время реформ. М., 1991. 208 с. ; Петухов Ю. Е. Соотношение публичного и частного в обвинении : дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. 183 с. ; Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. 212 с. ; Рогова О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1994. 170 с. ; Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. 152 с. ; Юсубов А. М. Принцип публичности в советском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. М., 1988. 184 с., и др.

сбалансированные интересы всех акторов, задействованных в сфере уголовно-процессуального воздействия, так и отдельные интересы одного из них. В последнем случае такими интересами, скорее всего, будут интересы государства, которое «подомнет» под себя и общественные интересы, и интересы личности, отгородившись от них разветвленной системой мер принуждения.

Причем такая разбалансированная система уголовно-процессуального воздействия, направленная исключительно на реализацию государственных интересов в ущерб интересам общества и личности, может функционировать сколь угодно долго – пока у государства имеется принудительный ресурс. Однако эффективна ли она? С точки зрения государства – возможно. Уголовно-процессуальный закон в такой парадигме правового воздействия вполне может быть оптимальным в деле реализации государственных интересов, а поэтому достаточно эффективно регулировать и охранять уголовно-процессуальные отношения. Но насколько юридически эффективно это воздействие, настолько же оно дисфункционально в общесоциальном смысле. В таком состоянии уголовно-процессуальное право из средства регулирования и охраны, источника общественного спокойствия становится конфликтогенным фактором, причиной социального конфликта, способным изнутри разрушить общество и государство. Следовательно, дабы не допустить этих нежелательных последствий, государство вынуждено посредством уголовно-процессуального воздействия балансировать свои интересы с интересами личности и общества, добровольно ограничивая свой принудительный потенциал.

Представление о праве как средстве обеспечения баланса потенциально конфликтующих интересов является сравнительно новым направлением научной мысли, однако уже имеет определенную историю[1]. Оно в какой-то мере дополняет весьма распространенный в теоретико-правовой науке еще с конца 1970-х гг. взгляд на право как средство социального управления[2]. В то же время

---

[1] См.: Лапаева В. В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования). М., 1997. С. 22–44.

[2] См., например: Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., 1972. 288 с.; Тихомиров Ю. А. Право и социальное управление в развитом социалистическом обществе.

при ближайшем рассмотрении оказалось, что такое представление о праве не отвечает специфике всех его отраслей и требует уточнения, применительно к уголовно-процессуальному праву, которое, безусловно, является средством социального управления, однако содержание этого управленческого воздействия отлично от того, которое оказывают, например, материальные отрасли права. В отличие от их норм, норма уголовно-процессуального права проявляет себя не когда возникает необходимость изменить вектор поведения всего социума или его достаточно представительной части. Их необходимость проявляет себя в тот момент, «когда существующие в обществе отношения носят конфликтный характер, появляются притязания, споры, диспропорции, либо когда государство, желая априористически обеспечить стабильное состояние общественных отношений и процессов, формирует соответствующие правовые нормы и требования (правила дисциплинирования участников отношений)»[1]. Ценность уголовно-процессуального права в том и состоит, что оно *способно сглаживать социальное напряжение, обеспечивая баланс средств реализации интересов государства, общества и личности*, которые неминуемо сталкиваются, причем не только в процессе применения нормы уголовного права (т. е. в ходе производства по уголовному делу).

Таким образом, стремление государства стабилизировать общественные процессы в целом и процесс применения нормы уголовного права в частности, устранив возможные диспропорции между интересами государства, общества и личности, возникающие при этом, – причина существования уголовно-процессуального права, а, следовательно, *содержание уголовно-процессуального воздействия заключается в обеспечении пропорциональности (баланса) этих интересов.*

Однако это еще не цель уголовно-процессуального воздействия, так как само по себе обеспечение баланса интересов осуществляется правом не в качестве

М., 1978. 64 с. ; Лунев А. Е. Природа, право, управление. М., 1981. 268 с. ; Эффективность правовых норм… 280 с. ; Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988. 256 с., и др.

[1] Горбань В. С. Указ. соч. С. 60.

самоцели, а *для чего-то*. Мы уже отмечали очевидный факт, что главной социально значимой чертой уголовно-процессуальных отношений является их повышенная конфликтность. И степень этой конфликтности тем выше, чем менее сбалансированы интересы государства, общества и личности в этой сфере. Соответственно, в самом общем виде конечный результат уголовно-процессуального воздействия должен воплощаться в *формировании бесконфликтной социальной среды*, что можно считать целью балансировки уголовно-процессуальных средств реализации интересов общества, государства и личности, или, другими словами, – *целью уголовно-процессуального воздействия.*

Надо сказать, что это достаточно новый подход к пониманию цели в ее уголовно-процессуальном контексте. Изучение более чем векового среза научной литературы, посвященной сущности уголовного процесса и уголовно-процессуального права, показывает, что сам вопрос о необходимости вовлечения категории социального конфликта в сферу научного познания уголовно-процессуальных явлений был поставлен не более десяти лет назад. Так, элементы такого подхода можно найти в работе А. А. Козявина, который в качестве цели уголовного процесса прямо называет «разрешение сложного социального конфликта, спровоцированного преступлением»[1]. Автор однозначно предлагает использовать в теории уголовного процесса сравнительно новую для нее категорию, попутно критикуя научную общественность за чрезмерную «опасливость» в использовании термина «социальный конфликт» в научном обороте. Так, А. А. Козявин пишет: «В литературе… высказано мнение о недопустимости оперирования такой целевой установки, ибо нельзя в законе так необдуманно применять социологические конструкции…»[2]. Мы же можем только приветствовать такой подход автора. Право в целом и уголовно-процессуальное право в частности – это социальное явление, и пренебрежение знаниями об обществе, закономерностях его развития, препятствиях, возникающих на этом пути, и средствах устранения этих препятствий при изучении, казалось бы, чисто

[1] Козявин А. А. Социальное назначение и функция уголовного судопроизводства… С. 114.

[2] Там же. С. 114–115.

правовых явлений значительно обедняет арсенал научных средств их исследования. Неучет социологических аспектов уголовно-процессуального права способен привести не только к формализации его научного познания, но и выхолащиванию правотворческой и правоприменительной деятельности. По нашему глубокому убеждению, уже сейчас это приносит свои негативные плоды. По сути, как научная, так и законотворческая деятельность в данной сфере сегодня во многом сводится к построению нормативных конструкций, в которых порой не учитываются ни объективные законы развития социума, ни потребности общества в упорядочивании тех или иных групп общественных отношений, что недопустимо снижает как уровень научных изысканий, так и уровень нормативного регулирования. Отсюда вывод: поскольку право – признанное социальное явление, постольку использование при его изучении (в том числе на отраслевом уровне) социологических научных наработок и терминологии представляется не только допустимым, но и необходимым.

Вместе с тем нельзя не отметить, что те авторы, которые все-таки используют социологическую основу при изучении сущности уголовного процесса, в то же время сводят ее исключительно к средству разрешения уголовно-правового конфликта (спора), что, по нашему мнению, недостаточно. Социальная природа уголовно-процессуального права гораздо более сложна, и механизм его воздействия на общественные отношения вовсе не ограничивается способностью разрешать криминальный конфликт. Как представляется, это всего лишь один социальный срез общесоциальной цели уголовно-процессуального воздействия, который необходимо рассматривать на уровне «микросоциологии правовых конфликтов»[1].

В отличие от уголовно-процессуальной науки, в теории права взгляд на природу права как на средство разрешения социальных конфликтов появился не сегодня. Такой подход к пониманию его социальной сущности имеет достаточно давнюю историю. Более того, во второй половине XIX в. он встал в один ряд с общепризнанными теориями права. Безусловно, его основателем был

[1] Варданянц Г. К. Социологическая теория права : монография. М., 2007. С. 328.

выдающийся немецкий правовед Р. фон Йеринг, который сформулировал основные положения этой концепции в своей резонансной работе «Борьба за право». Известно его выражение: «В представлении права заключаются два противоположных понятия: борьба и мир, мир как цель, борьба как средство права, оба необходимо дополняют друг друга и нераздельно соединены в нем»[1]. «Мир» как форма бесконфликтного сосуществования индивидуумов – вот цель права, а право, стало быть, – средство достижения этого мира – основной постулат теории Р. фон Йеринга.

Свое дальнейшее развитие концепция права как средства разрешения социальных конфликтов получила в работах А. Меркеля, Р. Штаммлера, М. Вебера, Г. Радбруха, Г. Канторовича, М. Рюмелина, Е. Эрлиха и других авторов.

Особенно в этом ряду следует выделить немецкого ученого А. Меркеля, который теоретически обосновал трактовку права как «компромисса интересов». При этом нельзя не отметить, что А. Меркель, которого Р. фон Йеринг признавал своим учеником, был не только теоретиком права, но по своей основной юридической специальности – криминалистом.

В своих размышлениях о социальной сущности права А. Меркель исходил из того, что право, по выражению исследователя его правового наследия – В. С. Горбаня, есть «продукт социальных противоречий»[2]. Социальный конфликт – это источник права.

В этой части учение А. Меркеля о праве тесно примыкает к марксистской правовой теории, однако между ними имеется принципиальное различие. Если для К. Маркса источником права является классовый антагонизм, результатом чего является классовая борьба, а право есть ее продукт, возведенная в ранг закона воля правящего класса, то для А. Меркеля социальный конфликт – это противоречие интересов внутри сложившегося социального порядка. Право не призвано отражать «волю победителя» в классовом противостоянии, оно всего

---

[1] Иеринг Р. ф. Борьба за право. М., 1874. С. 11.

[2] Горбань В. С. Правовое учение Йеринга и его интерпретации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 252.

лишь средство поддержания стабильности имеющегося положения вещей в социуме. Вот как о своем видении права писал сам А. Меркель: «Что такое право? Это можно уяснить из частного примера. Соседи затеяли спор относительно границ своих владений. Приглашенный ими судья устанавливает спорные границы и обозначает их посредством пограничных столбов… Цель, которая с точки зрения судьи должна быть достигнута его деятельностью, заключается в том, чтобы осуществить возможность мирной и упорядоченной совместной жизни двух заинтересованных лиц и обеспечить их воле и интересам область свободного проявления»[1]. Для А. Меркеля социальная реальность, как в правовом, так и во внеправовом состоянии, остается именно социальной реальностью, суть которой он видел в наличии противоречий, которые есть не только сущностный признак этой реальности, но и ведущий фактор ее развития. Благодаря праву социальная реальность модифицируется, приобретая черты определенного относительно устойчивого состояния – мирного порядка. Право же, по А. Меркелю, – средство сглаживания и предупреждения социальных противоречий. Основная функция права состоит в том, что оно выполняет миротворческую миссию[2].

Представленное ви́дение права, будучи отнесенным к «буржуазным правовым учениям», не пользовалось популярностью в советской правовой науке, которая в 1970-х – 1980-х гг., т. е. в период активной «социализации» права, исходила из «бесконфликтной» социальной среды, в которой «работает» право. По представлениям советской правовой теории социалистическое общество в результате победы класса трудящихся к этому периоду преодолело все классовые противоречия, став монолитным, а поэтому, ни о каких социальных конфликтах речь идти не могла. Как показала дальнейшая история, это, к сожалению, оказалось не так, а поэтому представление о праве как средстве разрешения социальных конфликтов было реанимировано.

Против предложенного подхода к цели уголовно-процессуального воздействия, естественно, можно возразить, что он излишне идеалистичен, так как

---

[1] Меркель А. Юридическая энциклопедия. СПб., 1902. С. 2–3.

[2] Горбань В. С. Правовое учение Йеринга… С. 254.

вряд ли в реальности появится такой закон, который полностью снимет проблему социального конфликта и противоречия интересов в сфере применения норм уголовного закона. Более того, даже если это и случится, никогда нельзя сбрасывать со счетов «человеческий фактор», а именно то, как воплощается закон на практике. Эффективность уголовно-процессуального воздействия во многом зависит не только от законодателя, но и от конкретного участника уголовно-процессуальных отношений, использующего в своей деятельности правовое предписание, и вполне вероятна ситуация, когда уголовно-процессуальный конфликт возникнет не в силу несовершенства, односторонности закона, а по причине «эксцесса исполнителя». Как оценить такую ситуацию? Очевидно, что уголовно-процессуальное воздействие своей цели не достигло и бесконфликтная уголовно-процессуальная действительность им не сформирована. И в целом мы согласимся с выводом об идеалистичности сформулированной нами цели уголовно-процессуального воздействия. Но на то она и цель, чтобы быть идеалистичной. Это прямо продиктовано ее субъективной природой. Цель – это *идеальная* субъективная модель, вариант совершенной действительности, сформированный сознанием субъекта целеполагания. Однако стремление к ней, постоянное совершенствование уголовно-процессуального закона и практики его применения – это результат целеполагания и единственный путь повышения эффективности уголовно-процессуального воздействия. В таком понимании цель становится не просто идеальной моделью, а «целевой причиной» этой деятельности.

Несмотря на видимый идеализм цели уголовно-процессуального воздействия, не стоит забывать и того, что цель – это еще и способ постановки задач перед субъектом деятельности, разрешение которых приведет к достижению цели. В этом контексте задачи следует рассматривать как практическое преломление цели, без понимания и постановки которых цель умозрительна и не может быть воплощена в жизнь, что, в свою очередь, позволяет сформулировать два вывода относительно системы задач уголовно-процессуальной деятельности.

Во-первых, цель уголовно-процессуального воздействия – это единое общее руководящее начало, отражающее совокупную волю общества, его стремление к стабильности и упорядоченности общественных отношений. Выразителем этой воли является государство в лице своих органов, занимающихся правотворчеством (законодательные органы) и правоприменением (суд и органы уголовного преследования), деятельность которых должна быть подчинена достижению этой цели.

В то же время цель уголовно-процессуального воздействия не может носить характер конкретного нормативного указания, отраженного в законе. Это слишком «мелко» для нее. Цель уголовно-процессуального воздействия, будучи руководящим «велением», программным запросом общества, обращенным к государству, является основой уголовно-процессуальной политики государства, определяет тенденции развития уголовно-процессуального законодательства, а поэтому воздействует на правоприменительную практику опосредованно. Такое воздействие происходит через ее осознание законодателем, который, формулируя уголовно-процессуальные нормы, должен соизмерять с ней их содержание. Практическое же воплощение цели уголовно-процессуального воздействия в жизнь осуществляется посредством реализации уголовно-процессуальных норм правоприменителем в соответствии с ней. Для максимально точной реализации этой цели, обеспечения полного соответствия ей уголовно-процессуальной деятельности суда, прокурора, следователя, дознавателя, разумно цель уголовно-процессуального воздействия «опредметить», сделать общеобязательной и доступной для восприятия участников уголовно-процессуальных отношений. Этому служат задачи уголовно-процессуальной деятельности – предметное практическое воплощение цели уголовно-процессуального воздействия, закрепленное в виде законодательных положений[1].

Причем соответствующая норма закона, содержащая в себе легальную систему задач, должна подчеркивать деятельностный аспект, формулироваться

[1] Диваев А. Б. Понятие и содержание задач уголовно-процессуальной деятельности // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 68–73.

как задачи деятельности лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу. В этой связи нельзя не отметить, что насколько удачным был ранее использовавшийся УПК РСФСР 1960 г. термин – «задачи уголовного судопроизводства», настолько же неудачной является современная нормативная категория – «назначение уголовного судопроизводства», которая с целью не имеет методологической связи.

И второе. Для максимального соответствия цели уголовно-процессуального воздействия, задачи уголовного судопроизводства не должны формулироваться «вообще», ставиться перед абстрактным субъектом. Раз задачи предметны, стало быть, и разрешаться они должны *конкретным* субъектом, в рамках производства *по конкретному* уголовному делу. Логика такова. Цель уголовно-процессуального воздействия – это общее программное установление, обеспечивающееся посредством целенаправленной правотворческой и правоприменительной деятельности; законодатель «свою» часть работы по реализации цели выполняет путем разработки, принятия и введения в действие отвечающей ей уголовно-процессуальной нормы. На этом его работа закончена, он создал средство достижения осознанной им цели уголовно-процессуального воздействия и передал его исполнителю – суду, прокурору, следователю или дознавателю и т. п. Однако в этот момент цель уголовно-процессуального воздействия еще не реализована, пока лишь созданы условия для этого. Реализация же цели уголовно-процессуального воздействия происходит исключительно в рамках уголовно-процессуальных производств, путем разрешения их участниками поставленных перед ними законодательных задач. Их осуществление в точном соответствии с законом должно предотвратить формирование конфликтной уголовно-процессуальной среды, а при возникновении конфликта в сфере уголовно-процессуального воздействия – гарантировать его устранение. Тут нельзя не согласиться с А. А. Тарасовым, который пишет: «Эффективность уголовного процесса в конечном счете – это эффективность использования властных полномочий должностных лиц и органов государства для защиты прав и законных интересов людей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Без такой ориентации системы уголовной юстиции она работает как бы сама на себя, на собственное бюрократическое обслуживание, а люди, привлекаемые к ее работе извне, тоже превращаются в некий обслуживающий персонал для органов государства».[1]

Исходя из изложенного, целесообразен отказ от ст. 6 УПК РФ как нормы, дезориентирующей правоприменителя и не отражающей истинной природы и сущности уголовного процесса, и введение в УПК РФ нормы, закрепляющей систему задач уголовно-процессуальной деятельности суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника органа и (или) подразделения дознания, дознавателя. В качестве таковых нам видятся: 1) возбуждение, расследование, рассмотрение и разрешение уголовного дела в порядке, определенном законом, с тем, чтобы виновные в совершении преступлении были обоснованно привлечены к уголовной ответственности и понесли законное и справедливое наказание, а невиновные – не были привлечены к ней; 2) охрана прав, свобод и законных интересов личности, а также реабилитация каждого невиновного и иного лица, имеющего право на реабилитацию в соответствии с законом.

[1] Тарасов А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 107.

ГЛАВА 3. СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

§ 1. Уголовно-процессуальное право как средство специально-юридического воздействия

Социальная сущность уголовно-процессуального права определяется тем, что это средство правового воздействия на общественные отношения, имеющего специально-юридические и общесоциальные формы. Эта наша базовая гипотеза. Однако в этой связи вполне уместны два вопроса: *на что именно* и *как* оказывается это воздействие?

Начнем с первого из них и ответим на вопрос о том, что является предметом уголовно-процессуального воздействия.

Как и любая другая отрасль права, уголовно-процессуальное право воздействует на определенные группы общественных отношений. Но что это за отношения и ограничены ли они «привычным» предметом уголовно-процессуального регулирования, т. е. уголовно-процессуальными отношениями? Исходя из того, что уголовно-процессуальное воздействие не исчерпывается его специально-юридическими формами, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, а, следовательно, вполне уместно предположить, что в предмет этого воздействия в качестве подсистем входят *предмет специально-юридического* и *предмет общесоциального воздействия*, оказываемого уголовно-процессуальным правом.

В данной части исследуем первый, специально-юридический элемент предмета уголовно-процессуального воздействия.

Одной из фундаментальных проблем теории уголовного процесса, вне всяких сомнений, является вопрос взаимодействия уголовного процесса, являющегося частью социальной действительности, с уголовно-процессуальным правом – правовым средством упорядочивания социальной действительности.

Если максимально обобщить достижения уголовно-процессуальной науки за последние полтораста лет, можно констатировать, что результаты проведенных в этом направлении исследований сводятся к двум общепризнанным научным положениям. Первое: «уголовный процесс» и «уголовно-процессуальное право» – тесно взаимосвязанные, однако не тождественные категории. И второе: уголовный процесс – средство применения нормы уголовного права. Эти положения настолько привычны, что прибрели характер научной догмы, по причине чего большинство работ, посвященных сущности уголовного процесса и уголовно-процессуального права, проводятся в основном в рамках этой теоретической парадигмы. При этом, если обратиться к истории ее появления, вырисовывается следующая картина.

На первоначальном этапе развития науки уголовного процесса, которая как самостоятельная отраслевая правовая наука начала формироваться, как представляется, не ранее середины XIX в., относительно соотношения категорий «уголовный процесс» и «уголовно-процессуальное право» было высказано мнение об их тождестве. Я. И. Баршев называл уголовным процессом или уголовным судопроизводством «совокупность правил и форм уголовного суда», т. е. то, что в настоящее время интерпретируется как уголовно-процессуальное право[1]. Позднее данное мнение разделяли также И. Василенко[2], Д. Г. Тальберг[3], на определенном этапе своей творческой деятельности – Н. Н. Полянский[4] и другие исследователи.

С течением времени в уголовно-процессуальной теории произошло некоторое переосмысление данной проблемы, и термин «уголовный процесс» (или уголовное судопроизводство) стал использоваться сразу в двух смыслах. В своем первом своем значении он по-прежнему обозначал свод правил, регламентирующих порядок производства по уголовным делам. Однако во втором

---

[1] Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 5.

[2] Василенко И. Понятие нормы права и уголовного процесса. СПб., 1878. 48 с.

[3] Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1889. С. 1.

[4] Полянский Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его судоустройство и деятельность. М., 1911. С. 3–4.

смысле уголовным процессом стали называть сам этот порядок, некий вид, регламентированной этими правилами деятельности. В частности, И. Я. Фойницкий об этом писал так: «Право наказания создает для государства право на деятельность, имеющую задачей осуществление карательной власти в каждом отдельном случае. Каждый такой отдельный случай… образует уголовное дело, а установленный для рассмотрения таких дел порядок разбора называется уголовным процессом или уголовным судопроизводством… Система правил, которыми определяется такое производство, образует судебно-уголовное право, или уголовное судопроизводство в объективном смысле»[1].

Как видим, И. Я. Фойницкий для обозначений уголовно-процессуального права использует непривычный для нас термин, называя его «судебно-уголовным правом», что можно считать большим шагом вперед, так как во многих научных источниках того периода уголовно-процессуальное право также называлось «формальным уголовным правом»[2]. Такая терминология была прямым проявлением ныне в целом отвергнутой[3], а тогда еще распространенной концепции единого уголовного права, в котором «нормы, указывающие, кто и в каком порядке должен определять, подлежит ли тот или иной субъект уголовной ответственности… образуют уголовно-процессуальное право, иначе называемое формальным уголовным правом»[4].

Сам по себе термин «уголовно-процессуальное право» в его современном понимании на постоянной основе вошел в правовой обиход только в 10-х гг. XX в., притом, что вопрос его соотношения с категорией «уголовный процесс» получил разрешение только в 30-е гг. XX в., т. е. спустя еще почти четверть века.

---

[1] Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1912. С. 1.

[2] См., например: Духовский М. В. Русский уголовный процесс. М., 1902. С. 6–7 ; Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 1 ; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 4, и др.

[3] Несмотря на то, что теория «единого» уголовного права в настоящее время имеет скорее историческое, нежели чем исследовательское значение, в современной науке уголовного процесса также встречаются исследования, являющиеся отголосками этой концепции. В качестве примера можно назвать диссертационное исследование Ю. В. Козубенко (Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 505 с.).

[4] Познышев С. В. Указ. соч. С. 1.

Результат этого достаточно точно был выражен М. С. Строговичем: «…Уголовный процесс есть деятельность суда и следственных органов, регулируемая уголовно-процессуальным правом, а уголовно-процессуальное право есть – совокупность правовых норм, регулирующих деятельность суда и следственных органов»[1]. Другими словами, уголовно-процессуальное право стало рассматриваться в качестве средства регулирования уголовного процесса, а тот, в свою очередь, – предметом его регулирования. Преимущественно с этих позиций определяется соотношение уголовного процесса и уголовно-процессуального права и по сей день.

Нужно признать, что этот традиционный подход теоретически вполне обоснован, и, в общем-то, с ним можно согласиться. Однако только при одном условии: *если категорию «уголовный процесс» рассматривать как совокупность общественных отношений по возбуждению, расследованию, рассмотрению, разрешению уголовного дела и исполнению приговора, а также связанных с ними отношений, подвергающихся специально-юридическому воздействию норм уголовно-процессуального права.*

Согласно классическим общеправовым научным положениям, уголовно-процессуальное право – это отрасль права, характеризуемая своим предметом и методом правового регулирования. Предмет отраслевого правового регулирования – это некие общественные отношения определенной сферы, воздействие на которые оказывают нормы данной отрасли. Соответственно, если мы признаем, что уголовный процесс – это предмет уголовно-процессуального регулирования, следом мы должны признать и то, что содержание уголовного процесса составляют общественные отношения. Но как раз этот вывод для уголовно-процессуальной науки не очевиден.

Так, в уголовно-процессуальной науке некоторое распространение получило мнение, согласно которому «вообще» уголовного процесса не существует в «реальности… уголовный процесс имеет место лишь по конкретному уголовному делу, по которому осуществляется конкретная

[1] Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1941. С. 11–12.

уголовно-процессуальная деятельность»[1]. Сообразно этой точке зрения и уголовно-процессуальное право рассматривается как средство регулирования не общественных отношений, а уголовно-процессуальной деятельности, причем осуществляемой в ходе производства по конкретному уголовному делу.

Эту точку зрения нельзя назвать особо новаторской. По сути, она представляет собой осовремененный вариант традиционного подхода к пониманию уголовного процесса, распространенного еще в дореволюционный период развития науки уголовного процесса[2].

Имел он сторонников и в науке советского периода. Его наиболее ярким представителем был М. А. Чельцов, который прямо писал: «Советский уголовный процесс есть направляемая законом деятельность органов прокуратуры, следствия и суда по раскрытию преступления, изобличению преступника, разбирательству дела об обвиняемом со всеми гарантиями его защиты и применению к нему, в случае признания его виновным, справедливого наказания в целях, установленных социалистическим уголовным правом»[3]. Причем сам автор данной цитаты вовсе не отрицал существования уголовно-процессуальных отношений, однако считал их производными от уголовно-процессуальной деятельности[4].

Несмотря на более чем столетний разрыв во времени объединяет указанные мнения единая методологическая база – постулат о первичности деятельности по отношению к общественным отношениям. Однако верен ли он? Думается, что не совсем.

Если его принять за основу, тогда, действительно, «вообще» уголовного процесса существовать не может. «Вообще» существует только уголовно-процессуальное право как некая формализованная, установленная государством система нормативов, которую вполне можно отождествить с уголовным процессом. Уголовный процесс в таком понимании «живет» только в нормах права. В реальности же существует только уголовно-процессуальная

---

[1] Макарова З. В. Указ. соч. С. 161.
[2] См., например: Духовский М. В. Русский уголовный процесс… С. 6.
[3] Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 10.
[4] Там же. С. 11.

деятельность, которую осуществляют конкретные субъекты, вступающие в некие отношения друг с другом, называемые в силу их производного от уголовно-процессуальной деятельности характера, уголовно-процессуальными отношениями. При этом данная деятельность не может осуществляться сама по себе – она «существует» только в рамках конкретного уголовно-процессуального производства. И это вполне логично. Будучи специальным видом правовой деятельности, регламентированной нормами уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальная деятельность не может рассматриваться как повседневная человеческая деятельность. Ее участниками являются исключительно субъекты уголовно-процессуального права – носители соответствующих прав и обязанностей, реализация которых возможна только в рамках деятельности по применению нормы уголовного права, т. е. в ходе производства по уголовному делу.

Казалось бы, представленная точка зрения методологически безупречна. Схема взаимодействия между людьми по принципу «деятельность – отношение» вполне привычна. В обыденном понимании эта схема выглядит так. Если у индивида возникает какая-то потребность, формирующая интерес, который может быть удовлетворен другим субъектом, он обращается к нему, т. е. осуществляет деятельность. Действуя, т. е. направляя свои устремления к противоположному субъекту, заинтересованный индивид устанавливает отношение – связь по поводу удовлетворения взаимных интересов. А раз этой связи не было до осуществления этой деятельности, то именно она и стала причиной появления отношения.

Такая схема развития отношений между людьми имеет право на жизнь. Однако и это не учитывается сторонниками первичности уголовно-процессуальной деятельности перед уголовно-процессуальными отношениями, она демонстрирует закономерности развития *личных*, но не *общественных* отношений. В личных отношениях, где их субъектами являются конкретные индивиды, действующие «сами по себе» и не реализующие каких-либо социальных ролей, все происходит именно так. Однако уголовно-процессуальные отношения при всем желании вряд ли можно отнести к личным отношениям. Но

тогда уместен вопрос, на каком основании закономерности возникновения и развития личных отношений распространяются на уголовно-процессуальные отношения, являющиеся общественными по своей природе? Притом, что природа общественных отношений абсолютно не соответствуют последовательности «деятельность – отношения», характерной *исключительно* для личных отношений.

В современном понимании под общественными отношениями принято понимать «относительно устойчивые связи между социальными группами, народами, государствами и другими объединениями людей, возникающие в производственно-экономической, социально-политической сферах человеческой деятельности, различных видах культуры и определяющие специфику данного конкретного общества, его качественные характеристики, его социальную структуру»[1]. За столь громоздким определением общественных отношений одновременно кроется глубокий смысл, и, в частности, из него следует то, что общественные и личные отношения – это совершенно разные с точки зрения модели их возникновения и развития виды отношений.

Общественное отношение только внешне выглядит как связь двух (или более) конкретных индивидов. На самом деле личность тут не важна. Носителями общественных отношений являются не конкретные люди, а социальные группы, и с этой точки зрения эти отношения всегда объективны. Общественные отношения – отражение структуры общества, своего рода «сетка» связей, сложившихся вместе с развитием общества. Может меняться индивидуальный состав этих связей, однако определяющую роль в них играет не личность субъекта этих отношений, а его социальная роль. Конкретный человек, желая реализовать свои, но совпадающие с общественными или общественно значимые цели, как бы встраивается в эту «сетку», начиная лично, по своей воле выполнять соответствующую социальную роль, либо вовлекается в нее волей иного лица, имеющего возможность «включить» его в эти общественные связи[2].

---

[1] Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова… С. 389.

[2] Там же. С. 389.

Общественные отношения оттого и носят такое название, что являются производными от общества. Отражая сложность его устройства, система общественных связей прямо определяет количество и качество тех социальных ролей, которые характеризуют его. Чем сложнее общественная структура, тем большее количество социальных ролей его характеризует и тем большее количество общественных связей возможно в таком обществе.

Объективность, «обезличенность» – это очень важное свойство общественного отношения. Этим оно отличается от личного отношения, т. е. связи, складывающейся между конкретными личностями. Личные отношения всегда индивидуальны, нетипичны, а поэтому не могут быть подвергнуты правовому нормативному (т. е. типичному) регулированию. Именно в этом кроется причина того, почему одни отношения «поддаются» правовому воздействию, а другие – нет.

Соответственно, в отличие от личных отношений, где деятельность – причина возникновения отношений, в общественных отношениях все происходит с точностью до наоборот: в их соотношении с деятельностью именно они должны рассматриваться в качестве причины осуществления деятельности. Деятельность представляет собой то, посредством чего конкретный индивид как представитель социальной группы (носитель социальной роли) может стать участником уже существующих отношений. Она производна от отношений и осуществляется постольку, поскольку соответствующий субъект желает, получает возможность или вынужден стать участником общественных отношений, «встроится» в их систему. При этом, став их участником, он становится обязанным «играть» по уже существующим правилам, которыми в случае уголовно-процессуальных отношений являются нормы уголовно-процессуального права, воздействующие на эти отношения. Таким образом, уголовно-процессуальное право если и регулирует уголовно-процессуальную деятельность, то опосредованно, через общественные уголовно-процессуальные отношения, но никак не наоборот.

Именно с этих позиций, по нашему мнению, следует рассматривать вопрос о том, чем же на самом деле является любое уголовно-процессуальное

производство и производство по уголовному делу, в частности. Оно – это деятельность, осуществляя которую, соответствующие субъекты, «играющие» определенные социальные роли, являющиеся в силу их правовой регламентации процессуальными статусами, «встраиваются» в систему уголовно-процессуальных отношений и реализуют соответствующие их статусам права и обязанности. Уголовно-процессуальное производство можно рассматривать как «сумму деятельностей» всех его участников, где деятельность каждого из них регламентируется посредством специально-юридического воздействия нормы уголовно-процессуального права на социальные уголовно-процессуальные отношения, субъектами которых они становятся[1].

При этом мы разделяем мнение, согласно которому уголовно-процессуальные отношения изначально по природе – правоотношения, т. е. отношения, на которые уголовно-процессуальное право оказывает непосредственное специально-юридическое воздействие. Это, если так можно выразиться, «самые правовые» из всех правоотношений, так как они не могут существовать иначе как в виде правоотношений. Учитывая распространенность и теоретическую обоснованность этой позиции в уголовно-процессуальной науке, мы не будем останавливаться на ее подробной аргументации, ограничившись лишь интересующими нас следствиями такого положения вещей.

Учитывая, что уголовно-процессуальные отношения – это «природные» правоотношения, сразу обозначим главное: они жестко детерминированы уголовно-процессуальным правом. Ни одно общественное отношение вне специально-юридического правового воздействия не может считаться уголовно-процессуальным отношением. О формах такого воздействия мы будем вести речь ниже, здесь же только подчеркнем: уголовно-процессуальным отношение станет таковым только после того, как норма уголовно-процессуального права окажет на него специально-юридическое воздействие.

---

[1] См. подробнее: Диваев А. Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 39–44.

Примеров тому множество. Взять хотя бы отношения, складывающиеся в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях. До недавнего времени уголовно-процессуальное право оказывало на них крайне фрагментарное воздействие, следствием чего являлся и очень ограниченный круг уголовно-процессуальных отношений, возникающих в связи с этой проверкой. При этом система общественных отношений, входивших в круг отношений по проверке сообщения о преступлении, нуждающихся в таком воздействии, была и остается весьма обширной.

Так, например, при проверке заявлений и сообщений о преступлении достаточно распространены отношения по поводу получения устных объяснений о случившемся. Никакого специально-юридического воздействия на них уголовно-процессуальное право до последнего времени не оказывало, а поэтому сотрудники правоохранительных органов (не только следователи и дознаватели, но и сотрудники оперативных подразделений), получая объяснения об обстоятельствах случившегося, «по инерции» старались максимально приблизить порядок получения объяснений к регламентированному законом порядку допроса. В частности, это касалось порядка установления личности дающего объяснения, исполнения «требований» о предупреждении его «об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний», порядка составления «протокола» получения объяснений, хотя такого документа законом и не предусмотрено, и др. Со временем в органах внутренних дел даже появилась разработанная для внутреннего пользования форма такого «протокола».

Очевидно, что отношения по поводу получения устных объяснений о проверяемом событии возникли и существовали длительное время вне процессуального воздействия на них. Их развитие по правилам допроса – это проявление не более чем привычной для правоохранителя формы поведения, а не какой-то «особой уголовно-процессуальной природы» этих отношений. Они не были уголовно-процессуальными изначально, но стали ими вследствие их уголовно-процессуальной регламентации, а именно введения в УПК РФ ч. 1^2 ст. 144. Согласно этой норме сведения, полученные в ходе проверки сообщения о

преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ, т. е. условий их допустимости. Проще говоря, законодатель прямо указал, что объяснения могут быть получены в порядке производства допроса, и если следователь или дознаватель избрал такой способ их получения, это проверочное действие вовлекается в орбиту уголовно-процессуального специально-юридического воздействия, а его участники становятся участниками уголовно-процессуальных отношений[1].

В связи с этим в науке было высказано мнение о том, что предмет специально-юридического уголовно-процессуального воздействия не ограничивается исключительно отношениями, регламентированными уголовно-процессуальным правом. Такое ви́дение содержания уголовного процесса было представлено В. Г. Даевым. В этой связи автор писал: «В теории советского уголовного процесса широко распространено мнение, что общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства, существуют не иначе, как в форме правоотношений… Это мнение справедливо для большинства указанных отношений… Однако это не означает отсутствия в сфере уголовного судопроизводства, как и в сфере правоприменительного процесса в целом, общественных отношений, не урегулированных правом, в силу ненужности или невозможности такого регулирования»[2]. В качестве примера таких «уголовно-процессуальных» отношений В. Г. Даев приводил некие нравственные (например, те же брачно-семейные) отношения, связанные с судопроизводством, тактические, технические, методические аспекты расследования и др.

Как видим, автор к числу уголовно-процессуальных отношений отнес, по сути, любые общественные отношения, причем безотносительно того, воздействует на них право или нет. Для признания такого отношения уголовно-процессуальным, по мнению В. Г. Даева, достаточно лишь одного – чтобы это отношение так или иначе было «связано» с производством по уголовному делу.

---

[1] Диваев А. Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования… С. 41.
[2] Даев В. Г. Указ. соч. С. 11.

Причем характер этой связи автором не раскрывается. Что это за связь? Что она опосредует – событие преступления, личность обвиняемого, какое-либо процессуальное действие или решение, непонятно.

Не совсем ясна также позиция исследователя и относительно того, а могут ли быть включены в число уголовно-процессуальных отношений отношения, входящие в предмет специально-юридического воздействия других отраслей права, однако связанные с производством по уголовному делу. Допустим, те же оперативно-розыскные отношения, т. е. отношения, регламентированные нормами оперативно-розыскного законодательства. Не секрет, что оперативно-розыскная деятельность практически всегда сопутствует уголовно-процессуальной деятельности и, безусловно, связана с ней. Этот вывод следует хотя бы из положений ст. 3 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», к задачам которой отнесены, в том числе: а) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; б) осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; в) установление имущества, подлежащего конфискации. Связь этих задач оперативно-розыскной деятельности с производством по уголовному делу, думается, очевидна.

Так вот, являются ли оперативно-розыскные отношения уголовно-процессуальными отношениями (а оперативно-розыскная деятельность, как следствие этого – уголовно-процессуальной деятельностью)? Несмотря на весьма парадоксальное звучание, в контексте рассмотренной позиции относительно уголовно-процессуальных отношений этот вопрос вполне уместен. Действительно, если общественные отношения, вовсе находящие вне специально-юридического правового воздействия, могут считаться уголовно-процессуальными по причине их «связи» с производством по уголовному делу, то почему в этой «способности» должно быть отказано правоотношениям? Тем более, что с фактической стороны общественное отношение и правоотношение

ничем не отличаются. Их различие находится исключительно в формальной плоскости, которой В. Г. Даев и сторонники «широкой» трактовки уголовно-процессуальных отношений как раз и не придают значения. Если следовать логике автора, то любое «непроцессуальное» правоотношение должно быть способным стать «уголовно-процессуальным» при появлении у него какой-либо «связи» с уголовно-процессуальными производствами, несмотря на то что оно не входит в предмет специально-юридического воздействия другой отрасли права.

По нашему мнению, такой подход вряд ли отражает истинное положение вещей. Он полностью обесценивает главное качество уголовно-процессуальных отношений, отличающее их от любых других отношений: они – это результат специально-юридического воздействия на них норм именно уголовно-процессуального права. Игнорирование этого свойства автоматически нивелирует как отраслевые границы уголовно-процессуального права, так и саму грань, отделяющую правовое от неправового. В такой интерпретации разрушается система отрасли уголовно-процессуального права, происходит отказ от нее. Взамен же предлагается нечто с очень невнятными системными признаками – совокупность самых разнообразных по своему субъектному составу и содержанию общественных отношений, считающихся уголовно-процессуальными не по формальному, а по умозрительному критерию – наличию связи с уголовно-процессуальным производством или ее отсутствию.

Насколько неверно бесконечное расширение сферы уголовно-процессуальных отношений, настолько же не отвечает действительности и необоснованное сужение предмета специально-юридического уголовно-процессуального воздействия. Он не может быть ограничен отношениями, складывающимися исключительно в ходе производства по уголовному делу, как на то указывают некоторые авторы[1]. Отсюда вывод о *нетождественности категорий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство»,* несмотря на то что в теории уголовного процесса превалирует прямо противоположное мнение.

---

[1] Макарова З. В. Указ. соч. С. 161.

Как представляется, данный тезис нуждается в пояснении. Пункт 56 ст. 5 УПК РФ определяет уголовное судопроизводство как досудебное и судебное производство по уголовному делу, что, в свою очередь, позволяет определенно утверждать: термины «уголовное судопроизводство» и «производство по уголовному делу» синонимичны. Но, разве система уголовно-процессуальных отношений или, другими словами, уголовный процесс исчерпывается уголовно-процессуальными отношениями, составляющими содержание уголовного судопроизводства? Очевидно, что нет.

Если исходить из того, что уголовный процесс как целостный комплекс отношений – это, по сути, и есть предмет специально-юридического уголовно-процессуального воздействия, то система уголовного процесса должна быть представлена не «уголовно-процессуальными стадиями», а сравнительно изолированными друг от друга группами общественных отношений, объединяемых по принципу общности решаемых уголовно-процессуальных задач в уголовно-процессуальные производства. Да, уголовное судопроизводство и отношения, складывающиеся в ходе него – это «сердцевина» предмета специально-юридического уголовно-процессуального воздействия (уголовного процесса). Именно эти отношения регламентированы нормами уголовно-процессуального права наиболее детально, что видно «невооруженным глазом», и выражается:

а) в обладании каждым из субъектов этих отношений четким, установленным УПК РФ статусом участника уголовного судопроизводства. Среди них практически невозможно встретить участника, статус которого не опосредовался бы конкретным процессуальным основанием – процессуальным решением о наделении субъекта соответствующим статусом или фактом совершения в отношении него определенного законом процессуального действия;

б) в наделении этих субъектов точно определенным законом объемом тех полномочий, прав и обязанностей, которые составляют содержание этого статуса, и реализация которых происходит посредством процессуальных отношений, складывающихся в ходе производства по уголовному делу;

в) и наконец, в нормативном закреплении исчерпывающей совокупности средств, при помощи которой соответствующий статус может быть реализован (перечень и порядок производства конкретных процессуальных действий и принятия процессуальных решений).

Однако, исключение из предмета специально-юридического уголовно-процессуального воздействия иных групп отношений, складывающихся, например, при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела, или в связи с рассмотрением и разрешением вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, а также ряда других групп уголовно-процессуальных отношений, образующих систему дополнительных производств, нельзя признать обоснованным, Можно оспаривать необходимость процессуальной регламентации этих отношений в принципе[1], однако пока нормы уголовно-процессуального права на них оказывают непосредственное воздействие, их уголовно-процессуальная природа представляется неоспоримой.

Обосновать тезис о том, что уголовный процесс содержит «в себе» не только отношения, связанные с производством по уголовному делу, но и другие группы отношений, направленных на разрешение задач, отличных от задачи разрешения вопроса о виновности и наказании, не сложно. Достаточно, рассмотреть в этом контексте деятельность по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, которую большинство ученых

---

[1] Как известно, в науке достаточно распространена точка зрения о необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела, а, следовательно, и исключения отношений, возникающих по поводу рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлении из совокупности отношений, регулируемых нормами уголовно-процессуального права (см., например: Сереброва С. П. Проблемы рационализации досудебного производства : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. 291 с. ; Ленский А. В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. 28 с. ; Деришев Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 1999. 213 с. ; Александров А. С., Грачев С. А. Проект нового порядка открытия нового расследования уголовного расследования по сообщению о преступлении // Уголовный процесс. 2015. № 7. С. 14–21 ; Боруленков Ю. П. Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19. С. 4–8 ; Володина Л. М. Проблема регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11 ; Гаврилов Б. Я. Уголовная политика России: научные и законодательные мифы и реалии правоприменения // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 233–251, и др.).

процессуалистов склонны безапелляционно считать «уголовно-процессуальной стадией», что, по меньшей мере, обсуждаемо[1].

Что заставляет нас усомниться в таком, назовем его условно «традиционном», подходе? Как минимум уникальность задач, решаемых посредством деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, принципиально отличных от задач уголовного судопроизводства. Это, в свою очередь, предопределяет и специфику субъектного состава участников деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора[2], и определенные особенности судебной процедуры разрешения этих вопросов, а также проверки постановлений судьи, принятых по ее итогам[3], и т.п. Все это, на наш взгляд, в достаточной степени обосновывает вывод о том, что рассматриваемый вид деятельности ничего общего с производством по уголовному делу не имеет, являясь самостоятельным уголовно-процессуальным производством.

Итак, уголовно-процессуальное право и общественные отношения в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения, разрешения уголовных дел и исполнения приговора – это явно не тождественные категории. В представленной конструкции они соотносятся как средство правового воздействия и его предмет. Общественные отношения становятся уголовно-процессуальными отношениями, образуя социальную сущность, которую называют уголовным процессом, исключительно в силу непосредственного воздействия на них норм уголовно-процессуального права в специально-юридических формах.

Что это за формы? О двух традиционно определяемых теорией права функциях права – правовом регулировании и правовой охране – мы вели речь выше. Эти формы специально-юридического воздействия, оказываемого любой

---

[1] Диваев А. Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений – завершающая стадия производства по уголовному делу // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 149–159.

[2] Диваев А. Б. Участники уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора: функции и статус // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3 (48). С. 110–118.

[3] Диваев А. Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 134–143.

отраслью права на свой предмет, вполне характерны и для уголовно-процессуального права[1]. Однако возникает следующий вопрос: исчерпывается ли перечень таких форм воздействия уголовно-процессуального права на уголовно-процессуальные отношения их регулированием и охраной или есть еще какие-либо его формы?

Для ответа на него необходимо учитывать, что специально-юридическое воздействие уголовно-процессуального права на свой предмет носит односторонний характер: право на уголовно-процессуальные отношения воздействует, а отношения на право – нет. На первый взгляд, может возникнуть впечатление, что это противоречит свойству объективности права, его зависимости от системы сложившихся общественных отношений, на что мы неоднократно указывали выше. Однако на самом деле это не так. Подчеркнем, что речь идет исключительно об отношениях, составляющих *предмет специально-юридического уголовно-процессуального воздействия*, т. е., собственно, об уголовном процессе. Отношения же, не входящие в его содержание и существующие как обычные общественные отношения, вне такого воздействия, отражая социальную структуру, исторические, экономические, политические и пр. особенности общественного развития, безусловно, оказывают существенное влияние как на содержание действующих уголовно-процессуальных норм, так и на сам факт их появления. Однако как только норма уголовно-процессуального права «вовлекает» общественное отношение в орбиту своего специально-юридического воздействия, оно утрачивает возможность влиять на содержание этой нормы, полностью подчиняясь ее требованиям, каждый раз воспроизводясь в процессуальной деятельности субъектов этого отношения в соответствии с предписаниями данной нормы.

При этом, что также не подлежит сомнению, до того как уголовно-процессуальное право могло оказать это специально-юридическое воздействие на то или иное отношение, оно должно фактически существовать как некое

[1] См. подробнее: Диваев А. Б. Предмет и формы специально-юридического уголовно-процессуального воздействия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2 (44). С. 34–46.

«протопроцессуальное» отношение – причина появления соответствующей нормы. Такой «взаимообмен» между уголовно-процессуальным правом и общественными отношениями происходит на постоянной основе: сложившиеся отношения, не регламентированные нормами уголовно-процессуального права, однако объективно нуждающиеся в этом, провоцируют появление норм, становясь после этого уголовно-процессуальными отношениями, тогда как отношения, утратившие необходимость в их уголовно-процессуальной регламентации или вовсе прекратившие существование, «выходят» из сферы отношений, именующейся уголовным процессом. Это движение постоянно. В определенные периоды жизни государства и общества оно может быть более или менее выраженным, однако не прекращается никогда. Это своего рода «колыбель» права, отражение того, что в науке принято именовать «живым правом».

Изучение природы взаимодействия между уголовно-процессуальным правом и предметом его специально-юридического воздействия – уголовным процессом, дает основания задаться еще одним вопросом: а все ли отношения, «необходимые» уголовному процессу и вовлекаемые в его орбиту уголовно-процессуальным правом, могут быть генерированы сами обществом, стать следствием его развития? И ответ на него видится отрицательным.

Развитие человеческого сообщества подчинено одному общему правилу: возникновение, изменение и исчезновение тех или иных отношений диктуется лишь одним основополагающим фактором – общественными потребностями. Уголовный процесс же – весьма специфическая сфера отношений, и многие из них просто-напросто не могли сами по себе сложиться в обществе. Если возникновение и последующее существование общественных отношений, явившихся в свое время содержанием некой квазисудебной процедуры, призванной упорядочить, поставить под контроль акт привлечения к ответственности члена сообщества, причинившего вред другим его членам или всему сообществу в целом, диктуется логикой общественного развития, то появление многих других общественных связей, отражающих процессуальные

«тонкости», специфику конкретных процессуальных процедур, трудно объяснить с этой точки зрения. Но тогда как появились эти отношения? Кто их учредил? Ответ напрашивается сам собой: такую «сверхзадачу» мог решить только один субъект – государство, посредством осуществления нормотворческой деятельности. Изданием правовой нормы государство может как учредить, так и прекратить существование любого уголовно-процессуального отношения, «переведя» его в разряд «обычного» фактического общественного отношения или вовсе упразднив это отношение. Другими словами, уголовный процесс содержит в себе не только совокупность официально признанных (санкционированных) государством посредством их правовой регламентации отношений, но и систему отношений, которые никогда не существовали как обычные общественные отношения и изначально были *учреждены нормой права как уголовно-процессуальные отношения.*

Это направление уголовно-процессуального воздействия вполне можно рассматривать в качестве еще одной – специально-юридической функции уголовно-процессуального права – *его учредительной функции.*

Сказанное позволяет утверждать, что уголовно-процессуальное право располагает тремя специально-юридическим формами воздействия на систему отношений, образующих уголовный процесс: оно *1) регламентирует* и *2) берет под охрану* уже сложившиеся общественные отношения, тем самым трансформируя их в уголовно-процессуальные отношения, и оно же *3) учреждает* до того не существовавшие отношения в виде уголовно-процессуальных отношений, регулируя и охраняя их впоследствии[1].

Соответственно этому, всю систему уголовно-процессуальных отношений, составляющих уголовный процесс, можно условно разделить на две части. *Первую* из них составят фундаментальные, «корневые» уголовно-процессуальные отношения, в основе которых лежат исторически сложившаяся совокупность общественных связей, с течением времени «легализованных» государством,

[1] Диваев А. Б. Предмет и формы специально-юридического уголовно-процессуального воздействия… С. 45.

возведенных в ранг официальных. Эти отношения составляют стержень уголовного процесса любого государства и обычно обладают достаточной стабильностью. Именно они определяют существование уголовного процесса как такового. В их отсутствии уголовный процесс как сфера функционирования социума прекратит свое существование.

Вторая группа включает в себя совокупность тех уголовно-процессуальных отношений, которые учреждаются государством. В отличие от отношений предыдущей группы, которые объективны изначально, отношения этой группы «всего» лишь *объективно обусловлены*, а их возникновение – производно от субъективной воли правотворца. Если отношения предыдущей группы подвергаются «восходящей» легитимации, т. е. признаются государством как правоотношения, то эти отношения, наоборот, легитимируются «по нисходящей», путем их признания как со стороны их потенциальных субъектов, так и общества в целом. Такой вариант общественной легитимации носит название социализации, которая может произойти только в том случае, если учрежденные государством общественные отношения были действительно социально (т. е. объективно) обусловлены.

§ 2. Предмет и формы общесоциального уголовно-процессуального воздействия

Изучение механизма уголовно-процессуального воздействия в парадигме, определяемой формально-юридическим подходом, т. е. исключительно как средства регулирования, охраны и учреждения уголовно-процессуальных отношений, выявляет его явную недостаточность. Объясняется этот факт тем, что он не учитывает социальности уголовно-процессуального права, его способность воздействовать на социум в целом, а не только на ту группу отношений, которые мы отнесли к предмету специально-юридического уголовно-процессуального воздействия, т. е., собственно, на уголовный процесс.

Осмысление социальной природы права, как уже неоднократно подчеркивалось, началось в конце 60-х гг. XX в. На волне активизации научных изысканий по этому вопросу развитие получил взгляд на право как средство социального управления[1], который востребован и современной теорией права[2].

Как следует из наименования, право в данной концепции рассматривается в контексте управления самыми различными социальными процессами. Учитывая, что социальное управление в самом общем виде определяется как «целесообразное воздействие на общественную систему, т. е. приведение системы в соответствие с присущими ей закономерностями», правовое воздействие можно рассматривать как «специфическую форму управленческого воздействия», которая, с одной стороны, подчиняется общим закономерностям управленческого процесса[3], а с другой – характеризуется важными особенностями.

В обычных условиях управляющий субъект, распоряжаясь средством управления, в одностороннем порядке воздействует на управляемую систему, подчиняя ее управленческому результату, т. е. действует по схеме «команда – исполнение»[4]. В данной же сфере социального управления управленческое воздействие развивается несколько иначе, так как средство воздействия, т. е. право, одновременно влияет и на управляющую (государство), и на управляемую

---

[1] См., например: Алексеев С. С. Право и управление в социалистическом обществе (Общетеоретические вопросы) // Советское государство и право. 1973. № 6. С. 13–21 ; Дюрягин И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление : дис. … д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975. 398 с. ; Тихомиров Ю. А. Право и социальное управление в развитом социалистическом обществе. М., 1978. 64 с. ; Эффективность правовых норм… 280 с. ; Дюрягин И. Я. Право и управление.. 1981. 168 с. ; Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. 135 с. ; Явич Л. С. Сущность права.. 205 с. ; Раска Э. Э. Борьба с преступностью и социальное управление. Таллинн, 1985. 216 с. ; Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. 248 с. ; Халфина Р. О. Право как средство социального управления М., 1988. 256 с. ; Жевакин С. Н. Социальное управление и правовая социализация личности : дис. … канд. социол. наук. М., 1992. 127 с., и др.

[2] Солдатов А. С. Право как инструмент социального управления (информационный аспект) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 164 с. ; Бернацкий Г. Г. Право как функция социального управления // Ученые записки юридического факультета. СПб., 2004. Вып. 1 (11). С. 168–170 ; Аникеева Н. С., Туркулец С. Е. Право как ресурс социального управления // Проблемы теории и истории государства и права : сборник научных трудов. Хабаровск, 2010. С. 190–197, и др.

[3] Эффективность правовых норм… С. 10.

[4] Там же. С. 10

систему (общество, человека). По сути, оно не просто средство воздействия, а «объективное условие, воздействующее на управляющих и управляемых»[1].

По отношению к государству как управляющей системе право – это средство, обеспечивающее «правомерность государственного управления», управляющее воздействие которого заключается в том, что оно: 1) его организационная основа; 2) основа компетенции как государства в целом, так и всех его органов и их структурных подразделений; 3) наиболее рациональный процесс управленческой деятельности (его условия, сроки, *порядок рассмотрения дел, принятия управленческих решений и доведения их до исполнителей*); 4) совокупность условий для осуществления управленческой деятельности[2].

Сам процесс правового воздействия норм права как средства социального управления на общественные отношения в своей основе содержит последовательность этапов управленческого процесса. В различной интерпретации количество и качество этих этапов несколько отличается, однако это не меняет сути: будучи средством управления, право и работает по законам управленческой деятельности. В частности, в механизм управленческого воздействия права на общество и его отношения обычно включают следующие этапы управленческого цикла: 1) определение задачи воздействия на процесс; 2) исследование проблемы и постановка диагноза; 3) выявление основных целей, к которым следует стремиться для решения задачи; 4) поиск решения проблемы; 5) принятие решения; 6) подготовка к введению решения в действие; 7) реализация решения; 8) контроль за реализацией решения и его оценка[3].

Если в самых общих чертах охарактеризовать эти этапы управленческого воздействия права на общественные отношения, вырисовывается следующая картина.

Исходным тезисом является все тот же постулат об объективности общественных отношений: они не появляются как следствие чьей-либо индивидуальной воли, отражая сложность общественного устройства, его

---

[1] Дюрягин И. Я. Право и управление… С. 49.
[2] Там же. С. 49–50.
[3] Эффективность правовых норм… С. 13.

структуру. Развитие общества осуществляется по своим объективным законам, а «объективные законы не могут быть отменены декретами»[1]. Однако «посредством управленческих, в частности, правовых актов, организующих фактическую и духовную деятельность людей, можно достичь изменения объективных законов и тем самым сознательно изменить, усилить или ослабить их действие»[2].

Соответственно, эффективность правотворчества в первую очередь зависит от глубины познания правотворцем объективных законов общественного развития, так как правовой акт в этом контексте – акт управления, воздействующий на эти объективные законы общественного развития. Проведя мониторинг общественных отношений, правотворец должен осознать, в каком направлении происходит общественное развитие, и если это направление нежелательно, что является индикатором проблемы, постараться нормативным путем изменить условия развития общественных отношений, с тем, чтобы они начали развиваться в другом, целесообразном для государства и общества направлении. Именно в этом и кроется управленческий потенциал права, его направляющее воздействие на общество.

После выявления социальной проблемы законодателем ставится цель управляющего воздействия, формулируются задачи деятельности исполнителей управленческой воли и, наконец, формулируется управленческое решение, т. е. отраженное в нормативно-правовом акте, положения которого воздействуют на общественные отношения, а, стало быть, и поведение конкретных субъектов – адресатов управленческого предписания.

По принятию правового акта осуществляется подготовка к его введению в действие (в контексте права это в первую очередь информирование общественности или субъекта исполнения о содержании правового акта) и, собственно, реализация этого решения. На протяжении всего периода действия нормативного акта происходит мониторинг его действия, оцениваются результаты и эффективность его воздействия.

---

[1] Дюрягин И. Я. Право и управление… С. 27.

[2] Там же.

По отношению к управляемой системе – обществу или конкретному индивиду – право может осуществлять двоякое воздействие. В наиболее распространенном варианте такое направляющее воздействие на поведение управляемого оказывает сам факт наличия права. Будучи осознанным, с точки зрения установленных границ правомерного поведения, субъективных прав и обязанностей, предусмотренных мер ответственности за нарушение правовых предписаний, право становится универсальным мерилом деятельности управляемого. Даже в тех случаях, когда право не реализуется в активной форме, оно «посредством воздействия на психологический механизм индивидуального поведения и его отдельные элементы… способно с помощью своих правовых велений подчинять поведение индивидов и коллективов требованиям объективных закономерностей»[1].

Представленная схема общесоциального управляющего правового воздействия характерна в первую очередь для материальных отраслей права, что может быть продемонстрировано на примере норм уголовного права, которое, вне всяких сомнений, помимо своей традиционной специально-юридической функции охраны общественных отношений, составляющих общий предмет уголовно-правовой охраны, способно управлять поведением широких масс населения, осуществляя воздействие на сознание каждого члена социума, определяя границы его возможного поведения. Информационно-аксиологическое воздействие уголовно-правовой нормы на личность, определяющее ее ценностные ориентиры, убежденность каждого в недопустимости нарушения нормы уголовного права, формирование понимания того, что выход за пределы уголовно-правового запрета карается наказанием, все это – проявление управленческой функции уголовного права. В свое время известный ученый В. Н. Кудрявцев об этом писал: «…Представление об обязательности права складывается из идеи о его социальной ценности плюс понимания наличия мер государственного принуждения, гарантирующих исполнение закона»[2].

---

[1] Дюрягин И. Я Право и управление… С. 31.

[2] Кудрявцев В. Н. Право и поведение… С. 131.

Допустим, законодатель осознал, что та или иная группа общественных отношений объективно, в силу сложившихся общественных условий требует модификации (воздействия). Налицо возникшая объективная потребность не только в правовом воздействии на отдельного индивида, поведение которого представляет собой угрозу для общества, но в управленческом воздействии на эти общественные отношения в целом. Сообразно цели охраны личности, общества и государства законодатель должен определить «диагноз» социального заболевания и сформулировать соответствующую правотворческую задачу, направленную на ее «излечение» – создание уголовно-правовой нормы, которая запрещала бы отдельные виды общественно опасного поведения под угрозой уголовной ответственности. Данная норма должна достигать определенных правовой и *управленческой* целей. С правовой точки зрения она должна служить средством охраны проблемной сферы отношений, позволять наказывать правонарушителя, а с позиции управления – быть средством коррекции поведения каждого представителя общества, который с момента введения этой нормы в действие обязан соизмерять его с ее содержанием и воздерживаться от тех его форм поведения, которые противоречат ей. В результате норма уголовного права начинает воздействовать как на поведение конкретного индивида, так и на общественный процесс в целом.

Именно эта способность уголовного права управлять социальным поведением, а, следовательно, создавать условия для развития или, наоборот, деструктивно воздействовать на определенные группы общественных отношений, позволяет говорить о нем как «способе управления общественным поведением», «ведущей форме государственного руководства страной», «инструменте, обеспечивающем нормальное функционирование общества», «общесоциальном регуляторе общественных отношений»[1].

Мы намеренно рассмотрели модель социального управления на примере уголовного права – это было необходимо для того, чтобы продемонстрировать,

---

[1] Эффективность правовых норм… С. 9.

что общесоциальное воздействие, оказываемое уголовно-процессуальным правом, подчиняется несколько иным закономерностям.

Исследователи феномена управленческого правового воздействия уже на самых ранних этапах формирования данной научной концепции обратили внимание на то, что «юридическая сторона государственного управления не сводится к установлению нормативно-правовых предписаний общего характера, рассчитанных на регулирование типичных общественных отношений. *Управление предполагает также распространение правовых предписаний на индивидуальные общественные отношения, на персонально определенных их участников посредством принятия государственными органами управленческих решений индивидуального характера на основе применения норм права* (курсив наш – А. Д.)»[1], что в полной мере характеризует нормы уголовно-процессуального права. Дело в том, что они – очень специфический инструмент, если так можно выразиться, «точечного» воздействия на поведение отдельных индивидов в весьма специфической ситуации – в ходе производства по уголовному делу и сопутствующих или связанных с ним уголовно-процессуальных производств. Эта особенность уголовно-процессуального воздействия создает иллюзию того, что уголовно-процессуальное право в целом, его институты и нормы не способны работать «массированно» и воздействовать на поведение больших социальных групп, как это наблюдается в случае общепревентивного воздействия нормы уголовного права. Однако это не совсем так.

Действительно, социальные процессы непосредственно не зависят от содержания уголовно-процессуальных норм, так как непосредственно эти нормы реализуются исключительно в рамках уголовно-процессуальных отношений, когда их участники, воспроизводя эти отношения, соизмеряют свое поведение с правовыми предписаниями уголовно-процессуальных норм. Вне этих отношений, когда субъект реализовал свой процессуальный статус и «вышел» из отношения, уголовно-процессуальное право прекращает напрямую воздействовать на него, что, однако, не означает того, что уголовно-процессуальное право не способно

[1] Дюрягин И. Я. Право и управление… С. 51.

оказывать опосредованное общесоциальное управленческое воздействие на те сферы общественных отношений, которые прямо не регулируются и не охраняются им.[1]

С этой точки зрения, применительно к уголовно-процессуальному праву, его институтам и нормам можно вести речь об общесоциальном уголовно-процессуальном воздействии двух уровней:

– о прямом воздействии конкретных уголовно-процессуальных предписаний на поведение отдельных субъектов – участников уголовно-процессуальных отношений – *микроуровневом уголовно-процессуальном воздействии*;

– об опосредованном воздействии уголовно-процессуальных норм на комплексы общественных отношений, составляющих определенную сферу социальной жизни, отличную от предмета его специально-юридического воздействия – *макроуровневом уголовно-процессуальном воздействии.*

Если воздействие уголовно-процессуального права на микроуровне носит вполне очевидный характер и проявляется в конкретных правоприменительных актах лиц и органов, ведущих уголовно-процессуальное производство, посредством которых они управляют поведением конкретных участников уголовно-процессуальных отношений, то уголовно-процессуальное воздействие макроуровня специфично и характеризуется тремя главными отличительными чертами.

Во-первых, оно не носит сиюминутного характера, выявляя свой результат по прошествии определенного, иногда достаточно длительного времени.

Во-вторых, этот результат выражается в структурных общесоциальных изменениях – появлении или исчезновении отдельных групп общественных отношений, их модификации.

И, наконец, в-третьих, средством уголовно-процессуального воздействия макроуровня может быть как конкретная норма уголовно-процессуального права,

---

[1] Диваев А. Б. Уголовно-процессуальное право как средство социального управления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 3 (47). С. 93–100.

так и их группа, образующая отдельный уголовно-процессуальный институт или даже уголовно-процессуальное право в целом, как отрасль права.

Наиболее ярким примером макроуровневого общесоциального уголовно-процессуального воздействия в настоящее время, безусловно, является сфера экономической, в целом, и предпринимательской, в частности, деятельности.

Отправной точкой совершенствования уголовно-процессуального воздействия в данной сфере стал Указ Президента РФ от 07.05.2012 «О долгосрочной государственной экономической политике»[1], в котором в качестве меры, направленной на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности, указывалось на необходимость «внесения изменений в законодательство Российской Федерации в целях исключения возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования…». За период времени, прошедший с момента издания данного указа, в уголовно-процессуальное законодательство был внесен ряд принципиальных изменений, что позволило даже констатировать формирование отдельного уголовно-процессуального института и особого «производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности»[2].

Необходимость улучшения предпринимательского климата в нашей стране стала предметом озабоченности и Верховного Суда РФ, который в 2016 г. издал специализированное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[3]. В нем указывалось,

---

[1] О долгосрочной государственной экономической политике : Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2012 № 596 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 19. Ст. 2333.

[2] См.: Сычев П. Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. 66 с.

[3] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной

что «успешное достижение стоящих перед бизнес-сообществом целей во многом зависит от наличия действенных организационно-правовых механизмов, позволяющих исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов… К числу таких механизмов относятся, в частности, установленные законодателем дополнительные материально-правовые и *процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей* (курсив наш – А. Д.), привлекаемых к уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Таким образом, и высший судебный орган подтвердил, что уголовно-процессуальное право является действенным средством совершенствования экономических отношений, которые ничего общего с предметом его специально-юридического воздействия не имеют.

Более того, несколько позднее Пленум Верховного Суда РФ принял уникальное в своем роде постановление от 03.10.2017 № 33 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[1], в котором, он, с одной стороны, еще раз подтвердил, а с другой – даже несколько расширил систему уголовно-процессуальных гарантий предпринимательской деятельности.

экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15.11.2016 № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

[1] О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 03.06.2017 № 33 // Рос. газ. 2017. 13 окт.

В частности, дабы оградить предпринимательскую деятельность от «излишнего» внимания со стороны органов, осуществляющих уголовное преследование, Пленум Верховного Суда РФ:

– конкретизировал требование к судам при рассмотрении жалоб на постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица о преступлении в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности особое внимание уделять законности и обоснованности процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением имущественных и иных прав и свобод предпринимателей и (или) лиц, состоящих с ними в трудовых отношениях;

– обязал суды строго соблюдать ограничения, указанные в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, устанавливающие запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей;

– вменил им в обязанность устанавливать наличие у подсудимого прямого умысла на совершение мошенничества, в целях отграничения мошеннических действий от преднамеренного неисполнения договорных обязательств, «о чем с очевидностью должны свидетельствовать имеющиеся по делу доказательства»;

– обязал суды реагировать частным определением или постановлением на выявленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания или предварительного следствия.

Примеров того, как общесоциальное воздействие на макроуровне оказывает не группа норм, а отдельная уголовно-процессуальная норма, также немало. Так, если продолжать разговор о сфере экономических отношений, можно упомянуть в данном контексте недавно включенную в ст. 140 УПК РФ норму части 1^3. Согласно этой норме закона, поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных в сфере налогов, сборов и иных обязательных платежей, предусмотренных статьями 198–199^2 УК РФ, могут служить только материалы, направленные налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении

уголовного дела. В пояснительной записке к законопроекту этой поправки к УПК РФ отмечается, что данное изменение закона было направлено на «совершенствование правового регулирования вопросов возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях и преступлениях, связанных с осуществлением обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», а, по сути – либерализацию уголовной ответственности в сфере неисполнения требований налогового законодательства. Обособив повод для возбуждения уголовного дела по этой категории преступлений, законодатель одновременно ограничил в отношении этих преступлений и действие ч. 2 ст. 21 УПК РФ, согласно которой прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны принять все предусмотренные УПК РФ меры (т. е., в том числе, возбудить уголовное дело) по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Если следовать логике закона, в случае с указанной группой преступлений должностные лица и органы, на которые возложена обязанность по уголовному преследованию, не могут предпринять этих мер в отсутствие материалов, направленных из налоговых органов, даже если обнаружат признаки этих преступлений, что, по мысли законодателя, должно улучшить экономический климат в стране.

Появление группы норм уголовно-процессуального права, устанавливающих ряд особых правил производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической и предпринимательской деятельности, – это пример положительного уголовно-процессуального воздействия на некое социальное явление с целью опосредованного стимулирования его развития. Имеются и обратные примеры, когда закрепление в законе тех или иных уголовно-процессуальных норм было направлено, наоборот, на минимизацию негативных социальных явлений, таких, например, как терроризм.

Запрещающие нормы уголовного права являются самым очевидным средством борьбы с терроризмом, однако определенную лепту в противодействие

ему внес и уголовно-процессуальный закон. Так, в УПК РФ предусмотрен ряд норм, направленных на обеспечение конфискации денег, ценностей и иного имущества, используемых для финансирования терроризма или экстремистской деятельности, а также заочного осуждения лиц, причастных к терроризму, в случае, когда такие лица находятся вне пределов территории Российской Федерации и уклоняются от явки в суд (считается, что наличие приговора суда о совершении лицом террористического акта или иного тяжкого преступления должно облегчить исполнение запроса о его выдаче). Тем самым нормы уголовно-процессуального права «борются» с терроризмом опосредованно, создавая условия для минимизации этой сферы общественных отношений.

Мы привели только несколько примеров того, как уголовно-процессуальные нормы воздействуют на общественные отношения, лежащие вне предмета его специально-юридического воздействия. Однако способность оказывать такое воздействие характеризует *все* без исключения нормы уголовно-процессуального права. Если такой способности у нормы нет – она объективно не обусловлена, а, следовательно, и не может быть востребована правоприменителем.

Указанный вывод соответствует теории права, которая провозглашает объективность правовых предписаний их неотъемлемым свойством. В то же время сам по себе факт существования общесоциальных форм уголовно-процессуального воздействия не дает ответа на вопрос о том, что́ является предметом такого воздействия. Для ответа на него необходимо вернуться к цели уголовно-процессуального воздействия, в качестве которой нам видится *формирование бесконфликтной социальной среды* как особого ее состояния, обеспеченного пропорциональностью (балансом) интересов личности, общества и государства. С этой точки зрения уголовно-процессуальное право – *средство воздействия на социальный конфликт*[1].

О каких конфликтах идет речь? На наш взгляд, можно говорить сразу о двух их разновидностях, способных возникать как на микро-, так и на макроуровне

[1] См. подробнее: Диваев А. Б. Уголовно-процессуальное право – средство воздействия на социальный конфликт // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 105–111.

общесоциального уголовно-процессуального воздействия. Сообразно этому первый из них мы назовем уголовно-процессуальным конфликтом макроуровня (макроконфликтом), а второй – уголовно-процессуальным конфликтом микроуровня (микроконфликтом).

Начнем с конфликта, который может возникнуть вследствие не устраненной уголовно-процессуальным правом диспропорции государственных и общественных интересов, возникающей в связи с реализацией акта привлечения к уголовной ответственности, как *социальный макроконфликт между государством и обществом*.

Обратим внимание: вопреки распространенному мнению о том, что государство и общество всегда имеют некий общий интерес, который принято называть «публичным» интересом, это не всегда точно отражает истинное положение вещей. На самом деле интересы социума и государства совпадают далеко не всегда, что является следствием разобщенности их социальных потребностей и почвой для развития различных макроконфликтов.

Конфликтогенным потенциалом может обладать как отдельная норма или институт уголовно-процессуального права, так и вся система норм, образующих данную отрасль. Причем как в первом, так и во втором случае механика социального макроконфликта идентична.

Характеризуя взаимоотношения общества и государства, в том числе и ту их сферу, которые складываются в связи с актом привлечения к уголовной ответственности, всегда необходимо помнить, что законы развития общества объективны, а государство – это средство управления обществом, подчиняющееся субъективному интересу. Отсюда и возможное несовпадение их потребностей и интересов, а, следовательно, и возможный конфликт.

Возьмем для иллюстрации ту же сферу предпринимательских отношений. Вне всяких сомнений, общество в наибольшей степени заинтересовано в максимальной ее автономии от влияния государства. Государство же заинтересовано в этом не всегда. Степень проявления его «интереса» к свободе предпринимательства прямо отражается на количестве и качестве правовых

регуляторов данного вида деятельности, при том, что наиболее рациональна такая степень его регламентации, которая пропорциональна интересам как самого государства, так и общества. Границы этой пропорциональности хотя и подвижны, но всегда объективны, так как они есть отражение степени развития общества. Соответственно, государство посредством установления правовых нормативов может производить «тонкую настройку» этих отношений, способствуя развитию предпринимательства или препятствуя этому, максимально администрируя ее, в том числе, как было показано выше, с помощью ряда норм уголовно-процессуального права.

Точно такой же «сценарий» развития социального макроконфликта характеризует ситуацию, когда разбалансирована вся отрасль уголовно-процессуального права в целом. Любое преступление общественно опасно, а, следовательно, лицо, совершившее преступление, должно быть привлечено к уголовной ответственности и, если для этого нет препятствий, – наказано в соответствии с законом. Социум жизненно заинтересован в этом: безнаказанность преступника и попустительство государства в деле борьбы с преступностью является одним из самых опасных факторов социальной дезорганизации, а, следовательно, акт привлечения преступника к уголовной ответственности – социально значим и полезен обществу. В этом потребности общества и государства совпадают. Однако социуму вовсе не безразлично, *как* это произойдет. Государство в решении вопроса об уголовной ответственности – гегемон, единственный субъект, который на вполне законной основе способен «казнить и миловать». Для этого ему достаточно лишь наделить своего представителя – должностное лицо – возможностью от имени государства единолично распоряжаться властью. Все остальное чиновник сделает сам: пользуясь ею, разрешит конфликт и накажет лиц, признанных им виновными.

Есть ли тут уголовный процесс? Безусловно. Раз присутствует процедура реализации нормы уголовного права, значит, есть и уголовный процесс как система формально определенных и регламентированных правом властных отношений. При этом сама по себе процедура реализация власти – *это не более*

чем форма ее осуществления, но не условие ее существования, и что она из себя представляет, каким требованиям отвечает, насколько способна защитить какие бы то ни было другие интересы, кроме государственных, на суть вопроса об уголовной ответственности не влияет.

Однако будет ли такой акт привлечения к уголовной ответственности принят обществом, а, следовательно, способна ли такая «процедура» реализации власти поддержать общественную стабильность? Ответ, думается, очевиден – нет. Наличие у государства безусловного права на реализацию акта привлечения к уголовной ответственности противопоставляет государство личности и обществу, ставит под сомнение их безопасность. Причем общественное мнение склонно в такой ситуации видеть опасность, исходящей не от того должностного лица, который непосредственно осуществляется властный акт, а от государства, которое этот чиновник представляет. Вследствие этого формируется недоверие общества к государству, которое со временем, в полном соответствии с законом перехода количественных изменений в качественные, перерастает в открытое общественное недовольство, сопротивление государству и дестабилизацию общества в целом, т. е. социальный конфликт. Следовательно, дабы не допустить этого и обеспечить легитимность каждого индивидуального акта привлечения к уголовной ответственности, уголовно-процессуальное право, регламентируя уголовный процесс, должно балансировать уголовно-процессуальные средства обеспечения как государственных, так и общественных интересов. *Только при наличии социальной легитимации акта привлечения к уголовной ответственности уголовный процесс выполняет свою социальную функцию, а уголовно-процессуальное воздействие достигает своей социальной цели.* Государство и общество – это системы, и, как «любая система, будь то система, составляющая химическое соединение, физическую конструкцию либо политическое образование, стремится к стабильности, к такому состоянию своих составных частей, которое обеспечивает ее устойчивость и равновесие. В противном случае, при нарушении баланса, происходит распад химических

веществ, коллапс физических объектов, развитие социальных катаклизмов и катастроф»[1].

Причем, характеризуя эту сторону общесоциального уголовно-процессуального воздействия, следует подчеркнуть, что уголовно-процессуальное право само не способно разрешить уголовно-процессуальный макроконфликт. Не имея в своем арсенале средств его разрешения, оно может только *предотвратить* его. В этом заключается глубинное противоречие уголовно-процессуального общесоциального воздействия: уголовно-процессуальное право вполне может разжечь социальный конфликт между государством и обществом, но не может его погасить. Именно это мы имели в виду, когда выше назвали уголовно-процессуальное право существенным конфликтогенным фактором, способным привести к разрушению базовых принципов взаимодействия государства с обществом.

В то же время уголовно-процессуальное право, а точнее, государство в лице законодателя, оформляющего право в виде закона, и правоприменителя, реализующего уголовно-процессуальные предписания, вполне способно не допустить уголовно-процессуального макроконфликта и, используя правовые средства, обеспечить необходимый баланс интересов. Другое дело, что «могут» – не значит «должны». Если предусмотренный позитивным правом порядок применения нормы уголовного права не обеспечивает общественного признания решений судов, если к осужденным формируется особое «сочувственное» отношение, а в оправданных, наоборот, видят «избежавших ответственности», такое уголовно-процессуальное воздействие в общесоциальном смысле неэффективно, так как не способно обеспечить бесконфликтную социальную среду[2].

С этой точки зрения уголовно-процессуальное право – это не просто средство применения норм уголовного права, а находящийся в руках государства

---

[1] Пиюк А. В. Указ. соч. С. 40–41.

[2] См. подробнее: Николюк В. В., Безруков С. С., Диваев А. Б. Кризис веры в справедливость уголовного судопроизводства. Актуальное исследование или научный «спам» (размышления к статье И. А. Антонова). Часть 1 // Мировой судья. 2021. № 11. С. 22–29.

мощный инструмент устранения социальной напряженности, общественных противоречий, которым только нужно уметь эффективно пользоваться. С его помощью государство в силах как снять эти противоречия, создав на уровне закона и внедрив в сфере правоприменения такой порядок реализации нормы уголовного права, который максимально учтет и государственные, и общественные, и личные интересы, так и обострить их, учтя только интересы государства или части общества, провоцируя социальный конфликт.

«Антиконфликтный» потенциал уголовно-процессуального воздействия не исчерпывается способностью предотвращать конфликты государства и общества. Взрывоопасен и сегмент собственно уголовно-процессуальных отношений. Повышенная конфликтность этой сферы общественных отношений объясняется все тем же – противоречивостью интересов их участников, где один из них – представитель государства и, соответственно, носитель власти, а другой – человек или организация, вовлеченные в сферу уголовно-процессуальных отношений и представляющие свой частный интерес, которые зачастую не совпадают с государственным или общественным интересом. Именно противоречия частного и государственного интересов являются фактической основой для многочисленных потенциальных конфликтов микроуровня, возникающих в рамках уголовно-процессуальных отношений. Причем если в других сферах отношений от представителей государства требуется всячески избегать конфликтных ситуаций, стараясь максимально содействовать удовлетворению законных интересов частных лиц, то в уголовно-процессуальной сфере представители государства обязаны вступать в эти конфликтные отношения, сознательно подчеркивая все противоречия, сопряженные с этим.

Какие социальные конфликты микроуровня потенциально возможны в уголовном процессе? Надо признать, что самые разные. Их перечень не ограничивается только лежащим на поверхности конфликтом между лицом, осуществляющим уголовное преследование, и обвиняемым или подозреваемым по уголовному делу. Тут вполне вероятен конфликт интересов потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего и лица, ведущего производство по

уголовному делу, защитника и подозреваемого (обвиняемого), защитников подозреваемых (обвиняемых) интересы которых противоречат, и т. д., и т. п. Перечень потенциально «острых углов» во взаимоотношениях между участниками уголовно-процессуальных отношений настолько обширен, насколько обширно простираются их частные интересы. По сути, каждое отношение, возникшее в этой сфере, потенциально конфликтно, а, следовательно, уголовно-процессуальное право должно быть способным и предотвращать, и разрешать эти конфликты, сглаживая конфликтный потенциал этой сферы отношений, что возможно только путем обеспечения баланса средств, используемых участниками уголовно-процессуальной деятельности по отстаиванию своих интересов. Отсюда, *уголовно-процессуальные микроконфликты* – вторая составляющая предмета общесоциального уголовно-процессуального воздействия.

Изложенное выше, как представляется, дает возможность не только учесть «антиконфликтный» потенциал уголовно-процессуального права, но и не совсем традиционно взглянуть на проблему типологии уголовного процесса.

Учитывая, что ее исследование не относится к задачам данной работы, мы не будем углубляться в эту проблематику. Однако отметим, что исторически в теории уголовного процесса сложился определенный подход к типологии уголовного процесса, основанный на понимании сущности того или иного его типа в зависимости от соотношения трех основных уголовно-процессуальных функций – обвинения, защиты и разрешения уголовного дела[1]. В такой интерпретации тип уголовного процесса, по сути, определяется посредством его соотнесения с критериями состязательного процесса, признаваемого зачастую наиболее эффективным типом процесса. Отсюда делается вывод о наличии трех

---

[1] См., например: Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1941. С. 29 ; Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса… С. 31 ; Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 13–17 ; Семухина О. Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2002. 24 с. ; Стойко Н. Г. Уголовный процесс западноевропейских государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовой систем : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 57 с., и др.

основных его типов: обвинительного (розыскного, инквизиционного), состязательного и смешанного процессов.

Несмотря на определенные содержательные отличия, в целом такой подход к типологии уголовного процесса преобладает в теории[1] и каких-то принципиальных возражений у нас не вызывает. Однако, будучи средством научной систематизации того или иного явления, типология по одному признаку вовсе не исключает типологии этого же явления на основании иного критерия, которым в данном случае нам видится *социальная цель уголовно-процессуального права*, «обслуживающего» тот или иной тип уголовного процесса.

Весьма интересна в этом отношении типология уголовного процесса, проведенная Е. Г. Васильевой. Автор сама назвала ее «аксиологической», т. е. ценностной, указав, что в ее основе лежит «ценностный домен», которому соответствует тот или иной тип уголовного процесса. К таковым она относит: во-первых, «приемлемость, полезность, оптимальность уголовно-процессуальной деятельности» (прагматический тип процесса), во-вторых, «достижение объективной истины» (алетический (от греческого «алетейя» – истина) тип процесса), и, наконец, в-третьих – «личность, ее права и свободы» (охранительный тип процесса)[2].

---

[1] Определенным своеобразием характеризуется, например, исследование, проведенное по этому вопросу А. В. Смирновым, который отличает типы, формы и модели уголовного процесса (Смирнов А. В. Указ. соч. С. 13–17).

Попытку разработки нового подхода к типологизации уголовного процесса предпринимала в своей работе и О. Б. Семухина. С одной стороны, автор небезосновательно указывала на то, что «в науке уголовного процессе доминирует взгляд на тип процесса как на такой способ организации производства по уголовному делу, где основное значение имеет реализация принципа состязательности в судебной и досудебной частях процесса» (Семухина О. Б. Указ. соч. С. 4). Однако с другой – концептуально ее исследование все также построено на выявлении в соответствующих типах уголовного процесса состязательных начал, преобладание которых рассматривается ею как несомненное благо. Единственно, чем подход О. Б. Семухиной действительно отличается от работ других авторов, так это тем, что тип уголовного процесса увязан ею не только с соотношением основных процессуальных функций в его содержании, но и с такими «элементами уголовного процесса, отражающим его сущность… как: 1) цель процессуальной деятельности, 2) вид и сущность обвинения, 3) содержание принципа состязательности, 4) пределы проявления принципа диспозитивности» (Там же. С. 7), тем самым осуществив комплексный анализ основных черт, присущих тому или иному типу уголовного процесса.

[2] Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование… С. 468–510.

Как представляется, в основе типологии уголовного процесса, предложенной Е. Г. Васильевой, лежит как раз тот критерий, о котором мы ведем речь. Например, в соответствии с прагматическим типом уголовного процесса нормы уголовно-процессуального права целенаправленно должны быть сопряжены с наименее затратными (в том числе и в материальном смысле этого слова) формами осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Социальная функция уголовного процесса при этом останется неизменной: он по-прежнему будет средством легализации акта привлечения к уголовной ответственности, однако «использоваться» оно будет посредством реализации уголовно-процессуальных норм, учрежденных с прагматической целью.

Точно так же социальная цель, «заложенная» законодателем в систему норм уголовно-процессуального права, будет определять любой другой тип процесса.

Если законодатель наполнит уголовно-процессуальные нормы таким содержанием, что в результате их реализации органы уголовного преследования или суд должны будут получить объективное знание о преступлении (или, по крайней мере, то, что признается объективным знанием), такой тип процесса будет носить характер алетического процесса, что также очевидно.

Наконец, если система уголовно-процессуальных норм и их содержание будут направлены на всемерное (или даже чрезмерное) обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод (в том числе и в ущерб общественным интересам), такой процесс носит охранительный характер.

Представленная «целевая» типология уголовного процесса вполне жизнеспособна. Однако, на наш взгляд, она имеет один существенный недостаток – эта типология излишне категорична, она ставит во главу угла единственную цель («ценностный домен»), в связи с чем все три типа уголовного процесса, выделяемые автором в ее трактовке, носят, если так можно выразиться, крайний характер. Достижение «ценностного домена», соответствующего тому или иному типу процесса, если следовать логике Е. Г. Васильевой, всегда должно происходить в «ущерб» другим социальным ценностям, так как сами эти «домены» в такой интерпретации противоречат друг другу. Прагматический

уголовный процесс, по ее мнению, не может быть сопряжен с достижением истины по делу и обеспечением охраны прав и свобод личности. Алетический процесс всегда нерационален и направлен против интересов личности, а охранительный – не может быть прагматическим или направленным на достижение объективной истины.

Однако так ли все категорично на самом деле? Думается, что нет. Как и в случае с триадой, включающей в себя розыскной, состязательный и смешанный процесс, где последний в том или ином виде воплощает в себе черты и розыскного, и состязательного уголовного процесса, в предложенной типологии можно говорить о существовании еще одного типа уголовного процесса, имеющего в равной степени черты и прагматического, и алетического, и охранительного процессов. Такой уголовный процесс подразумевает, что нормы уголовно-процессуальное права, регламентирующего отношения, составляющие его содержание, не ставят во главу угла ту или иную социальную ценность, а балансируют их, приводят систему общественных отношений в равновесие. Такой тип уголовного процесса мы называем *«антиконфликтым» уголовным процессом.* Уголовно-процессуальное право, характеризующее такой тип процесса, своей целью имеет противодействие и минимизацию социальных конфликтов, неминуемо сопровождающих как процессуальную деятельность по конкретному уголовному делу, так и всю сферу общественной жизнедеятельности в целом, при ее «столкновении» с деятельностью уполномоченных государственных органов и их должностных лиц по возбуждению, расследованию, рассмотрению, разрешению уголовных дел и исполнению приговора.

§ 3. Прогнозирование результатов уголовно-процессуального воздействия

В завершение той части нашего исследования, которая посвящена содержанию уголовно-процессуального воздействия, нельзя было проигнорировать проблему прогнозирования его результатов, так как с точки

зрения обеспечения его эффективности в будущем рациональное и взвешенное прогнозирование возможных результатов правового воздействия и тех рисков, которые с этим могут быть связаны, – весьма немаловажный фактор.

То обстоятельство, что право и закон – это не сама реальность, а результат преломления объективной действительности сознанием человека, подчеркивает необходимость исключения из процесса правотворчества любых проявлений «сиюминутности», эмоциональности. Правотворчество, будучи, по сути, средством управления общественными процессами, является деятельностью строго аналитической, основанной на прогнозировании и мониторинге результатов правового воздействия. Именно последовательность от целеполагания через юридическое прогнозирование к законопроекту и, наконец – закону, видится наиболее рациональной с точки зрения обеспечения эффективности нормотворчества. При этом она, к сожалению, соблюдается законодателем не всегда, а поэтому «объективно не обусловленный», а, следовательно, и малоприменимый на практике закон – явление далеко не редкое в сфере уголовно-процессуального воздействия.

Косвенным индикатором указанной проблемы является чрезвычайная (в буквальном смысле слова) активность законодателя в области уголовно-процессуального нормотворчества. Как в свое время свидетельствовала Е. Б. Мизулина, всего лишь через 5 лет после введения УПК РФ в действие «было принято 26 федеральных законов, внесших 666 поправок в 209 статей из 473 УПК РФ»[1]. Причем среди них были не только чисто технические изменения, но и «содержательные поправки, связанные с необходимостью совершенствования содержания его норм», а также «поправки, которые… затрагивают *концептуальные* (курсив наш – А. Д.) моменты уголовного судопроизводства».

Обратим внимание: прошло лишь пять лет, и кодекс оказался перекроен чуть ли не наполовину. Причем в «концептуальной» его части. Невольно задаешься вопросом, что это за «концепция» такая, которая потребовала

[1] Уроки реформы уголовного правосудия в России… С. 11.

коррекции через пять лет? Или за это время произошли настолько кардинальные социальные изменения?

Приведенный пример весьма иллюстративен и побуждает задаться вопросом, а в чем причины столь безудержной «тяги» законодателя к бесконечному изменению базового уголовно-процессуального закона? Неужели сфера уголовно-процессуальных отношений настолько подвижна, что требует так часто «концептуально» пересматривать его? Возьмем на себя смелость отрицательно ответить на этот вопрос. Более того, ретроспективное исследование уголовно-процессуального законодательства показывает, что эта сфера, наоборот, относится к числу наиболее стабильных сегментов социальной действительности, чему видятся сразу несколько причин.

Первая носит сугубо экономический характер. Не секрет, что уголовное судопроизводство – чрезвычайно «дорогое удовольствие», а поэтому любые резкие изменения в этой сфере чреваты огромными тратами, которые не каждое государство может себе позволить. Наша страна в прошлом веке пережила два серьезнейших социальных слома, сопровождаемых титаническими общественными процессами, когда менялся сам образ жизни общества, его социально-экономические основы. Однако если в первом случае, а именно в период формирования Советского государства, правительство было вынуждено пойти на создание новой судебной и правоохранительной систем, то в 90-е гг. прошлого века Российская Федерация – государство несравненно более мощное в экономическом плане – не «потянуло» такой реформы. Несмотря на переход к капиталистическому способу хозяйствования и, по сути, учреждение нового государства, его судебная и правоохранительная система остались прежними, «советскими». Те изменения, которые так и или иначе происходили и происходят в этом сегменте аппарата государственного управления на протяжении последних трех десятилетий, ничего революционного нам не предложили, что, по нашему мнению, нужно рассматривать как проявление «здорового консерватизма» системы.

Вторая же причина стабильности системы уголовно-процессуальных отношений не столь очевидна, так как обусловлена самой их природой. Дело в том, что система отношений, отражением которой в первую очередь является регламентированный уголовно-процессуальным законом порядок производства по уголовному делу, не может быть сформирована в одночасье, «росчерком пера» законодателя. Уголовный процесс того или иного государства – это продукт многовекового исторического развития, который невозможно проигнорировать. Или, если выразиться точнее: как бы законодатель в своих попытках радикального реформирования уголовного судопроизводства ни пытался игнорировать данное обстоятельство, оно «настигнет» его в виде рассогласования предписаний закона и реальной правоприменительной практики, которая вполне благополучно будет существовать «в удобных старых формах, уже приспособившихся к новым правилам, неизбежным, но, как оказалось, не слишком обременительным, потому что тот, кто должен строго следить за их исполнением, сам приспособил к ним свои десятилетиями вырабатываемые привычки»[1].

При этом консерватизм уголовного процесса не нужно воспринимать как запрет на реформирование. «Изменения действующих законов неотвратимы в силу развития общественных отношений… Но правотворческая деятельность требует глубокого анализа состояния и тенденций развития общественных отношений, *прогнозирования* (курсив наш – А.Д.), а не сиюминутных решений, продиктованных нередко лоббистскими интересами. Ныне законотворчество в сфере уголовно-процессуальных отношений – процесс метаний, доходящих до абсурда»[2].

Итак, исторически сформировавшаяся система уголовно-процессуальных отношений по природе своей довольно стабильна или, по крайней мере, не настолько подвижна, чтобы требовать постоянной законотворческой

---

[1] Лазарева В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98.

[2] Володина Л. М. Уголовное судопроизводство: проблемы правового регулирования // Труды ИГиП РАН. 2023. Т. 18, № 4. С. 187–206.

деятельности на концептуальном уровне. Это объективная данность. Но в таком случае каковы же причины тех перманентных «метаний» законодателя, о которых совершенно справедливо пишет Л. М. Володина? Думается, что таковых немало, но одним из самых существенных факторов является недостаточно качественное прогнозирование, потенциал которого до сих пор используется законодателем крайне нерационально.

Вообще прогнозирование как «специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления»[1], стало применяться в научном, и в том числе юридическом, познании достаточно давно. Так, известный американский юрист О. У. Холмс еще в конце XIX в., определяя природу юридической обязанности, писал следующее: «Так называемая юридическая обязанность – это не что иное, как *предсказание* (курсив наш – А. Д.) того, что, если человек совершит или воздержится от определенных действий, он будет вынужден страдать тем или иным образом на основании решения суда, а значит, и по юридическому праву»[2], тем самым рассматривая прогноз в качестве информационной основы для появления закона, предусматривающего должные и необходимые формы поведения.

Однако настоящий расцвет теория прогнозирования в западной науке пережила в 60-е – 80-е гг. XX в. вместе с появлением в философии футуристических учений[3].

Именно с этим периодом связано появление работ, посвященных исследовательской природе прогнозирования, и в советской науке. Непосредственно ввел это понятие в правовую научную среду Р. А. Сафаров[1].

---

[1] Бестужев-Лада И. В. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М., 1982. С. 8.

[2] Holmes O.W. jr. The path of the law [Electronic resource] / O.W. Holmes jr. // Harward Law Review. 1897. Vol. 10, nr 8. P. 457-478. URL: http://www.gutenberg.org/files/2373/2373-h/2373-h.htm.

[3] Jontisch E. Technological forecasting in perspective: a framework for technological forecasting, its techniques and organization. Paris, 1967. 402 p.; Law and the American future: papers prepared for the 2nd American Assembly on Law and a Changing Society, 1975. Prentice-Hall, 1976. 212 p.; Dentsch S. G. Law, capitalism and the future / University of Florida's Fredric G. Levin College of Law, 1976. Winter. P. 309–350; Martino J. P. Technological forecasting for decision making. New York, 1983. 462 p.

Прогностическая деятельность в настоящее время получила не только научное, но и официальное признание на законодательном уровне. В частности, п. 4 ст. 3 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» определяет «прогнозирование» как «деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».

Несмотря на то, что данное определение прямо о «юридическом», а тем более «уголовно-процессуальном» прогнозировании не упоминает, полагаем, что оно тем не менее включает эти направления прогностической деятельности в его логический объем, что позволяет отнести юридическое прогнозирование к сфере официально признанного направления государственной деятельности. На этот вывод указывает хотя бы тот факт, что субъектами прогнозирования закон называет участников стратегического планирования, к числу которых отнесены все органы государственной власти, включая суды, прокуратуру и органы исполнительной власти, располагающие полномочиями по осуществлению предварительного расследования уголовных дел. Указанные субъекты, являясь непосредственными или опосредованными носителями права законодательной инициативы, реализуют поставленные перед ними цели и задачи, в том числе путем осуществления законопроектной деятельности в сфере уголовно-процессуального воздействия, в ходе чего они, естественным образом, *обязаны* прогнозировать результаты возможного принятия этих законопроектов.

Важным аспектом нормативного определения термина «прогнозирование» является прямое указание законодателя на «научную обоснованность» прогностической деятельности, что, с одной стороны, подразумевает широкое вовлечение научной общественности в юридическое прогнозирование, а с

---

[1] См., например: Сафаров Р. А. Социальный эксперимент и проблемы государства и права // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 14–22 ; Сафаров Р. А. Прогнозирование и юридическая наука // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 93–102.

другой – вынуждает суды и федеральные органы исполнительной власти сотрудничать с научными коллективами в этой сфере.

Интересной в этой связи видится проблема определения юридического прогнозирования в правовой науке и того, как эти представления «вяжутся» с положениями Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ». И, в общем-то, здесь есть над чем задуматься. Анализ тех немногочисленных исследований, которые посвящены юридическому прогнозированию, показывает, что наука понимает этот правовой феномен несколько по-другому, нежели чем это провозглашено в законе, что выглядит нонсенсом. Особо парадоксальность ситуации подчеркивает упомянутый выше факт: закон предписывает сотрудничество между субъектами прогнозирования и научными организациями, при том, что предмет этого сотрудничества – прогнозирование – ими понимается по-разному.

Напомним, что в законе прогнозирование – это деятельность, направленная на выявление рисков, угроз, направлений, результатов и показателей развития нашей страны в приоритетных сферах. В науке же отношение к прогнозированию выглядит несколько иначе.

Так, согласно позиции Ю. А. Тихомирова, юридическое прогнозирование – это вовсе не деятельность субъектов стратегического планирования, а «механизм анализа тенденций и возможных вариантов развития права путем выбора оптимального регулирования для обеспечения эффективного решения социально-экономических и иных задач государства»[1].

Более обоснованным выглядит определение юридического прогнозирования, приведенное К. В. Агамировым, согласно которому – это «систематическое исследование перспектив развития правовых явлений и процессов на определенных уровнях: стратегии развития законодательства и правовой системы в целом (первый уровень), конкретных отраслей и институтов

[1] Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование. М., 2018. С. 28.

(второй уровень), правового поведения (третий уровень)»[1]. Преимуществом данного определения является то, что оно рассматривает прогнозирование не как «выбор» некоего абстрактного «оптимального правового регулирования» в той или иной сфере, а как средство перспективной коррекции поведения адресатов правовых предписаний, которая невозможна без уяснения потенциальных результатов внедрения той или иной нормы в правовую жизнь.

Однако даже это немаловажное уточнение не компенсирует главного недостатка, присущего как первому, так и второму определению: в них ни слова не говорится о юридическом прогнозировании как средстве установления потенциальных угроз и рисков, которые для правовой сферы характерны в не меньшей степени, чем, допустим, для сегмента экономических отношений. Выражаться эти правовые угрозы и риски могут в потенциально неблагоприятных и даже общественно опасных последствиях введения в действие той или иной правовой нормы, которые также должны прогнозироваться.

Если расположить их на некой условной шкале от наименее к наиболее неблагоприятным применительно к сфере уголовно-процессуального воздействия, то наименьшим из зол представляется *риск* невостребованности той или иной нормы или института, а наибольшим – *угроза* деградации системы уголовной юстиции, выражающаяся в таких социально опасных явлениях, как:

– повсеместный отход от нормативно установленного порядка производства по делу, поддерживаемый негласной соглашательской позицией суда, руководящих и надзирающих лиц;

– дисквалификация судейского, прокурорского корпуса, следственного аппарата, «отвыкших» работать по нормативно установленному стандарту;

– понижение стандарта гарантий прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства и, как следствие, снижение степени доверия населения к деятельности судебной и правоохранительной систем;

---

[1] Агамиров К. В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория и практика. М., 2015. С. 11.

– повышение конфликтности как самой сферы уголовно-процессуальных отношений, так и социума в целом вследствие роста напряженности в системе общественных отношений, утраты чувства личной безопасности у членов социума и пр.

Несмотря на отсутствие какого-либо единого официального документа, содержащего прогноз развития уголовно-процессуального законодательства, положения прогностического толка все же можно обнаружить в некоторых нормативных материалах и теоретических исследованиях.

Начнем с нормативных документов. Объектом нашего внимания в первую очередь стали:

– Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы РСФСР»;

– федеральные целевые программы «Развитие судебной системы России», принятые постановлениями Правительства РФ от 20.11.2001 № 805, 21.09.2006 № 583, 27.12.2012 № 1406;

– постановления Всероссийского съезда судей.

Анализируя данные материалы, естественно, необходимо принимать во внимание тот факт, что практически все они, за исключением постановлений IX и X Всероссийского съезда судей, были приняты до введения в действие Федерального закона «О стратегическом планировании в РФ». Однако, несмотря на это, представляется интересным их изучение в плане того, какие возможные риски и угрозы для реализации соответствующих программных положений прогнозировались разработчиками этих документов и, самое главное, предполагались ли они вообще.

Начнем хронологически с первого и, без сомнений, самого известного из представленных программных документов – Концепции судебной реформы РСФСР, до сих пор являющейся предметом дискуссии как в исследовательской, так и в практической среде. В свое время именно она многими рассматривалась в качестве «полуофициальной» стратегии развития национального уголовно-процессуального законодательства, что в какой-то мере было подтверждено

практически – ряд важнейших положений Концепции нашел воплощение в действующем УПК РФ. В этой связи достаточно упомянуть хотя бы о том, что и Концепция, и УПК РФ предполагали состязательные начала как тот каркас, на котором законодатель пытался построить уголовное судопроизводство. На это прямо указывают и текст Концепции (цитата: «Уголовный процесс нужно построить на основе подлинной состязательности»), и разработчики действующего уголовно-процессуального закона. В частности, Е. Б. Мизулина по этому поводу писала: «В основу концепции нового УПК РФ была положена идея об уголовном процессе как сфере, которая гарантирует права и свободы личности… самой организацией процесса на состязательной основе с обеспечением равенства сторон, разделением процессуальных функций, обеспечением решающей роли независимого суда»[1].

Однако хотелось бы заострить внимание не на том, что в содержании Концепции стало законом. По прошествии более чем 30 лет со дня утверждения гораздо интереснее рассмотреть те ее положения, которые были либо вовсе отвергнуты законодателем, либо, хотя так или иначе в УПК РФ отражены, но до сих пор не получили применения на практике. Полагаем, что это позволит понять, прогнозировали ли разработчики Концепции те риски и угрозы, которые могли быть сопряжены с введением этих положений, или нет.

Если избежать частностей и рассматривать действительно концептуальные положения, нельзя не отметить того факта, что в первую очередь не нашло своего реального воплощения многое из того, что прогнозировалось в части досудебного производства. Так, Концепция безальтернативно утверждает: «Демократической направленности предлагаемых преобразований не соответствует сохранение административной по своей природе доследственной проверки заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела», по сути, отказывая в жизнеспособности стадии возбуждения уголовного дела.

Нужно признать, что внешне высказанная идея выглядит достаточно привлекательно и вплоть до настоящего времени дискутируется в науке, однако

---

[1] Уроки реформы уголовного правосудия в России… С. 105.

законодатель пока не счел возможным реализовать ее. Более того, процессуальная составляющая деятельности по проверке заявлений и сообщений о преступлениях в последнее десятилетие получила дальнейшее развитие, что само по себе весьма показательно.

Возникает вопрос, почему «прогноз» развития уголовно-процессуального законодательства в этой части не сбылся? Смеем предположить, что он не просто не сбылся – он и не мог сбыться и, видимо, не сможет осуществиться в ближайшей перспективе. На такой категорический вывод нас наталкивает объективная природа деятельности по проверке заявлений и сообщений о преступлениях. Законодатель может сколько угодно принимать, изменять или отменять закон – это его прерогатива, в конце концов. Но он не может «взять и отменить» объективно сложившиеся направления общественно полезной деятельности. А в том, что деятельность по проверке заявлений и сообщений о преступлениях в рамках стадии возбуждения уголовного дела не просто общественно полезна, но, как ни странно, максимально «человекоцентрична», мы убеждены.

Авторы Концепции в качестве главного аргумента «против» стадии возбуждения уголовного дела предложили «безотказный» для начала 1990-х гг. аргумент, указав, что особый характер деятельности в этой стадии, который не может подразумевать такой же строгой процессуальной формы, характерной для последующих уголовно-процессуальных стадий, создает «опасность существенного нарушения прав граждан на этом этапе». Вопросов нет: такая опасность существует. Однако откуда она исходит? От закона, который в допустимых пределах регламентирует эту деятельность, или от следователя, дознавателя, руководящего состава органов предварительного расследования, искажающих смысл и задачи стадии возбуждения уголовного дела? Вопрос, разумеется, носит риторический характер.

Ну и совсем уж спорен способ устранения этой опасности, предложенный Концепцией – исключить из уголовно-процессуального закона деятельность по проверке заявлений и сообщений о преступлениях, или, другими словами, –

трансформировать правовую деятельность, регламентированную законом, в разряд неправовой, ничем не регламентированной деятельности. Мягко говоря, очень своеобразная форма защиты прав и законных интересов граждан. Дело в том, что обычным запретом проводить проверку заявлений и сообщений о преступлениях и установлением достаточности повода для решения вопроса о возбуждения уголовного дела проблему затягивания сроков проверки и нарушения прав личности не решить. Это только усугубит ее, так как органы предварительного расследования в условиях жесткого штатного голода, который имеет место, вряд ли будут склонны «бросаться» на каждое сообщение о происшествии и немедленно начинать производство предварительного расследования со всеми сопряженными с этим процессуальными и организационно-техническими издержками. Более реалистична следующая картина. При получении сообщения о преступлении проверка все равно будет проводиться, но без его регистрации и вне рамок установленного законом порядка, т. е. «неофициально». Процессуальное же решение о возбуждении уголовного дела будет приниматься лишь в случаях, когда такая «квазипроверка» даст основания полагать, что совершено преступление.

Именно объективная природа деятельности по проверке заявлений или сообщений о преступлениях, а не абстрактные «ведомственные интересы», не позволяет избавиться от стадии возбуждения уголовного дела. К сожалению, разработчики Концепции, прогнозируя развитие уголовно-процессуального законодательства в этой части, видимо, руководствовались скорее эмоциями, не просчитав тех рисков, которые сопровождали их прогноз.

Другим прогностическим положением, касающимся досудебного производства, разработчики Концепции провозгласили «ликвидацию дознания как особой формы расследования». Как известно, этот прогноз также не сбылся. Произошла диаметрально противоположная новация: законодатель не только не упразднил дознание, но и, наряду с привычной его формой, ввел так называемое «дознание в сокращенной форме». И точно так же, как в случае с предложением о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, мы концептуально поддержим

законодателя. Но только концептуально: дифференциация форм предварительного расследования должна быть, что, на наш взгляд, бесспорно. Однако мы не можем не возразить законодателю в его стремлении сохранить сразу обе формы дознания, при том, что его общая форма в современном виде практически ничем не отличается от предварительного следствия.

Помимо положений, касающихся досудебного производства по уголовному делу и не нашедших отражение в законе, в Концепции есть ряд «прогнозов», воплотившихся в нормах права, но оказавших при этом, как представляется, негативное уголовно-процессуальное воздействие.

В первую очередь необходимо упомянуть об идее «отделить функцию руководства расследованием от функции надзора за расследованием». С сожалением констатируем, что этот прогноз применительно к процессуальной деятельности следователя сбылся – в 2007 г. он был выведен из процессуального подчинения прокурора и переподчинен руководителю следственного органа. Казалось бы, сама по себе идея вполне логична, так как психологически сложно одновременно и руководить деятельностью, и надзирать за законностью ее осуществления. Однако разработчики Концепции, думается, снова несколько «увлеклись» теорией, не спрогнозировав риски введения в действие такой функциональной системы предварительного расследования. По прошествии весьма значительного времени с момента изменения закона стало очевидным, что существенно усложнившаяся схема взаимодействия прокурора и следователя, с одной стороны, привела к резкому падению качества следственной работы, а с другой, стала конфликтогенным фактором в их взаимоотношениях. А. А. Тарасов по этому поводу совершенно точно писал: «Радикальность преобразований приобрела на том этапе какие-то экстремальные формы – оставаясь органом прокурорского надзора за следствием (ст. 37 УПК РФ), прокурор на полтора года – между июнем 2007 и декабрем 2008 года – утратил полномочие по истребованию уголовных дел, находящихся в производстве следователя. Очевидно, что осуществлять надзор за законностью чего бы то ни было, не имея

доступа к этому чему-то, невозможно, поэтому юридическое научное сообщество достаточно резко отреагировало на такое законодательное решение»[1].

Может, это утверждение и прозвучит излишне жестко, но законодатель собственными руками столкнул прокурора и следователя друг с другом, превратив их в процессуальных «противников», при том, что они, представляя публичное уголовное преследование, а, стало быть, имея общий процессуальный интерес в законном, полном и всестороннем расследовании, должны быть соратниками.

В этой связи интересна позиция разработчиков Концепции, прогнозировавших абсолютно независимое положение следователя относительно руководителя следственного подразделения, который, по их мнению, должен был «ведать организационно-ресурсным обеспечением следственной работы», т. е. стать своего рода «завхозом». Как известно, этот прогноз был далек от реального положения вещей, а руководитель следственного органа после законодательных новелл УПК РФ 2007 г. по степени значимости своей фигуры для следователя стал вровень с прокурором.

Излишне идеалистическим выглядит прогноз разработчиков Концепции и по ряду аспектов судебной деятельности в уголовном процессе. В первую очередь речь идет о суде с участием присяжных заседателей, при том, что многое из их прогноза в этой части было воплощено в действующем уголовно-процессуальном законе.

Причиной такого «идеализма», видимо, вновь стала чрезмерная эмоциональность авторов Концепции, их стремление дистанцироваться от всего «советского». Свидетельств этому в части «суда присяжных» немало. Взять хотя бы язык изложения, избранный авторами Концепции, относительно «плюсов» суда присяжных и «минусов» народных заседателей. Так, говоря о преимуществах народных заседателей, они указывали лишь на то, что «их вклад… в судебный поиск истины состоит не более и не менее чем в свежем

[1] Тарасов А. А. Проблема концептуального единства изменений в уголовно-процессуальном законодательстве // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 478.

взгляде, не замутненном функциональной позицией». При этом, характеризуя недостатки этого института, авторы Концепции допускают такие негативные эпитеты явно неакадемического характера, как «рутинная юстиция», «покладистая пара» народных заседателей» и пр.

В конечном итоге на базе Концепции были сформулированы положения уголовно-процессуального закона о суде с участием присяжных заседателей, которые, несмотря на свой новаторский для того времени характер, смеем утверждать, были в их основе объективно не обусловлены. Как показало время, разработчики Концепции переоценили перспективы практической реализации института суда с участием присяжных заседателей.

Если следовать их идее, эта форма судебного разбирательства уголовных дел предполагалась «по делам о преступлениях… грозящих виновному лишением свободы на срок свыше одного года или более суровым наказанием… При этом по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, а также по некоторым другим, таким, как превышение власти, тяжкие преступления против личности, слушание дела перед присяжными окажется обязательным, а в остальных случаях – факультативным, зависящим от воли обвиняемого». Другими словами, суд с участием присяжных заседателей должен был стать весьма распространенной формой правосудия по уголовным делам. Учитывая, что разработчики Концепции, ссылаясь на зарубежный опыт, прогнозировали от 3 до 7% таких производств, в абсолютных цифрах это должно было дать десятки тысяч уголовных дел, рассмотренных с участием коллегий присяжных заседателей. Как показало время, авторы Концепции не учли риск невостребованности этого института: ни о каких «десятках тысяч» в реальности речь никогда не шла, и, несмотря на все усилия законодателя, не идет. Порядок чисел, отражающих количественные показатели производства судебного разбирательства с участием присяжных заседателей – это даже не тысячи, а сотни уголовных дел. Так, например, в 2024 г., согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, всеми судами нашей страны было получено всего 613 ходатайств о

рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей (АППГ[1] – 771 ходатайство). Из них в суд поступило только 478 дел, подлежащих рассмотрению таким составом (АППГ – 760 дел). В процентном отношении к общему количеству уголовных дел, поступивших в суд за прошлый 2024 г. – 786894 дел (с учетом 135582 дел, рассмотрение которых начато в 2023 г.), это составило 0,06%[2]. Окончено в 2024 г. всеми судами общей юрисдикции нашей страны 659 878 уголовных дел, из них рассмотрено судом с участием присяжных лишь 941 дело, или 0,14% всех оконченных уголовных дел. Причем этот порядок чисел наблюдается из года в год, на протяжении как минимум десятилетия (Приложение 1, диагр. 1.3), что говорит об *устойчивой тенденции* невостребованности института суда с участием присяжных заседателей. В чем причина этого? Как представляется, все в том же отсутствии социальной основы института суда с участием присяжных заседателей, что подтверждается и результатами общероссийских исследований.

Социологическим исследованием отношения населения нашей страны к суду с участием присяжных заседателей занимались Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Причем исследования производились ими синхронно, в 2006 г., что делает выводы социологических центров особенно репрезентативными. Итак, к каким же выводам пришли социологи[3]?

Согласно выводам ВЦИОМ, 32% опрошенных[4] заявили, что введение суда с участием присяжных заседателей никак не отразилось на работе судов, что вкупе с 28% затруднившихся ответить на этот вопрос дает практически $^2/_3$ респондентов, для которых этот институт не представляет какой-либо

[1] АППГ – аналогичные показатели предыдущего периода.

[2] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 г. и 2024 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/?ref=w3use.com (дата обращения: 28.07.2025).

[3] Подробные данные результата опроса ВЦИОМ и ФОМ приведены в Приложении 3 к данному диссертационному исследованию.

[4] Суд присяжных – самый гуманный, но объективный ли? Данные об отношении россиян к суду присяжных от 18 мая 2006 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения : официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sud-prisyazhnykh-samyj-gumannyj-no-obektivnyj-li (дата обращения: 15.05.2024 г.).

социальной ценности. Лишь 7% опрошенных ВЦИОМ дали безусловно положительный ответ на вопрос об оценке деятельности суда с участием присяжных заседателей. Причем, что интересно, лишь каждый пятый (20%) на вопрос, как бы они отнеслись к тому, что им выпала возможность поучаствовать в уголовном деле в качестве присяжного заседателя, ответили, что сделали бы это с радостью. При этом 33% постарался бы всеми силами избавиться от обязанностей присяжного, 19% затруднились ответить, а оставшиеся 28% выполняли бы обязанности присяжного, но отнеслись бы к этому «равнодушно».

ФОМ провел более глубокое социологическое исследование отношения граждан к суду с участием присяжных заседателей, которое в целом показало очень похожие результаты[1]. Лишь 30% опрошенных прямо заявили в ответах, что суд с участием присяжных у них вызывает большее доверие, чем обычный состав суда. При этом ровно столько же – 30% – затруднились ответить на этот вопрос, 21% категорически ответили на него «нет», а для 19% суд с участием присяжных заседателей не стал чем-то принципиально новым или отличным от привычного судебного состава.

Обратим внимание, что негативное или равнодушное отношение к суду с участием присяжных что в опросе ВЦИОМ, что в опросе ФОМ продемонстрировали $^{2}/_{3}$ опрошенных.

Интересные данные социологи ФОМ получили по результатам опроса граждан на предмет положительных и отрицательных черт суда с участием присяжных заседателей. Так, главным плюсом этого состава суда респонденты назвали то обстоятельство, что «суд присяжных – это коллективное мнение» (28%), а основным «минусом» (41%) – отсутствие у присяжных необходимых знаний и опыта. При этом на вопрос об объективности суда присяжных (что зачастую подразумевается за судом присяжных априори) результаты опроса были диаметрально противоположным: ответы «да» и «нет» дали на него практически одинаковое количество опрошенных – 15 и 18% соответственно.

---

[1] Суд присяжных. Отчет от 6 апреля 2006 г. // Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. URL: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0614/dd061423 (дата обращения: 15.05.2024 г.).

На вопрос о желании попасть в число присяжных опрошенные ФОМ в подавляющем большинстве случаев – 78% – также ответили отрицательно.

Следующий блок официальных документов прогностического характера представлен так называемыми «целевыми программами» развития судебной системы, коих, настоящему времени по периодам было три: на 2002–2006 гг., на 2007–2012 гг. и на 2013–2024 гг.

Естественно, наибольший интерес представляет последняя из этих программ, утвержденная постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406. Если дать общую характеристику этому документу в сравнении с Концепцией судебной реформы, то обращает на себя следующее:

– Программа – документ гораздо менее концептуальный, практически не содержащий в себе «пожеланий на будущее». В его основе – конкретные плановые предложения, как по судоустройству, так и по судопроизводству;

– В отличие от Концепции, где риски и угрозы в ее реализации не упомянуты, Программа содержит в себе указание на «основной риск» ее невыполнения, в качестве которого упомянута «недостаточность финансирования Программы за счет средств федерального бюджета, обусловленная инфляционными процессами». Несмотря на «неправовой» характер данного риска, невозможно отрицать того, что его возникновение влечет в том числе и правовые последствия, так как изменения законодательства, требующие, но не обеспеченные необходимыми инфраструктурными и технологическими новациями, нежизнеспособны.

Конкретных положений Программы, которые бы «спрогнозировали» те или иные новеллы уголовно-процессуального законодательства, в ее содержании на самом деле не так много. В первую очередь они касаются «технологизации» и «цифровизации» производства по уголовному делу. Так, Программа прямо указывает на задачи обеспечения доступа граждан к правосудию, качественной и эффективной работы судов, которые, согласно ее положениям, могут быть решены, в том числе, посредством «мероприятий по развитию использования в судах системы видео-конференц-связи». Естественно, что к их числу относятся не

только мероприятия чисто организационно-технического толка (как то оборудование залов судебных заседаний надлежащей звуко- и видеозаписывающей, воспроизводящей и транслирующей аппаратурой). Реализация планов по развитию систем видео-конференц-связи в судебной деятельности была бы невозможна без внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство, что сравнительно недавно произошло и с действующим уголовно-процессуальным законом. В частности, в его положения была введена специализированная ст. 241^1 УПК РФ, регламентирующая общий порядок участия в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи, а также ряд норм других статей закона, регламентирующих более частные вопросы, связанные с этим (ч. 5 ст. 241, ч. 5 ст. 259; ст. 278^1 УПК РФ и пр.).

Наконец, последний вид программных документов, содержащих официальный прогноз развития судебной системы и, как следствие – уголовно-процессуального законодательства, – это постановления Всероссийского съезда судей.

Содержание этих документов с точки зрения их «насыщенности» предложениями по совершенствованию уголовно-процессуального закона может быть самым различным. Так, например, постановление IX Всероссийского съезда судей не содержало специализированных «уголовно-процессуальных» прогностических положений вовсе, и с этой точки зрения оно имело явно «цивильный» уклон. Однако в нем в контексте развития электронного судебного документооборота были спрогнозированы изменения уголовно-процессуального закона в части «а) подачи документов в суды в электронном виде, в том числе в форме электронного документа; б) выполнения судебных актов в форме электронного документа; в) совершенствования правил о направлении судебных извещений; г) направления судебных актов и их копий в форме электронного документа», которые позднее нашли отражение в УПК РФ в виде положений Главы 56 этого нормативного акта.

В хронологически последнем постановлении X Съезда от 01.12.2022 № 1 содержалось всего одно реализованное прогностическое положение, касающееся «сокращения избыточных судебных процедур в уголовном судопроизводстве» путем «введения в законодательство норм о провозглашении только вводной и резолютивной частей приговора по всем категориям уголовных дел с обязательным вручением участникам уголовного судопроизводства копий полного текста приговора незамедлительно после провозглашения указанных частей приговора». В настоящее время согласно ч. 7 ст. 241 и ч. 1 ст. 310 УПК РФ в открытом судебном заседании подлежат оглашению только вводная и резолютивная части приговора.

Приведенный ряд официальных документов, которые так или иначе могли бы претендовать на роль прогноза развития уголовно-процессуального закона, фактически полностью исчерпывает их перечень, но даже их анализ позволяет сформулировать несколько выводов – к сожалению, в основном негативного плана.

Первый. В нашей стране по-прежнему отсутствует отлаженная система официального прогнозирования развития уголовно-процессуального законодательства, основанная на средне- и долгосрочном прогнозе развития уголовно-процессуальных отношений. В этих условиях государственные органы, функционально задействованные в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, в первую очередь – судебная система, пытаются по мере возможности осуществлять прогнозирование самостоятельно.

В то же время такой дискретный характер прогнозирования, когда каждый заинтересованный субъект осуществляет прогноз исключительно в пределах своего функционала, недостаточно эффективен, как минимум в силу двух причин.

Во-первых, то же судейское сообщество, анализируя тенденции развития уголовно-процессуальных отношений, исходит из собственного понимания того, как должно развиваться законодательство. А поэтому, как бы оно ни стремилось к максимальной «универсализации» данного прогноза, он все равно односторонен,

а, стало быть, не имеет целостного характера. И этот недостаток, очевидно, будет преследовать прогностическую деятельность любого другого органа.

Указанное обстоятельство непосредственно связано со второй причиной неэффективности децентрализованного прогнозирования. Субъект прогнозирования, не имея возможности осуществить всесторонний анализ направлений развития уголовно-процессуальных отношений, ограничен в глубине прогноза исключительно краткосрочной перспективой, что прямо влияет на содержание предложений по новации уголовно-процессуального законодательства, носящих сиюминутный, часто технический характер. В качестве примера можно привести хотя бы упомянутые предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, фигурирующие в постановлениях Всероссийского съезда судей, значимость которых, мягко говоря, не дотягивает до уровня столь представительного форума.

Второй вывод. Несмотря на требование законодателя об обязательной «научной обоснованности» прогностической деятельности, отсутствие централизованной системы прогнозирования развития уголовно-процессуального законодательства существенно затрудняет взаимодействие государственных органов и научного сообщества. По сути, самым «научным» из всех программных документов в этой сфере была и по сей день остается Концепция судебной реформы, которой в скором времени исполнится ни много ни мало 35 лет. Несмотря на то, что Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и другие ведомственные научно-исследовательские учреждения регулярно публикуют научные «концепции» развития нашего законодательства, ничего близко похожего по степени фундаментальности на Концепцию судебной реформы так до сих пор и не появилось.

И, наконец, *третий вывод*. Он касается рисков и угроз, которые неминуемо сопутствуют любому прогностическому знанию. Автор прогноза должен не только видеть направления развития того или иного явления, но и возможные причины, по которым этот прогноз останется нереализованным, либо негативные последствия его реализации, купируя их еще на этапе прогнозирования. К

сожалению, несмотря на требование Федерального закона о стратегическом планировании об обязательности прогнозирования таких рисков и угроз, изученные документы практически не содержат таких положений, что вызывает недоумение и справедливый вопрос к разработчикам прогноза о глубине его проработки[1].

Итак, прогнозирование развития уголовно-процессуального законодательства, а, следовательно, и результатов уголовно-процессуального воздействия на официальном уровне явно далеко от совершенства. Но, может, тогда лучше ситуация обстоит на уровне научного прогнозирования? Тем более, что критерий «научности» предъявлен прогностической деятельности законодателем – вспомним определение прогнозирования, данное в ФЗ о стратегическом планировании. Однако, как показало исследование, и сфера научного прогнозирования отраслевого развития права и законодательства также не избавлена от-проблем объективного и субъективного свойства.

Анализируя основные препятствия, с которыми сталкивается субъект научного юридического прогнозирования, прежде всего необходимо сказать о том, что право – очень сложный объект прогнозирования. Это обстоятельство объясняется его социальной природой, в силу которой право испытывает на себе влияние множества факторов социальной жизни, большинство из которых не имеют прямой связи с правом. По этой причине в юридическом прогнозировании практически неприменимы средства линейного прогнозирования, в основе которого лежит исследование факторов, детерминант правового воздействия либо экстраполяция его результатов с микроуровня на макроуровень. Результаты правового воздействия не подвержены строго механистическим законам, о чем мы вели речь в предыдущей главе. Известный бельгийский ученый-физик русского происхождения, лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин, совершенно справедливо, сопоставляя естественные и социальные системы, последние относил к сложным, адаптивным, нестабильным системам, для

[1] Диваев А. Б. Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 60–61.

которых характерны взаимозависимости «каскадного типа», когда наложение нескольких факторов приводит к многократному увеличению эффекта от любого воздействия[1].

И. Л. Честнов достаточно четко обозначил причины того, почему право является весьма сложным объектом юридического прогнозирования. Автор отмечает, что правовая система – «не только система законодательства, как полагают нормативисты, но и процесс конструирования его формального закрепления и воспроизводства практиками правоприменителей и обывателей в соответствующем историческом и социокультурном (включая экономику, политику и другие внешние факторы) контексте. Сложность прогноза, таким образом, состоит прежде всего в том, что правовая система в ее динамическом измерении не имеет четких фиксированных очертаний: ее описание (и объяснение)… достаточно проблематично реализовать, поэтому право “ускользает” от дефинирования»[2]. Другими словами, прогнозируя возможные тенденции развития права и результаты правового воздействия, субъект прогноза должен учесть массу факторов неправового свойства, которые зачастую на момент прогноза даже могут не существовать.

О каких прогностических материалах может идти речь в контексте научного прогнозирования тенденций развития уголовно-процессуального законодательства? Это достаточно сложный вопрос, так как признаками юридического прогноза, как научно обоснованного представления о тенденциях развития уголовно-процессуального законодательства, обладают практически все исследования, в которых выявляются те или иные недостатки нашего законодательства и предлагаются наиболее оптимальные пути их устранения. Естественно, оценить весь их спектр с точки зрения состоятельности этих прогнозов не представляется возможным. Большинство таких исследований носит разрозненный характер, и если они и учитываются законодателем, то

---

[1] Пригожин И. Р. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2000. С. 53.

[2] Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридического прогнозирования // Российская юстиция. 2024. № 12. С. 37.

опосредованно – в процессе публичного обсуждения законопроекта, когда исследователями высказываются мнения относительно последствий принятия законопроекта, либо при условии включения ученых-процессуалистов в рабочие группы по его разработке.

В ряду научных исследований, которые так или иначе могут быть ассоциированы с прогнозом развития законодательства, особое место занимают Концепции развития российского законодательства, периодически разрабатываемые Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, включающие в себя и прогнозы развития уголовно-процессуального законодательства. На анализе этих работ мы и сосредоточим свое внимание.

Нас, естественно, в первую очередь интересуют концепции, разработанные после вступления в действие УПК РФ. Конечно, более ранние разработки Института также интересны в части прогнозирования тенденций развития уголовно-процессуального законодательства, однако, учитывая, что независимо от содержания этих концепций УПК РФ все же был принят в том виде, в котором его одобрил законодатель, их положения в настоящее время представляют в большей степени исторический, нежели чисто правовой интерес.

Хронологически первой с момента принятия и последующего вступления в действие УПК РФ была Концепция развития российского законодательства 2004 г. (далее – Концепция 2004)[1]. Интересно, что авторы той ее части, которая была посвящена развитию уголовно-процессуального законодательства, уже тогда признавали «компромиссный характер» уголовно-процессуального закона, вобравшего в себя «колоссальное количество поступивших замечаний, которые были частично учтены»[2]. При всем этом они вполне справедливо указывали, что, несмотря на новизну закона, он не исчерпал всех резервов для совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Как мы видим сегодня, учитывая

---

[1] Концепция развития российского законодательства : сборник статей / под. ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004. 848 с.

[2] Там же. С. 382.

количество изменений УПК РФ, последовавших за эти более чем 20 лет, авторы Концепции 2004 г. были более чем правы.

В то же время многие из тех конкретных прогнозов развития уголовно-процессуального законодательства, которые были высказаны в 2004 г., не получили какого-либо развития до сих пор, по сути, так и оставшись даже не прогнозами, а скорее авторскими пожеланиями, обращенными к законодателю.

Так, авторы Концепции 2004 г. указывают на то, что вектор развития уголовно-процессуального законодательства во многом предопределяется направлениями развития уголовного права[1]. Это утверждение не требует особого обоснования – истинность его очевидна. В данной части они, руководствуясь давней идеей о возможном введении в закон состава «уголовного проступка», прогнозировали появление в уголовном процессе особого «производства об уголовном проступке», чего, как известно, до сих пор не произошло ни в уголовном, ни, естественно, в уголовно-процессуальном законодательстве. При этом основания такого «прогноза» малопонятны.

Несмотря на то, что категория «уголовного проступка» несколько лет назад вышла-таки на законодательный уровень, законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» был отвергнут, а, следовательно, эта идея по-прежнему остается всего лишь научной теорией. Чем же руководствовались разработчики Концепции 2004 г., *научно* прогнозируя тогда появление не только самого уголовного проступка, но и «особого уголовно-процессуального производства» о нем? Может, этот прогноз был элементом некой общей концепции, поддержанной Институтом законодательства и сравнительного правоведения?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, нужно обратиться к разделу Концепции 2004 г., прогнозирующему направления развития уголовного законодательства: возможно, там сформулированы положения о необходимости реформирования традиционной для нашей страны системы правонарушений

[1] Концепция развития российского законодательства… М., 2004. С. 383.

посредством включения в нее уголовного проступка? Однако там этого нет. Автор той части Концепции 2004 г., которая содержит прогноз развития уголовного закона, – В. П. Кашепов – ни словом не обмолвился о самой возможности такой реформы[1]. Таким образом, ни о какой общей концепции синхронного развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства речи не идет, а, следовательно, в этой части «прогноз» развития уголовно-процессуального законодательства, сформулированный в Концепции 2004 г., носит произвольный, надуманный характер.

Достаточно странным выглядит и прогноз «федерализации» уголовно-процессуального законодательства, высказанный авторами Концепции 2004 г. Суть его заключается в том, что некие «территориально-природные» особенности нашей страны должны привести к перераспределению (делегированию) некоторых полномочий в области уголовного судопроизводства субъектам РФ. К таким полномочиям они, в частности, отнесли «разработку процедур, связанных с примирением сторон в уголовном судопроизводстве»[2].

На первый взгляд, предложенный прогноз не лишен логики: Россия – федеративное государство, а стало быть, ее субъекты могут осуществлять законодательные функции в тех пределах, которые установлены основным законом – Конституцией РФ. Однако и тогда, в 2004 г., и сегодня, согласно ее пункту «о» ст. 71 процессуальное законодательство являлось и является исключительной сферой ведения Российской Федерации, что указывает на неконституционность, а, следовательно, и явную несбыточность прогноза, по крайней мере, до тех пор, пока для этого не появятся социально-политические предпосылки.

Таким же явно нереализуемым в практическом плане выглядит и прогноз о разработке «Основ уголовно-процессуального законодательства Союзного государства» России и Беларуси. Авторы этого предложения, в частности, пишут: «При объединении двух государств не исключено слияние систем

---

[1] Концепция развития российского законодательства… М., 2004. С. 363–381.

[2] Там же. С. 384.

законодательства обеих стран, включая уголовно-процессуальное законодательство»[1].

Чтобы осознать надуманность этих пожеланий, достаточно проанализировать текст Договора между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999, учреждающего Союзное государство, основанное на принципах скорее конфедеративного устройства, нежели чем единого государства. По этой причине ст. 18 Договора относит к *совместному* ведению государств-участников «гармонизацию и унификацию» их законодательства, но не создание каких бы то ни было общих нормативно-правовых кодифицированных актов. С этой точки зрения появление неких «основ уголовно-процессуального законодательства», по типу Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., по крайней мере в ближайшей перспективе, просто невозможно.

Итак, в части фундаментальных направлений развития уголовно-процессуального законодательства авторы Концепции 2004 г. высказывали необоснованные, а местами и совершенно нереальные предположения, которые не имеют ничего общего с научно обоснованным прогнозом. Возникает вопрос, не обстоит ли ситуация лучше в части менее фундаментальных аспектов развития уголовно-процессуального законодательства? К сожалению, вынуждены отрицательно ответить и на него.

Так, в частности, констатируя тот факт, что «в деятельности правоохранительных органов… имеет место применение незаконных методов следствия и дознания», авторы Концепции 2004 г. предполагают, что уголовно-процессуальные нормы, соответственно, «должны предусматривать не *только* ответственность указанных должностных лиц, но и реальные механизмы, способствующие наступлению ответственности»[2]. Такой «прогноз» ничего кроме недоумения не вызывает. О каких мерах ответственности следователей и дознавателей, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, они ведут речь? И какие «реальные механизмы» наступления этой

---

[1] Концепция развития российского законодательства… М., 2004. С. 384.

[2] Там же. С. 385.

ответственности подразумеваются ими? Как известно, применение незаконных методов следствия и дознания образует состав как минимум дисциплинарного правонарушения, а как максимум – уголовного преступления. Соответственно, нормы, предусматривающие ответственность за такие формы противоправного поведения следователей или дознавателей, не содержатся и не могут содержаться в уголовно-процессуальном законе – для этого есть специализированные нормы других отраслей права. Если же говорить о механизме привлечения к ответственности, то сам уголовно-процессуальный закон в целом и есть тот самый «реальный» и единственно возможный механизм привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших в том числе должностные преступления и преступления против интересов правосудия.

Кроме указанного «прогноза», в Концепции 2004 г. содержится еще ряд подобных положений, касающихся «распространения» в уголовно-процессуальной сфере нотариальной деятельности[1], дальнейшей «разработки процессуальных институтов, относящихся к деятельности органов предварительного следствия и дознания», «уточнения статуса следователя»[2] и т. п. Ни обоснования прогноза, ни конкретных предложений по модернизации законодательства с учетом нужд практики авторы в этой части не представили.

Негативное отношение к предложенному под эгидой Института законодательства и сравнительного правоведения в 2004 г. «прогнозу» развития уголовно-процессуального законодательства формирует и внутренне противоречивый характер его положений. Их анализ, с одной стороны, обнаруживает традиционное превалирование интересов личности, ее прав и свобод, что неоднократно отмечено авторами Концепции 2004 г.[3] Однако, с другой, возникает резонный вопрос, как с этими приоритетами согласуется предложение развивать предварительное расследование в направлении его

---

[1] Концепция развития российского законодательства… М., 2004. С. 386.
[2] Там же. С. 388.
[3] Там же. С. 384–386.

сближения с оперативно-розыскной деятельностью, априори не отвечающую уголовно-процессуальным стандартам обеспечения прав и свобод личности?[1]

Следующей по времени стала Концепция развития российского законодательства 2010 г. (далее – Концепция 2010 г.)[2]. Она, как и ее «предшественница», включила в себя раздел о направлениях развития уголовно-процессуального законодательства.

Надо сказать, что с точки зрения его объективной обусловленности этот прогноз от предыдущего отличался в лучшую сторону, что не преминуло сказаться на количестве прогностических положений, воплощенных в реальных нормах уголовно-процессуального закона. В Концепции 2010 г. все еще встречаются практически невыполнимые пожелания, как, например, по-прежнему отстаиваемое мнение о «федерализации» уголовно-процессуального законодательства[3] или прогноз о взаимопроникновении уголовно-процессуальных, административно-правовых и оперативно-розыскных норм и создании на их основе неких межотраслевых конструкций («унифицированного» задержания, например)[4]. Однако в целом прогноз развития уголовно-процессуального законодательства, данный в 2010 г., имел больше оснований считаться научно обоснованным исследованием перспектив его развития. Более того, Институт законодательства и сравнительного правоведения устами своих сотрудников впервые провозгласил, что в развитии уголовно-процессуального законодательства «важную роль может играть и *прогнозирование последствий вносимых изменений в законодательство* (курсив наш – А. Д.), объективная оценка их результатов»[5].

Какие именно положения, спрогнозировавшие направления развития уголовно-процессуального законодательства в 2010 г., были реализованы на практике?

---

[1] Концепция развития российского законодательства… М., 2004. С. 389.

[2] Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010. 732 с.

[3] Там же. С. 683–684.

[4] Там же. С. 679–680.

[5] Там же. С. 683.

Очевидную, практическую значимость имеют предложения Концепции 2010 г. относительно совершенствования статусов суда, потерпевшего, обвиняемого, а также появления новых уголовно-процессуальных статусов. В подтверждение данного факта достаточно напомнить о появлении в этот период в законе статусов лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, и помощника судьи.

Как показало время, в той или иной степени нашел свое отражение в уголовно-процессуальном законе и прогноз, касающийся формирования новых уголовно-процессуальных производств. Причем если авторы Концепции 2010 г. прогнозировали их возникновение, как «по линии их усложнения, так и упрощения»[1], то в реальности законодатель пошел исключительно по второму пути, введя в закон сокращенную форму дознания и расширив круг оснований применения особого порядка судебного разбирательства.

Кстати, отдельно необходимо сказать о прогнозе, касающегося совершенствования предварительного расследования. Как представляется, авторам Концепции 2010 г. удалось «нащупать» вполне реальные направления его модернизации. Следует согласиться с ним в том, что общая форма дознания и тогда, и сегодня дублирует предварительное следствие, что, согласно Концепции, должно было вылиться в появление унифицированной формы предварительного расследования[2]. Вопрос об упразднении общей формы дознания пока так и не разрешен, однако введение его сокращенной формы ярко демонстрирует приоритеты законодателя того времени.

Вполне обоснованным оказался и прогноз о расширении полномочий суда с участием присяжных, который был реализован в 2018 г. за счет допуска такого состава суда на уровень районного (гарнизонного военного) суда.

В то же время целый ряд прогнозов, касающихся уголовно-процессуального статуса следователя и суда, так и не были реализован на практике, причиной чего

---

[1] Концепции развития российского законодательства… М., 2010. С. 689.

[2] Там же. С. 687.

стала все та же оторванность этих прогнозов от реального положения вещей в сфере уголовно-процессуального воздействия.

Так, вряд ли осуществимыми в сколько-нибудь ближайшей перспективе выглядит еще сравнительно недавно пользовавшийся популярностью тезис о необходимости передачи следственных функций суду.

Сам по себе такой подход выглядит привлекательно, однако достаточно ли внешней привлекательности той или иной концепции для ее внедрения реальную правовую жизнь? Думается, что ответ очевиден: любая теория, воплощаемая в действующие нормы закона, должна соответствовать потребностям общественного развития и сложившейся системе общественных отношений в данный период. Как показывает практика, к настоящему времени ни социальной, ни экономической основы для столь радикального реформирования уголовного процесса нет.

Чрезвычайно спорными выглядит и прогноз о модернизации судебной системы за счет создания в системе судов общей юрисдикции специализированных судебных органов – «пенитенциарных судей» и «судей по рассмотрению дорожно-транспортных преступлений»[1]. О смысле и социальной полезности таких «нововведений» автор умалчивает, обосновывая необходимость введения должности последнего «бурным развитием автомобильного транспорта, увеличением количества дорожно-транспортных происшествий»[2]. Если следовать логике автора, законодатель должен каждый раз реагировать на увеличение количества преступлений созданием специализированного суда. Такая аргументация выглядит, мягко говоря, слабо.

Следующая *научная* концепция развития российского законодательства увидела свет в 2015 г. (далее – Концепция 2015 г.)[3]. Обращает на себя внимание, что свойство научности отражено в ее названии, и это само по себе предъявляет к ней определенные требования. Однако эффект оказался обратным – как материал

---

[1] Концепции развития российского законодательства… М., 2010. С. 686.

[2] Там же. С. 686.

[3] Научные концепции развития российского законодательства : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. 544 с.

прогностического характера она явно уступала своей предшественнице. В своей основе Концепция 2015 г., по сути, имела все те же мало имеющие отношение к реальным тенденциям развития уголовно-процессуального законодательства *пожелания* ее авторов о необходимости создания единого следственного аппарата, наделения судов функцией расследования уголовных дел (учреждение фигуры судебного следователя), создания межотраслевых институтов на стыке уголовно-процессуального и иных отраслей права и пр. С этой точки зрения Концепция 2015 г. стала несомненным шагом назад, приблизившись в своей прогностической части к Концепции 2004 г., и, дабы не повторяться, воздержимся от ее анализа – его мы произвели выше.

Итак, за почти четверть века действия УПК РФ 2001 г. три концепции развития российского законодательства имели в своем содержании часть, посвященную развитию уголовно-процессуального законодательства. При этом только одна из них – Концепция 2010 г. – может в той или иной степени быть названа прогнозом, при том, что и она не лишена весьма существенных недостатков.

В прошлом 2024 г. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ опубликовал еще одну, новую концепцию развития российского законодательства[1]. Естественно, пока преждевременно говорить о состоятельности данного прогноза, но ознакомление с его содержанием указывает на то, что он – несомненный шаг вперед в сравнении с любой ранее опубликованной концепцией.

Отсюда резонен вопрос, каким требованиям должна отвечать та или иная теоретическая мысль, дабы мы с полным основанием могли бы считать ее

---

[1] Научные концепции развития российского законодательства: монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2024. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2156983 (дата обращения: 01.11.2024).

научным прогнозом развития законодательства, а не слепым предугадыванием возможных путей его изменения? Как представляется, таких требований шесть[1]:

1. Стратегический характер юридического прогноза – признак, принципиально отличающий прогностические положения от предложений по совершенствованию конкретной правовой нормы или правового института. Выше мы уже упоминали о том, что любое предложение по внесению изменений в то или иное нормативное предписание обладает внешними атрибутами прогноза (как средства предвидения будущего состояния нормы или ряда норм), что, однако, не делает его прогнозом. Прогноз развития *законодательства* – это не просто средство точечной коррекции, адресованное конкретной норме или правовому институту. Это способ научно обоснованного предвидения путей развития отрасли, а лучше – комплекса родственных отраслей законодательства (например, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права), данный на стратегическом уровне и, как минимум, на среднесрочную (5–7 лет) перспективу. Конечно, было бы очень неплохо иметь и долгосрочный (10 лет и более) прогноз развития законодательства, однако, учитывая чрезвычайную подвижность системы общественных отношений, динамику развития социальных институтов, такой прогноз в настоящее время вряд ли возможен.

Естественно, свойство «стратегичности» прогноза не отрицает возможности внесения изменений в законодательство в «чрезвычайном» порядке, что может понадобиться в случае возникновения экстренной необходимости регламентировать, обезопасить или учредить[2] те или иные общественные отношения. В такой ситуации законодатель вынужден выйти за пределы стратегического прогноза его развития, и примеры тому есть даже в современной истории развитии уголовно-процессуального законодательства нашей страны. В этой связи достаточно упомянуть о нормах ст. 28.2, п. 3^1 ч.1 ст. 208, п. 5 ч. 1 ст. 238, ч. 1 ст. 239, ч. 3^1 ст. 253, п. 3^1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ, а также сопряженных с ними ряде норм уголовного законодательства, регламентирующих порядок

[1] Диваев А. Б. Научное прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 4. С. 1472–1474.

[2] Об «учредительной» функции права и ее социальной обусловленности – в Гл. 3.

приостановления, прекращения уголовных дел, освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также погашения судимости в отношении лиц, призванных на военную службу, заключивших контракт о прохождении военной службы или проходящих военную службу в период мобилизации или в военное время. Вряд ли кто-нибудь мог спрогнозировать факт появления этих норм еще за год-два до их появления, а тем более включить его в стратегический прогноз.

2. Концептуальность прогноза, что в контексте юридического прогнозирования нужно понимать следующим образом. Отрасли права, а, следовательно, и отрасли законодательства, не дискретны, они не существуют в «вакууме», отдельно друг от друга. Обычно, если речь идет о праве как совокупности отраслей, употребляется термин «система», т. е. *упорядоченная* совокупность элементов, где каждый элемент – отрасль права – занимает в этой системе свое место и определенным образом соотносится с другими элементами – такими же отраслями права. Отсюда следует, что, прогнозируя развитие отраслевого законодательства, его автор не может ограничиваться только самой отраслью, так как горизонт возможной его модернизации зависит и от направлений развития других отраслей права, и поэтому прогноз должен учитывать тенденции развития смежных отраслей права и их институтов. В противном случае существует риск перейти от прогнозирования к фантазированию.

Помимо чисто теоретической стороны дела, концептуальный подход к юридическому прогнозированию имеет и важнейшее практическое значение, синхронизируя развитие смежных отраслей законодательства, а, следовательно, и обеспечивая большую эффективность их воздействия на систему общественных отношений.

Так, не секрет, что многие правовые институты имеют межотраслевую природу, что находит массу подтверждений в сфере взаимодействия уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Роль уголовно-процессуального права в этом триумвирате отраслей права достаточно очевидна – как правило, его нормы обеспечивают «жизнь» многим институтам уголовного и

уголовно-исполнительного права, так как без уголовно-процессуального механизма их реализации они «мертвы». Этот в общем-то очевидный факт имеет решающее значение, придавая смысл существования уголовно-процессуальному праву, вне норм которого все нормы уголовного и многие нормы уголовно-исполнительного права бесполезны. Но это только одна сторона медали, так как, выполняя, безусловно, обеспечительную по отношению к нормам уголовного и уголовно-исполнительного права функцию, нормы уголовно-процессуального права в их отсутствие – беспредметны. Соответственно, было бы правильным, если бы уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство развивались синхронно. Спрогнозировать же такое развитие возможно исключительно на концептуальном уровне.

3. Объективная обусловленность прогноза. В основе юридического прогнозирования должно лежать не субъективное представление (или пожелание) о том или ином векторе прогресса законодательства, а основанная на объективных закономерностях общественного развития необходимость в его конкретном векторе. Право не совсем объективно, так как является результатом человеческого осмысления объективной действительности, «прочувствованной» потребностью в упорядочивании общественной жизни. Однако, пройдя все этапы от появления чувства неудовлетворенности социальной средой до появления конкретного правила поведения и закрепления его в норме закона, субъективная потребность трансформируется в объективно обусловленную норму общественной жизни. Юридический прогноз должен учитывать тот факт, что право создается *в* обществе и *для* общества, и в отрыве от него он теряет всякий смысл.

4. Реалистичность юридического прогноза, что в целом можно определить как наличие потенциала для воплощения этого прогноза в законодательстве. Вряд ли имеет хотя бы какое-то значение идея, у которой такого потенциала нет. При этом ограничения могут носить как традиционно ресурсный (отсутствие финансирования, кадров, материально-технической базы и пр.), так и чисто правовой характер. В качестве примера таких ограничений применительно к

«прогнозам» развития уголовно-процессуального законодательства можно привести предложения по его «федерализации», неоднократно звучавшие в концепциях развития российского законодательства, что принципиально невозможно в силу Конституции РФ.

5. Системность или, проще говоря, внутренняя непротиворечивость прогноза и соответствие внешним условиям, заданным типологией правовой системы данного государства. Требование вполне очевидное, учитывая системный характер права, и тем более актуальное для уголовно-процессуального законодательства, основу которого составляет кодифицированный нормативно-правовой акт – УПК РФ 2001 г. Вряд ли может считаться оправданным прогноз, который нарушает единство его норм. Сделать же такой прогноз не сложно, если не учитывать двух весьма немаловажных закономерностей. Известен факт: в правовых системах континентальной правовой семьи все нормативно-правовые акты расположены в порядке иерархии от актов, обладающих наибольшей юридической силой, которым обычно являются конституции, к актам наименьшей юридической силы – подзаконным нормативно-правовым актам. Для юриста это азбучная истина. Другая же закономерность менее очевидна, но не менее важна. Внутри любого нормативно-правового акта имеются положения общего характера, по отношению к которым другие его нормы носят подчиненный характер и должны соответствовать им. Если вести речь об УПК РФ, то такими нормами, имеющими бóльшую юридическую силу в сравнении с другими его нормами, безусловно, являются нормы его главы 2 «Принципы уголовного судопроизводства», которые можно рассматривать в качестве того связующего элемента, который и объединяет все нормы уголовно-процессуального закона в единую конструкцию. Соответственно, «бессистемным» является не только тот юридический прогноз, который предполагает появление правовых положений, противоречащих, допустим, Конституции РФ или положениям федеральных конституционных законов, но и прогноз, согласно которому силу закона должны приобрести некие положения, которые идут вразрез с принципиальными основами уголовного судопроизводства нашей страны.

6. И, наконец, последнее требование – результативность прогноза, что в самом общем виде означает возможность предвидения как чисто правовых, так и, в целом, общесоциальных последствий воплощения прогноза в жизнь. Исследователю нужно четко понимать, что прогнозирование – не слепое «нащупывание» возможностей, а целенаправленная деятельность по реализации обоснованных представлений о лучшем состоянии совершенствуемой системы. По-другому никак – слишком велика цена ошибки или необоснованного эксперимента в правовой сфере, тем более, если она связана с реализацией уголовной ответственности.

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА АНТИКОНФЛИКТНОГО ТИПА

§ 1. Уголовно-процессуальный конфликт как социальная основа существования уголовного процесса антиконфликтного типа

Потребность в предупреждении и разрешении уголовно-процессуальных конфликтов ставит вопрос о необходимости познания сущности этого явления.

Надо признать, что это достаточно новая категория для нашей уголовно-процессуальной науки, хотя ряд работ, посвященных конкретно этой или схожей с ней проблематике, имеется. При этом обращает на себя внимание тот факт, что большинство из них, находясь на стыке двух сфер правового знания – уголовно-процессуальной науки и криминалистики, отражают, как представляется, несколько односторонний взгляд на уголовно-процессуальный конфликт, рассматривая его исключительно как проявление межличностного взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности.

На серьезном теоретическом уровне речь о конфликтной природе уголовно-процессуальной деятельности впервые зашла в конце 70 – начале 80-х гг. XX в. В частности, исследованием конфликтов предварительного следствия в свое время занимались Р. С. Белкин, О. А. Баев[1]. В своих работах автор методологически исходил из того, что уголовно-процессуальный конфликт является «конфликтной ситуацией», которая, в свою очередь, рассматривалась им как разновидность следственной ситуации – категории общепризнанной и достаточно изученной в теории криминалистики.

В то же время автор коснулся и интересующего нас вопроса. Так, он писал: «Конфликты в деятельности следователя есть форма проявления и разрешения межличностных и внутриличностных диалектических противоречий, которые возникают у следователя в процессе выполнения им функциональных обязанностей по достижению общих целей уголовного судопроизводства и в

[1] См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики Т. 3 М., 1979. С. 80 ; Баев О. А. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж, 1981. 131 с.

связи со спецификой этой трудовой деятельности»[1]. Другими словами, конфликт в деятельности следователя понимался им как частный случай социального конфликта, предупреждение и разрешение которого в тот период не могло «…иметь иных методологических основ, кроме выявленных марксистско-ленинской диалектикой закономерностей возникновения, развития преодоления или разрешения социальных *противоречий* (курсив наш – А. Д.), формой которых эти конфликты и являются»[2]. Обратим внимание, что О. А. Баев социальный конфликт рассматривает как форму противоречия, что позднее получило развитие в уголовно-процессуальной науке.

В связи с проблемой уголовно-процессуального конфликта нельзя не упомянуть и о позиции В. Т. Томина, который признавал неизбежный характер социальных конфликтов при «перестройке уголовного судопроизводства», что обусловлено «отставанием общественного сознания от общественного бытия», а также тем, что «этими переменами оказываются затронуты интересы людей»[3]. В данном случае мы также имеем дело с весьма осторожным отступлением от привычной социалистической доктрины, которая вовсе не считала социальный конфликт обязательным атрибутом социального развития.

Изучение проблемы противоречий уголовного судопроизводства было продолжено позднее, уже в российской уголовно-процессуальной науке. На фоне остальных работ выделяется исследование Ю. В. Францифорова[4], в котором автор институализировал выводы В. Т. Томина с позиции закономерностей развития современного общества.

Уголовно-процессуальные противоречия, по мнению автора, – это «…особое взаимодействие различий в системе уголовно-процессуального законодательства и практике его применения, составляющие диалектические и формально-логические формы проявления противоположных интересов

---

[1] Баев О. А. Конфликтные ситуации на предварительном следствии… С. 11.
[2] Там же.
[3] Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства… С. 124.
[4] Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства… 569 с.

взаимодействующих сторон обвинения и защиты»[1]. В его понимании противоречие рассматривается как необходимое свойство объектов или явлений, «динамическое отношение противоположностей, одна из которых в развивающихся системах выполняет объективно отрицательную… роль, что обуславливает в конечном счете относительность единства противоположностей и разрешение противоречия как необходимого момента его функционирования…»[2].

Противоречие, таким образом, является источником развития «носителя» противоречия, необходимым условием его существования. Ю. В. Францифоров прямо это подчеркивает, справедливо полагая при этом, что, «рассматривая противоречие в качестве источника развития уголовного судопроизводства, следует обратить внимание на влияние на него общественного развития»[3]. Более того, исследователь рассматривает социальные противоречия в качестве одного из главных факторов возникновения права, которое, по его мнению, необходимо постольку, поскольку у общества существует потребность в разрешении социальных противоречий.

Касательно непосредственно уголовно-процессуальных противоречий автор их главным, «корневым» источником считает «противоположные интересы стороны обвинения и стороны защиты», при том, что сами эти противоречия «предопределяют целостность судопроизводства по уголовному делу…»[4]. Для Ю. В. Францифорова, таким образом, противоречия уголовного судопроизводства могут играть не только деструктивную, но и вполне конструктивную, прогрессивную роль, однако при одном немаловажном условии – «надлежащем регулировании законом общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства»[5].

---

[1] Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства… С. 11.

[2] Харин Ю. А. Категории социальной диалектики. Минск, 1978. С. 139.

[3] Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства… С. 27.

[4] Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 10.

[5] Там же.

Схожее понимание «основного уголовно-процессуального противоречия», кстати, прозвучало не только в работах Ю. В. Францифорова. Так, В. М. Быков рассматривает «противоречие между процессуальными средствами раскрытия и расследования преступлений и процессуальными средствами защиты подозреваемого и обвиняемого от подозрения и обвинения…»[1].

Интересна и позиция Ю. В. Францифорова относительно соотношения категорий «социальное противоречие» и «социальный конфликт». На первый взгляд, она может показаться похожей на точку зрения О. А. Баева, где конфликт рассматривается как форма противоречия, однако при ближайшем рассмотрении все выглядит несколько иначе. Если О. А. Баев рассматривал социальный конфликт как «высшую точку», наиболее острую форму социального противоречия, по сути, его фазу, то Ю. В. Францифоров считает социальный конфликт лишь одной из форм противоречий уголовного судопроизводства, наряду с такими его формами, как вопрос, парадокс и абсурд[2]. При этом понимание сущности самого конфликта у автора вполне традиционно: «Конфликт, – пишет он, – представляет собой высшую степень выражения… противоречия, возникающего между сторонами при остром их противодействии друг другу. Такая форма противоречия обусловлена существенным различием интересов и целей у стороны обвинения и стороны защиты»[3].

В последние два десятилетия появился ряд исследований, посвященных непосредственно проблеме уголовно-процессуального конфликта. В этой связи нужно отметить работы Л. В. Головко[4], Н. А. Баевой[5], М. А. Жидкова[1], М. В. Боевой[2], С. В. Горохова[3] и особенно Н. Ю. Лебедева[4].

---

[1] Быков В. М. Основное противоречие современного уголовного процесса России // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 18. С. 21.

[2] Францифоров Ю. В. Классификация противоречий в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 572.

[3] Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук… С. 12.

[4] Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. 544 с.

[5] Баева Н. А. Конфликты в деятельности адвоката – защитника в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 26 с.

В одной из своих работ Н. Ю. Лебедев определил уголовно-процессуальный конфликт как «нормальное и неизбежное проявление правовых связей и отношений между участниками уголовно-процессуальной деятельности, преследующих различные, а чаще всего несовместимые цели и интересы на протяжении как отдельных этапов расследования, так и всего хода производства по уголовному делу»[5].

Прежде всего обращает на себя внимание в данном определении признание «неизбежности» уголовно-процессуального конфликта. Его наличие, в понимании автора, и с этим нельзя не согласиться, – это нормальное состояние уголовно-процессуальных отношений. В то же время традиционное понимание уголовно-процессуального конфликта как конфликта, складывающегося исключительно между участниками уголовно-процессуальной деятельности, воспроизведенное автором, представляется нам несколько узким и не в полной мере отражающим суть этого социального явления.

С другой стороны, следует приветствовать тот факт, что Н. Ю. Лебедев отказался от ставшей уже привычной позиции, замыкающей уголовно-процессуальный конфликт в парадигме отношений сторон обвинения и защиты, который, как показал анализ научных исследований, большинством авторов рассматривается в качестве базового уголовно-процессуального конфликта. Наличие этого конфликта, думается, не требует обоснования, он виден, как говорится, невооруженным взглядом. Однако такая «конфликтная» картина

---

[1] Жидков М. А. Механизмы выявления и разрешения социальных конфликтов в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2008. 20 с.

[2] Боева М. В. Тактико-коммуникативная компетентность следователя. М., 2010. 152 с.

[3] Горохов С. В. Конфликты в деятельности судьи при разбирательстве уголовных дел: понятие, виды, правовые средства предупреждения и разрешения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

[4] См., например: Лебедев Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу и пути их разрешения. Новосибирск, 2012. 323 с. ; Лебедев Н. Ю. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных конфликтов // Известия Алтайского государственного университета. Право. 2009. № 2 (62). С. 92–94 ; Лебедев Н. Ю. Уголовно-процессуальные конфликты, возникающие в ходе расследования преступления: характеристика, функции, виды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2008. С. 84–87.

[5] Лебедев Н. Ю. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных конфликтов… С. 94.

уголовно-процессуальной деятельности представляется крайне упрощенной. Не менее принципиальные конфликты могут возникать не только между сторонами обвинения и защиты, но и между участниками «внутри» сторон.

Так, вполне прогнозируем конфликт между прокурором – государственным обвинителем, представляющим обвинение в суде, и потерпевшим, когда тот вопреки его желанию отказывается от обвинения или изменяет его сторону, противоречащую интересам потерпевшего.

Примером такого конфликта является дело по жалобе гражданки Мариной А. Н., ставшее предметом разбирательства в Конституционном Суде РФ.[1] В своей жалобе заявитель ставила под сомнение конституционность ч. 1 ст. 125 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ[2]. Не вдаваясь глубоко в суть уголовного дела, в ходе которого, по мнению заявительницы, было допущено нарушение ее конституционного права, лишь кратко отметим самые значимые моменты.

В ходе производства по делу в отношении Г. – хирурга, проведшего операцию отцу Мариной А. Н., после которой тот скончался, ему было предъявлено обвинение по п. «в» ч. 2 ст. 293 УК РФ, предусматривающей ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда или смерть человека. По окончании расследования материалы уголовного дела вместе с обвинительным заключением были переданы прокурору. Однако постановлением заместителя прокурора они были возвращены в следственный орган для производства дополнительного следствия с указанием на необходимость изменения квалификации содеянного – п о ч. 2 ст. 109 УК РФ, поскольку действия Г., будучи направлены на лечение пациента, по мнению прокурора, были совершены с неосторожной формой вины.

---

[1] См. подробнее: Николюк В. В., Диваев А. Б. Обеспечение права на обжалование процессуальных действий и решений по уголовному делу в свете позиций Конституционного и Верховного Судов РФ // Уголовное право. 2020. № 3. С. 125-133.

[2] По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2020 № 5-0. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.03.2020).

По результатам дополнительного следствия Г. было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 109 УК РФ, что одновременно повлекло за собой изменение категории преступления, в совершении которого обвинялся Г., на менее тяжкое преступление, так как ч. 2 ст. 109 УК РФ – преступление небольшой тяжести и, соответственно, срока давности привлечения к уголовной ответственности. Учитывая, что на момент производства дополнительного следствия срок давности истек, следователь был вынужден прекратить уголовное дело, руководствуясь п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Марина А. Н., являясь потерпевшей по уголовному делу, обжаловала данное постановление в порядке ст. 125 УПК РФ, однако суд отказал ей в удовлетворении ее жалобы. Формально судья, вынесший это решение, поступил верно, так как п. 3^1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» прямо указывает, что «вопросы незаконности переквалификации действий… не могут являться предметом проверки в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку относятся к компетенции суда первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу». Но как это решение соотносится с конституционным правом каждого на доступ к правосудию и судебную защиту его прав и свобод? Очевидно, что оно препятствует этому. Потерпевшая в силу формальных предписаний закона, обязывающих следователя прекратить уголовное дело по истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности, лишилась возможности защитить свои права в судебном разбирательстве уголовного дела. Одновременно, и также по формальным основаниям, ей было отказано в судебной процедуре оспаривания законности квалификации обвинения в досудебном производстве.

Чем же, если не конфликтом между участниками уголовного судопроизводства, представляющими одну и ту же сторону – сторону обвинения – является данная правовая ситуация? Но как же тогда быть с позицией, что конфликтную основу уголовного процесса составляют противоречия интересов защиты и обвинения? В рассмотренном случае этот тезис явно не работает.

И это вовсе не единственная модель развития конфликтной ситуации между «односторонними» участниками уголовного судопроизводства. Анализ закона и правоприменительной практики демонстрирует возможность развития конфликтов в уголовно-процессуальных отношениях, складывающихся между следователем и руководителем следственного органа, следователем и прокурором, прокурором и руководителем следственного органа. На это прямо указывают предусмотренные ст. 37 и 39 УПК РФ механизмы их разрешения.

Возможны конфликты и между участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты. По крайней мере, противоречие интересов, а, стало быть, и почва для их развития прямо оговорены в п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, которая запрещает одному и тому же защитнику одновременную защиту двух и более лиц, интересы которых *противоречат*.

В этой связи встает вопрос: а возможен ли уголовно-процессуальный конфликт между защитником и его подзащитным – подозреваемым или обвиняемым? Думается, что какими бы то ни было особенностями взаимоотношения этих участников уголовного судопроизводства не отличаются. Будучи индивидами, и защитник, и его подзащитный являются носителями собственных интересов, которые могут и совпадать, и противоречить друг другу, а поэтому психологическая почва для конфликта имеется. Этот факт несомненен.

На возможность развития уголовно-процессуального конфликта между защитником и подзащитным недвусмысленно указывает и то обстоятельство, что нормативно-правовые акты, регламентирующие адвокатскую деятельность, содержат в себе ряд законодательных ограничений, препятствующих развитию конфликтов между ними.

В первую очередь речь идет о положениях ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которые предписывают адвокатам отказываться от принятия поручения об оказании юридической помощи от обратившегося к нему лица в случае, если оно имеет заведомо незаконный характер, а также занимать по делу

позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя.

При этом употребленный в законе термин «доверитель» не должен вводить в заблуждение, так как в число таких лиц включаются и обвиняемые (подозреваемые) в совершении преступлений. Это прямо следует из ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката[1], в котором под «доверителем» понимается любое «лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи… лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом… либо которому адвокатом оказывается юридическая помощь бесплатно, по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда».

Этот нормативно-правовой акт, кстати, содержит в себе и ряд запретов в деятельности адвокатов, призванных предотвращать возникновение и развитие конфликтов между адвокатами и их подзащитными. В частности, он запрещает адвокату действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне, занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора, оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей.

Как представляется, именно о конфликтах такого рода пишет Н. А. Баева, которая в ходе исследования конфликтов в деятельности адвоката-защитника выделила такие его разновидности, как: 1) конфликты по повод приглашения, назначения и замены защитника; 2) конфликты по поводу оплаты труда защитника, осуществляющего защиту как по соглашению, так и по назначению органов предварительного следствия, дознания, прокурора, суда; 3) конфликты,

---

[1] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Рос. газ. 2005. 5 окт.

возникающие в случаях обязательного участия защитника; 4) конфликты, возникающие в случае отказа от защитника; 5) конфликты по вопросам осуществления полномочий защитника; 6) конфликты, связанные с обстоятельствами, исключающими участие в производстве по уголовному делу защитника; 7) конфликты, связанные с собиранием доказательств защитником в порядке ст. 86 УПК РФ; 8) конфликты, возникающие по поводу оценки доказательств в соответствии со ст. 75 и 88 УПК РФ; 9) конфликты по поводу избрания мер пресечения в отношении доверителя; 10) конфликты, связанные с процедурой заявления и разрешения ходатайств; 11) конфликты в связи с обжалованием действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство[1].

Итак, уголовно-процессуальный конфликт возможен как между участниками, представляющими противоположные стороны уголовно-процессуальной деятельности, так и «внутри» той или иной стороны состязательного процесса. Но и это еще не все. Учитывая, что уголовно-процессуальное право – средство общесоциального воздействия, фактор поддержания стабильности в государстве и обществе, есть все основания полагать, что субъектами уголовно-процессуального конфликта могут стать участники уголовного судопроизводства, не относящиеся к сторонам, а также иные индивидуальные и коллективные субъекты, не обладающие каким-либо уголовно-процессуальным статусом.

Поясним. Антиконфликтное воздействие, оказываемое уголовно-процессуальным правом, разнонаправленно. С одной стороны, оно непосредственно воздействует на сами уголовно-процессуальные отношения. С другой же – уголовно-процессуальное право, являясь мощным средством антиконфликтного общесоциального воздействия, оказываемого «вовне», влияет на всю систему общественных отношений, предотвращая развитие конфликтной ситуации на макроуровне. С этой точки зрения есть смысл классифицировать уголовно-процессуальные конфликты на *внутренние* и *внешние* конфликты,

[1] Баева Н. А. Указ. соч. С. 17–18.

которые, имея схожую социальную природу, в то же время отличаются друг от друга.

Характеризуя уголовно-процессуальный конфликт, нужно вести речь именно о социальном, а не внутриличностном конфликте. При этом его «социальность» предопределяется не количеством, а «качеством» участников конфликта, являющихся, в терминологии социологической науки, его «акторами» (т. е. активными, заинтересованными участниками). Соответственно, количественно уголовно-процессуальный конфликт может носить как межгрупповой, так и межличностный характер.

То, что первый из них, т. е. межгрупповой конфликт, социален – очевидный факт, который не требует дополнительного обоснования. Несколько сложнее обстоит дело с межличностными социальными конфликтами, познание природы которых требует оценки свойств его акторов.

Межличностный конфликт, относящийся к категории личных конфликтов, имеет место в случаях, когда его активные участники выступают в нем от своего имени, как носители своего *личного* интереса. Примерами таковых могут выступать конфликты на бытовой почве, конфликты, в основе которых лежит личная неприязнь, и т. д.

В отличие от личного конфликта, субъектами межличностного социального конфликта являются акторы – носители социальных ролей или, другими словами, индивиды, реализующие в рамках конфликтного отношениях какие-либо социальные функции. Соответственно, даже если в конфликте участвуют конкретные индивиды, а не коллективы или сообщества, это еще не дает оснований говорить о том, что мы имеем дело с личным, а не социальным конфликтом. Важно определить, в каком качестве эти лица участвуют в конфликте.

Так, конфликтная ситуация, возникшая во взаимоотношениях лица, ведущего производство по уголовному делу, и любого другого участника уголовного судопроизводства, несмотря на видимость личного, на самом деле является социальным конфликтом, так как оба его участника – носители

определенных социальных ролей, воплощенных в их уголовно-процессуальных статусах. Этих участников уголовного судопроизводства связывают не личная симпатия или, наоборот, неприязненные отношения. Связь между ними носит исключительно социальный характер, так как она никогда не возникла, если бы эти лица не выполняли своей социальной роли, реализация которой требует от них вступить в уголовно-процессуальные отношения. Соответственно, и возникновение конфликта в такой ситуации продиктовано не личными желаниями или потребностями, а исключительно тем, что первый, будучи представителем власти, является носителем публичных полномочий, а второй – лицом, вовлекаемым в производство по уголовному делу, и оба они в силу требований закона обязаны вступить в отношения друг с другом. В остальном же на межличностном уровне эти индивиды друг другу безразличны, и никаких личных отношений между ними развиться не могло. Более того, наличие между участниками уголовного судопроизводства отношений, которые могут спровоцировать личный конфликт, может служить основанием для исключения лица, ведущего производство по уголовному делу, из числа его участников по мотиву личной заинтересованности в исходе дела.

Что касается внутриличностных конфликтов, то, безусловно, учитывая личностные особенности каждого из участников уголовно-процессуальных отношений, они не просто допустимы, но и неизбежны, однако право не в силах ни предотвратить, ни разрешить их. И хотя в некоторых ситуациях правовые предписания, как представляется, могут стать дополнительным фактором в пользу принятия того или иного решения участником уголовно-процессуальных отношений, назвать такой конфликт социальным, а, следовательно, и уголовно-процессуальным, нельзя.

Социальная природа уголовно-процессуального конфликта предопределяет необходимость вовлечения в изучение его сущности положений социологической науки.

Социальный конфликт уже достаточно давно является предметом социологических исследований. Наибольшую известность в этой связи получили

работы американских социологов Л. Козера, Р. Фишера, Ю. Ури и особенно немецкого ученого, проведшего основные исследования в Великобритании – Р. Дарендорфа. Отметились в сфере социальной конфликтологии и наши исследователи: в частности, в этой связи нельзя не назвать А. Г. Здравомыслова.

Основополагающей категорией конфликтологии предсказуемо является категория конфликта, по поводу которой в науке не сложилось единого подхода.

Так, Л. Козер определял конфликт как «борьбу по поводу ценностей или притязаний на дефицитный статус, власть или ресурсы, в которых каждая из сторон стремиться нейтрализовать, ущемить или подавить цели противостоящей стороны»[1].

К. Боулдин под конфликтом понимал ситуацию соперничества, в которой стороны осознают несовместимость возможных позиций, и каждая сторона стремиться занять положение, несовместимое с тем, которое хочет занять другая[2].

Еще один исследователь из США – Л. Крисберг в основании конфликта расположил несовместимость целей в отношениях сторон[3].

В функциональной трактовке социальный конфликт рассматривается как «искажение, дисфункциональный процесс в общественных системах»[4]. В здоровом обществе, как в хорошо работающей системе, достигается консенсус, в условиях которого для социального конфликта нет места. Соответственно, в «нездоровом» обществе, пораженном социальным конфликтом, согласие отсутствует, в связи с чем данная общественная структура переживает функциональные сбои, грозящие самыми тяжелыми последствиями, вплоть до ее распада.

Если говорить о мнениях наших ученых по данному вопросу, можно выделить следующие точки зрения.

---

[1] Цит. по: Соломатин Е. Н. Социология конфликта. М., 2020. С. 34.

[2] Цит по: Боженко В. А. Определение понятия «конфликт» // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2000. № 2. С. 143.

[3] Там же. С. 143.

[4] Цыбульская М. В., Яхонтова Е. С. Конфликтология. М., 1999. С. 9.

Согласно Е. М. Басову, конфликт – это предельный случай социальных противоречий, выражающийся в столкновении различных социальных общностей, обусловленном противоположностью или существенным различием их интересов, целей, тенденций развития[1].

Ю. Г. Запрудский конфликт определяет как явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных объектов, прямое или косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку[2].

Н. Косолапов рассматривает конфликт как реальное отношение (взаимодействие) между людьми или сложными социальными субъектами, при котором цели одних участников конфликта могут достигаться только за счет некоторого ограничения, ущемления действительных или воспринимаемых целей, задач, прав или статуса других его участников[3].

Развернутое понятие дал конфликту В. В. Семенов, который рассматривает его как сознательное противостояние субъектов и их объединений (групп, организаций, партий, движений, фондов), возникающих на основе существующих в обществе объективно-субъективных противоречий, отражающих конкретные интересы и позиции разных людей и групп, и выражающееся индивидуальной или групповой субъективностью в сознательно ставящихся целях, программах действий и реально проводимых в соответствии с ними практических действиях, поведении и борьбе[4].

Это далеко не весь спектр мнений по данному вопросу, однако даже приведенных, думается, достаточно для того, чтобы констатировать, что в основе современного понимания конфликта лежит категория «противоречие». Несмотря на то, что в приведенных определениях упоминаются ценности, притязания,

---

[1] Основы конфликтологии : учебное пособие / А. В. Дмитриев, Ю. Г. Запрудский, В. П. Казимирчук и др. ; под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1997. С. 53.

[2] Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт (Политологический анализ) : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 1992. С. 25.

[3] Косолапов Н. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 5. С. 36.

[4] Семенов В.С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием // СОЦИС. 1993. № 7. С. 73.

позиции, цели, интересы, тенденции развития и т. д., каждый из авторов, занимающихся проблемой конфликтов, возникающих в тех или иных сферах, исходит из того, что эти цели, интересы, притязания, ценности и т. п. противостоят друг другу. Именно поэтому одной из корневых проблем конфликтологии является проблема соотношения категорий «конфликт» и «противоречие». Отражением этой научной проблемы стала развернувшаяся в уголовно-процессуальной науке дискуссия относительно соотношения понятий «уголовно-процессуальный конфликт» и «противоречие уголовного судопроизводства». Выскажем свое мнение по этому вопросу.

Максимально обобщая, можно сказать, что в уголовно-процессуальной теории преобладает точка зрения, рассматривающая эти категории либо как тождественные понятия (В. Т. Томин), либо как понятия, находящиеся в родо-видовом соотношении (род – противоречие, вид – конфликт). Примером второго подхода может служить мнение Ю. В. Францифорова, который конфликт, наряду с вопросом, парадоксом и абсурдом, рассматривал в качестве формы противоречия уголовного судопроизводства.

В то же время нам такое ви́дение соотношения этих категорий представляется несколько неточным. «Противоречие» и «конфликт», вне всяких сомнений, близкорасположенные, но не тождественные категории. Как совершенно верно по этому поводу пишет А. Г. Здравомыслов, «существует большое искушение рассматривать конфликт как проявление и обнаружение объективных противоречий… Однако в большинстве случаев речь идет лишь о декларативной верности принципам, поскольку отождествление противоречий и конфликтов уводит исследователя от постановки задач социологического анализа реальных конфликтов, растворяет частное в общих понятиях»[1].

Действительно, то «искушение», о котором пишет автор цитаты, зачастую преследует исследователей социального, и в том числе уголовно-процессуального, конфликта, что затрудняет разговор о реальных средствах

[1] Здравомыслов А. Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 13.

противодействия ему. Выявление социального противоречия во многих случаях не представляется большой проблемой – эти противоречия зачастую лежат на поверхности. Однако, является ли обнаружение противоречия достаточным, чтобы констатировать наличие социального конфликта? Думается, что нет. «Противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречий в конфликты необходимо осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения»[1].

Возьмем, к примеру, объективное противоречие между обвинением и защитой – по мнению многих, базовое противоречие уголовного судопроизводства. Если исходить из тождества категорий «конфликт» и «противоречие», необходимо согласиться и с тем, что между обвинением и защитой всегда существует конфликт, что, однако, не соответствует действительности. Да, между участниками уголовного судопроизводства, представляющими противоположные стороны, всегда есть противоречие интересов. Его не может не быть – иначе стороны не были бы противоположными. Однако это противоречие не всегда влечет за собой конфликт. Например, если обвиняемый признает себя виновным, не противодействует уголовному преследованию и всеми силами старается содействовать ему, заглаживает по возможности вред, причиненный преступлением, то о каком конфликте может идти речь? При этом противоположность интересов сторон никуда не исчезла, она не нивелирована поведением обвиняемого. Да и вообще, насколько возможно устранить противоречие обвинения и защиты? Как представляется, оно принципиально не устранимо. Противоположность позиций обвинения и защиты – это основа уголовного процесса. Если устраняется это противоречие – исчезает сам уголовный процесс как сфера общественной жизни, система общественных отношений, так как вне его уголовно-процессуальная деятельность теряет всяческий смысл.

---

[1] Там же. С. 14.

В то же время противоречие обвинения и защиты вполне может вылиться в социальный конфликт между ними, для чего необходимы два фактора – 1) осознание противоположности интересов и 2) соответствующая мотивация.

Думается, что применительно к отношениям обвинения и защиты первый из них должен подразумеваться изначально, как говорится, априори. Вряд ли возможна ситуация, когда представитель стороны обвинения или защиты не осознает своего интереса и его противоположности интересам противостоящей стороны. Что же касается второго фактора, то тут быть варианты.

Сам по себе конфликт не возникнет. Для его развития в отношениях обвинения и защиты как минимум у одной из сторон должна быть мотивация, являющаяся отражением потребности снять противоречие с помощью наиболее радикального средства – путем вступления в конфликт, а отсюда *конфликт – это не само противоречие, а способ его разрешения, когда одна из сторон предпринимает попытку реализации своих целей и интересов за счет интересов другой стороны, либо неприемлемыми для этой стороны средствами.*[1]

С этой точки зрения, если рассматривать конфликт как наиболее острый вариант развития противоречий и весьма специфический способ их разрешения, следует критически отнестись к ставшему популярным в последнее время тезису о пользе социального конфликта[2].

Так, В. А. Летяев прямо пишет: «Представляется перспективной разработка технологий урегулирования конфликта, построенных на введении правил, ограничивающих конфликтные взаимодействия, поскольку такой подход позволяет использовать различные формы институционализированного разрешения конфликта, в том числе и создание правил, запрещающих искоренять конфликты, несущие позитивные функции»[3].

---

[1] Диваев А. Б. Уголовно-процессуальный конфликт: предпосылки возникновения, понятие и виды // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 1. С. 45.

[2] См., например: Бушмелев А. А. Конфликт как фактор самоорганизации общества : автореф. дис. … канд. филос. наук. Н. Новгород, 2005. 39 с.

[3] Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах / под ред. В. А. Летяева. Казань, 2012. С. 10.

А. А. Бушмелев выделяет следующие положительные функции социального конфликта: 1) на макроуровне он проявляет себя как «механизм адаптации социальных систем к меняющимся условиям существования»; 2) является способом коммуникации социальных систем; 3) является «фактором самоорганизации социальных систем, т. е. механизмом спонтанного образования качественно новых диссипативных (т. е. «устойчивых» – А. Д.) структур более высокого уровня…»[1].

Казалось бы, сама по себе концепция «полезного» конфликта выглядит чрезвычайно привлекательно, когда из хаоса и нестабильности рождается что-то новое, более устойчивое, менее подверженное энтропии. Но такой подход имеет хоть какую-то логику только при отождествлении противоречий и конфликта. Именно при таком условии можно говорить о полезности конфликтного взаимодействия. Между тем, противоречия – это всего лишь предпосылка конфликта, но не сам конфликт. Конфликт – способ разрешения противоречий, и притом, думается, не самый рациональный способ. Разрешение противоречий в конфликте происходит не путем взаимного согласований позиций и консенсуса, а за счет уступок одной из сторон конфликтного взаимодействия. Причем эти уступки зачастую происходят не потому, что у «победившей» стороны имеются более рациональные, прогрессивные, верные и т. п. средства разрешения противоречий, а только потому, что у нее имеется больший ресурс (например, власть над проигравшим). Так что считать конфликт социально «полезным» если и можно, то с изрядной долей условности: сильная сторона социального конфликта должна действительно нести нечто прогрессивное, развивать систему общественных отношений или, по крайней мере, уменьшать ее энтропию. В противном случае конфликт – это объективное препятствие развитию социальной системы.

По нашему мнению, на проблему неизбежности конфликта и его функционала нужно смотреть несколько по-другому, и это явно проявляется в уголовно-процессуальных отношениях. Действительно, социальный конфликт –

[1] Бушмелев А. А. Указ. соч. С. 10–11.

это неизбежная данность в любой социальной системе. Причина этого – как внутренние противоречия, являющиеся следствием ее развития, так и противоречия, возникающие во взаимодействии данной системы с окружающей социальной средой. С этой точки зрения именно противоречия, а не сам конфликт – фактор развития системы, а, следовательно, было бы крайне желательным разрешать эти противоречия исключительно бесконфликтным путем. Если речь идет о потенциальном уголовно-процессуальном макроконфликте, таковым видится, например, своевременная модернизация законодательства в соответствии с объективными социальными потребностями. Как верно по этому поводу пишет А. В. Победкин, «в уголовном процессе отсутствие острого слуха законодателя на потребности общества, упорство в допущенных ошибках чревато прорывом проблем в другую сферу – социальную, обостряя и без того непростую в ней ситуацию»[1].

На микроуровне бесконфликтными способами разрешения уголовно-процессуальных противоречий могут рассматриваться переговоры, достижение консенсуса, убеждение в правоте и др. Представим себе, что все противоречия, которые характеризуют уголовный процесс, разрешались бы исключительно в рамках конфликтных отношений. К чему бы это привело? Думается, ответ очевиден: когда одна из сторон конфликта – лицо или орган, ведущий производство по уголовному делу, имеет несопоставимо большие возможности в этом конфликте – его исход известен заранее. По крайней мере, у участника уголовно-процессуального конфликта – обладателя властных полномочий – всегда будет присутствовать «соблазн» разрешить конфликт, воспользовавшись властью. Но удовлетворяет ли такой способ разрешения процессуальных противоречий тем требованиям, которые социум предъявляет к уголовному процессу как средству, с помощью которого реализуется наиболее строгий вид юридической ответственности? Вряд ли.

Отсюда, представляется достаточно обоснованным мнение, согласно которому бесконфликтная система общественных отношений в любой их сфере –

---

[1] Победкин А. В. Указ. соч. С. 31

это утопия, а поэтому социальный конфликт неизбежен. Однако социальная система должна всячески стремиться к минимизации социального конфликта, одним из средств чего является право, которое должно предоставлять его потенциальным акторам возможности для бесконфликтного разрешения противоречий, а если социальный конфликт все же возник – стать средством его разрешения с минимальными потерями для сторон.

§ 2. Структура и динамика уголовно-процессуального конфликта

Анализ уголовно-процессуального конфликта как социального явления предполагает обязательное изучение его структуры и динамики. От этого прямо зависит действенность уголовно-процессуальных средств противодействия этому негативному аспекту правовой жизни. Понимание того, как устроен уголовно-процессуальный конфликт и какие закономерности лежат в основе его зарождения, развития и затухания, позволяет наиболее эффективно воздействовать на него, направлять усилия законодателя и правоприменителя именно на тот элемент его структуры, который в данной ситуации является наиболее конфликтогенным фактором и именно в тот момент, когда он еще обратим.

Начнем с исследования его структуры. Являясь по своей природе социальным, уголовно-процессуальный конфликт, в целом, повторяет структуру социального конфликта, что вынуждает нас в данном вопросе ориентироваться не только на правовые, но и на социологические исследования. Как верно отмечает В. И. Павлов, «конфликт – сложная категория, которая является предметом исследования многих дисциплин, и правоведу, анализирующему юридический конфликт, не удастся избежать освещения междисциплинарных связей общеметодологического характера, в противном случае при малейшем к ним

обращении будет вскрываться методологическая слабость доказываемой гипотезы»[1].

В социологии относительно структуры конфликта не сложилось общего подхода, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние и на представление о структуре его правовой разновидности.

В общетеоретическом понимании под «структурой» (от лат. structura – строение, порядок, расположение) принято понимать «взаимосвязь или отношение между элементами материальной или концептуальной системы»[2]. При этом в результате такого взаимодействия у структурированного объекта должны возникать такие системные качества, которыми не могут обладать отдельные элементы его структуры. Это важнейшее условие, несоблюдение которого не позволяет говорить об исследуемом объекте как о системе его структурных элементов: если структурный элемент системы полностью способен заместить собой данную систему, его нельзя считать ее элементом – это самостоятельная система.

Данное обстоятельство, кстати, лишний раз подтверждает несостоятельность тезиса о тождестве конфликта и лежащего в его основе противоречия. Забегая вперед, укажем, что согласно наиболее распространенной в социологии точке зрения, которая разделяется и нами, социальное противоречие, провоцирующее конфликт – это структурный элемент социального конфликта, а стало быть, оно не может повторять всего его свойств как системы. Проще говоря, противоречие и конфликт – это не одно и то же, а часть и целое.

Если обратиться к конкретным социологическим исследованиям, посвященным структуре социального конфликта, можно констатировать, что они чрезвычайно разнообразны. По сути, социологи сходятся только в одном: обязательными элементами социального конфликта являются субъекты и предмет конфликта. В остальном – абсолютная «свобода творчества». Спектр мнений варьируется от простейшей описательной модели социального конфликта,

---

[1] Павлов В. И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права : дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2005. С. 30.

[2] Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 453.

представляющей собой так называемый «треугольник конфликта», сторонами которого являются его субъекты, предмет конфликта и процесс конфликта[1], до сложнейших многоуровневых схем, включающих в себя до десяти элементов[2]. Для начала рассмотрим некоторые из этих элементов, характерные для большинства точек зрения.

Так, распространение в социологической науке получила категория «конфликтная ситуация», сущность которой в интерпретации разных авторов различается.

Одни социологи принципиально не отличают конфликтную ситуацию от конфликта, считая эту категорию его «частным понятием», «фрагментом конфликта, цельным эпизодом его развития, своеобразным «фотографическим снимком» конфликта на определенный момент времени»[3]. В силу этого сторонники данной точки зрения предлагают отождествить структуру конфликта и конфликтной ситуации.

Другие исследователи, напротив, предлагают рассматривать конфликтную ситуацию в качестве структурного элемент конфликта, одновременно считая его этапом, предшествующим конфликтному взаимодействию участников конфликта, что выглядит весьма странно. В их интерпретации конфликтная ситуация – это «совокупность условий, создающих социальную напряженность… субъектно-объектная база конфликта», структурно включающая в себя участников конфликта, его объект, предмет и условия формирования конфликтной ситуации (так называемые «факторы среды», способствующие возникновению конфликтной ситуации), т. е. и предтеча конфликта, и сам конфликт[4]. Само же конфликтное взаимодействие в представлении сторонников этого мнения – это вторая составляющая структуры социального конфликта, форма социального взаимодействия, включающая в себя «совокупность способов и приемов противоборства участников конфликта, их действия, направленные на разрешение

---

[1] Лукин Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами. М., 2007. С. 121.
[2] Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М., 2015. С. 230–251.
[3] Там же. С. 231.
[4] Соломатина Е. Н. Социология конфликта. М., 2020. С. 58.

конфликтной ситуации, в ходе которого они испытывают негативные переживания (эмоции) по отношению друг к другу»[1].

При этом, несмотря на то что в большинстве предложенных конструкций конфликтная ситуации – структурный элемент социального конфликта, нужно признать, что она не всегда необходимо влечет конфликтное взаимодействие. Если исходить из того, что в конфликтной ситуации модели поведения участников конфликта подразумевают возможный уход от борьбы либо «торг» в целях достижения компромисса, социальный конфликт вполне может существовать вне противоборства сторон, выражаясь исключительно в напряженности, возникшей между участниками конфликта. Для возникновения непосредственно самого конфликтного взаимодействия (т. е. конфликта как способа разрешения противоречия), необходим «инцидент» – случайно возникший или спровоцированный участниками конфликта формальный повод к возникновению противоборства сторон.

Проблема соотношения категорий «социальный конфликт» и «конфликтная ситуация» нашла развитие и в правовых исследованиях. Причем в них мы сталкиваемся с той же некоторой непоследовательностью их авторов. Так, В. Н. Кудрявцев, рассматривая категорию конфликтной ситуации, с одной стороны, на наш взгляд, совершенно верно писал, что конфликтная ситуация «предшествует конфликту», и в силу того «…она может быть еще и не использована сторонами и даже в полной мере не осмыслена ими»[2]. Это выглядит вполне логично: в силу возникших противоречий сначала складывается конфликтная ситуация, ведущая к напряжению в отношениях между социальными субъектами; затем происходит некий инцидент, становящийся «последней каплей» в развитии этой ситуации; все это приводит к конфликтному взаимодействию – собственно говоря, конфликту. Но этого инцидента может и не произойти, а предпринятые меры могут купировать конфликт уже на уровне

[1] Там же. С. 59.

[2] Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1995. С. 44.

конфликтной ситуации и снять социальное напряжение, приведя систему социальных отношений в стабильное русло.

Однако в дальнейшем, в более поздних своих исследованиях, автор отступает от этой логики и включает конфликтную ситуацию в структуру социального конфликта[1]. Встречается такое мнение и в работах других правоведов[2].

Интересны рассуждения некоторых исследователей относительно соотношения объективных и психологических элементов в структуре социального конфликта.

Сразу отметим, что мнение о наличии в социальном конфликте психологической составляющей не вызывает особых возражений ни в среде социологов, ни среди правоведов, ни, тем более, у психологов, которые с определенного времени также «подключились» к работе над проблемами социальной конфликтологии. Такой подход видится вполне логичным и обоснованным. Сфера социальных конфликтов – это сфера жизнедеятельности людей и их коллективов, взаимоотношений между ними, а, следовательно, позиция, отрицающая психологическую составляющую социального конфликта, вряд ли может рассчитывать хоть на какую-то поддержку в научной сфере.

Так, например, отделяют психологические составляющие социального конфликта от его объективного содержания А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов. К психологическим элементам социального конфликта они относят такие его структурные элементы как устремления сторон (мотивы, цели, ценности, интересы, потребности), стратегии и тактики их поведения, особенности восприятия ими конфликтной ситуации[3].

---

[1] Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология. М., 2003. С. 119.

[2] См., например: Астахов П. А. Юридические конфликты и современные способы их разрешения (теоретико-правовое исследование) : дис. … д-ра юрид наук. М., 2006. С. 80–81 ; Старыгина П. С. Организационно-управленческие механизмы регулирования социальных конфликтов: нормативно-правовой аспект // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. Т. 1, № 2 (2). С. 89.

[3] Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Указ. соч. С. 236.

Не выделяя прямо психологическую сторону социального конфликта, о стратегии поведения как об «отношении к конфликту, установке на определенные формы поведения в конфликтной ситуации…»[1], т. е. типично внутренних психологических установках участников конфликтного отношения в конфликте, пишет Ю. Ф. Лукин. Выделяет мотивы в структуре конфликта и А. С. Кармин[2].

Если говорить о специальных исследованиях, посвященных непосредственно правовому (или юридическому) конфликту, то о «субъективной стороне» такого конфликта писали, например, авторы монографии, изданной под редакцией В. Н. Кудрявцева. В частности, они выделяют в качестве «внутренней» составляющей юридического конфликта «психологию участников конфликта», в содержание которой ими включены «аналитические действия и процесс принятия решения, эмоции и память, социальные установки и ценностные ориентации, внутренние нормативные механизмы и многое другое»[3].

П. А. Астахов в своем диссертационном исследовании также отмечает, что для «…возникновения собственно правового конфликта в его “идеальном” случае необходимы… предпосылка возникновения конфликтной ситуации; ситуация, включающая такие элементы конфликта, как объект и субъект, конфликтное правовое отношение, что означает появление субъективной стороны, осознание, восприятие конфликтной ситуации субъектами, осознание своих интересов и осознание другого субъекта как препятствия для удовлетворения своих интересов…»[4].

Обратим внимание на то, что и работа коллектива авторов под руководством В. Н. Кудрявцева, и исследование П. А. Астахова, и другие работы, посвященные юридическом конфликту, несмотря на их социальную направленность, тяготеют к правовой терминологии. Так, например, в некоторых из них для характеристики внутренней психологической стороны юридического конфликта употребляется категория «субъективной стороны», обычно

---

[1] Лукин Ю. Ф. Указ. соч. С. 124–125.
[2] Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. СПб., 1999. С. 62.
[3] Юридическая конфликтология… С. 73
[4] Астахов П. А. Указ. соч. С. 81.

ассоциируемая правоведами с конструкцией состава правонарушения, что не должно вводить в заблуждение. Во многом это продиктовано соображениями привычки, удобства в использовании знакомой терминологии.

Наиболее очевидный «перенос» правовых категорий в социолого-правовую сферу осуществила в своем диссертационном исследовании Т. В. Худойкина, которая в качестве структурных элементов правового конфликта прямо назвала четыре «классических» элемента состава правонарушения: объект, субъектов, объективную сторону, субъективную сторону[1]. При этом, как утверждает исследователь, «каждый элемент необходим: при отсутствии хотя бы одного из них мы имеем дело с другим общественным явлением, но не с юридическим конфликтом. Именно все четыре элемента, вместе взятые, взаимосвязанные, характеризуют в целом систему конфликта»[2].

По сути, Т. В. Худойкина полностью воспроизвела в структуре юридического конфликта структуру правонарушения, в которой, как известно, каждый элемент его состава – это конструктивный элемент, в отсутствие которого состав правонарушения отсутствует. Естественно, содержание каждого из элементов юридического конфликта в интерпретации автора отличается от содержания элементов состава правонарушения, однако, на наш взгляд, важен сам подход, использованный автором, который, при всей оригинальности, методологически не идеален.

Главный его недостаток, по нашему мнению, прямо вытекает из его основного достоинства – использования при описании юридического конфликта правовой терминологии. Дело в том, что описывая юридический конфликт с использованием правовых терминов, мы тем самым неминуемо смешиваем категории «правонарушение» и «юридический конфликт», что вряд ли верно по нижеследующим причинам.

Во-первых, нужно признать, что фактически и правонарушение, и юридический конфликт – элементы объективной действительности, некие

---

[1] Худойкина Т. В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 117.

[2] Там же. С. 117.

события, совокупность фактов. При этом отнесение того или иного события к категории правонарушения или юридического конфликта – это его субъективный оценка, состоящая в выявлении в нем неких заранее установленных законом или оговоренных в доктрине свойств лицом, осуществляющим правовую квалификацию данного события, либо исследователем, выявляющим в нем элементы социального конфликта. Уже с этой точки зрения использование общей терминологии для описания совершенно разных качественных характеристик события нельзя признать правильным. Такой подход создает иллюзию того, что юридический конфликт и правонарушение – это необходимо сопутствующие друг другу свойства события, что любой юридический конфликт – это правонарушение. Однако эта закономерность работает лишь отчасти, так как не каждый юридический конфликт обязательно несет в себе признаки правонарушения. В особенности это характерно для сферы уголовно-процессуальных отношений, где велика, например, доля конфликтов, вызванных злоупотреблением правами их участников, не относящихся к группе лиц и органов, ведущих уголовно-процессуальное производство[1]. Но злоупотребление правом, только если это деяние не совершено властным субъектом, не может быть охарактеризовано как правонарушение.

Имеют место в уголовном процессе и конфликты, вызванные правомерным поведением. В частности, примером могут служить случаи использования следователем или дознавателем принудительных средств при производстве следственных действий, посягающих на конституционные права и свободы граждан, в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ. С точки зрения социальной природы такие ситуации, безусловно, являются конфликтными, при том, что обе стороны этого потенциального уголовно-процессуального конфликта ведут себя совершенно правомерно. С одной стороны, следователь или дознаватель, производящий такое следственное действие, реализует свое полномочие на производство следственных и иных процессуальных действий,

[1] См. подробнее: Диваев А. Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–42.

требующих судебного решения, в случаях, не терпящих отлагательства, без его получения. С другой, лицо, в отношении которого производится это следственное действие, также вполне правомерно препятствует внесудебному ограничению своих конституционных прав и свобод. Налицо социальное противоречие *правомерных* публичных и *законных* частных интересов, которое может привести к конфликту, разрешаемому путем правомерного же применения власти лицом, ведущим производство по уголовному делу.

И во-вторых. Вряд ли обоснованной выглядит попытка авторов рассматриваемого подхода к пониманию структуры юридического конфликта использовать единую терминологию для обозначения категорий, имеющих разное фактическое содержание.

Поясним данное утверждение на примере соотношения категорий «субъект правонарушения» и «субъекты юридического конфликта». Если мы говорим о первой из них, речь идет о правовой характеристике субъекта права, способного нести ответственность за нарушение правовых предписаний, его так называемой деликтоспособности. Во втором же случае правильнее говорить не о субъекте, а об участнике, или, точнее, участниках юридического конфликта. Этот вывод вытекает из сущности дуалистической связи между субъектом и объектом. Как известно, это парные взаимозависимые категории. Другими словами, субъект является таковым только применительно к объекту, на который направлены усилия субъекта, он не может существовать вне связи с ним. Точно так же и объект может рассматриваться в таком качестве только в связи с субъектом – без субъекта объекта быть не может.

Категория «субъект правонарушения» в полной мере соответствует такому характеру субъектно-объектной связи, так как деяние субъекта правонарушения направлено на объект посягательства, а, следовательно, в отсутствие объекта он не может быть назван субъектом. Участники же конфликтного отношения так охарактеризованы могут быть только отчасти по причине неоднородности их состава. В социологии признано, что в круг участников социального конфликта входят не только собственно его акторы, т. е. те социальные субъекты, между

которыми складывается конфликтное отношение по поводу объекта – того социального противоречия, которое лежит в основе конфликта. К участникам социального конфликта относятся и иные «второстепенные» его участники. К их числу относят, например, организаторов, подстрекателей, наблюдателей, индифферентных участников конфликта, находящихся рядом с конфликтующими сторонами, но прямо не участвующих в их противоборстве, интересы которых затрагиваются конфликтом.

Принципиальное отличие этих участников конфликта от его субъектов заключается в отсутствии прямой связи между ними и объектом конфликта, что и не позволяет назвать их субъектами конфликтного отношения. В одних ситуациях связь этих «второстепенных» участников конфликта с его объектом может носить косвенный характер, когда они руками его акторов пытаются реализовать свои цели или удовлетворить свои интересы, совпадающие с целью и интересами одного из них. В других, подстрекая его к конфликту, они могут преследовать свои цели и интересы, отличные от тех, по поводу которых складывается конфликтное взаимодействие, либо не иметь в этом конфликте вообще никаких целей и интересов, участвуя в нем пассивно, в силу, например, того, что он вынужден участвовать в нем в соответствии с требованиями закона. В таких случаях между «второстепенным» участником уголовно-процессуального конфликта и его объектом вообще нет никакой связи.

Примером могут служить случаи вовлечения в уголовно-процессуальный конфликт фигуры «подстрекателя», провоцирующего того или иного участника уголовно-процессуальных отношений к вступлению в конфликтное взаимодействие. В роли таковых могут, например, выступать его родственники, близкие лица, иные участники уголовно-процессуального производства (защитники, представители потерпевшего и др.), которые склоняют потенциального субъекта конфликта к злоупотреблению его процессуальным правом. Мотивация такого поведения подстрекателя может быть самой разной, от банального желания «усложнить жизнь» лицу, ведущему производство по уголовному делу, до весьма прагматических целей, как то максимально затянуть

производство по уголовному делу, дабы продлить срок применения в отношении обвиняемого меры пресечения и тем самым сократить размер наказания. Однако в любом случае подстрекатель – не субъект конфликта, но его участник.

Точно такое же несоответствие можно проследить при сопоставлении содержания любого другого элемента состава правонарушения с предложенными Т. В. Худойкиной конструктивными элементами юридического конфликта. Но в таком случае вполне уместен вопрос: можем ли мы разные по содержанию явления именовать идентичными терминами? Не является ли это методологической ошибкой? Думается, в свете сказанного нами выше ответ очевиден: раз правонарушение и юридический конфликт не тождественны, стало быть, не могут быть тождественными и их структуры, а это, в свою очередь, не позволяет использовать для их наименования идентичную терминологию.

Способ структуризации юридического конфликта, примененный Т. В. Худойкиной, оказал определенное влияние и на уголовно-процессуальную теорию. В частности, такой же принцип положил в основу своего понимания структуры уголовно-процессуального конфликта Н. Ю. Лебедев, который под ней понимает «…совокупность четырех взаимосвязанных и взаимозависящих элементов: субъекты, объект, субъективную сторону и объективную сторону»[1]. Учитывая, что обе позиции в целом исходят из идентичных положений, все недостатки конструкции юридического конфликта, предложенной Т. В. Худойкиной, в полной мере относятся и к точке зрения Н. Ю. Лебедева.

Опираясь на изложенное выше, будем исходить в нашем представлении о структуре уголовно-процессуального конфликта из двух исходных посылок:

1) Конфликтная ситуация не может быть структурным элементом уголовно-процессуального конфликта, так как она предшествует ему, являясь не его элементом, а этапом развития конфликта;

2) Мы согласны с тем, что уголовно-процессуальный конфликт имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Внешняя сторона конфликта представлена его

[1] Лебедев Н. Ю. Концептуальные основы криминалистической теории преодоления конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 139.

участниками и той деятельностью, которая осуществляется ими для реализации поставленных целей и удовлетворения интересов в конфликтном отношении. Внутренняя, в свою очередь, образована самими целями, интересами участников уголовно-процессуального конфликта, формирующими их конфликтную мотивацию и содержанием конфликта – теми противоречиями, которые лежат в основе конфликта.

Неотъемлемой характеристикой любого социального конфликта является его динамика. Не является исключением и уголовно-процессуальный конфликт. Он, как и любой другой из них, «переживает» латентный период, когда у его потенциальных участников накапливается чувство неудовлетворения, которое влечет возникновение конфликтной ситуации. Далее, вследствие определенного инцидента, выполняющего роль «спускового крючка», возникает конфликтное взаимоотношение, и уголовно-процессуальный конфликт переходит в открытую фазу, которая рано или поздно будет завершена с теми или иными по степени причиненного вреда последствиями.

Таким образом, несмотря на то что в социологии принято различать несколько моделей развития конфликта, все их можно свести к двум общим закономерностям. Во-первых, в развитии конфликта можно выделить скрытую (латентную) и открытую (конфликтное взаимодействие) фазы. Разделяет их конфликтная ситуация, превентивное воздействие на которую может купировать возникновение конфликтного взаимодействия.

Каждая из фаз структурно включается в себя последовательность этапов развития конфликта. Относительно количества и качества этих этапов в основном и ведется дискуссия в науке.

Так, согласно модели развития конфликта, предложенной А. Г. Здравомысловым, в любом социальном конфликте можно выделить одиннадцать этапов: 1) исходное положение дел; 2) инициирующая сторона; 3) ответные меры; 4) отсутствие взаимопонимания; 5) мобилизация ресурсов; 6) использование силы или угроза ее использования; 7) мобилизация контрресурсов; 8) тупиковая ситуация; 9) осознание ее тупиковости;

10) переосмысление, переформулировка своей позиции; 11) новый этап социального взаимодействия[1].

А. В. Дмитриев, С. В. Кудрявцев и В. Н. Кудрявцев в структуру юридического конфликта включили семь этапов: 1) возникновение конфликтной ситуации; 2) появление сигналов конфликта, напряженности, кризис в отношениях, инциденты; 3) осознание интересов и препятствий каждой из сторон конфликта, проявление враждебности; 4) начало конфликтного противоборства; 5) эскалация конфликта; 6) завершение конфликта; 7) постконфликтная ситуация[2].

Ю. Ф. Лукин также выделяет в динамике конфликта семь этапов: 1) конфликтную ситуацию; 2) сигналы конфликта; 3) осознание интересов и препятствий каждой из сторон конфликтной ситуации, проявление враждебности; 4) начало явного противоборства; 5) эскалация конфликта; 6) завершение конфликта; 7) постконфликтная ситуация[3].

Ряд мнений относительно динамики социального конфликта может быть продолжен, однако, видится вполне очевидным, что озвученные мнения различаются лишь частностями, а поэтому перейдем непосредственно к анализу динамической характеристики уголовно-процессуальных конфликтов.

Для начала остановимся на одной немаловажной особенности уголовно-процессуальных макроконфликтов. Притом что динамика уголовно-процессуального макроконфликта и микроконфликта идентична: обе разновидности уголовно-процессуального конфликта последовательно развиваются от скрытой фазы к конфликтной ситуации и конфликтному взаимодействию, уголовно-процессуальное право может лишь предотвращать, но не разрешать макроконфликты. Соответственно, если в отношении микроконфликтов уголовно-процессуальное право располагает средствами воздействия в любой фазе его развития, включая возможное разрешение конфликтного взаимодействия, то применительно к макроконфликтам этого сказать нельзя. Уголовно-процессуальный макроконфликт, возникая из

---

[1] Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1995. С. 94.

[2] Юридическая конфликтология. Ч. 1 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1993. С. 125–129.

[3] Лукин Ю. Ф. Указ. соч. С. 127–135.

потребности в совершенствовании социальной среды или управляющей ею системы, может быть подвергнут уголовно-процессуальному воздействию только в его скрытой фазе или фазе возникновения конфликтной ситуации путем удовлетворения этой потребности. Это может быть произведено, например, посредством модернизации уголовно-процессуального законодательства в его конфликтогенной части или коррекцией практики применения закона на уровне актов официального толкования уголовно-процессуальных норм, в ситуации, когда правоприменитель неточно интерпретировал социальную цель воздействия, оказываемого той или иной нормой уголовно-процессуального права («действовал вопреки духу закона»). Однако в том случае, если такое воздействие вовремя оказано не будет, любой инцидент способен трансформировать конфликтную ситуацию в конфликтное взаимодействие, спровоцировав уголовно-процессуальный макроконфликт, и уголовно-процессуальное право утратит возможность воздействия на него.

В остальном динамика уголовно-процессуальных макро- и микроконфликтов подчиняется общим закономерностям.

В *латентной фазе* уголовно-процессуального конфликта происходит «накопление» конфликтного потенциала. Это может выражаться в появлении разногласий между потенциальными участниками конфликта, воспрепятствовании каждым из них реализации интересов другого и т. д.

В социологии предконфликтное состояние характеризуется термином «напряженность», а применительно к «крупным» социальным акторам, таким как государство и общество, – «социальная напряженность». Если речь идет о латентной фазе уголовно-процессуального конфликта, то она может проявляться вовне, например, в обычной вербальной форме, что выражается в особом построении фраз, подчеркнутой официальности в общении и т. д. Очень частым проявлением латентного уголовно-процессуального микроконфликта является стремление того или иного его участника делать заявления, подавать безосновательные ходатайства, обжаловать буквально каждое действие или решение лица, ведущего производство по уголовному делу. Причем грань между

правомерным поведением участника уголовного судопроизводства и злоупотреблениями им своими правами участника уголовно-процессуального конфликта в его латентной фазе очень тонка. Отсюда и достаточно сложный характер выявления таких конфликтов в этой фазе. Индикаторы латентного конфликта – это своего рода «рябь на воде» как следствие процессов, происходящих вне нашего поля зрения. Обнаружить потенциальный конфликт в этой фазе можно исключительно посредством отслеживания его индикаторов – так называемых «замещающих форм поведения», когда индивид, готовый к конфликту, но пока стремящийся избежать его, своим поведением дает понять, что у него имеется неудовлетворенная потребность в чем-то.

Характеризуя латентную фазу уголовно-процессуального макроконфликта, нельзя обойти вниманием вопрос о сущности социальной напряженности как предтечи развития конфликтной ситуации. Данная категория, по сути, фиксирует состояние взаимоотношений внутри социальных групп и иных общностей, являясь «индикатором социального кризиса, конфликта, проявляющимся на социально-психологическом уровне»[1]. В таком понимании социальная напряженность – «духовное состояние… социальных групп, подчас весьма значительных эмоций, неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящим событиям… от которых зависят мотивы общественного поведения»[2].

Представленный подход носит название «субъективно-деятельностного» и является более предпочтительным для понимания сущности категории «социальная напряженность» в сравнении со структурным функционализмом, так как позволяет учитывать не только внешние, но и внутренние, психологические составляющие социального конфликта.

Проявления социальной напряженности могут быть самыми разными и в целом для любых социальных конфликтов макроуровня, в том числе и для тех, которые имеют уголовно-процессуальную природу, одинаковы.

---

[1] Рукавишников В. О. Социальная напряженность // Диалог. 1990. № 8. С. 12.
[2] Соломатина Е. Н. Указ. соч. С. 68.

На начальном этапе, когда социальная напряженность еще только нарастает, это может быть общее недовольство, неудовлетворенность теми или иными законодательными инициативами, царящие в обществе настроения безучастности, апатии и т. п. В данной стадии пока еще сложно судить об истинных причинах социальной напряженности, однако индикатором того, что это связано с причинами, сложившимися в уголовно-процессуальной сфере, можно считать формирующееся настроение недоверия к судебной власти, падение авторитета сотрудников органов уголовного преследования и т. п.

Для наиболее эффективного воздействия уголовно-процессуальными средствами на назревающий макроконфликт и купирования его на начальной стадии весьма действенными видятся социологические методы, которые в той или иной степени используются и в нашей стране. Так, в частности, такие крупные социологические учреждения, как ВЦИОМ, ФОМ и др., на регулярной основе проводят социологические исследования, изучая «индекс доверия» населения к судам и правоохранительным органам. И хочется надеяться, что результаты этих исследований доходят до законодателя, изучаются им, становясь основой законотворческой деятельности.

Что демонстрируют нам результаты этих социологических исследований?[1]

В 2007 г. ВЦИОМ изучил мнение населения о работе судов и установил, что почти у половины опрошенных вообще не было какого-либо впечатления (45%) об этом, тогда как отрицательную оценку («плохо» или «скорее плохо») высказали 28% лиц, участвовавших в опросе. Положительно отнеслись к работе судебной системы 26%. При этом учитывая в целом негативный настрой опрашиваемых к работе судебной системы, как ни странно, 54% указали, что человек в суде вполне может рассчитывать на справедливое решение.

Интересно отметить и тот факт, что в качестве одной из основных причин неэффективности судов опрошенные (а среди них были представители любых профессий) назвали «несовершенство законодательства» (19%)[1].

---

[1] Подробные данные социологических исследований приведены в Приложении 3 данного диссертационного исследования.

В 2018 г. ВЦИОМ провел похожее исследование, где, используя систему рейтингования, выявил самый «популярный» правоохранительный орган у населения. В этом рейтинге суды заняли первое место, набрав путем суммирования разных показателей 221 балл и оставив позади органы прокуратуры (87 баллов) и внутренних дел (67 баллов)[2].

ФОМ также неоднократно обращался к населению нашей страны с вопросом о качестве работы судебной системы. Причем, в отличие от ВЦИОМ, исследования ФОМ носят периодический характер, позволяя отследить то, как меняется отношение к правоохранительной системе.

Так, показатели 2004, 2008 и 2011 гг. в исследовании вопроса о доверии граждан судам и судьям в РФ дали не очень благоприятные результаты. В частности, если в 2004 г. положительно деятельность судов оценивали 26% опрошенных, то в 2011 г. таковых осталось лишь 16%. С другой стороны, и количество лиц, давших отрицательный ответ на вопрос об оценке деятельности судов, с 2004 до 2011 г. упало с 46% до 34%. Казалось бы, это положительная тенденция. Однако настораживает, что за этот же период времени резко возросло количество лиц, которые затруднились дать какую-то оценку судам – до 50%[3].

О чем свидетельствуют данные социологических исследований? Как представляется, только об одном: увеличение количества граждан, которые отрицательно оценивают или никак не смогли оценить работу судов, демонстрирует разрыв, образовавшийся между судебной системой и населением страны, вместе с принятием и вступлением в действие УПК РФ. Исключение из

---

[1] О судах праведных и неправедных. Данные опроса россиян об эффективности судебной системы от 3 декабря 2007 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения : официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sudakh-pravednykh-i-nepravednykh (дата обращения: 11.07.2025 г.).

[2] Правоохранительные и судебные органы: рейтинг защитников прав и свобод. Исследование по оценкам работы правоохранительных органов и органов судебной власти от 22 мая 2018 г. // Всероссийский центр изучения общественного мнения : официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravookhranitelnye-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod (дата обращения: 22.07.2025).

[3] Оценка работы российских судов. Опрос населения от 17 марта 2011 г. // Фонд «Общественное мнение» : официальный сайт. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/power/ pow_jus/ d111118 (дата обращения: 11.07.2025 г.).

числа судей народных заседателей, игнорирование требования гласности судебного разбирательства, допускавшееся и, к сожалению, допускаемое, особенно на уровне мировых судей (Приложение 3) – факторы, приведшие к тому, что населению страны стало очень сложно оценить работу судов. Они просто-напросто не знают, как они работают.

Тут бы законодателю и судебному сообществу насторожиться: вот оно, складывание социальной напряженности, еще не перешедшее этой грани, но стремящееся к этому. Однако мер до сих пор не предпринято, суд как бы «непрозрачен» для народа, так и остался для него «вещью в себе». Отсюда и показатели доверия населения судам, демонстрируемые опросом, проведенным ФОМ, в 2020 г. – более 41% опрошенных оценили работу судов отрицательно, при том, что количество положительно оценивших деятельность судебной системы откатилось на уровень 2004 г., составив 25%[1].

В дальнейшем, с последующим нарастанием социальной напряженности, общие состояние недовольства приобретает все более и более определенные формы. Это может выражаться в стихийных выступлениях, актах гражданского неповиновения, манифестациях, митингах, образовании, как правило, неформальных общественных объединений, первоначально выдвигающих требования, связанные со сферой борьбы с преступностью, повышения стандартов обеспечения прав и законных интересов граждан и т. п. По сути, социальная напряженность начинает проявлять себя вовне. Если ранее она имела вид той самой «ряби на воде», то теперь общественное недовольство, спровоцированное чувством несправедливости, дисбалансом системы уголовно-процессуальных средств отстаивания общественных и личных интересов, их перераспределением в пользу государства, прорывается наружу в виде явных сигналов. Формируется конфликтная ситуация, когда общее состояние неудовлетворенности трансформируется во вполне осознанный социальный

[1] Работа судов и судей. Представления о справедливости, независимости и бескорыстности судей. Еженедельный всероссийский телефонный опрос 7 – 9 августа 2020 г. // Фонд «Общественное мнение» : Официальный сайт. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14459 (дата обращения: 11.07.2025 г.).

интерес, выражаемый в виде определенных требований, направленных на изменение уголовно-процессуального законодательства, совершенствование практики применения закона и, как правило, привлечение «к ответственности виновных».

Таким образом, основой перехода от ситуации социальной или межличностной напряженности в уголовно-процессуальном конфликте к конфликтной ситуации и далее к открытому конфликтному взаимодействию, является «несвоевременное или неадекватное удовлетворение нужд и потребностей, порождающее у определенных социальных субъектов состояние неудовлетворенности»[1].

Для перерастания этой конфликтной ситуации в полноценный уголовно-процессуальный конфликт остался один шаг – *инцидент*, в качестве которого может быть воспринят, например, очередной акт несправедливого, по мнению общественности, привлечения к уголовной ответственности; какая-либо новелла уголовно-процессуального закона; принятое уголовно-процессуальное решение; примененная мера принуждения и т. п. Причем само по себе событие, ставшее инцидентом к конфликту, объективно может иметь вполне общественно полезный характер или быть законным и обоснованным уголовно-процессуальным актом. Однако тот уровень социальной или межличностной напряженности, переходящий порой в состояние общественной экзальтации или личного неприятия противоположной стороны конфликта, может и не позволить правильно оценить событие, которое, несмотря на свой социально полезный или правомерный характер, тем не менее все равно будет восприниматься стороной конфликта как повод к его началу.

Инцидент в конфликте любого вида и уровня – эта видимая граница перехода конфликта из латентной в открытую фазу. Учитывая, что уголовно-процессуальное право не способно воздействовать на уголовно-процессуальный конфликт макроуровня, находящийся в этой фазе своего развития, имеет смысл

---

[1] Соломатина Е. Н. Указ соч. С. 69.

говорить исключительно о динамике уголовно-процессуального конфликта микроуровня в его открытом проявлении.

Вслед за инцидентом уголовно-процессуальный конфликт развивается по нарастающей. Этот процесс в социологии называется *эскалацией конфликта*. Развитие конфликта в его открытой фазе в развернутом и наиболее полном виде может включать в себя несколько этапов:

1. Сужение когнитивной сферы в поведении и деятельности, когда участники конфликта переходят к более примитивным формам отражения в сознании окружающей действительности, а в наиболее сложных случаях – к полному разрыву с ней.

2. Вытеснение адекватного восприятия противостоящего участника конфликта образом врага, представляющим собой собирательный образ, включающим в себя и реальные, и воображаемые его черты, который становится доминирующим с развитием конфликта. Это может выражаться в:

– недоверии ко всему, что связано с противоположным участником конфликта;

– негативных ожиданиях от его поведения;

– возложении вины «за все и вся» на врага, включая то, что в принципе ему не может быть доступным;

– отождествлении его со всем «злом», причиненным участнику конфликта;

– отвержении всего, что предлагается противником в конфликте;

– деиндивидуализации противоположной стороны конфликта, формировании враждебного чувства к любому, кто принадлежит к той группе участников уголовного-процессуального производства, частью которой является оппонент в конфликте, и т. п.

3. Рост эмоционального напряжения как реакция на ожидаемые негативные последствия действий оппонента.

4. Трансформация аргументов в споре в личные претензии – «переход на личности».

5. Повышение значимости интересов, затрагиваемых участниками конфликтного отношения, его интенсификация, что ведет к еще большему углублению противоречий между оппонентами. На этом этапе степень противоречий такова, что интересы конфликтующих сторон не могут сосуществовать совместно, конкурируя друг с другом.

6. Применение принуждения как последний «аргумент» в противостоянии.

7. Утрата первоначального предмета конфликта, перерастание конфликта в новую форму, когда он становится независимым от вызвавших его причин, что ведет к дальнейшему расширению границ конфликта и вовлечению в него других субъектов уголовно-процессуальных отношений (прокурора, руководителя вышестоящего следственного органа, начальника органа дознания и т. п.).

Пройдя последовательно через все этапы эскалации, типичный конфликт переходит к *сбалансированному противодействию*, когда стороны конфликта, истощив себя как с моральной, так и ресурсной стороны, снижают интенсивность конфликта, однако пока не переходят к шагам по примирению. Эта стадия может быть более или менее продолжительной, однако в любом случае приводит к *завершению конфликта* и возможному постконфликтному взаимодействию.

§ 3. Внешняя сторона уголовно-процессуального конфликта

Обязательным структурным элементом уголовно-процессуального конфликта являются его *участники*, включая как его акторов (субъектов), так и «второстепенных» участников конфликтного взаимодействия. При этом состав и качественные характеристики участников уголовно-процессуальных конфликтов, складывающихся на микроуровне и макроуровне, отличны друг от друга, а, следовательно, имеет смысл рассматривать их субъектный состав отдельно.

Начнем с *уголовно-процессуальных микроконфликтов,* возникающих как непосредственно в рамках основного производства по уголовному делу (уголовного судопроизводства), так и в ходе осуществления дополнительных

уголовно-процессуальных производств. Соответственно, их участники – это участники уголовно-процессуальных конфликтов данного уровня.

Мы не случайно эту группу участников уголовно-процессуальных конфликтов называем «участниками уголовно-процессуальных производств», а не более привычной нормативной категорией – «участник уголовного судопроизводства». Система уголовно-процессуальных отношений не исчерпывается отношениями, складывающимися в рамках уголовного судопроизводства. Уголовное судопроизводство, или, согласно п. 56 ст. 5 УПК РФ, «досудебное и судебное производство по уголовному делу», – это, безусловно, основное, центральное уголовно-процессуальное производство, однако уголовный процесс существует не только в этой форме. Уголовно-процессуальные отношения складываются и в рамках дополнительных производств, к которым мы относим:

– производство по рассмотрению судом жалоб на действия (бездействие) и решения в досудебном производстве;

– производство по рассмотрению судом ходатайств следователя (дознавателя) о производстве следственных действий и применении мер процессуального принуждения;

– производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора;

– производство по возобновлению производства по уголовному делу в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Отсюда следует вывод, что участниками уголовно-процессуальных конфликтов могут быть не только участники уголовного судопроизводства, но и государственные органы, их должностные лица, физические и юридические лица, обладающие процессуальным статусом, реализуемым в рамках указанных дополнительных производств.

Каково правовое наполнение термина «участник уголовно-процессуального конфликта»? С точки зрения права каждый из них, с одной стороны, является субъектом уголовно-процессуального права, с другой же – субъектом уголовно-

процессуальных отношений, а, следовательно, для того чтобы определиться с тем, кто относится к участникам уголовно-процессуальных конфликтов, необходимо раскрыть содержание этих категорий.

Выше мы уже упоминали о «парном» характере категории «субъект», а поэтому в самом общем виде субъект может быть определен как «носитель деятельности, сознания и познания, необходимый полюс субъектно-объектного отношения»[1]. Субъект в индивидуальном смысле – это «конкретный телесный индивид, существующий в пространстве, времени, включенный в определенную структуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми»[2], а в коллективном – совокупность индивидов. Коллективный субъект также существует в пространстве и времени и способен вступать в отношения как с иными коллективами, так и с индивидуальными субъектами.

В теории права о субъекте традиционно говорят преимущественно как о «субъекте права» и «субъекте правоотношения». Хотя в последнее время эта категория получила дополнительные трактовки[3].

В контексте проводимого исследования остановимся на более привычных, однако, требующих некоторого переосмысления проблемах. В частности, до сих пор не получил однозначного ответа вопрос о соотношении понятий «субъект права» и «субъект правоотношений». Некоторые специалисты в области теории права предлагают не разделять этих понятий, отождествляя их. Одним из первых такую трактовку предложил еще С. Ф. Кечекьян, который под субъектом права понимал и лицо, участвующее, и лицо, могущее участвовать в правоотношении[4]. Имеет это мнение сторонников и в настоящее время[5].

---

[1] Брыляков С. П., Диваев А. Б. Уголовно-процессуальные отношения: понятие и структура. Новокузнецк, 2012. С. 38.

[2] Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 660.

[3] Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2005. № 7. С. 13–23.

[4] Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 84.

[5] См., например: Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. М., 2018. С. 591–597 ; Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2007. С. 393–399 ;

Однако, большее распространение получила позиция, согласно которой субъект права и субъект правоотношения – это не тождественные категории[1]. Субъектом права следует считать потенциального участника правоотношения, носителя прав и обязанностей, который еще не приступил к их реализации, субъектом же правоотношения – лицо или организацию – участника конкретного правоотношения, вступивших во взаимодействие с иными его участниками.

Данная точка зрения была поддержана и в теории уголовного процесса, хотя и не получила достаточно четкого обоснования[2].

Чтобы соотнести рассматриваемые понятия, в первую очередь необходимо разобраться в том, что лежит в основе каждого из подходов.

Первая позиция, отождествляющая субъекта права с субъектом правоотношения, основана на мнении о существовании так называемых «статичных» правоотношений, согласно которому правовое отношение возникает в момент наделения потенциальных участников правоотношения взаимными правами и обязанностями. И действительно, если признать такие правоотношения существующими, то субъект права неминуемо сольется с субъектом правоотношения, что применительно к уголовному процессу приводит к парадоксальному выводу: каждый участник уголовно-процессуального производства в момент получения или наделения его соответствующим уголовно-процессуальным статусом одновременно становится субъектом всего множества правоотношений, которые составляют содержание этого производства, что вряд ли отражает реальный механизм действия права. Отсюда следует единственно верный, на наш взгляд, вывод: субъекта права нужно отличать от субъекта правоотношения, а, следовательно, и субъект уголовно-процессуального права не тождественен субъекту уголовно-процессуального отношения.

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 70–72, и др.

[1] См., например: Теория государства и права : учебник / под ред. О. В. Мартышкина. М., 2017. С. 357–362 и др.

[2] Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М., 1975. С. 159–169.

Разберем сначала категорию «субъект уголовно-процессуального права», воспользовавшись для этого традиционной для российского права конструкцией правосубъектности, которой, нужно признать, теория уголовного процесса до сих пор не уделяла должного внимания.

В теории права правосубъектность принято считать комплексной категорией, включающей в свое содержание такие элементы, как правоспособность и дееспособность. При этом само ее наименование указывает на то, что она призвана отделить субъекта права от субъекта, не являющегося таковым. Эти положения признаны теорией, а поэтому могут быть применены и для характеристики субъекта уголовно-процессуального права.

В то же время относительно существа самих категорий, составляющих содержание правосубъектности, т. е. правоспособности и дееспособности, в теории права единства нет. Так, в юридической литературе по вопросу определения правоспособности диапазон мнений простирается от ее понимания как «предпосылки правоотношения, свойства качества»[1] до определения правоспособности как субъективного права. Последнее мнение было распространено еще среди советских ученых-юристов[2] и сегодня получила свое развитие в теориях «статической» и «динамической» правоспособности[3], «абстрактной» и «конкретной» правоспособности[4], «общей» и «конкретной» правоспособности[5], которые являются интерпретацией этой концепции.

Не углубляясь в данную проблематику, отметим, что настоящее время в теоретической и учебной литературе преобладает мнение о том, что

---

[1] См., например: Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Л., 1959. С. 9–13 ; Груздев В. В. Спорные вопросы соотношения правоспособности и субъективного права // Государство и право. 2008. № 1. С. 52.

[2] См., например: Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Т. 1. М., 1927. С. 183 ; Братусь С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 36 ; Стучка П. И. Введение в теорию гражданского права // Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 668.

[3] См., например: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 192 с.

[4] Петров Г. И. Сущность советского административного права : дис. … д-ра юрид. наук. Л., 1956. С. 176.

[5] Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 85.

правоспособность есть неотъемлемое свойство, качество субъекта, необходимое условие вступления его в правоотношения, которым обладает каждый человек с рождения.

В принципе, эти положения вполне справедливы для общей правоспособности, т. е. «способности любого лица или организации быть субъектом права как такового вообще»,[1] но они вряд ли могут быть распространены на ее отраслевой аналог – правоспособность субъектов уголовно-процессуального права, означающую юридическую способность лица или организации быть субъектом уголовно-процессуального права, которая не всегда возникает с рождения и является неотъемлемой характеристикой каждого субъекта уголовно-процессуального права.

Так, в целом ряде случаев возникновение уголовно-процессуальной правоспособности следует связывать с соблюдением ряда специальных условий, признаков, характеризующих того или иного субъекта уголовно-процессуальных отношений. Например, правоспособность судьи в уголовном процессе является прямым следствием приобретения тем или иным лицом статуса судьи суда общей юрисдикции, что, в свою очередь, связано с достижением им определенного возраста и соблюдением определенных законодательством условий и порядка наделения этим статусом.

Точно так же уголовно-процессуальная правоспособность приобретается и иными лицами, на которых возлагаются публичные уголовно-процессуальные обязанности – прокурором, следователем, руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем. Для того чтобы то или иное лицо «претендовало» на получение такого уголовно-процессуального статуса, необходимо занятие им соответствующей должности в конкретном правоохранительном органе, а поэтому их уголовно-процессуальная правоспособность предопределяется наличием тех формальных условий, которые позволили этому лицу занять ее.

---

[1] Марченко М. Н. Указ. соч. С. 592.

Этот вывод можно проиллюстрировать на примере определения, данного прокурору в п. 31 ст. 5 УПК РФ. Согласно ему уголовно-процессуальные полномочия прокурора могут реализовывать только определенные категории сотрудников прокуратуры, замещающие должность Генерального прокурора РФ, прокуроров и их заместителей, а также иные должностные лица прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве, которыми, в первую очередь, являются помощники прокурора.

По сути, та же конструкция лежит и в основе уголовно-процессуальной правоспособности адвоката, который получает потенциальную возможность стать защитником, представителем потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика, адвокатом осужденного или оправданного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора и пр., не в силу рождения, а с момента получения им статуса адвоката.

Во всех вышеуказанных случаях уголовно-процессуальная правоспособность является не «врожденным», а «приобретенным» свойством субъекта уголовно-процессуального права, и поэтому она не может рассматриваться как неотчуждаемое качество: уголовно-процессуальная правоспособность может быть утрачена вместе с лишением любого из вышеуказанных субъектов соответствующих правовых статусов.

Интересной особенностью обладает уголовно-процессуальная правоспособность такого коллективного субъекта уголовно-процессуального права, коим является орган дознания. Момент ее возникновения определяется моментом наделения этого органа в установленном нормативном порядке полномочиями органа дознания. Это может произойти либо непосредственно в момент его учреждения, когда этот государственный орган изначально создается как орган дознания, либо в момент наделения уже функционирующего государственного органа полномочиями органа дознания. При этом, так же как и у единоличного субъекта уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальная правоспособность органа дознания отчуждаема. Это может произойти при его «перепрофилировании», когда он, не будучи упраздненным,

волей государства будет лишен полномочий, предусмотренных законом для органа дознания.

Несколько иначе обстоит дело с уголовно-процессуальной правоспособностью лиц, привлекаемых для участия в уголовно-процессуальных производствах. К этой группе субъектов уголовно-процессуального права можно отнести:

– участников уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела (заявитель, лицо, в отношении которого подано заявление о преступлении, явившийся с повинной, лицо, распространившее сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, эксперт, специалист, главный редактор средства массовой информации, распространившего сообщение о преступлении);

– участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец);

– участников уголовного судопроизводства стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера, гражданский ответчик);

– иных участников уголовного судопроизводства (свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве);

– заявителя судебной жалобы на действия (бездействие) и решения в досудебном производстве;

– лиц, не входящих в число участников уголовного судопроизводства, в отношении которых или имущества которых следователь (дознаватель) заявил в суд ходатайство о производстве следственного действия или аресте имущества;

– осужденного, оправданного, в отношении которых приговор обращен к исполнению, адвоката, представляющего его интересы в суде при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора;

– представителя органа или учреждения, на который законом возложена обязанность по исполнению приговора и др.

Анализ процессуального статуса указанных субъектов позволяет сформулировать ряд особенных черт их уголовно-процессуальной правоспособности.

Во-первых, среди них присутствуют субъекты, уголовно-процессуальная правоспособность которых не поставлена в зависимость от дополнительных формальных условий. По сути, она возникает у них одновременно с общей правоспособностью, т. е. с рождения. К таковым можно отнести заявителя о преступлении, явившегося с повинной, лицо, распространившее сообщение о преступлении, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, если они являются физическими лицами, их законного представителя, представителя, не являющегося адвокатом, свидетеля, понятого, лицо, обжалующее действия (бездействие) или решения в досудебном производстве по уголовному делу.

Во-вторых, в их число входит и весьма представительная группа участников уголовно-процессуальных производств, наличие отраслевой уголовно-процессуальной правоспособности которых определяется их соответствием определенным свойствам. Так, например, уголовно-процессуальная правоспособность обвиняемого по уголовному делу прямо зависит от его возраста и психического здоровья. Лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности или страдающее психическим заболеванием, исключающим вменяемость, ни при каких условиях не способно стать участником уголовно-процессуальных отношений – обвиняемым. В то же время такое условие, как отсутствие психического заболевания, исключающего вменяемость, на лицо, в отношении которого ведется или велось производство по применению принудительных мер медицинского характера, не распространяется.

Поставлено возникновение уголовно-процессуальной правоспособности в зависимость от специальных условий и у таких участников уголовно-процессуальных производств, как эксперт, специалист, переводчик, представитель органа или учреждения, направившего в суд представление о рассмотрении и разрешении вопроса, связанного с исполнением приговора.

К первым трем закон предъявляет требование об обладании специальными знаниями и владении определенными навыками (знание иностранного языка и навык владения перевода могут быть отнесены к специальным знаниям и умениям). Уголовно-процессуальная правоспособность последних зависит от наличия у представителя соответствующего органа или учреждения необходимых для осуществления процессуальных полномочий должностных обязанностей.

И, наконец, в-третьих. В отличие от правоспособности лиц и органов, ведущих уголовно-процессуальные производства, правоспособность вышеуказанных субъектов уголовно-процессуального права в некоторых случаях неотчуждаема, что также в определенной степени роднит ее с общей правоспособностью. Так, например, нельзя в силу формальных причин лишить лицо правоспособности обвиняемого или потерпевшего.

Изложенное позволяет дать определение уголовно-процессуальной правоспособности как *обусловленного законом состояния уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, а также иных лиц и их коллективов, составляющего необходимое условие уголовно-процессуальной дееспособности, наличие которого позволяет им стать субъектами уголовно-процессуального права.*

В то же время наличие уголовно-процессуальной правоспособности еще не превращает тот или иной государственный орган, его должностное лицо, личность или организацию в субъекта уголовно-процессуального права. Завершить процесс трансформации призвана вторая составляющая уголовно-процессуальной правосубъектности – уголовно-процессуальная дееспособность. Как правильно пишет С. И. Архипов, «стадия дееспособности определяет переход на качественно иной уровень осуществления, развертывания правосубъектной

связи – от абстрактной возможности быть субъектом права к лицу, готовому самостоятельно осуществлять правовую деятельность, творить право, приобретать и реализовывать свои права и обязанности, нести юридическую ответственность за свои правовые поступки»[1]. Таким образом, только дееспособный – правосубъектен.

В теории права дееспособность практически единодушно рассматривается как способность своими действиями реализовывать субъективные права и юридические обязанности. Соответственно, в уголовно-процессуальном смысле под *дееспособностью следует понимать обусловленную нормами уголовно-процессуального права способность государственных органов, их должностных лиц, физических и юридических лиц, обладающих уголовно-процессуальной правоспособностью, осуществлять уголовно-процессуальную деятельность и вступать в уголовно-процессуальные отношения, реализуя тем самым уголовно-процессуальные полномочия, субъективные права и обязанности.*

Характерной чертой уголовно-процессуальной дееспособности является максимальная формализация процедуры наделения ею. Другими словами, практически всегда этот акт сопряжен с получением конкретным правоспособным в уголовно-процессуальном смысле субъектом какого бы то ни было уголовно-процессуального статуса, что по общему правилу отражается в соответствующем уголовно-процессуальном решении.

Если речь идет о лицах и органах, осуществляющих публичные полномочия в уголовном процессе, то этим решением руководитель определенного законом государственного органа или его должностное лицо принимают на себя ответственность за осуществление уголовно-процессуального производства. Типичным примером такого решения является постановление следователя о принятии уголовного дела к своему производству, с момента вынесения которого должностное лицо, замещающее должность следователя в органе предварительного следствия, приобретает уголовно-процессуальную

---

[1] Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2005. № 7. С. 13–23.

дееспособность следователя по уголовному делу и получает возможность осуществлять предварительное следствие по нему.

Если же говорить об участниках уголовно-процессуальных производств, не обладающих властными полномочиями, то моментом возникновения их уголовно-процессуальной дееспособности обычно является момент наделения их определенным уголовно-процессуальным статусом, что опосредуется решениями о привлечении, признании или допуске этого субъекта для участия в уголовно-процессуальном производстве в том или ином качестве.

В то же время такое развитие событий нужно рассматривать как правило, из которого имеются исключения. Так, появление уголовно-процессуальной дееспособности у таких участников уголовного судопроизводства, как прокурор, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник органа или подразделения дознания, не предусматривает какого-либо опосредующего уголовно-процессуального акта – они могут осуществлять свои уголовно-процессуальные полномочия непосредственно. Это наталкивает на вывод о том, что уголовно-процессуальная дееспособность указанных должностных лиц появляется одновременно с появлением их отраслевой правоспособности – в момент создания государственного органа либо наделения его полномочиями органа дознания, назначения соответствующего лица на должность прокурора, начальника следственного подразделения, органа или подразделения дознания или их заместителей.

Среди лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные производства, также встречаются субъекты уголовно-процессуального права, приобретающие уголовно-процессуальную дееспособность без оформления этого акта специализированным уголовно-процессуальным решением. Такой особенностью отличается, например, порядок наделения уголовно-процессуальной дееспособностью подозреваемого в случаях его задержания по подозрению в совершении преступления. Учитывая, что, по смыслу п. 11 ст. 5 УПК РФ, лицо считается задержанным с момента его фактического задержания, можно предположить, что оно приобретает правосубъектность подозреваемого уже в

момент лишения его свободы передвижения. По крайней мере, это прямо следует из того факта, что пользоваться помощью защитника, реализуя процессуальный статус подозреваемого, задержанный может непосредственно с момента его фактического задержания. А, следовательно, именно этот акт, а не какое-либо уголовно-процессуальное решение, является основанием появления субъекта уголовно-процессуального права – подозреваемого.

Определенными особенностями характеризуются и границы правосубъектности некоторых субъектов из числа тех, которых УПК РФ относит к группе иных участников уголовного судопроизводства. Если участие в уголовном процессе эксперта, специалиста и переводчика опосредуется процессуальным решением суда, следователя или дознавателя, то свидетель и понятой становятся субъектами уголовно-процессуального права по-особому.

Как известно, свидетель – это лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования или разрешения уголовного дела, которое вызвано для дачи показаний (ст. 56 УПК РФ). Если ориентироваться на это определение, можно предположить, что условием появления уголовно-процессуальной дееспособности свидетеля является вызов лица в таком качестве для дачи показаний в порядке, определенном ст. 188 УПК РФ, который считается осуществленным в момент получения им повестки под расписку (если она вручена непосредственно) или в почтовом извещении (если повестка направлена по почте).

Понятой как лицо, привлекаемое дознавателем или следователем для удостоверения факта производства следственного действия, его содержания, хода и результатов, становится субъектом уголовно-процессуального права непосредственно в момент фактического привлечения его для участия в следственном действии, что тоже не оформляется отдельным решением.

Таковы границы уголовно-процессуальной правосубъектности. Их установление позволяет нам, с одной стороны, сформулировать понятие *субъекта уголовно-процессуального права*, которыми являются *правоспособные государственные органы, их должностные лица, иные физические и юридические*

лица, которые в силу полномочий, уголовно-процессуального решения или указанного в законе факта получили возможность осуществлять уголовно-процессуальную деятельность и вступать в уголовно-процессуальные отношения. С другой же – определить субъекта уголовно-процессуального отношения как *субъекта уголовно-процессуального права, вступившего в конкретное социальное взаимодействие с другими субъектами уголовно-процессуального права с целью применения норм уголовно-процессуального права, использования принадлежащих им уголовно-процессуальных полномочий, субъективных прав и исполнения уголовно-процессуальных обязанностей.*

Перейдем к характеристике участников уголовно-процессуального макроконфликта. Таковых всего двое – государство и общество (или его часть – социальная группа). Эта разновидность уголовно-процессуальных конфликтов оттого и носит такое название, что в него вовлечены не конкретные личности, а социальные группы, их конгломераты и даже целые общественные структуры, к коим можно отнести и само государство. При этом, говоря о нем как об участнике уголовно-процессуального макроконфликта, нужно вести речь именно о государстве – самостоятельном его акторе, а не о его отдельных органах или должностных лицах – участниках уголовно-процессуальных производств. Эти субъекты – носители государственной воли – обязаны в своей деятельности воплощать ее посредством участия в уголовно-процессуальных отношениях. Вступая в них, они реализуют свой процессуальный статус, что, безусловно, может вызывать и вызывает противодействие иных участников уголовно-процессуальной деятельности и, как следствие – уголовно-процессуальный конфликт. Однако в таком случае мы по-прежнему имеем дело с конфликтом микроуровня, складывающимся в рамках конкретного уголовно-процессуального производства по поводу реализации определенного уголовно-процессуального статуса, но не макроконфликтом, который существует только в сфере общесоциального, а не специально-юридического уголовно-процессуального воздействия.

Характеризуя государство и общество в качестве участников уголовно-процессуального макроконфликта, нельзя не обратить внимание на специфику этих социальных субъектов, которая заключается в следующем.

Во-первых, государство и общество неразрывно связаны друг с другом, а поэтому рассматривать этих участников уголовно-процессуального конфликта по-отдельности не представляется возможным – сама природа их взаимоотношений не позволяет этого.

В 90-е гг. прошлого века на волне бурных социальных преобразований, повлекших радикальные, а порой и катастрофические для нашего общества, последствия, подверглись серьезной ревизии концептуальные основы взаимоотношений между государством и обществом, в том числе в уголовно-процессуальной сфере. Думается, излишне описывать все этапы той трансформации, которую претерпели эти основы как на доктринальном уровне, так и в общественном сознании в целом. Сформулируем лишь ее итог: сегментирование общества, возникновение в его среде различных, в том числе взаимоисключающих, интересов привело к появлению на социальном «поле» нового «игрока», известного под названием «гражданское общество», которое разом «стало пониматься как “негосударственный”, а в определенной мере даже и антигосударственный (т. е. противопоставляемый государству как таковому) аспект общества в целом»[1].

Подобный подход к пониманию взаимодействия государства и общества, к сожалению, стал доминирующим в последующие годы, что нашло отражение и в отраслевой уголовно-процессуальной доктрине. Его истоки, в общем-то, понятны. Жестокое и зачастую необоснованное противопоставление себя государству, как представляется, явилось прямым следствием разрушения того общественного строя, который существовал в нашей стране вплоть до исчезновения Советского Союза и, с одной стороны, свидетельствовал о чисто психологическом отторжении всего, что было с ним связано, а с другой – демонстрировал падение

[1] Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л. И. Якобсона. М., 2008. С. 16.

авторитета государства, не сумевшего ни административно, ни экономически обеспечить интересы общества в переходный период.

Однако возникает вопрос: такое представление о взаимодействии государства и общества – это данность или флуктуация, случившаяся в социально сложный период? Только ответив на него, можно выстроить объективно обусловленную модель взаимоотношений этих социальных субъектов. Если это данность – общежитие государства и общества представляет собой постоянный непрекращающийся социальный конфликт в каждой сфере, где бы они ни соприкасались (в том числе и в сфере уголовного процесса); если же то, что случилось в начале 90-х гг. – временное отклонение от нормы, значит, реальная модель взаимоотношений государства и общества заключается не в конфликте, а в их взаимодействии и совместном поиске выхода из конфликтной ситуации, главным средством для чего является право. Как представляется, именно второй ответ на поставленный вопрос должен рассматриваться как истинный, для чего есть свои аргументы.

Так, утверждение о том, что государство и общество находятся в постоянном антагонизме, требует четкого указания на то, кто или что именно стоит за тем участником, который скрыт в этом конфликтном взаимодействии под абстрактной категорией «общество». Тот факт, что нельзя находиться в конфликтном отношении неизвестно с кем, думается, очевиден – противостоящая сторона должна быть четко обозначена.

В понимании некоторых авторов в конфликте с государством находится уже упомянутое гражданское общество – самая активная часть социума, выступающая в этом конфликте от его имени. Так, Л. М. Карнозова в этой связи определяет гражданское общество как «публичную сферу, представленную общественными институтами, действующими в интересах “общего блага”, но не наделенными непосредственно властными полномочиями»[1].

[1] Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010. С. 148.

Но кто уполномочил гражданское общество на это? По какому праву оно от имени всего социума, со всем многообразием и разнонаправленностью его интересов, выступает во взаимоотношениях с государством? Причем неминуемо конфликтуя с ним, так как конфликт – это прямое следствие той активной позиции, которая свойственна данной социальной структуре, причиной чего является неудовлетворенность социальных потребностей его представителей. Образно говоря, гражданское общество в такой конфронтационной модели взаимодействия государства и общества представляет собой своеобразный «наконечник копья», призванный постоянно тревожить государство, напоминать ему о существовании общественных потребностей, конкурировать с ним.

Как же обстоит дело на самом деле? Сразу отметим, что мы весьма критически относимся к самой концепции конкуренции государства и гражданского общества, возобладавшей с некоторых пор в нашей науке. Между ними не должно, да и не может быть конкуренции, так как *противопоставлять государство и гражданское общество нельзя.* Их противопоставление внешне очень напоминает ситуацию, когда два заинтересованных в обладании одним и тем же предметом субъекта соперничают друг с другом, где конкурентами являются государство и гражданское общество, а общество становится объектом их «борьбы». Однако, это не так: и государство, и гражданское общество – это разные формы организации общественной жизни. Проще говоря, и государство – это общество, и гражданское общество – это тоже общество. Эти три социальных субъекта друг от друга неотделимы. Соответственно, если и можно противопоставлять здесь что-то, то, скорее упорядоченность (государство, гражданское общество) хаосу (общество вне формализованных структур), и в этом противостоянии государство и гражданское общество – структуры не конкурирующие, а сотрудничающие.

Сказанное выше, однако, никак не дает ответа на вопрос, кто же именно может противостоять государству в уголовно-процессуальном макроконфликте. Думается, что его можно было бы сформулировать следующим образом: его участником может стать любая социальная общность, так как этот конфликт

носит ситуационный характер и в современных государствах не является отражением социально-политического общественного устройства[1]. Другими словами, этот конфликт, как правило, никак не связан с общественной стратификацией по мотиву борьбы за власть, так как она в этом конфликте не оспаривается. В случае с рассматриваемой разновидностью уголовно-процессуального конфликта, как и в любом другом правовом конфликте, идет борьба за признание государством «свобод и/или обременения свободных воль обязанностями»[2].

Участниками уголовно-процессуального макроконфликта могут стать общественные структуры, как, например, профессиональные корпорации, в связи с чем часто упоминается адвокатура. Этот социальный субъект, прямо названный законодателем «институтом гражданского общества, не входящим в систему органов государственной власти и местного самоуправления»[3], зачастую «коллективно» противостоит государству, отстаивая как уголовно-процессуальные права самих членов данного профессионального сообщества, так и интересы подзащитных и представляемых лиц. Причем эта деятельность осуществляется не произвольно конкретным адвокатом или отдельным адвокатским образованием. Она подчинена требованиям нормативных документов, принятых Всероссийским съездом адвокатов, что указывает на наличие в таком конфликте корпоративного (т. е. не индивидуального, а социального) интереса. В качестве примеров таких документов, предписывающих при необходимости вступать в конфликтные отношения с государством, могут быть названы Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) или принятый III Всероссийским съездом

---

[1] Исключение составляют совсем уж архаичные государства, в которых сохранена жесткая стратификация, где один класс населения находится в неравном по отношению к господствующему классу положении, и уголовно-процессуальное право рассматривается ка средство подавления притязаний определенной группы населения.

[2] Варданьянц Г. К. Указ. соч. С. 313.

[3] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

адвокатов Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

Кроме организованных социальных субъектов, весьма вероятно вовлечение в уголовно-процессуальный макроконфликт и стихийно возникших общественных структур, объединившихся в целях противостояния государству в ситуации единовременного совпадения их эмоций, чувств, интересов, при том, что вне этого противостояния членов данной группы вообще может более ничего не связывать. Как верно писал Л. Козер, «если члены общества будут обладать взаимно дополняющими интересами, их членство во множестве групп вместо взаимной нейтрализации может привести к консолидации по линии некоторых базовых различий»[1].

Спектр причин, объединяющих эти общественные образования, очень широк. Это может быть, например, возникшее у группы потерпевших от одного преступления или рук одного и того же преступника, общее острое эмоциональное переживание от случившегося, чувство враждебности, возникшее как реакция на приговор или иное процессуальное решение (например, о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, об условно-досрочном освобождении и др.), выглядящих в глазах группы граждан несправедливыми, а, стало быть, и нелегитимными, и т. д.

Примером такого стихийного протестного движения, спровоцированного приговором по уголовному дел, является ситуация, возникшая в связи с привлечением к уголовной ответственности бывшего губернатора Хабаровского края С. Фургала. Притом что формально приговор был законным и соответствовал требованиям ч. 4 ст. 78 УК РФ, согласно которой вопрос о применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности к лицу, совершившему преступление, которое может повлечь наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы (а именно в таком преступлении был обвинен и впоследствии осужден С. Фургал), решается судом, в глазах достаточно представительной части общественности он был воспринят как явно

[1] Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 102.

несправедливое решение, своего рода «расправа» над политическим противником, что и вызвало массовые протесты.

В указанном и подобных случаях мотивы объединения граждан в общественную структуру, противопоставляющую себя государству, носят спонтанный характер, а поэтому такие группы крайне неустойчивы и обычно характеризуются непродолжительным периодом существования. С этой точки зрения сами по себе они какой-либо угрозы для государства не представляют. Опасность исходит от тех структур, которые могут прийти на место этих стихийных сообществ. Дело в том, что некоторые из них в условиях, когда органы государственной власти должным образом не реагируют на возникшую конфликтную ситуацию, институализируются во вполне организованные сообщества, сложение усилий которых может спровоцировать общесоциальный конфликт, прямо направленный на борьбу за власть. По крайней мере, слишком часто в истории случалось так, что на смену лозунгам «Свободу…» внезапно приходили транспаранты, начинавшиеся словом «Долой…».

В этой связи нужно еще раз упомянуть о гражданском обществе, институты которого призваны канализировать деятельность как стихийных социальных групп, так и организованных общественных структур, служить своеобразным «мостом» между обществом и государством.

Вторая черта участников уголовно-процессуального макроконфликта является отражением одной из важнейших для социологии категорий – «социальная сила», введенной в обиход еще М. Вебером, признававшем тесную связь между ней и категорией «конфликт».

В юриспруденции возможность подчинять волю других и совокупность средств, используемых для этого, обозначается более привычным термином – власть. Причем в том контексте, в котором он обычно используется, речь идет о государственной власти, а, следовательно, ей может быть наделен только один социальный субъект – государство (или его органы и должностные лица). В уголовно-процессуальном же конфликтном отношении макроуровня два субъекта, один из которых – общество, властью по отношению к государству обладать не

может. Соответственно, характеризуя эту разновидность социального конфликта, предпочтительнее использовать более универсальную категорию – социальная сила.

Хотя в социологической науке не сложилось единого подхода к определению категории «сила», по нашему мнению, определить эту категорию можно как наличие у социального актора «потенциала действия или угрозы действия относительно другой социальной группы для достижения собственных целей в конкретных условиях»[1].

С этой точки зрения власть – это тоже сила, однако не единственная сила в обществе. «Сила распределена в обществе повсеместно. Но свобода ее использования распределена куда более точечно. И в этом смысле сила образует некие структуры, которые распределены по степени свободы ее использования. Обладание силой есть обладание свободой ее использования»[2]. Власть, таким образом – это возможность использования силы, и традиционно считается, что в уголовно-процессуальном конфликте государство по отношению к любой общественной структуре обладает гораздо бóльшим ее потенциалом. Такой вывод строится на соотношении факторов, определяющих социальную силу государства. Однако анализ самих этих факторов и закономерностей их взаимодействия показывает, что на самом деле все не так однозначно, и *социальная сила* каждого из участников уголовно-процессуального конфликта – *величина переменная*.

Именно фактор власти или устойчивость и действенность властных структур, что прямо определяется легитимностью (признанием) властных полномочий в глазах социума и отдельных его групп, необходимо рассматривать в качестве первого фактора социальной силы государства. Вполне очевидно, что чем «индекс» признания выше, тем более сильным значимым становится фактор власти, а, следовательно, и выше величина силы государства в уголовно-процессуальном конфликте. И наоборот, чем менее легитимна власть государства, чем меньшее количество социальных групп признают ее, тем эта величина

---

[1] Зайцев А. К. Социальный конфликт. М., 2001. С. 150.

[2] Там же. С. 160.

меньше. А поэтому факт наличия власти у государства и его органов и должностных лиц еще нельзя рассматривать как само собой разумеющийся фактор его социальной силы – подчинение властному велению следователя или дознавателя, как и признание приговора суда «общеобязательным» к исполнению не возникает просто так, «из ниоткуда». С этой точки зрения государство, обладая всеми формальными атрибутами (территория, границы, армия, органы власти, нормативная и налоговая система и др.), но не имея социальной силы, в конфликте с обществом вполне может рассматриваться как слабая сторона.

Фактор власти можно назвать всеобъемлющим фактором социальной силы государства. Однако, кроме признания власти общественными структурами, сам по себе он зависит от нескольких «подфакторов», к числу которых могут быть отнесены следующие:

1. Фактор человеческих ресурсов силы, а именно количество индивидов из числа населения данного государства, как молча одобряющих, поддерживающих властные структуры, так и активно сотрудничающих с ними в сфере уголовно-процессуальных отношений. Этот фактор можно рассматривать как прямое отражение степени легитимности государственной власти. Думается, что не требует особой аргументации тот факт, что чем выше эта степень, тем большее количество граждан и организаций не просто признает, но и активно содействует уголовно-процессуальной деятельности, идет на контакт с органами предварительного расследования и судом.

В то же время, в том, что касается реализации власти, требуется соблюдение баланса: важно, чтобы поддержка и сотрудничество не переходили в слепую веру в непогрешимость государства, чему должно способствовать само государство посредством правовой пропаганды и информирования, активного привлечения общественности к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности, включая разрешение уголовных дел (участие народного элемента в рассмотрении уголовных дел), максимальной, насколько это возможно, огласки ее хода и результатов.

2. Законотворческий фактор – важнейший фактор социальной силы государства. Уголовно-процессуальная деятельность, как известно, не произвольна. Она подчинена жесткой форме, установленной на уровне законодательных актов, за принятие которых отвечает государство, имеющее исключительное право законотворчества в этой сфере. Этот очевидный факт может создать впечатление, что законотворческий фактор – едва ли не решающий для социальной силы государства: раз государство обладает монопольным правом на введение или отмену правил осуществления уголовно-процессуальной деятельности, кто или что может помешать ему создать максимально «удобную» для себя ее процедуру? Однако это чрезвычайно поверхностный взгляд на данную проблему. Государство и общество находятся в гораздо более сложной системе отношений друг с другом, и есть все основания полагать, что это в большей степени самоуправляемая, нежели государствоцентричная система.

Государство не может просто властвовать над обществом, так как власть – это отношение, а отношение предполагает ответную реакцию подвластного в виде подчинения властному велению. Если подчинения нет – власть фиктивна. Добиться реальной власти государство может только двумя путями: либо посредством жесткого подчинения и насилия над обществом, либо, как ни странно, путем взаимных уступок, гарантий и согласования тех сфер, куда властвующий если и вторгается, то чрезвычайно осторожно, дозируя принуждение.

Насилие, по меткому выражению Э. Тоффлера, – «низкокачественная власть», главная слабость которой в «ее абсолютной негибкости», узкой сфере использования – исключительно для наказания, но не для управления[1]. А поэтому, устанавливая уголовно-процессуальную форму, государство не может ориентироваться только на свои интересы, так как она может быть основана исключительно на насилии, принуждении общества к ее соблюдению, что возможно, но на относительно короткой исторической «дистанции», в период

[1] Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI в. М., 2003. С. 40.

социальных катаклизмов. Использование же насилия для обоснования им имеющейся процедуры уголовно-процессуальной деятельности в длительной перспективе невозможно: чем дольше государство для этого использует исключительно насилие, тем менее легитимна его власть и меньше социальная сила государства.

Максимальной жизнеспособностью, соответственно, отличается тот порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности, который учитывает интересы общества и личности, что нельзя не принимать в расчет законодателю. Такая система отношений государства работает как самоуправляемая система. Причем свойство самоуправляемости присуще этой системе и в случаях, когда государство действует в этой сфере экстенсивно, руководствуясь в принятии соответствующих законов методом «проб и ошибок», и в случаях интенсивной модернизации уголовно-процессуальной формы, когда законодатель, прежде чем принять закон, прислушивается к мнению общественных структур: научному сообществу, институтам гражданского общества (той же адвокатуре, например).

3. Фактор компетентности судей, прокуроров, следователей, дознавателей – очевидный фактор, от которого, с одной стороны, во многом зависит, как государство сможет распорядиться теми ресурсами, которые предоставлены ему фактом наличия власти, а с другой – степень признания его властных актов обществом, т. е., по сути, та же легитимность. Ничто так не роняет авторитет государства в глазах общества, кроме, пожалуй, фактов коррупционного поведения, как некомпетентность его должностных лиц. Вверяя в руки государства такой деликатный инструмент, коим является уголовный процесс – средство реализации уголовно-правовых предписаний, общество рассчитывает, что представители государства, делегированные им для осуществления уголовно-процессуальной деятельности, будут обладать достаточными профессиональными навыками и умениями. Если же ожидания общественности не оправдываются, вопрос о признании его властных актов становится риторическим. В качестве иллюстрации данного вывода можно

привести мнение А. В. Победкина, который, констатируя вполне очевидные проблемы восприятия общественностью деятельности правоохранительной системы в сфере применения меры пресечения в виде заключения под стражу, которое носит негативный характер, связывает это с отсутствием у следователя и руководителя следственного органа желания брать на себя ответственность, их стремлением «переложить ответственность на судью», который сам «страшится ответственности за то, что обвиняемый вдруг скроется, уничтожит доказательства и т. д.»[1].

4. Фактор материальных ресурсов: любая сила зиждется не только на идеологии, признании и др. Важнейший фактор социальной силы государства в уголовно-процессуальном конфликте (да, собственно, в любой сфере его жизнедеятельности) – соответствующая материально-техническая основа. Ее отсутствие чревато самыми разнообразными негативными последствиями, прямо влияющими на легитимность, а, следовательно, и социальную силу государства. В числе самых вредоносных, без всяких сомнений, первое место занимает коррупция в сфере уголовного судопроизводства, одной из причин которой (не самой главной, но одной из них) является низкий уровень содержания судей и сотрудников органов предварительного расследования.

Однако она вовсе не единственна в своем роде. Не менее разрушительно для легитимности власти необоснованное, вынужденное «удешевление» уголовного процесса. Подчеркнем, не экономия, а именно удешевление, когда законодатель, столкнувшийся с недостатком материальных ресурсов, максимально упрощает уголовно-процессуальную форму, жертвует из-за этого процессуальными гарантиями участников уголовного судопроизводства, лишает их «стандартных» для любого типа уголовного процесса возможностей (участие переводчика и защитника за счет государства, компенсация процессуальных издержек, повсеместное внедрение усеченных производств и др.). Естественно, уголовно-процессуальные акты, осуществленные в таких условиях, не прибавляют авторитета, а стало быть – легитимности и социальной силы государству.

---

[1] Победкин А. В. Указ. соч. С. 110.

Перейдем ко *второму элементу* внешней стороны уголовно-процессуального конфликта, который представлен той деятельностью его участников, которой он объективируется вовне.

Социальная сила выражает возможность к действию и противодействию участников уголовно-процессуального конфликта, однако вне акта ее использования – она лишь ресурс, а «любой ресурс, выступающий основанием силы, эффективен только в случае, если индивиды подтверждают этот ресурс… когда он имеет некоторый вес в контексте тех отношений, где он используется»[1]. С этой точки зрения потенциал и ресурс – характеристики социальной силы, которые отражают статику конфликта, тогда как его динамика – это действие. Другими словами, если участник уголовно-процессуального конфликта обладает социальной силой, превосходящей потенциал противника, но не использует его, конфликт по умолчанию не может разрешиться в его пользу.

В юридической литературе наибольшее внимание конфликтной деятельности уделяют сторонники того мнения, что правовой конфликт структурно представляет собой некий «конфликтный состав», где «противоположно направленные действия субъектов права как сторон конфликта, причиняющие ущерб»[2], рассматриваются ими в качестве основы содержания объективной стороны конфликта, в структуру которой ими также введены обязательный ущерб и причинная связь между ним и конфликтным действием (а точнее, как упоминает об этом та же Т. В. Худойкина – деянием, выражающемся, как в активном действии, так и бездействии[3]).

Вторит Т. В. Худойкиной Н. Ю. Лебедев, который со схожих позиций рассматривает уголовно-процессуальный конфликт предварительного расследования. По его мнению, объективная сторона такого конфликта представляет собой «реализацию поставленной сторонами следственных отношений цели, во-первых, через деятельное вторжение как в производство отдельных следственных или судебных действий, так и весь процесс

---

[1] Зайцев А. К. Указ. соч. С. 158.
[2] Худойкина Т. В. Указ. соч. С. 174.
[3] Там же. С. 175.

производства по уголовному делу, во-вторых, напротив, через отказ от совершения действий, предписанных нормами уголовно-процессуального законодательства, невыполнение возложенных правовых обязанностей»[1].

В остальном же автор не оригинален: свою конструкцию объективной стороны уголовно-процессуального конфликта он полностью отождествил с теоретической конструкцией правонарушения, вследствие чего конфликтное действие по аналогии с правонарушением рассматривается им как деяние, выражающееся в действии или бездействии, затрудняющем производство отдельных следственных действий или всего предварительного расследования в целом[2].

Ранее мы уже высказали наше отношение к концептуальному взгляду на правовой конфликт как правовой состав, а поэтому, не повторяясь, лишь укажем, что отождествление конфликтных действий с конструкцией объективной стороны правонарушения, выглядящее перспективным на первый взгляд, на самом деле не может отразить сути внешней стороны правового конфликта.

Косвенно это признается и самими разработчиками данной концепции. Так, Т. Ю. Худокина, рассматривая объективную сторону правового конфликта, с одной стороны, заявляет, что ее содержание исчерпывается деянием, ущербом и причинной связью между ними, а с другой, для того, чтобы раскрыть существо внешней стороны правового конфликта, вводит ряд иных, чисто «социальных» категорий, таких как «стратегия», «тактика», «форма» конфликта[3]. И, думается, это не случайно. Как представляется, автору не совсем удалось вместить в рамки правовой терминологии, характеризующей категорию правонарушения, более многоаспектное понятие правового конфликта.

Итак, характеризуя внешнюю сторону конфликтного взаимодействия, необходимо дистанцироваться от конструкции состава правонарушения. В этой связи, говоря о деятельностной характеристике уголовно-процессуального

---

[1] Лебедев Н. Ю. Концептуальные основы криминалистической теории преодоления конфликтов… С. 154.

[2] Там же. С. 47.

[3] Худойкина Т. Ю. Указ. соч. С. 176–178.

конфликта, вместо понятий «деяние», «действие», «бездействие» предпочтительнее использовать термин *«конфликтное поведение»*, под которым мы будем понимать *совокупность действий, направленных на реализацию целей и удовлетворение интересов участников конфликта*.

В социологии конфликтное поведение обоснованно принято характеризовать стратегией и тактикой. Под стратегией в конфликте при этом понимается общая установка участника конфликтного взаимодействия на определенные формы поведения в нем[1], под тактикой – совокупность приемов и способов воздействия на соперника в конфликте, средство реализации стратегии[2].

Стратегии поведения в уголовно-процессуальном конфликте, в свою очередь, можно разделить на два вида: поведение в конфликте может быть максимально эгоцентричным, сориентированным «на себя» («напористая стратегия»), либо ориентированной на сотрудничество с иными участниками конфликтного взаимодействия («стратегия кооперации»). Причем выбор стратегии не всегда определяется целями или интересами конкретного субъекта уголовно-процессуального конфликта. Зачастую наступательная, агрессивная или, наоборот, оборонительная, компромиссная стратегия в конфликте определяется внутренними причинами (например, предрасположенностью к определенному типу поведения, мотивацией на соответствующий вид поведения); характером конфликта, тем, каким, реальным или мнимым, он является; внешней средой конфликта, влиянием на данного субъекта иных участников конфликтного взаимодействия (например, его окружения, группы участников уголовно-процессуальной деятельности, представителем которой он является) и другими факторами.

Конкретные стратегии поведения субъектов уголовно-процессуального конфликта могут выражаться в:

---

[1] Лукин Ю. Ф. Указ. соч. С. 124.

[2] Там же. С. 125

– соперничестве – достижении субъектом конфликта своей цели путем ее навязывания другой его стороне либо удовлетворении им своих интересов за счет интересов другой стороны;

– сотрудничестве – поиске субъектами уголовно-процессуального конфликтного взаимодействия совместного решения имеющегося противоречия;

– компромиссе – взаимных уступках, удовлетворяющих обе стороны конфликта;

– приспособлении – односторонней уступке одним из субъектов уголовно-процессуального конфликта требованиям другой его стороны;

– избегании – пассивной стратегии поведения субъекта уголовно-процессуального конфликта, когда он, находясь в конфликтном взаимодействии, не предпринимает никаких действий, направленных на его разрешение тем или иным способом.

При этом необходимо понимать, что в чистом виде реально существует разве что только стратегия конфликтного поведения, состоящая в отказе от сопротивления (стратегия избегания). В остальных же случаях чаще всего субъекты уголовно-процессуальных отношений комбинируют разные стратегии конфликтного поведения. Так, например, уголовно-процессуальный конфликт, возникший между участниками уголовно-процессуального производства, не обладающими властными полномочиями, как соперничество, часто, в том числе и при посредничестве лиц и органов, ведущих это производство, трансформируется в компромиссное поведение.

Если характеризовать указанные стратегии конфликтного поведения с точки зрения их деструктивного потенциала, очевидно, что наименее желательным является конфликт – соперничество, характеризуемый самыми жесткими формами проявления. Менее вредоносны, а с точки зрения результатов, которые могут быть получены при разрешении данного уголовно-процессуального конфликта, даже в некоторой степени общественно полезны конфликты, в основе которых лежит стратегии сотрудничества и компромисса. Хотя в любом случае

сотрудничать и искать компромисс лучше до возникновения конфликтного отношения, в момент возникновения конфликтной ситуации.

Избранная субъектом конфликта стратегия поведения прямо влияет на его тактику.

Конфликтные тактики более разнообразны, чем стратегии уголовно-процессуальных конфликтов. Так, А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов, на наш взгляд, совершенно справедливо выделяют жесткие, нейтральные и мягкие тактики конфликтного поведения[1]. Развивая классификацию, предложенную авторами, применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений тактики конфликтного поведения, можно разделить на допустимые, условно, допустимые и недопустимые тактики.

Среди допустимых тактик конфликтного поведения для уголовно-процессуальных отношений наиболее характерны:

– тактика давления, основанная на властных полномочиях, а, следовательно, характерная для лиц и органов, ведущих уголовно-процессуальное производство. Внешнее проявление этой тактики может выражаться в предъявлении требований, указаниях, предупреждении о недопустимости определенного поведения и др.;

– тактика применения санкций, которая также присуща исключительно лицам и органам, ведущим уголовно-процессуальное производство, так как ее применение требует наличия власти, которая позволяет применять санкции за нарушение норм уголовно-процессуального права. Внешне это тактика может выражаться в различных принудительных уголовно-процессуальных действиях, таких, например, как избрание и изменение меры пресечения, денежное взыскание, удаление из зала судебного заседания и т. д.;

– тактика демонстративных действий, состоящая в совершении участниками уголовно-процессуального конфликта действий, направленных на привлечение внимания к своей персоне. Обычно она избирается субъектами уголовно-процессуальных отношений, не обличенными властными

[1] Анцупов А. Я, Шипилов А. И. Указ. соч. С. 244.

полномочиями. В реальности тактика демонстративных действий может выражаться в: массированном заявлении ходатайств; безосновательном обжаловании действий и решений органов и лиц, ведущих производство по делу, осуществляемом только с целью затруднить работу органов предварительного расследования или суда, создать психологическое напряжение в их деятельности; обращении к средствам массовой информации, правозащитным организациям за «защитой» якобы нарушенных прав, апеллировании к международным организациям и др.;

– тактика фиксации позиции, базирующаяся на убеждении противника уголовно-процессуального конфликта в своей правоте, приведении аргументов в подтверждение своей позиции, конструктивной критике его позиции и т. д.;

– тактика дружелюбия, основанная на корректном общении с участниками уголовно-процессуального конфликта, подчеркивании возможности выработки общего интереса в конфликте, готовности к сотрудничеству, выработке совместного подхода к разрешению противоречия, лежащего в его основе и т. д.;

– тактика сделки, в основе которой лежит стратегия взаимных уступок со стороны конфликтантов, когда каждая из сторон конфликта, поступаясь частью своих интересов, в конечном итоге достигает целей, поставленных ими перед вступлением в конфликтное взаимодействие.

Такие разновидности жесткой конфликтной тактики, как «захват и удержание» или «физическое насилие», являются сравнительно редким для уголовно-процессуальных отношений явлений. Они применяются только в случаях, прямо предусмотренных законом, уполномоченными лицами и органами, ведущими производство по уголовному делу. Примерами применения такой тактики может послужить избрание судом, следователем или дознавателем в отношении участников уголовного судопроизводства, уклоняющихся от исполнения возложенных на них уголовно-процессуальных обязанностей, мер принуждения личного характера: задержание подозреваемого, заключение лица под стражу, его домашний арест, запрет подозреваемому или обвиняемому выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в

котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, привода и др.

Факт того, что тактика захвата и удержания и тактика физического насилия возможны исключительно со стороны властных участников уголовно-процессуальных отношений, определяет дозированный характер их применения в уголовном процессе. С одной стороны, оно ограничено тем спектром принудительных средств, которые прямо указаны в уголовно-процессуальном законе. С другой же – применение любого из них прямо подчинено законодательному требованию наличия оснований и соблюдения процедуры их применения.

Ведя речь о конфликтных тактиках, нужно упомянуть о том, что существуют и полностью неприемлемые для уголовно-процессуальных отношений. К таковым, в частности, относятся тактики причинения физического (причинение телесных повреждений, вреда здоровью, боли) или психологического (причинение обиды, оскорбление, грубость, негативная личностная оценка, дискриминационные меры, обман, унижение и др.) ущерба. Причем речь в данном случае идет об уголовно-процессуальном конфликте с любым субъектным составом, как включающем в себя лицо или государственный орган, ведущий производство по уголовному делу, так и разворачивающимся исключительно между лицами, привлеченными к участию в уголовно-процессуальном производстве.

При этом последствия применения таких тактик в первом и во втором случае существенно отличаются. Если тактику причинения ущерба для разрешения конфликта применяет представитель государства – это само по себе уже правонарушение, влекущее ответственность, вплоть до уголовной. Если же к такой тактике прибегает иной участник уголовного судопроизводства – это вполне может быть расценено как нарушение закона, однако само по себе не всегда сопряжено с какими-то ни было формами ответственности. Например, угрозы со стороны обвиняемого в адрес участников уголовного судопроизводства, с которыми тот находится в конфликтных отношениях,

безусловно, влекут неблагоприятные для него последствия – в отношении обвиняемого применяется мера пресечения либо ранее избранная мера меняется на более строгую. Однако это нельзя рассматривать как наказание, аналогичное наказанию за преступление или иное правонарушение, как форму реализации «уголовно-процессуальной ответственности»[1].

По нашему мнению, применение юридической ответственности необходимо влечет за собой изменение статуса лица, в отношении которого она применена, что, в свою очередь, проявляется в возникновении у привлеченного к ответственности лица новых прав и обязанностей. Факт же избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения или изменения ранее избранной меры на более строгую никак не сказывается на его статусе – он как был подозреваемым или обвиняемым, так им и остается. При этом система его уголовно-процессуальных прав и обязанностей никаких изменений также не претерпевает. После избрания меры пресечения он по-прежнему обязан являться по вызовам к следователю, дознавателю или в суд, не препятствовать производству по делу, в том числе воздействуя на потерпевших и свидетелей, соблюдать ограничения, предписанные мерами принуждения, избранными в отношении него, и др.

В то же время нельзя забывать, что если участник уголовно-процессуальных отношений, не имеющий властных полномочий, в конфликте, субъектом которого он является, применяя тактику причинения ущерба, перейдет грань состава правонарушения, он, безусловно, должен быть подвергнут соответствующим мерам юридической ответственности, включая уголовную ответственность, если в его действиях наличествуют признаки состава преступления.

---

[1] См., например: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. 191 с.

§ 4. Конфликтогенные факторы уголовно-процессуальных конфликтов – их внутренняя сторона

Уголовно-процессуальный конфликт – это способ разрешения противоречий, возникших из объективных свойств самой социальной среды либо ставших результатом исполнения конкретными индивидами их социальных ролей. С этой точки зрения противоречия необходимо рассматривать в качестве *конфликтогенных факторов*, которые обязательно должны быть учтены для эффективного уголовно-процессуального воздействия.

Если проанализировать спектр возможных социальных противоречий, которые могут возникнуть в сфере уголовно-процессуальных отношений или, другими словами, конфликтогенных факторов уголовно-процессуальных конфликтов, все их можно свести к трем группам. Это могут быть противоречия целей, интересов и средств. Соответственно этому следует выделять три разновидности уголовно-процессуальных конфликтов: 1) конфликт целей, 2) конфликт интересов, 3) конфликт средств.

Начнем анализ социальной природы уголовно-процессуальных конфликтов с конфликта целей. Сразу отметим, что *они могут существовать исключительно на микроуровне (являются уголовно-процессуальными микроконфликтами) и ни при каких условиях не могут возникать на макроуровне, как конфликт государства и общества.*

Такой вывод следует, во-первых, из единства базовой уголовно-процессуальной потребности, которая привела к появлению уголовного процесса как сферы специфических отношений, а именно потребности в легитимации акта привлечения к уголовной ответственности. Легитимация в уголовно-процессуальном контексте – это общественное признание акта реализации государственной власти, и с этой точки зрения уголовный процесс – продукт совместной деятельности государства и общества. Уголовный процесс не «придуман» кем-то, он был генерирован самим обществом, закономерностями его существования и легализован государством как основанный на праве вид

государственной деятельности. Если бы эта «совместность» отсутствовала, базовая социальная потребность осталась бы неудовлетворенной, что невозможно в силу объективного характера социального развития.

И во-вторых, учитывая, что уголовный процесс не может иметь цели, отсутствует сама основа макроконфликта целей между государством и обществом.

Соответственно, уголовно-процессуальный конфликт целей возможен только на микроуровне, как *микроконфликт: 1) личности и государства в лице уполномоченных органов и их представителей, удовлетворяющих общественные потребности, посредством реализации норм уголовно-процессуального права; 2) двух и более лиц, не являющихся представителями власти в уголовно-процессуальных отношениях.*

Личность, вовлеченная в систему уголовно-процессуальных отношений, посредством уголовно-процессуальной деятельности удовлетворяет свои собственные социальные потребности, в центре которых находится потребность в обеспечении личной безопасности, смысловое наполнение которой каждый определяет сугубо индивидуально, а, следовательно, цели каждого конкретного участника уголовно-процессуальной деятельности индивидуальны. При этом уголовно-процессуальное право может «программировать» целевые установки деятельности исключительно участников уголовно-процессуальных отношений, обладающих властными полномочиями. Учитывая, что они выполняют публичные функции, цель осуществляемой ими уголовно-процессуальной деятельности в идеале должна быть продиктована не личными потребностями, а теми социальными нуждами, которые сформировали цель и стали причиной появления конкретной уголовно-процессуальной нормы. Если участник уголовно-процессуальной деятельности – носитель властных полномочий, реализуя норму права, стремиться достичь цели, отличной от социально обусловленной целевой установки, налицо злоупотребление полномочиями – противоправная форма

поведения, заключающаяся в реализации противоправной цели правовыми средствами[1].

Цели иных участников уголовно-процессуальной деятельности, не являющихся носителями властных полномочий в уголовном процессе, абсолютно произвольны, что существенно усложняет их систематизацию. Можно вести речь о самых разнообразных правомерных, неправомерных, социально полезных, асоциальных и прочих целях уголовно-процессуальной деятельности. Тем не менее, их социальная природа позволяет сформулировать ряд закономерностей.

Первое. Анализируя уголовно-процессуальные цели, преследуемые участниками уголовного судопроизводства, не относящимися к категории лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу, необходимо учитывать то социальное влияние, которое испытывает каждый из нас, в том числе и на уровне формирования социальных потребностей. Эта закономерность в полной мере относится к процессу целеполагания, осуществляемому участниками уголовно-процессуальной деятельности. Степень этого влияния выражается либо в виде *конформистской* модели поведения, когда индивид полностью воспринимает общественные потребности в их общепризнанном виде и сообразует цели своей деятельности с ними, либо в *нонконформистской* ее модели, когда человек свою личную безопасность противопоставляет общественной безопасности.

Причем личный нонконформизм может проявляться ситуативно. Человек на протяжении всей жизни может понимать и принимать общественную трактовку безопасности и средств ее обеспечения, т. е. быть конформистом. Однако в тот момент, когда он становится участником конкретных уголовно-процессуальных отношений, его модель поведения может резко поменяться. Это достаточно распространенная ситуация, когда человек, привлеченный к участию в производстве по делу, казалось бы, даже в самом «безобидном» статусе, например, свидетеля, резко меняет отношение к трактовке безопасности, ставя свою безопасность выше общественной. По сути, индивид в таком случае

[1] См. подробнее: Диваев А. Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 35–42.

трансформирует общественную потребность в обеспечении безопасности от преступных посягательств в личную потребность обезопасить себя от посягательства общества и государства, что автоматически противопоставляет его им, становясь почвой для уголовно-процессуального конфликта целей.

Второе. Применительно к уголовно-процессуальному конфликту целей уместно упомянуть и о таких явлениях, как реальная и мнимая цель деятельности. Реальная цель – это то, что на самом деле движет субъектом уголовно-процессуальной деятельности, тот действительный ее результат, который видится ему как итог усилий по удовлетворению потребности. Мнимая же цель – это цель, которая либо не отражает реальных устремлений субъекта уголовно-процессуальной деятельности, либо выдается им за реальную.

Причины постановки участниками уголовно-процессуальной деятельности перед собой мнимых целей могут быть самыми различными. С одной стороны, она может быть результатом неправильной оценки обстановки со стороны субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Так, мнимой целью характеризуется деятельность следователя или дознавателя, который, дав неправильную оценку ситуации, применяет меры уголовно-процессуального принуждения, стремясь обеспечить уголовное судопроизводство в условиях, когда его нормальному ходу ничего не угрожает.

С другой – мнимая цель может «маскировать» реальные намерения субъекта уголовно-процессуальных отношений, как, например, в ситуации, когда лицо осуществляет явку с повинной или признает себя виновным в совершении преступления, имея реальной целью скрыть совершение более тяжкого преступления.

Как ни странно, мнимая цель уголовно-процессуальной деятельности может быть не только «продуктом» индивидуального целеполагания. Она может изначально быть «запрограммирована» законом для того или иного участника процессуальной деятельности.

Законодатель в свое время, руководствуясь правилами построения состязательного процесса, в основе которого лежит формальное разделение

участников судопроизводства в зависимости от целей процессуальной деятельности на сторону обвинения и защиты, отнес прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, начальника органа и подразделения дознания, а также потерпевшего и его представителя к одной стороне уголовно-процессуальной деятельности – стороне обвинения. Это означает, что, по мнению законодателя, данные участники уголовного судопроизводства должны преследовать единую цель – привлечение обвиняемого к уголовной ответственности. Между тем, это не так. Зачастую случается, что вытекающая из законодательной конструкции цель деятельности потерпевшего на самом деле является мнимой, тогда как реальная цель его участия в производстве по уголовному делу может быть совершенно иной. Это может произойти, например, в случаях, когда потерпевший и обвиняемый по делу являются близкими родственниками или супругами. Инициировав процесс производства по делу, потерпевшие по таким делам зачастую не вполне отдают себе отчет, что в силу публичности уголовного процесса, единожды своей волей запустив машину уголовного преследования, остановить ее по их воле нельзя. Осознав это, они всячески пытаются добиться отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, что достаточно сложно: по крайней мере, ресурс процессуальных средств для этого ограничен, по сути, только примирением сторон. Отсюда – конфликтная ситуация, которая в отсутствие достаточных процессуальных средств ее бесконфликтного разрешения часто перерастает в уголовно-процессуальный конфликт.

В свое время американский социолог Л. Козер предложил выделять также реалистичные и нереалистичные социальные конфликты. Под первыми автор понимал «конфликты, возникающие из-за неудовлетворенных специфических требований в рамках отношений и ожидаемых выгод участников… направленные на предполагаемый фрустрирующий объект…»[1]. По сути, это действительные конфликты, «конфликты по поводу чего-то». Нереалистичные же конфликты – это «взаимодействие между двумя и более индивидами, порожденное не

[1] Козер Л. Указ. соч. С. 71.

антагонизмом целей участников, а необходимостью разрядки, по крайней мере, одного из них»[1]. В такой ситуации, в отличие от реалистичных конфликтов, мы имеем дело с «конфликтами ради конфликтов», когда конфликтное взаимодействие выступает самоцелью хотя бы у одного из его участников. Как представляется, эта классификация в своей основе также имеет разницу реальной и мнимой целей и вполне применима к уголовно-процессуальным конфликтам.

Третье. Рассматривая систему правовых средств воздействия на уголовно-процессуальные конфликты целей, стоит отметить, что право ограничено в возможности воздействия на них.

Цель – это внутренний индивидуальный мотивационный фактор, предопределяющий направление деятельности индивида, в основе которого лежат самые его самые глубокие, базовые потребности, что позволяет отнести уголовно-процессуальные конфликты к категории конфликтов антагонистического типа. В социальной реальности цель уголовно-процессуального воздействия существует, если так можно выразиться, в «обобществленной» форме, в виде той цели, которая отражается в содержании конкретных нормативно-правовых предписаний. В то же время, в конечном итоге эта нормативная цель трансформируется в сознании конкретного социального актора в цель его деятельности, и желательно, чтобы эти цели совпали или, по крайней мере, не противоречили друг другу, что непосредственно правовыми средствами обеспечить нельзя. За адекватное восприятие им цели нормы права, подчинение или приведение своих индивидуальных целей в соответствие с ней отвечает не право, а иные социальные инструменты, формирующие адекватное правопонимание субъектов правовой деятельности (правовое информирование, пропаганда, профессиональное образование и др.).

Соответственно, то воздействие, которое оказывает уголовно-процессуальное право на уголовно-процессуальные конфликты целей, носит исключительно опосредованный характер и состоит в 1) коррекции содержания статусов участников конфликтного отношения, что не позволяет им

[1] Там же.

реализовывать потенциально асоциальные цели их уголовно-процессуальной деятельности, а также 2) установлении правовых стимулов и запретов на осуществление конкретных видов процессуальной деятельности, что обеспечивает баланс средств реализации целей их уголовно-процессуальной деятельности. Достижение такого баланса – единственный способ предотвращения конфликта целей в уголовном процессе.

При этом баланс в контексте рассматриваемой проблемы не следует отождествлять с формальным равенством процессуальных средств. Баланс может быть обеспечен и в отсутствие этого. Согласно Л. Козеру, «неравное распределение прав и привилегий может порождать враждебные чувства», что не обязательно приводит к конфликту – это пока всего лишь «предрасположенность к конфликту». Многое, если не все, в перерастании этого чувства в конфликт зависит от того, «считается ли неравное распределение прав легитимным или нет»[1]. Другими словами, от того, как воспринято это неравенство участниками уголовно-процессуальных отношений – как «невозможность равенства» или как «неравенство в условиях возможного равенства» – зависит, будет ли реализация правовых предписаний сопровождаться конфликтами или нет.

С этой точки зрения форма нашего основного уголовно-процессуального производства – производства по уголовному делу – нам представляется недостаточно сбалансированной, а стало быть, она конфликтна в своей основе. Поиск же оптимального (сбалансированного) состояния процессуальной формы производства по уголовному делу зачастую ведется не в том направлении.

В частности, некоторые авторы считают, что «смешанная» форма нашего уголовного процесса не позволяет достичь необходимого баланса средств отстаивания сторонами своих позиций по делу, а поэтому нужны коренные преобразования в этой сфере и, в частности, отказ от нынешней «постсоветской»

---

[1] Цит. по: Философия конфликта : хрестоматия / сост. Черепанова Е. С. Екатеринбург, 2007. С. 8.

формы и переход к некой истинно «состязательной» форме производства[1]. Но гарантирует ли она необходимый баланс уголовно-процессуальных средств для предотвращения конфликта целей уголовно-процессуальной деятельности? Думается, что нет, так как состязательная модель уголовного судопроизводства может быть настолько же разбалансированной, как и любая другая его модель. И, наоборот, смешанный уголовный процесс вполне может иметь тот необходимый баланс возможностей участников уголовного судопроизводства, когда недостаток средств защиты (а о них в первую очередь говорят, когда ведут речь о дисбалансе, обвинительном уклоне в нашем уголовном процессе) в одной части производства по делу может быть компенсирован в другой его части. Мы говорим о такой конструкции производства по уголовному делу, когда недостающий властный ресурс стороны защиты, объективно препятствующий равенству прав сторон в стадии предварительного расследования, восполнялся бы за счет расширения возможностей суда по самостоятельному и активному исследованию обстоятельств преступления в судебных стадиях. Такая «смешанная» модель уголовного процесса, с активным судом, представляется более сбалансированной формой производства по уголовному делу, а поэтому имеет гораздо больше оснований рассматриваться в качестве *антиконфликтной* модели уголовного процесса.

Причем такой баланс имеет не только чисто техническую, но и психологическую основу. То «враждебное чувство» участников потенциального конфликта, о котором пишет Л. Козер и которое может стать психологической основой для его реального воплощения, вследствие неравного распределения процессуальных ресурсов, по сути, является чувством несправедливости. И задача законодателя видится не в том, чтобы отдать все на откуп сторонам, к чему призывают сторонники классической чистой состязательности в уголовном процессе, поставив результаты производства по уголовному делу, а, следовательно, и вопрос об уголовной ответственности в зависимость от массы

[1] См., например: Александров А. С., Власова С. В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 1. С. 53–63.

случайных факторов (наличия материальных средств у обвиняемого, компетентности и заинтересованности адвоката, настроя на качественную работу и др.). Законодатель должен на нормативном уровне купировать конфликт, предоставив стороне защиты дополнительные, хотя и опосредованные властными полномочиями суда, возможности по отстаиванию своей позиции. Осознание этого само по себе должно гасить чувство несправедливости, «обделенности» средствами достижения целей уголовно-процессуальной деятельности.

Перейдем к рассмотрению социальной природы следующего вида уголовно-процессуальных конфликтов – *конфликта интересов*. В его основе также лежит противоречие социальных потребностей, однако потребностей, отличных от базовой уголовно-процессуальной потребности, притом, что, будучи социальными, в своих основных характеристиках эти потребности мало чем отличаются от нее, а поэтому остановимся только на их особенностях.

Социальные свойства как общества в целом и его основного института – государства, так и каждой отдельно взятой личности, находятся в постоянном движении, следствием чего является перманентное изменение количества и качества их потребностей. Соответственно этому не стоит на месте и система социальных потребностей, на удовлетворение которых направлены уголовно-процессуальные средства. Отсюда следует, что дальнейшее развитие уголовно-процессуальных отношений, с появлением которых была удовлетворена базовая социальная потребность в средстве легитимации акта привлечения к уголовной ответственности (т. е. уголовного процесса), повлекло появление новых уголовно-процессуальных социальных потребностей менее общего порядка, формирующих личные и общественные уголовно-процессуальные интересы. Другими словами, решив общую проблему средства легитимации, общество и государство поставили перед собой вопрос о том, «как» же это должно происходить, и в этом интересы общества и государства вполне могут разойтись. Соответственно, социальная основа для конфликтов интересов государства и общества присутствует, а поэтому они вполне возможны, и это, в свою очередь, указывает

на то, что *уголовно-процессуальные конфликты интересов, в отличие от конфликтов целей, могут носить характер и микро-, и макроконфликта.*

Множественность и подвижность – те свойства, которые отличают уголовно-процессуальные интересы и от цели уголовно-процессуального воздействия, и от целей участников уголовно-процессуальной деятельности. И в том, и в другом случае «цель» – относительно стабильное явление. Она, конечно, также может меняться, но с гораздо меньшей частотой, нежели чем интересы. Так, участвуя в уголовно-процессуальной деятельности, тот же обвиняемый может неоднократно менять свои приоритеты, формируя под влиянием вновь возникших потребностей новые интересы, иногда прямо противоположные имевшимся.

В социологии интересы принято делить на личные и общественные, что в правовой науке отражается в категориях «частный» и «публичный» интерес, а в уголовно-процессуальной теории – проблеме соотношения личного и публичного интереса.

Данная проблема известна и достаточно подробно исследована уголовно-процессуальной наукой, однако в большинстве работ ее исследование проведено без учета одного важного нюанса – публичный интерес в уголовном процессе нельзя рассматривать как единую логическую конструкцию. Реалии современного уголовного процесса недвусмысленно указывают на присутствие в публичной сфере самостоятельных интересов как минимум двух субъектов – государства и общества, а поэтому на самом деле нужно говорить о соотношении *личных, общественных и государственных интересов.* Другими словами, цель уголовно-процессуального воздействия у государства и общества едина, а интересы, возникающие в связи с ее реализацией, – самостоятельны, а поэтому они могут и не совпадать. В этом мы солидарны с И. Г. Смирновой[1].

Общественный интерес – это предпосылка для возникновения как конкретных правовых норм, так и целых правовых институтов. Схема его «работы» все та же, что и при формировании цели: общественная потребность

[1] Смирнова И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 154.

влечет за собой сначала появление общественного интереса в существовании средства ее удовлетворения, а затем и учреждение этого средства.

Сам по себе этот механизм достаточно очевиден. Сложность представляет проблема определения того, как взаимно соотносятся личные, общественные и государственные интересы? На этот вопрос ни социологическая, ни правовая наука не дают однозначного ответа.

Так, в теории по отношению к категории «общественный интерес» сформированы два подхода. Один из них рассматривает это явление чисто механически, как обычную «сумму» личных интересов, что, по нашему мнению, возможно только при одном, вряд ли достижимом в реальности, условии: личные интересы, являющиеся слагаемыми этой суммы, должны полностью совпадать, что, конечно, возможно, однако исключительно в малых группах. Если же говорить об общественном интересе как об интересе социума в целом, то такой подход неприемлем. Трудно представить хоть сколько-нибудь крупную общественную структуру, интересы представителей которой полностью бы совпадали, позволяя их суммировать. Как, например, суммировать интересы потерпевшего и обвиняемого? Или интересы защитника и отказавшегося от него обвиняемого? А ведь речь идет о микроскопическом в сравнении с социумом сообществе – участниках производства по уголовному делу, возникшим ситуативно, в связи со встраиванием конкретных лиц в систему уголовно-процессуальных отношений.

Так что в реальности, думается, все обстоит намного сложнее. Сумму личных интересов нельзя рассматривать как общественный интерес. Это ничего более чем просто сумма интересов, при совпадении которых их носители могут складывать свои усилия для их удовлетворения. Такой вид интересов уместнее называть не общественным, а общим интересом, который, как уже было сказано, вполне может стать объединяющим началом в малых группах. Примером малой группы, сформировавшейся в рамках производства по уголовному делу, могут служить стороны обвинения или защиты.

При этом в рамках уголовно-процессуальных отношений на основе общности интересов могут формироваться еще менее представительные микросоциальные структуры. Так, ситуативно в зависимости от хода производства по уголовному делу процессуально единая сторона может раздробиться на более мелкие социальные общности. Например, в случаях, когда интересы двух и более обвиняемых противоречат, «внутри» стороны защиты могут выделиться несколько (по количеству обвиняемых) малых социальных групп, в каждую из которых войдут обвиняемый и его защитник.

Таким образом, в качестве *малой социальной группы* участников уголовно-процессуальных отношений следует рассматривать *любое сообщество, включающее в себя двух и более участников уголовно-процессуальных отношений, объединяющих усилия для реализации совпавших личных уголовно-процессуальных интересов (общего уголовно-процессуального интереса).*

Могут ли возникать конфликты между этими микросоциальными структурами? Безусловно. Учитывая, что их общий интерес – суть личный интерес каждого из участников этого социального коллектива, социальные конфликты между этими микрогруппами неизбежны. Однако назвать их общий интерес общественным мы не можем.

Более точно общественный интерес определяет другой подход, основанный на представлении о нем как об отдельном социальном явлении. В такой интерпретации общественный интерес – это не производное от личного интереса. Его носителем является самостоятельный социальный субъект – общество, а, следовательно, общественный интерес – это самостоятельный вид социального интереса, зачастую противопоставленный личным интересам представителей этого же общества.

Как общество – не «сумма личностей», так и общественные интересы не являются суммой личных интересов. Те массовые процессы, которые развиваются в нем, не подвержены индивидуальному сознанию, а поэтому независимы от него. Общество развивается по объективным законам, и реализация отдельными его представителями их личных интересов может лишь способствовать

общественному прогрессу, если личные и общественные интересы совпадают, или, наоборот, тормозить развитие общества – если между ними имеется противоречие.

Соответственно, общественные интересы необходимо отделять от личных интересов, так как они связаны не с личными предпочтениями отдельных членов общества, а с теми глубинными процессами, которые протекают внутри него. Все это является, по нашему мнению, достаточным аргументом в пользу того, что общественный интерес – это самостоятельный вид формирующихся объективно интересов, который «обобщает все частные интересы целого, представляя генеральную линию развития целого… доминирующую тенденцию развития»[1] в определенной сфере, коей в нашем случае является уголовный процесс. В такой трактовке личный интерес в его общественно значимой части – основа общественного интереса, так как игнорирование личных интересов, формирование общественного интереса «сверху», разрыв связи между ним и жизненными интересами конкретных представителей общества ведет к тому, что сам общественный интерес перестает соответствовать общественным потребностям.

Процесс формирования общественного уголовно-процессуального интереса можно проиллюстрировать на примере формирования любого социального института, ставшего частью системы уголовно-процессуальных отношений.

Сегодня объективность и общественная значимость институтов обвинения и защиты неоспоримы. Однако первоначально та процедура легитимации акта привлечения к ответственности, которая стала прообразом уголовного процесса, естественно, не имела тех их форм, которые известны современному уголовному процессу, хотя как виды социально значимой деятельности и «обвинение», и «защита» в этом «квазипроцессе» присутствовали – по-другому просто быть не может. Вот только осуществлялись они в тот период исключительно самим пострадавшим и его обидчиком в произвольном порядке, что до определенных

[1] Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности… С. 99.

пор вполне соответствовало интересам общества в его догосударственном состоянии.

Вместе с появлением государства как формы организации социума, а также началом реализации им функции социального управления обвинительная деятельность, ранее осуществлявшаяся самим пострадавшим (или его родственниками в случае гибели пострадавшего), становится прерогативой государства. На данном этапе формируется социальный институт государственного обвинения, который после его регламентации уголовно-процессуальными нормами стал уголовно-процессуальным институтом. Произошло это, естественно, не сразу и не по всему спектру общественно опасных деяний, однако углубление этой тенденции стало той отправной точкой, с которой необходимо вести отсчет формированию самой идеи о необходимости института защиты, противопоставленного ему. Почему? Ответ прост. До тех пор, пока обвинение и защита были «личным» делом обидчика и пострадавшего, государство вмешивалось в их взаимоотношения только на уровне реализации наказания и контроля затем, чтобы обидчик выполнил все обязательства перед пострадавшим, а тот и (или) его родичи в ответ не потребовали от наказанного более того, что им было присуждено. Некий паритет, а, следовательно, и баланс возможностей участников уголовно-процессуальной деятельности[1] в целом соблюдался. Однако появление государственного обвинения, которое стало осуществляться государственным чиновником, спектр возможностей которого несопоставим с возможностями обвиняемого, нарушили это равновесие.

[1] Естественно, речь не идет о равенстве всех перед законом и судом. О паритете возможностей в сословном государстве можно говорить только с учетом его социального устройства, когда равенство прав прямо было увязано с тем, на какой ступени сословной лестницы находится участник уголовно-процессуальных отношений. Причем «привязать» эту особенность к определенному историческому периоду для того, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что такое сословное неравенство было характерно, например, только для средневекового государства, не представляется возможным. Развитие социальной структуры того или иного общества, отражением чего является государство и право, протекает в разных странах, во-первых, неравномерно, а во-вторых, нелинейно. А поэтому элементы сословного уголовного процесса, где о равенстве можно было говорить только внутри конкретного сословия, существовали во многих государствах вплоть до первой половины XX в. Всем известный факт: в Российской империи уголовный процесс строился по сословному принципу вплоть до середины XIX в.

Усугубила диспропорцию и более поздняя специализация части государственного аппарата на деятельности по поддержанию обвинения в суде, в силу чего появились профессиональные государственные обвинители, знания, навыки и умения которых не шли ни в какое сравнение со способностями противостоящей им личности.

Процессы, описанные выше, связаны с усилением государственной власти, носили вполне естественный, объективный характер, и ни одно из государств не могло избежать их. Несмотря на то, что их конкретный результат в каждом случае проявлялся по-разному, воплощаясь в своей уникальной форме уголовно-процессуальной деятельности, общей для каждого государства была следующая закономерность: общество и личность с момента появления государственного обвинения перестали чувствовать себя в безопасности, что сделало невозможным социальную легитимацию акта привлечения к уголовной ответственности или освобождения от нее.

Государство, конечно, могло объявить их «легитимными» односторонне, без учета общественного мнения. Но рано или поздно это выльется в уголовно-процессуальный макроконфликт интересов, единственным способом предотвращения которого является восстановление баланса интересов посредством учреждения соответствующих социально-правовых институтов (института профессиональной защиты, в нашем случае) и изменения уголовно-процессуального законодательства.

В реальности процесс «балансировки» проявлялся, например, в появлении профессиональной адвокатуры, ликвидации сословных привилегий для различных участников уголовно-процессуальных отношений, нивелировании явного перекоса в сторону средств обвинения, характерного для инквизиционного процесса, внедрении элементов состязательности, закреплении на нормативном уровне свободной оценки доказательств и т. д. Другой вопрос, вследствие чего происходили эти позитивные изменения – в результате социального конфликта или «добровольных» шагов государства. История, как известно, знает и тот, и другой вариант развития событий. Где-то государственная власть сама

предотвращала общественный взрыв, как это было в нашей стране в XIX в., когда, пусть и с опозданием, был принят Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. – безусловно, революционный документ. А где-то обществу пришлось прибегать к насильственным методам реализации общественного интереса, как то случилось, например, во Франции в конце XVIII в., где по итогам буржуазной революции 1789 г. были отменены сословные привилегии и провозглашены Конституция Французской республики 1791 г. и Декларация прав человека и гражданина, в которых присутствовали и уголовно-процессуальные нормы.

Факт того, что государственный и общественный интерес – не всегда одно и то же, можно продемонстрировать не только на исторических примерах. Их противоречие вполне характерно и для современного уголовного процесса России.

Абсолютное совпадение государственных и общественных интересов, воплощенных в общем публичном интересе, – идеальная ситуация. Сегодня – и мы это уже можем констатировать – попытка построения государства на основе монолитного, бесконфликтного общества, которое не было бы разделено внутренними противоречиями, предпринятая в советский период развития нашего государства, пока не увенчалась успехом, а поэтому *считать современное государство выразителем интересов всего общества* при всем желании *нельзя*. Современная Россия – государство, предпринимающее попытки в своей политике отразить интересы общественного большинства, учитывая при этом мнение общественного меньшинства, а отсюда и противоречия: что бы государство ни предприняло в уголовно-процессуальной сфере, определенная часть общественности все равно будет не согласна с этим, так как это идет вразрез с ее интересами.

Более того, на современном этапе развития уголовного процесса государство иногда проявляет себя вообще как самостоятельный социальный актор, действуя исключительно в своих интересах, без оглядки на общество. Это очень спорный способ совершенствования уголовно-процессуальной реальности,

который может, как минимум, сказаться на эффективности уголовно-процессуального воздействия, так как те уголовно-процессуальные предписания, которые принимаются в таком порядке, зачастую просто не воспринимаются обществом и даже саботируются им, становясь конфликтогенным фактором.

Примеров уголовно-процессуальных норм и институтов, которые видятся явно противоречащими общественным интересам, можно привести немало. Остановимся в качестве примера на некоторых из них.

Так, известно, что уголовное правосудие весьма затратно, а поэтому государство всячески заинтересовано в оптимизации процессуальной формы, в том числе и в сторону ее удешевления. Однако всегда ли это отвечает интересам общества? Ответ дала сама практика общественного развития, прослеживаемая хотя бы на примере особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ).

Появившись вместе с действующим уголовно-процессуальным законом как исключительное производство по уголовным делам, не представляющим, по мнению законодателя, особой сложности, это производство на определенном этапе, по сути, стало основной формой рассмотрения уголовных дел. Динамика применения этой формы рассмотрения уголовных дел недвусмысленно подтверждают данный вывод (Приложение 1, табл. 1.6, диагр. 1.6). Так, вплоть до 2018 г. в общем количестве рассмотренных судами уголовных дел дела, рассмотренные в особом порядке судебного разбирательства, занимали почти 70%. Причем нужно учитывать, что это весьма условное число, так как он демонстрирует процент к общему числу дел. Если же за основу взять только уголовные дела о тех преступлениях, по которым такая форма рассмотрения дела была допущена законодателем[1], то в некоторые годы он по таким категориям дел стремился к 100%.

[1] Критерии тяжести преступлений, уголовные дела о которых закон позволяла рассматривать в особом порядке, несколько раз менялись. Сначала это были уголовные дела о преступлениях, наказание за которые, согласно УК РФ, не превышало 5 лет лишения свободы. В 2010 г. законодатель значительно расширил эти критерии, допустив рассмотрение в особом порядке уголовных дел о тяжких преступлениях. Наконец, с 2020 г. и по сей день в особом порядке могут быть рассмотрены уголовные дела о преступлениях небольшой или средней тяжести.

Мыслима ли такая ситуация? От $^{2}/_{3}$ до 100% уголовных дел, разрешенных без рассмотрения дела! И практически в каждом случае – обвинительный приговор, т. е. акт, поражающий человека в базовых естественных правах. К сожалению, официальная статистика умалчивает, в каком количестве случаев судьи отказывали в удовлетворении ходатайства обвиняемого об особом порядке судебного разбирательства, но по нашим наблюдениям – в ничтожно малом[1].

В данной связи можно, конечно, возразить, что особый порядок судебного разбирательства не возникает «из ниоткуда». Согласно закону, в каждом случае для такого рассмотрения уголовного дела требуется ходатайство обвиняемого, проконсультировавшегося с защитником, согласие прокурора и потерпевшего, подтверждение обвинения доказательствами, которые судья должен изучить, дабы решить вопрос об удовлетворении ходатайства обвиняемого. Но достаточны ли эти гарантии? Определенно отвечаем: нет, недостаточны. Модель особого порядка судебного разбирательства уголовных дел воплощает собой компромиссную модель разрешения уголовного дела, в которой в полной мере реализованы интересы государства, в определенной степени – интересы личности, и совершенно отставлены в сторону интересы общества, которое вряд ли заинтересовано в таком правосудии. В этом мы согласны с А. В. Победкиным, который задается вопросом: «Как же… “умиротворить общество”, не установив истину?.. Разве может быть обществу неважно, установлена ли по уголовному делу истина?»[2] Естественно, нельзя. И никакие гарантии закона не способны нивелировать этот недостаток особого порядка судебного разбирательства уголовных дел. Разрешение уголовного дела без его полноценного судебного рассмотрения может преследовать интересы чего (государство) и кого (обвиняемый, потерпевший, следователь, дознаватель, прокурор, защитник, судья, в конце концов) угодно, кроме единственной группы интересов – интересов

---

[1] Так, результаты проведенного анонимного опроса мировых судей и судей районного звена показал, что оно составляет менее 1%, причем в большинстве своем – по формальным причинам (Приложение 4).

[2] Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного процесса… С. 231.

общества. А вне их реализации уголовный процесс перестает осуществлять свою социальную функцию – легитимировать государственный акт привлечения уголовной ответственности перед обществом.

И что же, нужно отказаться от оптимизации уголовно-процессуальной формы уголовно-процессуальных производств? Вовсе нет. Наш вывод о природном, сущностном изъяне особого порядка судебного разбирательства не означает, что то же производство по уголовному делу не нуждается в совершенствовании. Нуждается, но *исключительно в его досудебной части*. Судебное же разбирательство, несмотря ни на какую «простоту» и «очевидность» обстоятельств преступления, должно быть максимально развернутым и позволять на основе гласного (по возможности) и непосредственного исследования доказательств устанавливать истину по делу.

В контексте социальной обусловленности способов оптимизации уголовно-процессуальной формы нельзя не упомянуть и об институте прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования.

В последнее время в литературе высказано мнение, что прекращение уголовного преследования – это «наиболее эффективная форма разрешения уголовно-правового конфликта», так как «условия ее реализации базируются на разумном балансе частных и публичных интересов, а сама по себе она предполагает достижение социального компромисса без осуждения лица, совершившего преступление, и существенно экономит процессуальные ресурсы, в принципе не требуя рассмотрения судом уголовного дела по существу по общим правилам уголовного судопроизводства»[1]. При этом его авторы, О. В. Качалова и В. И. Качалов, сетуют на то, что подавляющее большинство уголовных дел прекращается судами, хотя можно было бы обойтись внесудебным решением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования.

---

[1] Качалова О. В., Качалов В. И. Прекращение уголовного преследования и вопросы эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Российская юстиция. 2025. № 6. С. 37.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, действительно, показывает, что суды нашей страны ежегодно прекращают сотни тысяч уголовных дел, и в подавляющем большинстве случаев – по нереабилитирующим основаниям (Приложение 1, табл. 1.7). В этом авторы правы. Но так ли уж плохо, что это происходит в судах, а не в кабинете следователя или дознавателя? Думается, что нет.

Сторонники представленного мнения в качестве показателя «эффективности» внесудебной процедуры прекращения уголовного дела провозглашена ее «экономность». О. В. Качалова и В. И. Качалов прямо пишут об этом[1]. Однако уголовное судопроизводство – не сфера производства материальных ресурсов, где эффективность можно посчитать. Это сфера трат, причем трат не минимальных, а разумных, что совершенно не одно и то же. *Разумно затратным является не то уголовное судопроизводство, с помощью которого задешево применяют норму уголовного права, а такое, которое позволяет реализовать социальную функцию уголовного процесса без лишних материальных потерь.* С этой точки зрения траты на «окончание предварительного расследования, ознакомление участников процесса с материалами уголовного дела, составление итогового акта предварительного расследования (обвинительного заключения, обвинительного постановления или обвинительного акта), направление уголовного дела прокурору, ознакомления его с материалами уголовного дела, утверждения итогового акта предварительного расследования, направление уголовного дела в суд, уведомление об этом участников процесса, ознакомление суда с материалами уголовного дела, назначение судебного разбирательства, извещение и вызов участников процесса в судебное разбирательство»[2], т. е. на все то, что мы называем производством по уголовному делу, нам представляются совершенно разумными тратами. Вне этих трат акт освобождения обвиняемого от уголовной ответственности с прекращением его уголовного преследования, т. е. процессуальный акт,

[1] Там же. С. 38.
[2] Там же.

разрешающий уголовное дело, и этим максимально близкий к приговору, вряд ли удовлетворит общество. С этой точки зрения судебная процедура разрешения уголовного дела выглядит намного предпочтительнее, чем, по сути, административное единоличное решение следователя или дознавателя – представителя органа исполнительной власти, к числу которых относятся все органы предварительного расследования.

Такие же сомнения в соответствии общественным интересам вызывает и практически полное устранение общественности из сферы производства по уголовным делам.

Так, например, до минимума сведено участие представителей общества в отправлении правосудия. Если раньше, до 2005 г., они в качестве народных заседателей участвовали практически в каждом судебном заседании по уголовным делам, то теперь их участие ограничено только ролью присяжных заседателей по мизерному количеству дел. При этом не выдерживает критики мнение о том, что народные заседатели, дескать, не выполняли своей роли, были зависимы от председательствующего и полностью в своих решениях следовали ему. Во-первых, это утверждение не имеет под собой эмпирической почвы. Конечно, мы не исключаем того, что такие факты имели место на практике, однако экстраполировать эти негативные явления на весь институт народных заседателей со стороны законодателя было явной ошибкой. А во-вторых, даже если это и так, участие народных заседателей в судебном разбирательстве и обсуждении приговора являлось мощнейшим сдерживающим фактором от злоупотреблений со стороны председательствующего. По сути, помимо непосредственно правосудия, народные заседатели осуществляли и общественный контроль за представителем власти – профессиональным судьей. Разве это хоть как-то противоречило общественным интересам?

Постепенно «отмирает» у нас и институт понятых в уголовном процессе – пределы их участия в следственных мероприятиях в настоящее время сведены до минимума. Сегодня, согласно ст. 170 УПК РФ, они в обязательном порядке принимают участие только в трех следственных действиях – обыске, личном

обыске и предъявлении для опознания. В остальном их участие либо вообще не предусматривается, либо обуславливается приглашением следователя или дознавателя.

А между тем, еще в недавнем прошлом понятые принимали участие в большинстве следственных действий, и об изменении их роли в уголовном процессе речи не велось. Сейчас же законодатель решил, что надобность в них пропала, и им на смену должны прийти средства технического аудиовизуального контроля за соблюдением законности в ходе производства следственных действий. Однако как-то забывается о том, что понятые никогда не являлись помехой применению этих средств. Почему же теперь законодателю пришлось выбирать из этих альтернатив? И при этом снова не учитывается, что участие понятых – это не просто формальность. Это также и вид общественного контроля за законностью деятельности следователя или дознавателя, чем законодатель пренебрег.

У проблемы соотношения государственных и общественных интересов в сфере уголовного процесса есть и еще один аспект. До этого, говоря об их возможном противоречии, мы вели речь об этом исключительно в негативном ключе – как о возможной причине макросоциального уголовно-процессуального конфликта. Однако, думается, нужно сказать и о положительном моменте такого противоречия, когда оно несет несомненную пользу. Мы имеем в виду ситуацию, когда государство в противоречие с общественными интересами встает на защиту личных интересов.

Личность – вообще достаточно специфический участник общественных отношений. Ее интересы потенциально могут противоречить одновременно и интересам государства, и интересам общества. В первом случае следствием такого противоречия может стать уголовно-процессуальный конфликт личности и государства, влекущий применение к нему государственных мер воздействия. Учитывая, что и по содержанию, и с точки зрения порядка их применения они четко формализованы законом, личность в конфликтном взаимодействии с государством может себя чувствовать относительно спокойно – вряд ли

государство в лице его органов применит те меры воздействия, которые не предусмотрены законом или сверх того, что допустимо законом. Даже если это произойдет, каждый вправе обжаловать это решение в вышестоящий орган или суд, который проверит решение и отменит или подтвердит его.

Совершенно иначе обстоит дело с общественным воздействием на личность, которое совершенно не формализовано и может носить самый разнообразный и подчас чрезвычайно жестокий характер. Причем самим обществом оно может рассматриваться как вполне отвечающее его интересам. Понятно, что это глубочайшее заблуждение – общественность не может быть заинтересована в неконтролируемой расправе над своим же представителем. Однако здесь и сейчас этот мнимый общественный интерес может быть воспринят как реальный. Тем более, что на фоне общественного возмущения, доходящего порой до состояния экзальтации, он всегда выглядит истинным.

В предложенной ситуации защитить личность может только государство, которое в уголовно-процессуальном законе должно предусматривать механизмы противодействия конфликту интересов общества и личности, выступая на стороне последней. Примерами норм, являющихся элементами такого механизма, могут названы положения ст. 51 УПК РФ – обязательное участие защитника, или ст. 241 УПК РФ, предусматривающей возможность проведения закрытого судебного разбирательства в целях обеспечения безопасности его участников и т. п.

Наконец, последний тип уголовно-процессуальных конфликтов – *конфликт средств.* Несмотря на то, что его природа более проста, а оттого и более очевидна, нежели чем у двух выше исследованных видов уголовно-процессуального конфликта, недооценивать его деструктивный потенциал нельзя.

Самым главным отличительным признаком уголовно-процессуального конфликта средств является то обстоятельство, что его субъекты не являются антагонистами – цель их участия в уголовном процессе и интересы, которыми они руководствуются, совершая те или иные процессуальные действия, полностью совпадают. Противоречие же вызывает либо отсутствие уголовно-

процессуального средства их реализации, либо расхождение в позициях относительно того, при помощи какого именно средства это должно произойти.

Анализ причин возникновения уголовно-процессуальных конфликтов средств указывают еще на то, что его участниками могут быть исключительно субъекты конкретных уголовно-процессуальных отношений, т. е. участники основного и дополнительных уголовно-процессуальных производств. Именно они являются «целеустремленными и заинтересованными пользователями» уголовно-процессуальных средств воздействия на общественные отношения – его норм и институтов.

Сказанное наталкивает сразу на два вывода. Во-первых, возникновение конфликта уголовно-процессуальных средств между такими социальными субъектами, как государство и общество, невозможно, что упрощает познание его сущности. И, во-вторых, недостаток уголовно-процессуальных средств воздействия на общественные отношения, их отсутствие, техническое, логическое, лексическое несовершенство этих средств является весомым фактором, влияющим на эффективность уголовно-процессуального воздействия, как в правовом, так и в общесоциальном его аспекте.

Если сгруппировать все противоречия, имеющие потенциал вылиться в конфликт уголовно-процессуальных средств, все их можно разделить на *объективные* и *субъективные* противоречия.

Объективными являются противоречия, возникновение которых не зависит от участников конфликта, которые сами являются «заложниками» ситуации. Устранение же этих противоречий – дело других субъектов, в первую очередь – законодателя.

К таковым объективным противоречиям можно отнести:

1. Отсутствие уголовно-процессуальной нормы или института при том, что их наличие продиктовано социальной функцией уголовного процесса, целью уголовно-процессуального воздействия, а также государственными или общественными интересами (пробелы в уголовно-процессуальном праве);

2. Наличие противоречий между нормативно-правовыми актами, уголовно-процессуальными институтами и нормами. В теории права, как известно, данный вид противоречия принято называть правовыми коллизиями. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. В нашем понимании правовые коллизии – это противоречие, т. е. причина конфликта, а не сам конфликт. Данная оговорка потребовалась по той причине, что и в научной среде, и среди практикующих юристов имеет хождение термин «конфликт норм (нормативно-правовых актов)», что зачастую дает основания отождествлять категории «правовая коллизия» и «правовой конфликт»[1];

3. Высокий уровень неопределенности уголовно-процессуальных норм, устанавливающих процессуальные статусы участников уголовного процесса;

4. Дублирование в уголовно-процессуальных нормах полномочий органов и лиц, ведущих уголовно-процессуальное производство, а также уголовно-процессуальных институтов;

5. Отсутствие реальных механизмов привлечения к юридической ответственности участников уголовного процесса, ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности.

В отличие от объективных, *субъективные* противоречия в использовании уголовно-процессуальных средств – это производное сознания участника уголовного процесса, принимающего решение о необходимости использования того или иного средства. Такие противоречия обычно возникают вследствие особенностей правосознания конкретного субъекта, что прямо сказывается и на специфике его правовосприятия, правопонимания и, в конечном счете, применения уголовно-процессуальных норм.

---

[1] См., например: Мельничук Д. С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 68.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный этап развития правовой теории ознаменован продолжающимися исследованиями социальной природы права, начало которым было положено еще в 60-х гг. прошлого века. Данное обстоятельство вынуждает и отраслевые науки приспосабливаться под новые веяния общеправовых теоретических исследований. К сожалению, уголовно-процессуальной теории, которая в своей базе по-прежнему имеет формально-юридический фундамент, это касается в меньшей степени.

В данной работе автор предпринял попытку отойти от привычного взгляда на категорию «эффективность» в уголовном процессе и рассмотреть ее как социально обусловленное качественное свойство того воздействия, которое в самом широком смысле оказывает уголовно-процессуальное право на социум в целом. Данное обстоятельство предопределило направление проведенного исследования, необходимость обращения к социальной природе уголовного процесса, генезису этого сегмента общественных отношений, что позволило не только изучить сущность и методологию правового аспекта эффективности, но и познать такое «неуловимое» свойство уголовно-процессуальной нормы, которым является ее «общественная полезность».

Подводя общий итог данному исследованию, целесообразно ограничиться следующими выводами.

Важнейшей проблемой при проведении исследования явилось выявление той методологии, на которую должно опираться изучение эффективности уголовно-процессуального воздействия. Для ее разрешения пришлось обратиться к базовым положениям теории управления, рассмотрев уголовно-процессуальное право как функционирующую систему, находящуюся во взаимодействии с социальной средой, что выявило явные преимущества феноменологического подхода в изучении эффективности перед онтологическими исследованиями данного феномена и позволило утверждать, что вести речь об эффективности уголовно-процессуального права вне его действия методологически ошибочно.

Эффективным или неэффективным может быть исключительно акт реализации уголовно-процессуального права, посредством которого право воздействует на общественные связи, а, следовательно, в рамках теории эффективности именно оно – уголовно-процессуальное воздействие – является объектом исследования.

Использование не совсем привычного для нашей правовой традиции термина – «уголовно-процессуальное воздействие» – было обусловлено тем, что традиционные формы функционирования права – регулирование и охрана общественных отношений – не способны охватить всего многообразия взаимодействия права с социальной средой. Данный вывод в основе своей имеет тот очевидный факт, что уголовно-процессуальное право функционирует не в «вакууме», и отрицать то, что, будучи функционирующей системой, оно способно видоизменять среду, в которой происходит его функционирование, невозможно. В контексте нашего исследования это умозаключение натолкнуло нас на следующую закономерность: без учета того, как уголовно-процессуальное право и его нормы воздействуют на социальную среду, установить его эффективность не представляется возможным. А отсюда следует, что объектом познания при исследовании эффективности уголовно-процессуального воздействия является и его формально-юридическая составляющая, и тот социально полезный результат, который был достигнут в итоге реализации уголовно-процессуальных предписаний, т. е. социальная эффективность уголовно-процессуального воздействия.

Сообразно избранной методологии нами была разрешена проблема критерия эффективности уголовно-процессуального воздействия, которым является исключительно его цель. Такой подход, помимо собственно ответа на вопрос о критерии эффективности, позволил нам решить еще одну исследовательскую задачу и разграничить близкие по звучанию, но совершенно разные по содержанию категории – «эффективность» и «оптимальность».

Нами было установлено, что если эффективность – это отражение цели уголовно-процессуального воздействия, воплощенная в его правовых и общесоциальных результатах, то оптимальность – качественная характеристика

средств ее достижения – норм уголовно-процессуального права и практики их реализации. Они могут быть более или менее оптимальными либо вовсе не оптимальными, однако эффективными они быть не могут. Эффективным является уголовно-процессуальное воздействие – процесс функционирования этих средств, результатом чего становится претворение его правовых и социальных целей в жизнь.

Выявление цели уголовно-процессуального воздействия в качестве единственного критерия его эффективности не могло не повлечь исследования этого феномена, результатом чего стали, как представляется, достаточно оригинальные выводы.

Цель уголовно-процессуального воздействия исследовалась нами с позиции того, что она – отражение потребности в совершенствовании социальной среды, в которой функционирует уголовно-процессуальное право, но не его «самосовершенствование». Достижение оптимального состояния средства уголовно-процессуального воздействия не может быть его целью, иначе в таком случае само средство, его параметры и характеристики становятся самоцелью, что не может рассматриваться как критерий эффективности уголовно-процессуального воздействия.

Как и любая другая, цель уголовно-процессуального воздействия – это результат особого социально-обусловленного процесса ее формирования, носящего название «целеполагание». Субъектом «уголовно-процессуального целеполагания» является исключительно коллективный актор – социум, общество, формирующий запрос в реализации своих интересов посредством уголовно-процессуального воздействия на определенные группы общественных отношений, что формирует цель уголовно-процессуального воздействия, природа которой объективна. «Венцом» процесса ее трансформации в средство уголовно-процессуального воздействия, носящего наименование «уголовно-процессуальное правообразование», является акт нормотворчества, в результате которого появляется, изменяется или исчезает норма уголовно-процессуального права (институт). В соотнесении правовых и социальных итогов ее (его)

функционирования с социально обусловленной целью уголовно-процессуального воздействия, на достижение которой это средство было направлено, и заключается процесс установления эффективности уголовно-процессуального воздействия.

Социальная обусловленность цели уголовно-процессуального воздействия указывает на ее динамичность. Та цель, которая характеризует его в тот или иной период, производна от уровня социального и государственного развития, определяемого соотношением личных, общественных и государственных интересов в той сфере отношений, которые подвергаются уголовно-процессуальному воздействию. Неизменна лишь социальная функция уголовного процесса – легитимация акта привлечения к уголовной ответственности или освобождения от нее.

Уголовный процесс – это чрезвычайно конфликтоопасная сфера, что обусловлено очевидным противоречием сталкивающийся в ее пределах интересов. Причем, что достаточно убедительно доказано в работе, это не традиционно исследуемый «дуумвират» интересов, представленный частным (личным) и общественным (публичным) интересами, а сложный комплекс трех групп интересов, носителями которых являются личность, общество и государство. В условиях этой существенно более сложной системы взаимоотношений государство как потенциально самый сильный участник данного социального взаимодействия может выбрать сразу несколько его стратегий, спектр которых простирается от абсолютного подчинения интересов личности и общества своим интересам до их балансирования и избегания формирования социально конфликтной среды.

В исследовании подчеркнуто, что выбор стратегии взаимодействия государства с обществом и личностью не априорен. На разных этапах общественного и государственного развития государство избирает ту, которая отвечает либо исключительно его потребностям и интересам, либо учитывает интересы личности и общества. Для нас вполне очевиден вывод, что наше государство достигло такого уровня общественного развития, что вполне

способно претворять свои интересы не через насилие, а через балансирование своих интересов и потребностей с интересами и потребностями других акторов данной сферы социальных отношений, и уголовно-процессуальное право здесь – единственное средство такой балансировки. Только такое «антиконфликтное» уголовно-процессуальное воздействие по-настоящему социально эффективно, а, следовательно, его цель – формирование бесконфликтных условий функционирования уголовно-процессуального права (социальной среды). Из этого постулата мы исходили при формировании нашей концепции.

Объектом антиконфликтного уголовно-процессуального воздействия является социальный конфликт как способ разрешения противоречий, когда одна из сторон предпринимает попытку достижения своей цели или удовлетворениях своих интересов за счет интересов другой стороны, либо неприемлемыми для нее средствами. Такие конфликты могут возникать, и в микросреде – системе отношений, составляющих предмет специально-юридического воздействия, как конфликт, в основе которого лежат противоречия целей уголовно-процессуальной деятельности, интересов и средств их реализации, возникших в сфере уголовно-процессуальных отношений между их субъектами, и в макросреде, как конфликт, основанный на противоречии уголовно-процессуальных интересов государства и общества (социальной группы) и средств их реализации. Каждый из указанных видов конфликта имеет свой состав участников, свою структуру и динамику, что определяет систему уголовно-процессуальных средств противодействия им и эффективность общесоциального уголовно-процессуального воздействия.

Не претендуя на исчерпывающее доктринальное решение всех или даже большинства проблем, связанных с проблемами эффективности в уголовном процессе, тем не менее, полагаем, что предложенная концепция эффективности уголовно-процессуального воздействия послужит своеобразным катализатором для дальнейших научных изысканий в этой области, что в конечном счете положительно скажется и на уголовно-процессуальном нормотворчестве, и на правоприменительной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. на 4 октября 2022 г.). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 01.03.2025).

2. О создании Союзного государства : договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. О Верховном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

13. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. О долгосрочной государственной экономической политике : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 г. № 805. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 125 и ч. 4 ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 5-0. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

18. О развитии судебной системы Российской Федерации : постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе : постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

20. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

21. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 октября 1995 г. № 8. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

22. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

26. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

27. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

28. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

30. О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2017 г. № 33. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

31. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003) : с изм. и доп., утв. X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г. – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г) . – Текст : электронный. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

33. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. – Текст : непосредственный // Известия ВЦИК. – 1923. – 18 февр. (утратил силу).

34. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15 (утратил силу).

35. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592 (утратил силу).

36. Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 3 июня 2002 г. № 28. – Текст : непосредственный // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ. – Москва, 2004. – Т. 1 (утратил силу).

37. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII : в ред. Закона Республики Узбекистан от 25 марта 2025 г. № ЗРУ-1050. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

38. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306. – Текст : электронный // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=143021.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 17.02.2025 г. № 61-З. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

40. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV : в ред. Закона Республики Молдова от 13 марта 2025 г. № 35. –

Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

41. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. : в ред. Закона Туркменистана от 25 ноября 2023 г. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

42. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772-IIс : в ред. Закона Грузии от 21.02.2024 № 4046. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

43. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. : в ред. Закона Республики Таджикистан от 3 января 2024 г. № 2017. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

44. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI : в ред. Закона Украины от 4 декабря 2024 г. № 4111 – IX. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

45. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V : в ред. Закона Республики Казахстан от 15 марта 2025 г. № 172 – VIII. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

46. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 126 : в ред. Закона Кыргызской Республики от 22 ноября 2024 г. № 186. – Текст : электронный // ИС Параграф : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004.

Монографии, учебники, учебные пособия

47. Агамиров, К. В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория и практика : монография / К. В. Агамиров. – Москва : ЮРКОМПАНИ, 2015. – 406 с. – Текст : непосредственный.

48. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Ученые труды ВИЮН НКЮ СССР. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с. – Текст : непосредственный

49. Александров, А. С. Назначение уголовного судопроизводства и наказания : монография / А. С. Александров, И.А. Александрова, И.В. Круглов. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2005. – 110 с. – Текст : непосредственный.

50. Александров, Н. Г. Применение норм советского социалистического права : лекция / Н. Г. Александров. – Москва : Изд. Московского университета, 1958. – 40 с. – Текст : непосредственный.

51. Алексеев, Н. С. и др. Очерки развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Издательство Воронежского госуниверситета, 1980. – 251 с. – Текст : непосредственный.

52. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 187 с. – Текст : непосредственный.

53. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1981. – Т. 1. – 359 с. – Текст : непосредственный.

54. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 709 с. – Текст : непосредственный.

55. Анцупов, А. Я. Конфликтология : учебник для вузов / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – Москва : Питер, 2015. – 525 с. – Текст : непосредственный.

56. Артамонова, Е. А. Частное начало в современном уголовном процессе: основные формы проявления : монография / Е. А. Артамонова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 199 с. – Текст : непосредственный.

57. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаутдинов. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 544 с. – Текст : непосредственный.

58. Баев, О. А. Конфликтные ситуации на предварительном следствии / О. А. Баев. – Воронеж : Издательство Воронежского госуниверситета, 1981. – 131 с. – Текст : непосредственный.

59. Барабаш, А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 255 с. – Текст : непосредственный.

60. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – Санкт-Петербург : Типография II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. – 297 с. – Текст : непосредственный.

61. Бахта, А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : монография / А. С. Бахта. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010. – 372 с. – Текст : непосредственный.

62. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации : пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР / Р. С. Белкин. – Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. – Т. 3. – 407 с. – Текст : непосредственный.

63. Белякова, А. М. Эффективность гражданского законодательства: Актуальные вопросы / А. М. Белякова, С. Д. Бунтов, А. А. Бут и др. ; под ред. В. П. Грибанова. – Москва : Изд. Московского госуниверситета, 1984. – 190 с. – Текст : непосредственный.

64. Рабочая книга по прогнозированию / Э. А. Араб-Оглы, И. В. Бестужев-Лада, Н. Ф. Гаврилов и др. ; отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. – Москва : Мысль, 1982. – 430 с. – Текст : непосредственный.

65. Боева, М. В. Тактико-коммуникативная компетентность следователя / М. В. Боева. – Москва : Юрлитинфрм, 2010. – 152 с. – Текст : непосредственный.

66. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В. П. Божьев. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 176 с. – Текст : непосредственный.

67. Брыляков, С. П. Уголовно-процессуальные отношения: понятие и структура : монография / С. П. Брыляков, А. Б. Диваев. – Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2012. – 70 с. – Текст : непосредственный.

68. Василенко, И. Понятие норм права и уголовного процесса : этюд философско-догматический / И. Василенко. – Санкт-Петербург : Типолитография А. Е. Ландау, 1878. – 48 с. – Текст : непосредственный.

69. Варданянц, Г. К. Социологическая теория права : монография / Г. К. Вараданянц. – Москва : Академический проспект, 2007. – 439 с. – Текст : непосредственный.

70. Васильева, Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование / Е. Г. Васильева. – Москва : Юрлитниформ, 2013. – 584 с. – Текст : непосредственный.

71. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – Москва : Изд. А. А. Карцева, 1912. – 442 с. – Текст : непосредственный.

72. Владимиров, Л. Е. Правовое творчество : вступительная статья / Л. Е. Владимиров. – Москва : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1905. – 36 с. – Текст : непосредственный.

73. Власова, С. В. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : монография / С. В. Власова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 200 с. – Текст : непосредственный.

74. Володина, Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе / Л. М. Володина. – Тюмень : Тюменский госуниверситет, 1999. – 171 с. – Текст : непосредственный.

75. Вопленко, Н. Н. Сущность, принципы и функции права : учебное пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 1996. – 53 с. – Текст : непосредственный.

76. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права / Ю. С. Гамбаров. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 780 с. – Текст : непосредственный.

77. Головко, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головко. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с. – Текст : непосредственный.

78. Горбань, В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства / В. С. Горбань. – Москва : Юриспруденция, 2009. – 158 с. – Текст : непосредственный.

79. Гредескул, Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: Социально-юридическое исследование / Н. А. Гредескул. – Харьков : Тип. А. Дарре, 1900. – 235 с. – Текст : непосредственный.

80. Даев, В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса / В. Г. Даев. – Ленинград : Ленинградский госуниверситет, 1982 – 112 с. – Текст : непосредственный.

81. Дегай, П. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства / П. Дегай. – Санкт-Петербург : Типография Министерства государственных имуществ, 1847. – 326 с. – Текст : непосредственный.

82. Денисов, А. И. Социалистическое право : лекции / А. И. Денисов. – Москва : Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1955. – 68 с. – Текст : непосредственный.

83. Деришев, Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография / Ю. В. Деришев, В. В. Николюк. – Красноярск : Изд. Сибирского юридического института МВД России, 2003. – 198 с. – Текст : непосредственный.

84. Добровольская, Т. Н. Принципы советского уголовного процесса / Т. Н. Добровольская. – Москва : Юридическая литература, 1971. – 199 с. – Текст : непосредственный.

85. Дубинский, А. Я. Эффективность применения мер уголовно-процессуального принуждения органами предварительного расследования в

системе МВД СССР : учебное пособие / А. Я. Дубинский. – Киев : КВШ МВД СССР, 1985. – 107 с. – Текст : непосредственный.

86. Духовский, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовский. – Москва : Университетская типография, 1902. – 498 с. – Текст : непосредственный.

87. Дюрягин, И. Я. Право и управление / И. Я. Дюрягин. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 168 с. – Текст : непосредственный.

88. Зайцев, А. К. Социальный конфликт / А. К. Зайцев. – Москва : Akademia, 2001. – 461 с. – Текст : непосредственный.

89. Здравомыслов, А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – Москва : Политиздат, 1986. – 221 с. – Текст : непосредственный.

90. Зеленская, Т. В. Понятие и сущность уголовно-процессуальной деятельности : учебное пособие / Т. В. Зеленская. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2010. – 44 с. – Текст : непосредственный.

91. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность / З. З. Зинатуллин. – Казань : Издательство Казанского университета, 1981. – 136 с. – Текст : непосредственный.

92. Зусь, Л. Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования : учебное пособие / Л. Б. Зусь. – Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 1976. – 107 с. – Текст : непосредственный.

93. Зусь, Л. Б. Проблемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства : учебное пособие. Ч. 2 : Вопросы теории / Л. Б. Зусь – Владивосток : Издательство Дальневосточного государственного университета, 1978. – 87 с. – Текст : непосредственный.

94. Йеринг, фон Р. Цель в праве : Том 1 / Р. ф. Йеринг . – Санкт-Петербург : Издание Н. В. Муравьева, 1881. – 412 с. – Текст : непосредственный.

95. Йеринг, фон Р. Борьба за право / Р. ф. Йеринг. – Москва : Изд. И. Юровского, 1874. – 96 с. – Текст : непосредственный.

96. Калмыков, В. Т. Дела частного обвинения / В. Т. Калмыков. – Минск : Беларусь, 1978. – 111 с. – Текст : непосредственный.

97. Карнозова, Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа / Л. М. Карнозова – Москва : Р. Валент, 2010. – 478 с. – Текст : непосредственный.

98. Катькало, С. М. Судопроизводство по делам частного обвинения / С. М. Катькало, В. З. Лукашевич. – Ленинград : Изд-во Ленинградского госуниверситета, 1972. – 208 с. – Текст : непосредственный.

99. Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с. – Текст : непосредственный.

100. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право / Б. А. Кистяковский. – Москва : М. и С. Сабашниковы (Типолитография т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1916. – 704 с. – Текст : непосредственный.

101. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Издательство Воронежского госуниверситета, 1984. – 191 с. – Текст : непосредственный.

102. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер ; пер. О. Назаровой. – Москва : Идея-пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с. – Текст : непосредственный.

103. Козявин, А. А. Социальное назначение и функции уголовного процесса / А. А. Козявин. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 266 с. – Текст : непосредственный.

104. Кокорев, Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов, О. Я. Баев и др. ; науч. ред. Л. Д. Кокорев. – Воронеж: Издательство Воронежского госуниверситета, 1984. – 160 с. – Текст : непосредственный.

105. Конфликтология : учебник для вузов / под ред. А. С. Кармина. – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 442 с. – Текст : непосредственный.

106. Концепция развития российского законодательства : сборник статей / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. – Москва : Городец, 2004. – 848 с. – Текст : непосредственный.

107. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – Москва : Эксмо, 2010. – 732 с. – Текст : непосредственный.

108. Коркунов, К. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1909. – 354 с. – Текст : непосредственный.

109. Кудрявцев, В. Н. Юридическая конфликтология : учебник для вызов / В. Н. Кудрявцев. – Москва : ЮрИнформ, 2003. – 171 с. – Текст : непосредственный.

110. Курс советского уголовного процесса : Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 638 с. – Текст : непосредственный.

111. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян и др. ; под ред. Л. В. Головко. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2017. – 1278 с. – Текст : непосредственный.

112. Куцова, Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э. Ф. Куцова. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 199 с. – Текст : непосредственный.

113. Лазарев, В. В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории) / В. В. Лазарев. – Казань : Издательство Казанского госуниверситета, 1975. – 207 с. – Текст : непосредственный.

114. Лебедев, Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу и пути их разрешения / Н. Ю. Лебедев. – Новосибирск : Издательство НГТУ, 2012. – 323 с. – Текст : непосредственный.

115. Левченко, О. В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности : монография / О. В. Левченко. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 176 с. – Текст : непосредственный.

116. Лукин, Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами. управление конфликтами : учебник для вузов / Ю. Ф. Лукин. – Москва : Академический проспект; Гаудеамус, 2007. – 798 с. – Текст : непосредственный.

117. Лунев, А. Е. Природа, право, управление / А. Е. Лунев. – Москва : Наука. – 1981. – 268 с. – Текст : непосредственный.

118. Лысов, М. Д. Наказание и его применение за должностные преступления. Цели, эффективность и принципы индивидуализации / М. Д. Лысов. – Казань : Издательство Казанского госуниверситета, 1977. – 158 с. – Текст : непосредственный.

119. Люблинский, П. И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах / П. И. Люблинский. – Санкт-Петербург, 1904. – 35 с. – Текст : непосредственный.

120. Люблинский, П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия / П. И. Люблинский. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1906. – 701 с. – Текст : непосредственный.

121. Ляхов, Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика / Ю. А. Ляхов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского госуниверситета, 1992. – 96 с. – Текст : непосредственный.

122. Максуров, А. А. Эффективность и качество права / А. А. Максуров – Москва : ЭкоООнис, 2015. – 372 с. – Текст : непосредственный.

123. Мартынчик, Е. Г. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Е. Г. Мартынчик, В. П. Радьков, В. Е. Юрченко. – Кишинев : Штиннус, 1982. – 188 с. – Текст : непосредственный.

124. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / М. Н. Марченко – Москва : Проспект, 2018. – 636 с. – Текст : непосредственный.

125. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия : Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд. Саратовского госуниверситета, 1972. – 292 с. . – Текст : непосредственный.

126. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юристъ, 2007. – 540 с. – Текст : непосредственный.

127. Миттермайер, К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству / К. Ю. А. Миттермайер. – Санкт-Петербург : Ред. Журнала Министерства юстиции, 1864. – 580 с. – Текст : непосредственный.

128. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс. Концепция самоограничения государства / Е. Б. Мизулина. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1991. – 148 с. – Текст : непосредственный.

129. Михайловская, И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. – Москва : Проспект, 2003. – 142 с. – Текст : непосредственный.

130. Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда / И. В. Михайловский. – Томск : Типолитография П. И. Макушина, 1905. – 336 с. – Текст : непосредственный.

131. Меркель, А. Юридическая энциклопедия / А. Меркель. – Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1902. – 256 с. – Текст : непосредственный.

132. Морозов, Л. М. Методологические основы теории эффективности / Л. М. Морозов, Г. Б. Петухов, В. Н. Сидоров. – Ленинград : Военный инженерный институт им. А. Ф. Можайского, 1982. – 236 с. – Текст : непосредственный.

133. Морщакова, Т. Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин. – Москва : Наука, 1987. – 240 с. – Текст : непосредственный.

134. Мотовиловкер, Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е. Я. Мотовиловкер. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1990. – 134 с. – Текст : непосредственный.

135. Муромцев, С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев. – Москва : Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1879. – 240 с. – Текст : непосредственный.

136. Нажимов, В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса / В. П. Нажимов – Калининград : Калининградская правда, 1977. – 92 с. – Текст : непосредственный.

137. Назаров, А. Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины : монография / А. Д. Назаров. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 248 с. – Текст : непосредственный.

138. Научные концепции развития российского законодательства : монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко и др. ; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – Москва : Норма, 2024 // URL: https://znanium.ru/catalog/product/2156983 (дата обращения: 01.11.2024). – Режим доступа : по подписке. – Текст : электронный.

139. Недбайло, П. Е. Применение норм советского права / П. Е. Недбайло. – Москва : Госюриздат, 1960. – 511 с. – Текст : непосредственный.

140. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски. – Москва : Прогресс, 1987. – 248 с. – Текст : непосредственный.

141. Никитинский, В. И. Эффективность норм трудового права / В. И. Никитинский. – Москва : Юридическая литература. – 1971. – 247 с. – Текст : непосредственный.

142. Никифоров, Б. С. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / Б. С. Никифоров. – Москва : Юридическая литература. – 1968. – 255 с. – Текст : непосредственный.

143. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – Москва : Юристъ, 2009. – 175 с. – Текст : непосредственный.

144. Основы конфликтологии : учебное пособие / А. В. Дмитриев, Ю. Г. Запрудский, В. П. Казимирчук и др. ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – Москва : Юристъ, 1997. – 194 с. – Текст : непосредственный.

145. Пашкевич, П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства / П. Ф. Пашкевич. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 176 с. – Текст : непосредственный.

146. Пашуканис, Е. Б. Общая теория права и марксизм (опыт критики основных юридических понятий) / Е. Б. Пашуканис. – Москва : Мосполиграф 27 тип. «Красная печать», 1924. – 160 с. – Текст : непосредственный.

147. Победкин, А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного процесса. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 328 с. – Текст : непосредственный.

148. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – Москва : Типография Г. А. Лемана, 1913. – 337 с. – Текст : непосредственный.

149. Поляков, М. П. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография / М. П. Поляков, А.Ю. Смолин. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. – 152 с. – Текст : непосредственный.

150. Полянский, Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его судоустройство и деятельность : лекции / Н. Н. Полянский. – Москва : Т-во Сытина, 1911. – 203 с. – Текст : непосредственный.

151. Полянский, Н. Н. Цель уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Ярославль : Тип. Ярославского кредитного союза кооператоров, 1919. – 36 с. – Текст : непосредственный.

152. Попов, Л. Л. Управление. Гражданин. Ответственность. Сущность, применение эффективность административных взысканий / Л. Л. Попов, А. П. Шергин. – Ленинград : Наука, 1975. – 251 с. – Текст : непосредственный.

153. Петрухин, И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства / И. Л. Петрухин. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 192 с. – Текст : непосредственный.

154. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин ; под ред. И. Б. Михайловской. – Москва : Наука, 1989. – 254 с. – Текст : непосредственный.

155. Петрухин, И. Л. Время реформ / И. Л. Петрухин. – Москва : Наука, 1991. – 208 с. – Текст : непосредственный.

156. Пискотин, М. И. Социализм и государственное управление / М. И. Пискотин. – Москва : Наука, 1984. – 256 с. – Текст : непосредственный.

157. Полянский, Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Москва : Изд. АН СССР, 1960. – 212 с. – Текст : непосредственный.

158. Пригожин, И. Р. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Р. Пригожин ; пер. Ю. А. Данилов. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 215 с. – Текст : непосредственный.

159. Раска, Э. Э. Борьба с преступностью и социальное управление / Э. Э. Раска. – Таллинн : Ээсти раамат, 1985. – 216 с. – Текст : непосредственный.

160. Решетов, Ю. С. Реализация норм советского права. Системный анализ / Ю. С. Решетов. – Казань : Изд. Казанского госуниверситета, 1989. – 154 с. – Текст : непосредственный.

161. Розовский, Б. Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса : эссе / Б. Г. Розовский. – Луганск : Луганская академия внутренних дел, 2004. – 600 с. – Текст : непосредственный.

162. Россинский, С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций / С. Б. Россинский. – Москва : Эксмо, 2007. – 574 с. – Текст : непосредственный.

163. Саввин, М. Я. Эффективность административно-правовой деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и ее оценка : пособие / М. Я. Саввин, А. И. Силаев. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1990. – 64 с. – Текст : непосредственный.

164. Соломатина, Е. Н. Социология конфликта : учебное пособие для вузов / Е. Н. Соломатина. – Москва : Академический проспект, 2020. – 198 с. – Текст : непосредственный.

165. Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах / под ред. В. А. Летяева. – Казань : Институт истории Казанского федерального университета, 2012. – 412 с. – Текст : непосредственный.

166. Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса / В. Случевский. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1913. – 670 с. – Текст : непосредственный.

167. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Наука, ООО Издательство «Альфа», 2000. – 223 с. – Текст : непосредственный.

168. Смирнов, О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии / О. В. Смирнов. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 184 с. – Текст : непосредственный.

169. Смирнова, И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства / И. Г. Смирнова. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 340 с. – Текст : непосредственный.

170. Спиридонов, Л. И. Понятие, предмет и метод уголовно-правовой социологии / Л. И. Спиридонов. – Москва, 1975. – 26 с. – Текст : непосредственный.

171. Строгович, М. С. Сущность права : Теория государства и права : учебник / М. А. Аржанов, С. Ф. Кечекьян, Б. С. Маньковский, М. С. Строгович; науч. ред. : М. П. Карева. – Москва : Госюриздат, 1949. – 511 с. – Текст : непосредственный.

172. Строгович, М. С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М. С. Строгович, Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин ; отв. ред. В. М. Савицкий. – Москва : Наука, 1979. – 320 с. – Текст : непосредственный.

173. Строгович, М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М. С. Строгович. – Москва : АН СССР. Институт государства и права, 1939. – 152 с. – Текст : непосредственный.

174. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учебник для юридических ВУЗов / М. С. Строгович. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. – 310 с. – Текст : непосредственный.

175. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / Т. I : Основные положения науки уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с. – Текст : непосредственный.

176. Стучка, П. И. Курс советского гражданского права : учебное пособие для вузов и комвузов : в 2 т. – Т. 1: Введение в теорию гражданского права / П. И. Стучка. – Москва : Изд. Коммунистической академии, 1927. – 230 с. – Текст : непосредственный.

177. Стучка, П. И. Введение в теорию гражданского права / П. И. Стучка. – Текст : непосредственный // Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига : Латгосиздат, 1964. – 748 с.

178. Тарановская, Е. А. Эффективность правового регулирования материально-технического снабжения / Е. А. Тарановская. – Ленинград : Изд. Ленинградского университета, 1976. – 126 с. – Текст : непосредственный.

179. Тальберг, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям : в 2 т. / Д. Г. Тальберг. – Киев : Т-во печ. дела и торг. И. Н. Кушнерев и К° в Москве, Киев. отд-ние, 1898. – Текст : непосредственный.

180. Теория государства и права : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышкина. – Москва : Проспект, 2017. – 430 с. – Текст : непосредственный.

181. Теория доказательств в советском уголовном процессе : в 2 ч. / отв. ред. Н. В. Жогин. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 736 с. – Текст : непосредственный.

182. Тихомиров, Ю. А. Управленческое решение / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Наука, 1972. – 288 с. – Текст : непосредственный.

183. Тихомиров, Ю. А. Право и социальное управление в развитом социалистическом обществе / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Мысль, 1978. – 64 с. – Текст : непосредственный.

184. Тихомиров, Ю. А. Право и социальное управление в развитом социалистическом обществе : лекция / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Мысль, 1978. – 64 с. – Текст : непосредственный.

185. Тихомиров, Ю. А. Действие закона / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Известия, 1992. – 163 с. – Текст : непосредственный.

186. Тихомиров, Ю. А. Юридическое прогнозирование : научно-практическое пособие / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2018. – 164 с. – Текст : непосредственный.

187. Толстой, Ю. К. К теории правоотношений / Ю. К. Толстой. – Ленинград : Издательство Ленинградского госуниверситета, 1959. – 87 с. – Текст : непосредственный.

188. Томин, В. Т. Очерки теории эффективного уголовного процесса : монография / В. Т. Томин, М. П. Поляков, А. П. Попов ; под ред. В. Т. Томина. – Москва ; Берлин: ДиректМедиа, 2015. – 164 с. – Текст : непосредственный.

189. Томин, В. Т. Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции / В. Т. Томин. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс России: Проблемные лекции : учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / науч. ред. В. Т. Томин, А. П. Попов, И. А. Зинченко. – Пятигорск : РИА – КМВ, 2014. – С. 26–71.

190. Томин, В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В. Т. Томин. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 240 с. – Текст : непосредственный.

191. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI в. / Э. Тоффлер ; пер. с англ.: В. В. Белокосков и др. – Москва : АСТ, 2003. – 669 с. – Текст : непосредственный.

192. Трубников, Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат» / Н. Н. Трубников. – Москва : Высшая школа, 1968. – 148 с. – Текст : непосредственный.

193. Уголовный процесс : учебник для ВУЗов / под общ. ред. В. И. Радченко. Изд. 2-е, доп. и перераб. – Москва : Издательский дом «Юстицинформ», 2006. – 783 с. – Текст : непосредственный.

194. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Кальницкий ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – Москва : КНОРУС, 2008. – 751 с. – Текст : непосредственный.

195. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2013. – 1007 с. – Текст : непосредственный.

196. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : комментарий / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 822 с. – Текст : непосредственный.

197. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат. / отв. ред. А. Е. Лебедев, Е. Б. Мизулина. – Москва : Норма, 2007. – 800 с. – Текст : непосредственный.

198. Успенский, Л. Очерки по юридической технике / Л. Успенский. – Ташкент : Средазкнига, 1927. – 219 с. – Текст : непосредственный.

199. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л. И. Якобсона. – Москва : Вершина, 2008. – 292 с. – Текст : непосредственный.

200. Философия конфликта. : хрестоматия / сост. Е. С. Черепанова. – Екатеринбург, 2007. – 264 с. – Текст : непосредственный.

201. Фаткуллин, Ф. Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф. Н. Фаткуллин, Л. Д. Чулюкин. – Казань : Изд. Казанского университета, 1977. – 117 с. – Текст : непосредственный.

202. Фельдштейн, Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн. – Москва : Типолитография В. Рихтер, 1915. – 433 с. – Текст : непосредственный.

203. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. – 4-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общест. польза», 1912. – Текст : непосредственный.

204. Халфина, Р. О. Право как средство социального управления / Р. О. Халфина. – Москва : Наука, 1988. – 256 с. – Текст : непосредственный.

205. Харин, Ю. А. Категории социальной диалектики / Ю. А. Харин. – Минск : Белорусский госуниверситет, 1978. – 199 с. – Текст : непосредственный.

206. Царев, В. М. Эффективность участия защитника в доказывании на представительном следствии / В. М. Царев. – Красноярск : Изд. Красноярского университета, 1990. – 153 с. – Текст : непосредственный.

207. Цыбульская, М. В. Конфликтология : учебно-практическое пособие для системы высшего и дополнительного образования / М. В. Цыбульская, Е. С. Яхонтова. – Москва : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 1999. – 114 с. – Текст : непосредственный.

208. Чельцов-Бебутов, М. А. Советский уголовный процесс : учебник для социально-экономических вузов. Вып. II / М. А. Чельцов-Бебутов. – Харьков : Юридическое изд. Наркомюста УССР, 1929. – 337 с. – Текст : непосредственный.

209. Чельцов, М. А. Уголовный процесс : учебник для юридических институтов и юридических факультетов / М. А. Чельцов. – Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 624 с. – Текст : непосредственный.

210. Чельцов, М. А. Уголовный процесс : учебник для юридических институтов и факультетов / М. А. Чельцов. – Москва : Госюриздат, 1962. – 503 с. – Текст : непосредственный.

211. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных

и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – Санкт-Петербург : Равена, Альфа, 1995. – 846 с. – Текст : непосредственный.

212. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1973. – 160 с. – Текст : непосредственный.

213. Экимов, А. И. Интересы и право в социалистическом обществе / А. И. Экимов. – Ленинград : Издательство Ленинградского госуниверситета, 1984. – 135 с. – Текст : непосредственный.

214. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Ленинград : Ленинградский госуниверситет им. А. А. Жданова, 1963. – 172 с. – Текст : непосредственный.

215. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. – Москва : Юридическая литература, 1980. – 280с. – Текст : непосредственный.

216. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок : в 2 ч. / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – Москва : Изд. Академии наук СССР ; Институт государства и права, 1975. – Текст : непосредственный.

217. Юридическая конфликтология / А. Д. Бойков, Н. Н. Варламова, А. В. Дмитриев, О. Л. Дубовик и др. ; отв. ред. : В. Н. Кудрявцев. – Москва : Изд-во РАН ; Институт государства и права, 1995. – 316 с. – Текст : непосредственный.

218. Явич, Л. С. Сущность права : Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. – Ленинград : Издательство Ленинградского госуниверситета, 1985. – 207 с. – Текст : непосредственный.

219. Якуб, М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М. Л. Якуб. – Москва : Издательство МГУ, 1960. – 171 с. – Текст : непосредственный.

220. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 144 с. – Текст : непосредственный.

221. Якупов, Р. Х. Уголовный процесс : учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. / Р. Х. Якупов ; науч. ред. В. Н. Галузо. – Москва : ТЕИС, 2004. – 607 с. – Текст : непосредственный.

Научные статьи, материалы конференций

222. Абрамов, А. И. Понятие функции права / А. И. Абрамов. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 71–83.

223. Азаров, В. А. Либерализация антикриминального законодательства и защита общечеловеческих ценностей в России / В. А. Азаров. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 1 (30). – С. 103–109.

224. Александров, А. С. Проект нового порядка открытия нового расследования уголовного расследования по сообщению о преступлении / А. С. Александров, С. А. Грачев. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2015. – № 7. – С. 14–21.

225. Александров, А. С. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права / А. С. Александров, С. В. Власов. – Текст : непосредственный // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 53–63.

226. Алексеев, С. С. Право и управление в социалистическом обществе (Общетеоретические вопросы) / С. С. Алексеев. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1973. – № 6. – С. 13–21.

227. Алексеев, С. С. Право: время новых подходов / С. С. Алексеев. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 3–11.

228. Аникеева, Н. С. Право как ресурс социального управления / Н. С. Аникеева, С. Е. Туркулец. – Текст : непосредственный // Проблемы теории и

истории государства и права : сборник научных трудов. – Хабаровск : ДВГУПС, 2010. – С. 190–197.

229. Архипов, С. И. Субъект права в центре правовой системы / С. И. Архипов // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 13–23.

230. Байтин, М. И. О повышении эффективности правового регулирования в социалистическом общенародном государстве / М. И. Байтин. – Текст : непосредственный // Вопросы теории государства и права : сборник статей. – Саратов : Изд. Саратовского юридического института, 1968. – С. 29–65.

231. Бернацкий, Г. Г. Право как функция социального управления / Г. Г. Бернацкий. – Текст : непосредственный // Ученые записки юридического факультета. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2004. – Вып. 1 (11). – С. 168–170.

232. Берова, Д. М. К вопросу о соотношении понятия функции уголовного судопроизводства с понятиями целей, задач, и принципов уголовного судопроизводства / Д. М. Берова. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С. 153–158.

233. Боженко, В. А. Определение понятия «конфликт» / В. А. Боженко. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2000. – № 2. – С. 143–147.

234. Бойков, А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона / А. Д. Бойков // Эффективность применения уголовного закона / отв. ред. : Н. Ф. Кузнецова, И. Б. Михайловская. – Москва : Юридическая литература, 1973. С. 163–180.

235. Боннер, А. Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса / А. Т. Боннер. – Текст : непосредственный. // Правоведение. – 1978. – № 4. – С. 23–31.

236. Боруленков, Ю. П. Доследственная проверка: за и против / Ю. П. Боруленков. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 4–8.

237. Братусь, С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав / С. Н. Братусь. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1949. – № 8 – С. 30–37.

238. Брестер, А. А. Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Брестер. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Сер. 14. – Вып. 1. – С. 74–81.

239. Быков, В. М. Основное противоречие современного уголовного процесса России / В. М. Быков. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. – 2007. – № 18. – С. 20–26.

240. Величко, А. Н. Методика и техника социально-правовых исследований эффективности правовых норм / А. Н. Величко. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды. – Москва : ВНИИ советского законодательства, 1977. – Вып. 8. – С. 29–41.

241. Венгеров, А. Б. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм : ученые записки / А. Б. Венгеров, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко. – Текст : непосредственный // Ученые записки ВНИИ советского законодательства. – Москва, 1971. – Вып. 25. – С. 3–40.

242. Вильнянский, В. И. Применение норм советского социалистического права : Ученые записки / В. И. Вильнянский. – Текст : непосредственный // Ученые записки Харьковского юридического института / отв. ред. С. И. Вильнянский. – Харьков, 1957. – Вып. 8 – С. 3–18.

243. Витченко, А. М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура / А. М. Витченко. – Текст : непосредственный // Вопросы теории государства и права : сборник статей. – Саратов : Изд. Саратовского юридического института, 1968. – С. 65–92.

244. Власова, Н. А., Гирько, С. И. Этапы судебной реформы и реализация некоторых задач уголовного судопроизводства / Н. А. Власова, С. И. Гирько. –

Текст : непосредственный // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов. – Москва, 1994. – С. 3–9.

245. Володина, Л. М. Цель и задачи уголовного процесса / Л. М. Володина. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 126–132.

246. Володина, Л. М. Проблема регламентации возбуждения уголовного дела / Л. М. Володина. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 4. – С. 5–11.

247. Володина, Л. М. Уголовное судопроизводство: проблемы правового регулирования / Л. М. Володина. – Текст : непосредственный // Труды института государства и права РАН. – 2023. – № 4. – С. 187–206.

248. Воскобитова, Л. А. Назначение, цели и задачи современного уголовного судопроизводства: проблемы понимания / Л. А. Воскобитова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений : материалы межвуз. науч.-практ. конференции.– Москва, 2009. – Ч. 1. – С. 56–66.

249. Воскобитова, Л. А. Функциональная модель уголовного судопроизводства / Л. А. Воскобитова. – Текст : непосредственный // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2. – С. 24–37.

250. Вышинский, А. Я. Сталинская Конституция и задачи органов юстиции / А. Я. Вышинский. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1936. – № 8. – С. 6–23.

251. Гаврилов, Б. Я. Уголовная политика России: научные и законодательные мифы и реалии правоприменения / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3. – С. 233–251.

252. Гаврилов, Б. Я. О проблемах эффективности уголовно-процессуального законодательства: мнение ученого и позиция следователя / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов (г. Москва,

7 апреля 2021 г.). – Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. – С. 78–83.

253. Гаврилов, Б. Я. Роль эффективности уголовного процесса в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства: современное состояние и меры по совершенствованию / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход : материалы Международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 18–19 июня 2021 г.). – Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2021. – Ч. 2. – С. 19–26.

254. Гирько, С. И. Современные проблемы поддержания органом дознания обвинения перед судом / С. И. Гирько. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2005. – № 6. – С. 8–11.

255. Головко, Л. В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе / Л. В. Головко. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 61–69.

256. Груздев, В. В. Спорные вопросы соотношения правоспособности и субъективного права / В. В. Груздев. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 52–59.

257. Диваев, А. Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 35–42.

258. Диваев, А. Б. К вопросу об эффективности применения и исполнения мер пресечения в уголовном процессе / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 4(57). – С. 114-125.

259. Диваев, А. Б. Механизм уголовно-процессуального социального воздействия / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2020. – № 3 (73). – С. 26–32.

260. Диваев, А. Б. Научное прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 1466–1475.

261. Диваев, А. Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений – завершающая стадия производства по уголовному делу / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 1(42). – С. 149-159.

262. Диваев, А. Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора / А. Б. Диваев // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 1(46). – С. 134-143.

263. Диваев, А. Б. Понятие и содержание задач уголовно-процессуальной деятельности / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2019. – № 2 (68). – С. 68–73.

264. Диваев, А. Б. Предмет и формы специально-юридического уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 2 (44). – С. 34–46.

265. Диваев, А. Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. – 2019. – № 14. – С. 39–44.

266. Диваев, А. Б. Проблема правовой эффективности в уголовно-процессуальной науке: история вопроса и формирование научного направления / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26, № 3 (78). – С. 71–78.

267. Диваев, А. Б. Совершенствование системы мер принуждения, применяемых к осужденным в производстве по исполнению приговора: межотраслевой аспект / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 2(59). – С. 132-142.

268. Диваев, А. Б. Телеологические аспекты уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 141–159.

269. Диваев, А. Б. Уголовный процесс как специальная форма реализации норм уголовного права / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2022. – № 10. – С. 34–41.

270. Диваев, А.Б. Уголовно-процессуальный конфликт: предпосылки возникновения, понятие и виды / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 42-54.

271. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальное право как средство социального управления / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России – 2025. - № 3(47). – С. 93-100.

272. Диваев, А. Б. Уголовно-процессуальное право – средство воздействия на социальный конфликт / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 105–111.

273. Диваев, А. Б. Участники уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора: функции и статус / А. Б. Диваев – Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 3(48). – С. 110-118.

274. Диваев, А. Б. Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. – 2024. – № 23. – С. 54–62.

275. Дискуссия (по докладу П. Ф. Пашкевича о проблемах процессуальной экономии в советском уголовном процессе). – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. – Москва : ВНИИ советского законодательства, 1974. – Вып. 1. – С. 260–265.

276. Добровольская, Т. Н. Цель советского социалистического правосудия / Т. Н. Добровольская. – Текст : непосредственный // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. – Душанбе, 1968. – Сб. 2. – С. 81–98.

277. Жестовская, Д. А. От защиты публичного интереса к защите интереса потерпевшего / Д. А. Жестовская, А. Г. Тузов. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11 – С. 46–51.

278. Зажицкий, В. И. Нужны ли уголовному процессу задачи? / В. И. Зажицкий. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 22–26.

279. Зинатуллин З. З. Иерархия функций российского уголовного процесса / З. З. Зинатуллин. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2001. – № 4. – С. 46–47.

280. Игнатюк, И. Л. Историко-культурологическое осмысление понятия «критерий» / И. Л. Игнатюк. – Текст : непосредственный // Вестник КемГУ. – 2011. – № 3 (11). – С. 217–222.

281. Здравомыслов, А. Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания / А. Г. Здравомыслов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 12–21.

282. Ищенко, Е. П. Действующий УПК и задачи уголовного судопроизводства / Е. П. Ищенко. – Текст : непосредственный // Труды Кубанского государственного аграрного университета. Серия: Право. – 2008. – № 2 (3). – С. 41–48.

283. К итогам дискуссии о применении советского права. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1955. – № 3. – С. 44–53.

284. Каминская, В. И. Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона (очерк первый) / В. И. Каминская. – Текст : непосредственный // Вопросы борьбы с преступностью / отв. ред. И. И. Карпец. – Москва : Юридическая литература, 1968. – Вып. 7. – С. 3–21.

285. Каминская, В. И. Теоретические проблемы социальной обусловленности и эффективности уголовного правосудия / В. И. Каминская. – Текст : непосредственный // Эффективность применения уголовного закона / отв. ред.: Н. Ф. Кузнецова, И. Б. Михайловская. – Москва : Юридическая литература, 1973. – С. 53–68.

286. Каминская, В. И. О единстве советского процессуального права / В. И. Каминская. – Текст : непосредственный // Вопросы борьбы с преступностью. – 1974. – Вып. 21. – С. 29–46.

287. Качалова, О. В. Прекращение уголовного преследования и вопросы эффективности уголовно-процессуальной деятельности. – Текст : непосредственный / О. В. Качалова, В. И. Качалов // Российская юстиция. – 2025. – № 6. – С. 37–45.

288. Ковтун, Н. Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора / Н. Н. Ковтун. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 66–71.

289. Косолапов, Н. А. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии / Н. А. Косолапов. – Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 12. – С. 35–47.

290. Крыленко, Н. В. На рубеже (о правовой реформе в реконструктивный период) / Н. В. Крыленко. – Текст : непосредственный // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 43. – С. 1332–1334.

291. Крюков, В. Ф. Соотношение основных функций, осуществляемых органами прокуратуры на досудебной и судебной стадиях уголовного процесса (проблемные вопросы науки и практики прокурорского надзора) / В. Ф. Крюков, отв. ред. В. В. Гриб. – Текст : непосредственный // Российская академия юридических наук. Научные труды. – Вып. 5 : в 3 т. – Москва : Изд. группа «Юрист», 2005. – Т. 3. – 850 с.

292. Куцова Э. Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации / Э. Ф. Куцова. – Текст : непосредственный // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М. К. Треушникова. – Москва : ОАО «Издательский дом «Городец»», 2005. – 463 с.

293. Лазарева, В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В. А. Лазарева. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 98–102.

294. Лантух, Н. В. Уголовное судопроизводство (уголовный процесс): понятие, сущность и назначение : лекция / Н. В. Лантух. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 10. – С. 157–168.

295. Лапаева, В. В. Эффективность закона и методы ее изучения / В. В. Лапаева. – Текст : непосредственный // Эффективность закона. Методология и конкретные исследования. – Москва, 1997. – С. 22–44.

296. Лапаева, В. В. Либертарно-юридическая догматика как фактор повышения качества и эффективности правового регулирования / В. В. Лапаева. – Текст : непосредственный // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сборник трудов Международной научной конференции (г. Воронеж, 2–4 июня 2016 г.). – Воронеж : Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2016. – С. 27–35.

297. Лебедев, Н. Ю. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных конфликтов / Н. Ю. Лебедев. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. Право. – 2009. – № 2 (62). – С. 92–94.

298. Лебедев, Н. Ю. Уголовно-процессуальные конфликты, возникающие в ходе расследования преступления: характеристика, функции, виды / Н. Ю. Лебедев. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2008. – № 306. – С. 84–87.

299. Лунев, А. Е. Эффективность правового регулирования компетенции органов государственного управления / А. Е. Лунев. – Текст : непосредственный // Проблемы государства и права на современном этапе: Труды научных сотрудников и аспирантов. – Москва, 1972. – Вып. 6. – С. 3–15.

300. Лупинская, П. А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства / П. А. Лупинская. – Текст : непосредственный // Lex Russica: Научные труды МГЮА. – 2008. – № 2. – С. 277–298.

301. Макарова, З. В. Цель, средства, результат уголовно-процессуальной деятельности. – Текст : непосредственный // Уголовно-процессуальные и

криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 25–26 сентября 2014 г.). – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 160–166.

302. Масевич, М. Г. Гражданско-правовая ответственность предприятий и ее эффективность / М. Г. Масевич. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 82–87.

303. Мезинов, Д. А. О соотношении понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса / Д. А. Мезинов. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2010 – № 340. – С. 129–131.

304. Михайлов, А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия / А. И. Михайлов. – Текст : непосредственный // Эффективность применения уголовного закона / отв. ред.: Н. Ф. Кузнецова, И. Б. Михайловская. – Москва : Юридическая литература, 1973. – С. 181–189.

305. Мицкевич, А. В. Некоторые вопросы взаимодействия и нравственности в период перехода к коммунизму / А. В. Мицкевич. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 15–25.

306. Мокичев, К. Против буржуазных влияний в советском уголовном процессе / К. Мокичев. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1949. – № 2. – С. 5–12.

307. Москалькова, Т. Н. Органы дознания / Т. Н. Москалькова. – Текст : непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (г. Москва, 4–6 февраля 2002 г.). – Москва : Профобразование, 2002. – С. 136–138.

308. Муромцев, С. А. Право и справедливость (Отрывок из публичной лекции) / С. А. Муромцев. – Текст : непосредственный // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды Юридического Общества, состоящего при Императорском Московском Университете, и его Статистического отделения. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 2. – С. 1–12.

309. Николюк, В. В. Кризис веры в справедливость уголовного судопроизводства. Актуальное исследование или научный «спам» (размышления к статье И. А. Антонова). – Ч. 1 / В. В. Николюк, С. С. Безруков, А. Б. Диваев. – Текст : непосредственный // Мировой судья. – 2021. – № 11. – С. 22–29.

310. Николюк, В. В. Российский уголовный процесс как комплекс дифференцированных основных и особых производств / В. В. Николюк. – Текст : непосредственный // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXII международной научно-практической конференции : в 2 т. (г. Иркутск, 18–19 мая 2017 г.). – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. – Т. I. – С. 266–273.

311. Николюк, В. В. Современные уголовная политика и карательная практика в России: доктринальные и организационно-правовые аспекты / В. В. Николюк. – Текст : непосредственный // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции : в 2 т. (г. Иркутск, 24–25 мая 2018 г.). – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. – Т. I. – С. 243–250.

312. Николюк, В. В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / В. В. Николюк. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26, № 2(77). – С. 19–25.

313. Николюк, В. В. Обеспечение права на обжалование процессуальных действий и решений по уголовному делу в свете позиций Конституционного и Верховного Судов РФ / В. В. Николюк, А. Б. Диваев // Уголовное право. – 2020. – № 3. – С. 125-133.

314. О понимании советского права. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1979. – № 8. – С. 56–74.

315. Печников, Г. А. Общая цель уголовного судопроизводства и статья 6 УПК РФ / Г. А. Печников, С. Д. Назаров, А. П. Блинков. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 4 (43) – С. 92–98.

316. Пашкевич, П. Ф. О процессуальной экономии в досудебных стадиях советского уголовного судопроизводства / П. Ф. Пашкевич. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. – Москва : ВНИИ советского законодательства, 1974. – Вып. 1. – С. 162–173.

317. Пашков, Л. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / Л. С. Пашков, Д. С. Чечет. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.

318. Петров, И. Н. Экспертная оценка эффективности правовых норм / И. Н. Петров. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды. – Москва : ВНИИ советского законодательства, 1975. – Вып. 2. – С. 51–52.

319. Петрухин, И. Л. Понятие оптимальности и эффективности правосудия / И. Л. Петрухин. – Текст : непосредственный // Проблемы социалистической законности. – Харьков, 1980. – Вып. 6. – С. 126–134.

320. Поляков, А. В. О понятии эффективности правового регулирования / А. В. Поляков. – Текст : непосредственный // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сборник трудов Международной научной конференции (г. Воронеж, 2–4 июня 2016 г.). – Воронеж : Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2016. – С. 19–27.

321. Прозоров, В. Ф. Некоторые проблемы теории эффективности правового регулирования / В. Ф. Прозоров. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды. – Москва : ВНИИСЗ, 1987. – Вып. 38. – 232 с.

322. Рукавишников, В. О. Социальная напряженность / В. О. Рукавишников. – Текст : непосредственный // Диалог. – 1990. – № 8. – С. 9–15.

323. Самощенко, И. С. О понятии эффективности правовых норм / И. С. Самощенко, В. И. Никитинский. – Текст : непосредственный // Ученые записки ВНИИСЗ. – Москва, 1969. – Вып. 18. – С. 3–19.

324. Сафаров, Р. А. Прогнозирование и юридическая наука / Р. А. Сафаров. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1969. – № 3. – С. 93–102.

325. Сафаров, Р. А. Социальный эксперимент и проблемы государства и права / Р. А. Сафаров. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1964. – № 10. – С. 14–22.

326. Семенов, В. С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием / В. С. Семенов. – Текст : непосредственный // СОЦИС. – 1993. – № 7. – С. 69–78.

327. Суденко, В. Е. Объективная истина как цель уголовного процесса / В. Е. Суденко. – Текст : непосредственный // Транспортное право и безопасность. – 2017. – № 9 (21). – С. 66–73.

328. Смолин, А. Ю. Уголовный процесс как технология: предпосылки концепции / А. Ю. Смолин. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 157–162.

329. Старыгина, П. С. Организационно-управленческие механизмы регулирования социальных конфликтов: нормативно-правовой аспект / П. С. Старыгина. – Текст : непосредственный // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2015. – Т. 1, № 2 (2). – С. 85–95.

330. Строгович, М. С. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1952. – № 8. – С. 13–24.

331. Тарасов, А. А. Проблема концептуального единства изменений в уголовно-процессуальном законодательстве / А. А. Тарасов // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 477-479.

332. Тарасов, А. А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса / А. А. Тарасов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 100-112.

333. Томин, В. Т. Понятие цели советского уголовного процесса / В. Т. Томин. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1969. – № 4. – С. 65–70.

334. Трубникова, Т. В. Пределы упрощения уголовного процесса / Т. В. Трубникова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61). – С. 131–138.

335. Францифоров, Ю. В. Классификация противоречий в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Францифоров // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 572–579.

336. Холоденко, В. Д. О совершенствовании механизма правового регулирования деятельности суда по собиранию и проверке доказательств / В. Д. Холоденко. – Текст : непосредственный // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С. 170–176.

337. Цыреторов, А. И. Определение эффективности правового воздействия на реальные процессы и фактические результаты в уголовном судопроизводстве / А. И. Цыреторов. – Текст : непосредственный // Lex russica. – 2025. – № 78 (2). – С. 81–101.

338. Честнов, И. Л. Проблемы и перспективы юридического прогнозирования / И. Л. Честнов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2024. – № 12. – С. 36–43.

339. Честнов, И. Л. Эффективность правового регулирования в постклассическом измерении / И. Л. Честнов. – Текст : непосредственный // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сборник трудов Международной научной конференции (г. Воронеж, 2–4 июня 2016 г.). – Воронеж : Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2016. – С. 86–98.

340. Шлыков, С. А. О содержании понятия эффективности правовых норм / С. А. Шлыков. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды. – Москва : ВНИИСЗ, 1977. – Вып. 8. – С. 17–29.

341. Шундиков, К. В. Правовые механизмы: основы теории / К. В. Шундиков. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 12. – С. 12–21.

342. Элькинд, П. С. Категории «цель» и «средства» в сфере уголовно-процессуального регулирования / П. С. Элькинд. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1972. – № 8. – С. 98–103.

343. Явич, Л. С. Некоторые теоретические проблемы осуществления норм советского права : Труды юридического факультета. – Т. XII / Л. С. Явич. – Текст : непосредственный // Ученые записки Таджикского государственного университета. – Сталинабад, 1956. – Вып. 4. – С. 27–69.

Диссертации и авторефераты

344. Абрамова, А. А. Эффективность механизма правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Абрамова Алина Александровна. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 2006. – 206 с. – Текст : непосредственный.

345. Агутин, А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Агутин Александр Васильевич. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2005. – 448 с. – Текст : непосредственный.

346. Адаменко, И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: систематизирующие основания и компоненты : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Адаменко Игорь Евгеньевич. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2018. – 449 с. – Текст : непосредственный.

347. Азаренок, Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. … д-ра юрид наук : 12.00.09 / Азаренок Николай Васильевич. – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – 547 с. – Текст : непосредственный.

348. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Александров Александр Сергеевич. – Нижний

Новгород : Нижегородская академия МВД России, 1995. – 243 с. – Текст : непосредственный.

349. Андреева, О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Андреева Ольга Ивановна. – Томск : Томский государственный университет, 2007. – 49 с. – Текст : непосредственный.

350. Астафьев, А. Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Астафьев Алексей Юрьевич. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2013. – 237 с. – Текст : непосредственный.

351. Астахов, П. А. Юридические конфликты и современные способы их разрешения (теоретико-правовое исследование) : дис. д-ра … юрид наук : 12.00.01 / Астахов Павел Алексеевич. – Москва : Московский университет МВД России, 2006. – 446 с. – Текст : непосредственный.

352. Ахматов, И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных отношений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ахматов Иван Игоревич. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2017. – 264 с. – Текст : непосредственный.

353. Баева, Н. А. Конфликты в деятельности адвоката – защитника в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Баева Наталья Алексеевна – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2007. – 26 с. – Текст : непосредственный.

354. Бажанов, С. В. Стоимость уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук 12.00.09 / Бажанов Станислав Васильевич. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. – 588 с. – Текст : непосредственный.

355. Бахта, А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Бахта Андрей Сергеевич. – Москва : ВНИИ МВД РФ, 2011. – 518 с. – Текст : непосредственный.

356. Берова, Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Берова Джульетта Михайловна. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2011. – 439 с. – Текст : непосредственный.

357. Богатский, Д. В. Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства РФ как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Богатский Дмитрий Валерьевич. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2007. – 182 с. – Текст : непосредственный.

358. Бонк, Е. Л. Общественное мнение и эффективность правовой нормы : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бонк Елена Львовна. – Москва : ВНИИ советского законодательства, 1982. – 15 с. – Текст : непосредственный.

359. Бояринцев, В. Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Бояринцев Виктор Николаевич. – Москва : Институт государства и права, 1987. – 218 с. – Текст : непосредственный.

360. Брестер, А. А. Начало, форма и метод уголовного процесса : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Брестер Александр Александрович. – Томск : Национальный исследовательский Томский госуниверситет, 2013. – 219 с. – Текст : непосредственный.

361. Бушмелев, А. А. Конфликт как фактор самоорганизации общества : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.11 / Бушмелев Антон Аркадьевич. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2005. – 39 с. – Текст : непосредственный.

362. Быков, А. Г. Эффективность хозяйственного договора : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Быков Анатолий Григорьевич. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1982. – 33 с. – Текст : непосредственный.

363. Вилдерс, Я. А. Стабильность приговора и эффективность правосудия: уголовно-процессуальное и социологическое исследование по материалам судов Латвийской ССР : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Вилдерс Янис Августович. – Ленинград : ЛГУ им. А.А. Жданова, 1981. – 27 с. – Текст : непосредственный.

364. Воскобитова, Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Воскобитова Лидия Алексеевна. – Москва : МГЮА, 2004. – 55 с. – Текст : непосредственный.

365. Гаприндашвили, Р. Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Гаприндашвили Резо Тенгизович. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2016. – 181 с. – Текст : непосредственный.

366. Гильмутдинова, М. И. Теоретические основы эффективного правоприменения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Гильмутдинова Милауша Ильдусовна. – Казань : Приволжский федеральный университет, 2012. – 165 с. – Текст : непосредственный.

367. Гойман, В. И. Действие права (Методологический анализ) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Гойман Владимир Иванович. – Москва : Академия МВД России, 1992. – 351 с. – Текст : непосредственный.

368. Горбань, В. С. Правовое учение Йеринга и его интерпретации : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Горбань Владимир Сергеевич. – Москва : РАН, Институт государства и права, 2019. – 578 с. – Текст : непосредственный.

369. Горохов, С. В. Конфликты в деятельности судьи при разбирательстве уголовных дел: понятие, виды, правовые средства предупреждения и разрешения : автореф. дис. … канд. юрид. наук 12.00.09 / Горохов Сергей Валентинович. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2011. – 24 с. – Текст : непосредственный.

370. Губенок, И. В. Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права (проблемы теории и практики) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Губенок Игорь Васильевич. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2007. – 211 с. – Текст : непосредственный.

371. Давлетшин, А. Х. Защита на предварительном следствии и ее эффективность : автореф. дис. … канд. юрид. наук 12.00.09 / Давлетшин Аргент Хаметович. – Москва : Академия МВД СССР, 1982. – 22 с. – Текст : непосредственный.

372. Даровских, О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Даровских Ольга Игоревна. – Челябинск : Южно-Уральский госуниверситет (национальный исследовательский университет), 2022. – 538 с. – Текст : непосредственный.

373. Делиев, А. Н. Уголовно-правовые меры охраны функционирования советской торговли и их эффективность : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Делиев Александр Николаевич. – Москва : Московская высшая школа милиции МВД СССР, 1983. – 24 с. – Текст : непосредственный.

374. Деришев, Ю. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Деришев Юрий Владимирович. – Омск : Омский юридический институт МВД России, 1998. – 213 с. – Текст : непосредственный.

375. Дюрягин, И. Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Дюрягин Иван Яковлевич. – Свердловск : Свердловский юридический институт , 1975. – 398 с. – Текст : непосредственный.

376. Жевакин, С. Н. Социальное управление и правовая социализация личности : дис. … канд. социол. наук : 22.00.08 / Жевакин Сергей Николаевич. – Москва : Институт социологии, 1992. – 127 с. – Текст : непосредственный.

377. Жидков, М. А. Механизмы выявления и разрешения социальных конфликтов в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. … канд.

социол. наук : 22.00.08 / Жидков Михаил Александрович. – Москва : Академия управления МВД России, 2008. – 20 с. – Текст : непосредственный.

378. Жинкин, С. А. Эффективность права: антропологическое и психологическое измерение : дис. … д-ра юрид. наук. : 12.00.01 / Жинкин Сергей Алексеевич. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 2009. – 401 с. – Текст : непосредственный.

379. Залогин, В. И. Эффективность норм права, направленных на укрепление трудовой дисциплины : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Залогин Валерий Иванович. – Москва : ВНИИ СЗ, 1984. – 16 с. – Текст : непосредственный.

380. Запрудский, Ю. Г. Социальный конфликт (Политологический анализ) : автореф. дис. … д-ра филос. наук : 09.00.10 / Запрудский Юрий Григорьевич. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет, 1992. – 41 с. – Текст : непосредственный.

381. Зелепукин, А. А. Проблемы эффективности российского законодательства : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Зелепукин Алексей Анатольевич. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2000. – 233 с. – Текст : непосредственный.

382. Зинатуллин, З. З. Эффективность уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Зинатуллин Зинур Зинатуллович. – Ленинград : Изд. Ленинградского госуниверситета им. А. А. Жданова, 1984. – 31 с. – Текст : непосредственный.

383. Казимирчук, В. П. Социальное действие права в условиях развитого социализма : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Казимирчук Владимир Петрович. – Москва : АН СССР, Институт государства и права, 1977. – 31 с. – Текст : непосредственный.

384. Козубенко, Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Козубенко Юрий Вячеславович. – Екатеринбург : Уральский

государственный юридический университет, 2018. – 505 с. – Текст : непосредственный.

385. Кокорев, Л. Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук 12.00.08 / Кокорев Лев Дмитриевич. – Ленинград : Ленинградский госуниверситет им. А. А. Жданова, 1975. – 39 с. – Текст : непосредственный.

386. Куцова, Э. Ф. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности (советский уголовный процесс) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Куцова Элеонора Федоровна. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1986. – 46 с. – Текст : непосредственный.

387. Лазарев, В. В. Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества. Теоретическое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. : 12.00.09 / Лазарев Валерий Васильевич. – Москва : Московский государственный университет, 1977. – 33 с. – Текст : непосредственный.

388. Лапин, Б. Н. Эффективность применения норм гражданского процессуального права в стадии подготовки дела к судебному разбирательству : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Лапин Борис Николаевич. – Ленинград : ЛГУ им. А.А. Жданова, 1980. – 20 с. – Текст : непосредственный.

389. Лебедев, Н. Ю. Концептуальные основы криминалистической теории преодоления конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Лебедев Николай Юрьевич. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2017. -– 406 с. – Текст : непосредственный.

390. Левин, С. С. Эффективность участия защитника в кассационном производстве по уголовным делам : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Левин Сергей Сергеевич. – Москва ; Таллин : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. – 17 с. – Текст : непосредственный.

391. Ленский, А. В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ленский Александр Васильевич. – Нижний Новгород : Нижегородский юридический институт МВД России, 1998. – 28 с. – Текст : непосредственный.

392. Либус, И. А. Эффективность защиты в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.00 / Либус Израиль Аронович. – Ташкент : Ташкентский госуниверситет им. В. И. Ленина, 1971. – 17 с. – Текст : непосредственный.

393. Маликов, М. Ф. Судебный приговор и его эффективность : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Маликов Марат Файзелкадирович. – Ташкент : Ташкентский госуниверситет им. В. И. Ленина, 1984. – 51 с. – Текст : непосредственный.

394. Масленникова, Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Масленникова Лариса Николаевна. – Москва : Академия управления МВД России, 2000. – 555 с. – Текст : непосредственный.

395. Мамай, Е. А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мамай Евгений Алексеевич. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. – 284 с. – Текст : непосредственный.

396. Марина, И. Н. Средства повышения эффективности норм права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Марина Ирина Николаевна. – Москва : Московский университет МВД России, 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.

397. Марочкин, С. Ю. Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10 / Марочкин Сергей Юрьевич. – Свердловск : Свердловский юридический институт им. Р.А. Руденко, 1984. – 18 с. – Текст : непосредственный.

398. Мельничук, Д. С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права : дис. … канд. юрид. наук. : 12.00.01 / Мельничук Дарья

Сергеевна. – Москва : Высшая школа экономики, 2018. – 219 с. – Текст : непосредственный.

399. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Мизулина Елена Борисовна. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского, 1991. – 269 с. – Текст : непосредственный.

400. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Мизулина Елена Борисовна. – Москва : Институт государства и права РАН, 1993. – 32 с. – Текст : непосредственный.

401. Митийченко, Б. А. Эффективность проведения судебной экспертизы в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Митийченко Борис Андреевич. – Москва : ВНИИ судебных экспертиз, 1985. – 23 с. – Текст : непосредственный.

402. Москалькова, Т. Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Москалькова Татьяна Николаевна. – Москва : Академия управления МВД России, 1997. – 35 с. – Текст : непосредственный.

403. Названова, Л. А. Принцип публичности в стадиях возбуждения уголовных дел и предварительного расследования : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Названова Лариса Александровна. – Ленинград : ЛГУ, 1990. – 205 с. – Текст : непосредственный.

404. Оносов, Ю. В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Оносов Юрий Викторович. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. – 255 с. – Текст : непосредственный.

405. Орловский, А. А. Эффективность имущественных санкций в сфере снабженческо-сбытовой деятельности объединения, предприятия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Орловский Арнольд Александрович. –

Москва : Московский государственный университет, 1975. – 24 с. – Текст : непосредственный.

406. Остапенко, Е. П. Процессуальная деятельность судьи как фактор повышения эффективности правосудия по уголовным делам : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Остапенко Екатерина Павловна. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2011. – 232 с. – Текст : непосредственный.

407. Павлов, В. И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Павлов Вадим Иванович. – Минск : БГУ, 2005. – 194 с. – Текст : непосредственный.

408. Павловская, Л. Н. Вопросы эффективности правового регулирования в деятельности местных Советов депутатов трудящихся : автореф. дис. … канд. юрид. наук 12.00.01 / Павловская Людмила Николаевна. – Харьков : Харьковский юридический институт, 1974. – 20 с. – Текст : непосредственный.

409. Перфильев, В. В. Действие права (понятие, структура, свойства) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Перфильев Владимир Владимирович. – Москва : ВНИИСЗ, 1975. – 182 с. – Текст : непосредственный.

410. Петров, Г. И. Сущность советского административного права : дис. … д-ра юрид. наук. : 12.00.00 / Петров Георгий Иванович – Ленинград, 1956. – 555 с. – Текст : непосредственный.

411. Петухов, Ю. Е. Соотношение публичного и частного в обвинении : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Петухов Юрий Евгеньевич. – Москва : Юридический институт МВД России, 1996. – 183 с. – Текст : непосредственный.

412. Печников, Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Печников Геннадий Алексеевич. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2005. – 49 с. – Текст : непосредственный.

413. Пиюк, А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в РФ: типологический аспект : дис. … д-ра юрид. наук :

12.00.09 / Пиюк Алексей Валерьевич. – Томск : Национальный исследовательский Томский госуниверситет, 2017. – 469 с. – Текст : непосредственный.

414. Попов, А. П. Целеполагание в современном уголовном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Попов Алексей Павлович. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2006. – 46 с. – Текст : непосредственный.

415. Пудаков, Е. Р. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Пудаков Евгений Рустамович. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2008. – 191 с. – Текст : непосредственный.

416. Пунченко, С. И. Социальная эффективность права в современной России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пунченко Станислав Игоревич. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2016. – 169 с. – Текст : непосредственный.

417. Рабинович, П. М. Социалистическая законность и целесообразность в советском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Рабинович Петр Моисеевич. – Москва : АН СССР. Институт государства и права, 1966. – 18 с. – Текст : непосредственный.

418. Рагимов, И. М. Эффективность лишения свободы и пути ее повышения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы. – Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1988. – 32 с. – Текст : непосредственный.

419. Рогова, О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Рогова Ольга Ивановна. – Томск : Томский государственный университет, 1994. – 170 с. – Текст : непосредственный.

420. Селивон, Н. Ф. Контрольная функция местных Советов народных депутатов: сущность и эффективность осуществления : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Селивон Николай Федосович. – Киев, 1978. – 27 с. – Текст : непосредственный.

421. Семухина, О. Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Семухина Ольга Борисовна. – Томск : Томский государственный университет, 2002. – 24 с. – Текст : непосредственный.

422. Сереброва, С. П. Проблемы рационализации досудебного производства : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сереброва Светлана Павловна. – Нижний Новгород : Нижегородский юридический институт МВД России, 1995. – 291 с. – Текст : непосредственный.

423. Смирнова, И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Смирнова Ирина Георгиевна. – Томск : Томский государственный университет, 2012. – 52 с. – Текст : непосредственный.

424. Смирнова, И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Смирнова Ирина Георгиевна. – Томск : Томский государственный университет, 2012. – 517 с. – Текст : непосредственный.

425. Смолькова, И. В. Штраф как мера наказания по советскому уголовному праву и его эффективность : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Смолькова Ираида Вячеславовна. – Москва : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1978. – 20 с. – Текст : непосредственный.

426. Солдатов, А. С. Право как инструмент социального управления (информационный аспект) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Солдатов Андрей Сергеевич. – Москва : Российская правовая академия, 2001. – 164 с. – Текст : непосредственный.

427. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западноевропейских государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовой систем : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Стойко Николай Геннадьевич. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2009. – 57 с. – Текст : непосредственный.

428. Сычев, П. Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Сычев Павел Геннадьевич. – Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2022. – 66 с. – Текст : непосредственный.

429. Федосова, В. А. Эффективность действия норм советского государственного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Федосова Валентина Андреевна. – Москва : Институт государства и права АН СССР, 1980. – 18 с. – Текст : непосредственный.

430. Францифоров, Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Францифоров Юрий Викторович. – Москва : Академия управления МВД России, 2007. – 569 с. – Текст : непосредственный.

431. Хамуллин, К. Ю. Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хамуллин Камиль Юнусович. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2014. – 221 с. – Текст : непосредственный.

432. Хашимов, Р. А. Категория «цель» в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хашимов Рауль Амурович. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет. – 2006 – 26 с. – Текст : непосредственный.

433. Худойкина, Т. В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Худойкина Татьяна Викторовна. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. – 448 с. – Текст : непосредственный.

434. Хусаинова, О. В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Хусаинова Ольга Владимировна. – Москва : Академия экономической безопасности МВД России, 2009. – 161 с. – Текст : непосредственный.

435. Чулюкин, Л. Д. Эффективность уголовно-процессуальных норм и методика ее изучения : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Чулюкин Лев Дмитриевич. – Москва : [б. и.] , 1977. – 16 с. – Текст : непосредственный.

436. Шафир, Г. М. Эффективность участия защитника в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.00 / Шафир Гавриил Михайлович. – Ленинград : Ленинградский госуниверситет им. А. А. Жданова, 1968. – 24 с. – Текст : непосредственный.

437. Шахов, В. Д. Юридические гарантии в трудовом праве и их эффективность : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Шахов Василий Дмитриевич. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1975. – 22 с. – Текст : непосредственный.

438. Шикин, Е. П. Основные условия эффективного применения права : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Шикин Евгений Петрович. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1971. – 21 с. – Текст : непосредственный.

439. Шумский, А. В. Эффективность законодательства об охране труда: на материалах строительных мероприятий : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Шумский Анатолий Васильевич. – Москва : Высшая школа профсоюзного движения ВЦСПС им. Н. М. Шверника, 1990. – 21 с. – Текст : непосредственный.

440. Шхагапсоев, З. Л. Механизм правового регулирования охранительных отношений в уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Шхагапсоев Заруби Лелович. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 430 с. – Текст : непосредственный.

441. Юсубов, А. М. Принцип публичности в советском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юсубов Айдын Махмуд оглы. – Москва : ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка , 1988. – 184 с. – Текст : непосредственный.

Справочная литература

442. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : Типография Т. Рис, у Мясницких ворот. Дом Войкова № 2, 1866. – Ч. 4. – 680 с. – Текст : непосредственный.

443. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет: В. С. Степин – пред. совета и др. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с. – Текст : непосредственный.

444. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 938 с. – Текст : непосредственный.

445. Словарь Академии Российской [Текст]. Часть VI и последняя. От «Т» и до конца. – Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1794. – 1066 с. – Текст : непосредственный.

446. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. – Москва : Издательство Норма (Издательская группа Норма – Инфра-М), 2000. – 480 с. – Текст : непосредственный.

447. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Республика, 2001. – 719 с. – Текст : непосредственный.

Статистические и аналитические материалы

448. О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2009 – первую половину 2024 гг. : отчет. – Текст : электронный // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773.

449. Суд присяжных – самый гуманный, но объективный ли? Данные об отношении россиян к суду присяжных от 18 мая 2006 г. – Текст : электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения : сайт. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sud-prisyazhnykh-samyj-gumannyj-no-obektivnyj-li.

450. Суд присяжных. Отчет от 6 апреля 2006 г. – Текст : электронный // Фонд «Общественное мнение» : сайт. – URL: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0614/dd061423.

451. О судах праведных и неправедных. Данные опроса россиян об эффективности судебной системы от 3 декабря 2007 г. – Текст : электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения : сайт. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sudakh-pravednykh-i-nepravednykh.

452. Обращение в суд: эффективный ход или лишняя морока? Данные об эффективности суда как средства защиты прав граждан от 4 апреля 2008 г. – Текст : электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения : сайт. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrashhenie-v-sud-effektivnyj-khod-ili-lishnyaya-moroka.

453. Оценка работы российских судов. Опрос населения от 17 марта 2011 г. [Электронный ресурс] . – Текст : электронный // Фонд общественное мнение : сайт. – URL: https://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_jus/d111118.

454. Правоохранительные и судебные органы: рейтинг защитников прав и свобод. Исследование по оценкам работы правоохранительных органов и органов судебной власти от 22 мая 2018 г. – Текст : электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения : сайт. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravookhranitelnye-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod.

455. Работа судов и судей. Представления о справедливости, независимости и бескорыстности судей. Еженедельный всероссийский телефонный опрос 7 – 9 августа 2020 г. – Текст : электронный // Фонд общественное мнение : сайт. – URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14459.

456. Самостоятельность и независимость следователей в системе правосудия (январь–июль 2019 г.). – Текст : электронный // Аналитический центр Ю. Левады «Левада-центр» : сайт. – URL: https://www.levada.ru/.

457. Верховенство права: российское общественное мнение о правовой защищенности и возможности отстоять свои права (ноябрь 2019 г.). – Текст : электронный // Аналитический центр Ю. Левады «Левада-центр» : сайт. – URL: https://www.levada.ru/.

Источники на иностранных языках

458. Bülow, O. Gesetz und Richteramt / von Oskar Bülow. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1885. – XII. – 78 p. – Text : direct.

459. Dentsch, S. G. Law, capitalism and the future / S. G. Dentsch. – Text : direct // Florida Law Re-view / University of Florida's Fredric G. Levin College of Law. –1976. – Winter. – P. 309–350.

460. Holmes, O. W. Or. The path of the law / O. W. Holmes Jr. – Text : electronic // Harward Law Review. 1897. Vol. 10, nr 8. P. 457-478. – URL: http://www.gutenberg.org/files/2373/2373-h/2373-h.htm.

461. Jontisch, E. Technological forecasting in perspective: a framework for technolog-ical forecasting, its techniques and organisation / E. Jontisch. – Paris: Organisation for economic co-operation and development, 1967. – 402 p. – Text : direct.

462. Law and the American future: papers prepared for the 2nd American Assembly on Law and a Changing Societ, 1975 / ed. by Schwartz M. L. – [S. l.]: Prentice-Hall, 1976. – 212 p. – Text : direct.

463. Martino, J. P. Technological forecasting for decision making / J. P. Martino. – 2nd ed. – New York : North-Holland, 1983. – 462 p. – Text : direct.

464. Vago, S. Law and Society / S. Vago, Steven E. Barkan – NY, 2018. – 340 p. – Text : direct.

465. Wesen und Werth der öffentlichen Meinung / F. Holtzendorf. – München : Rieger, 1879. – 159 p. – Text : direct.

Приложение 1.

Материалы официально опубликованной судебной статистики

Таблица 1.1. Динамика показателей удовлетворения судами РФ ходатайств следователя (дознавателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в период 2015 – 2024 гг.

№	Год	Количество ходатайств	Удовлетворено ходатайств	Процент удовлетворенных ходатайств
1	2015	153 048	140 360	91,7
2	2016	133 881	121 796	91
3	2017	125 129	113 269	90,5
4	2018	113184	102205	90,2
5	2019	104 865	94 632	90,2
6	2020	96 728	84 919	87,8
7	2021	99 301	87 905	88,5
8	2022	98 591	87 710	88,9
9	2023	94 600	82 480	87,1
10	2024	93 744	82 514	88

Диаграмма 1.1. Процентное соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных судами РФ ходатайств следователей (дознавателей) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в период 2015 – 2024 гг.

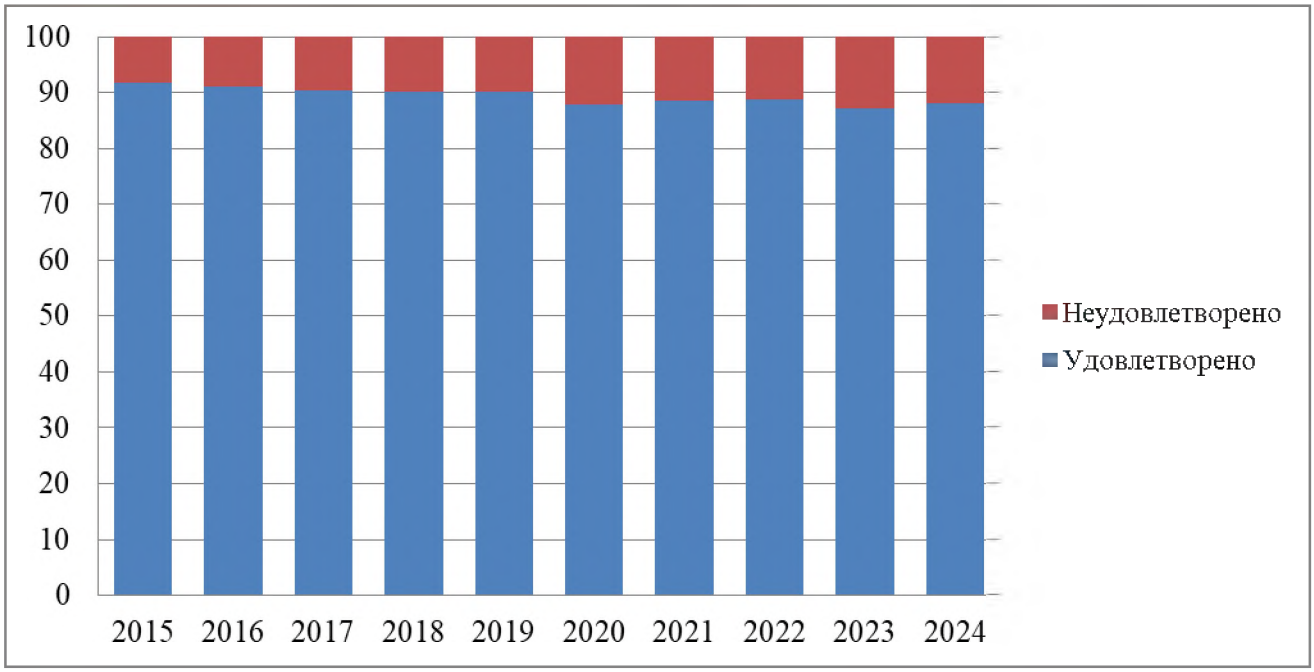

Таблица 1.2. Количество оправданных судами РФ в период с 2015 по 2024 гг.

год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
кол-во подсудимых	1057585	1041766	991777	956630	887371	840044	842311	835535	769918	693406
кол-во оправдан-ных	4297	3516	2233	2083	2257	1297	2190	2063	1874	1798
% к общему кол-ву подсуди-мых	0,43	0,33	0,22	0,21	0,25	0,15	0,25	0,24	0,24	0,26

Диаграмма 1.2. Динамика вынесения оправдательных приговоров в РФ в период 2015 – 2024 гг.

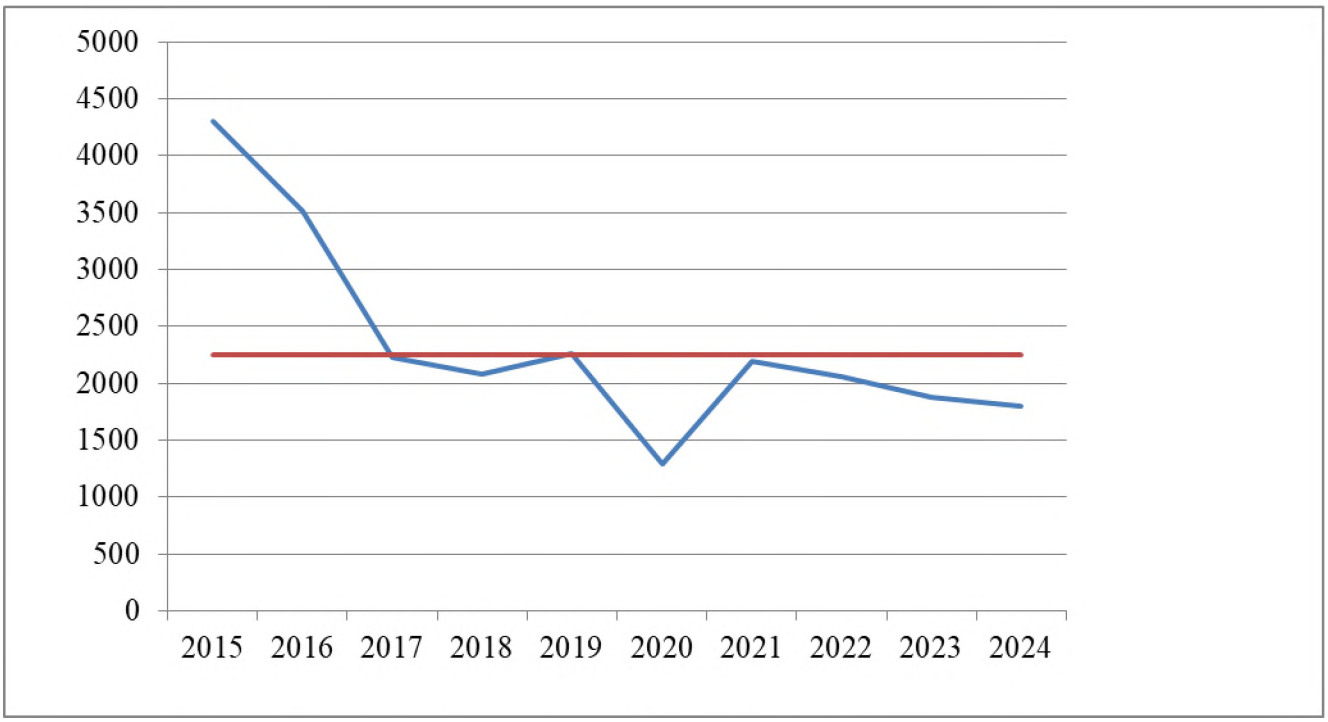

Таблица 1.3. Динамика рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных в России в период 2015 – 2024 гг.

год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
количество дел	263	242	282	318	772	745	958	1092	1081	941

Диаграмма 1.3. Динамика рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных в России в период 2015 – 2024 гг.

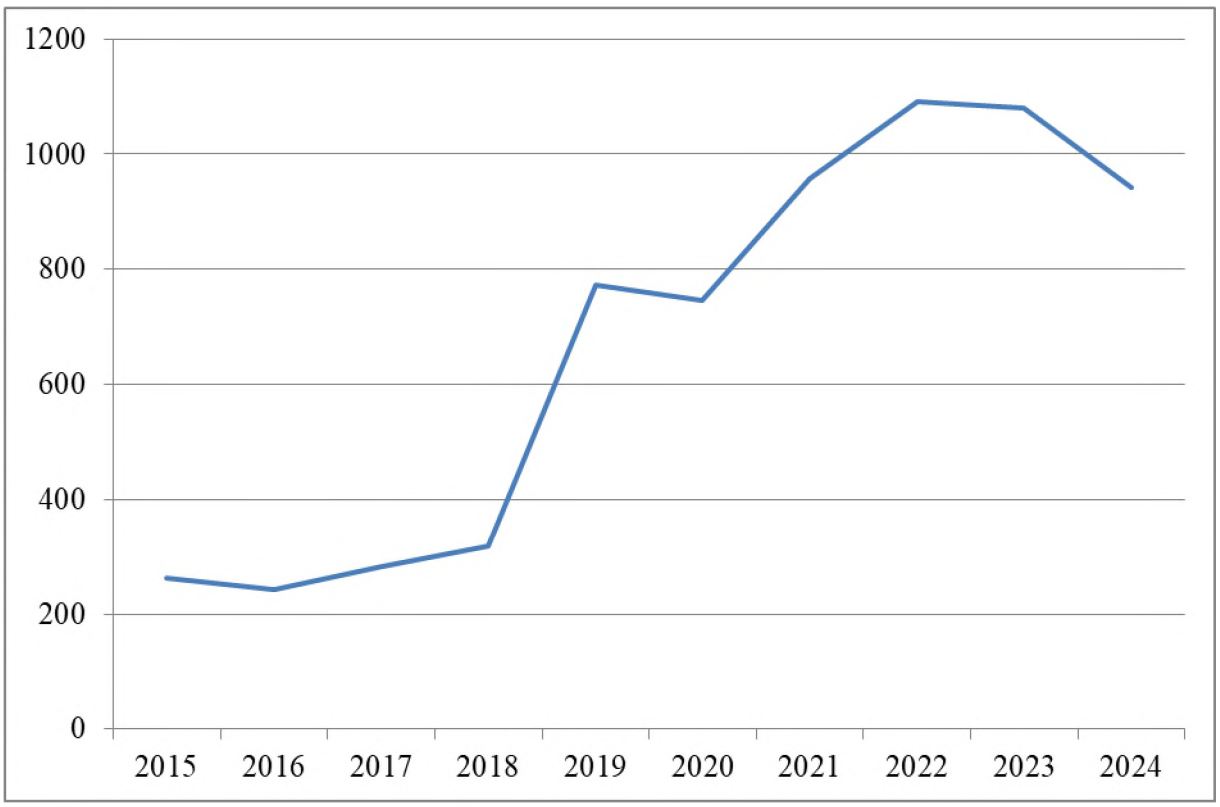

Таблица 1.4. Количество и динамика применения меры пресечения в виде залога в России в период 2009 – 2024 гг.

Год	Заявлено ходатайств	Динамика заявления ходатайств	Количество удовлетворенных ходатайств	Динамика удовлетворения ходатайств
2009	674	0	598	0
2010	764	90	629	31
2011	491	-273	438	-191
2012	336	-155	275	-163
2013	238	-98	198	-77
2014	256	18	225	27
2015	220	-36	189	-36
2016	269	+49	229	+40
2017	169	-100	133	-104
2018	122	-47	108	-25
2019	87	-35	77	-31
2020	264	174	244	167
2021	41	-223	25	-244
2022	96	+55	71	+46
2023	85	-11	66	-15
2024	75	- 10	60	- 6

Диаграмма 1.4. Динамика применения меры пресечения в виде залога в России в период 2009 – 2024 гг.

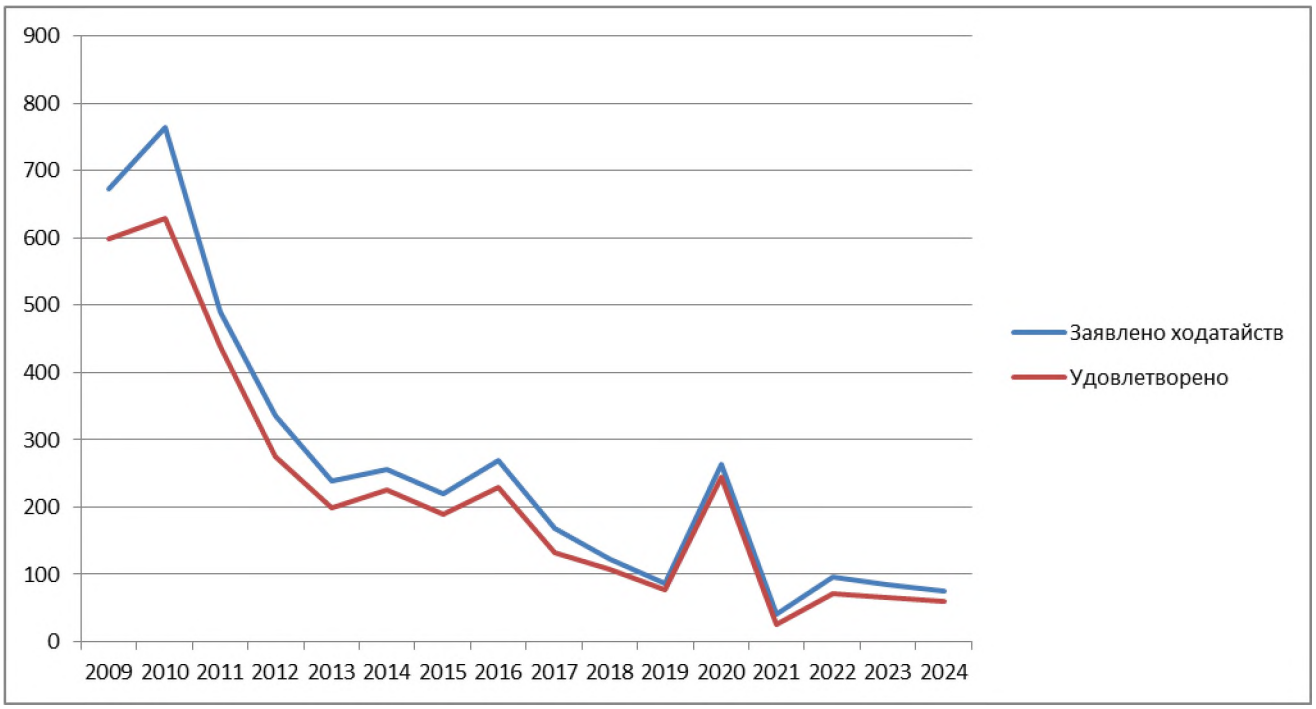

Таблица 1.5. Сравнительные показатели применения мер пресечения, избираемых по судебному решению, в России в период 2019 – 2024 гг.

Год	Запрет определенных действий		Залог		Домашний арест		Заключение под стражу	
	поступило	удовлетв.	поступило	удовлетв.	поступило	удовлетв.	поступило	удовлетв
2019	1419	1246	87	77	6966	6038	104 865	94 632
2020	2117	1850	264	244	8605	6949	96 728	84 919
2021	2924	2565	41	25	7871	6828	99 301	87 905
2022	3464	3085	96	71	8563	7411	98 591	87 710
2023	4474	4005	85	66	8766	7502	94 600	82 480
2024	4850	4394	75	60	8512	7378	93 744	82 514

Диаграмма 1.5. Соотношение показателей применения мер пресечения, избираемых по судебному решению, в России в период 2019 – 2024 гг.

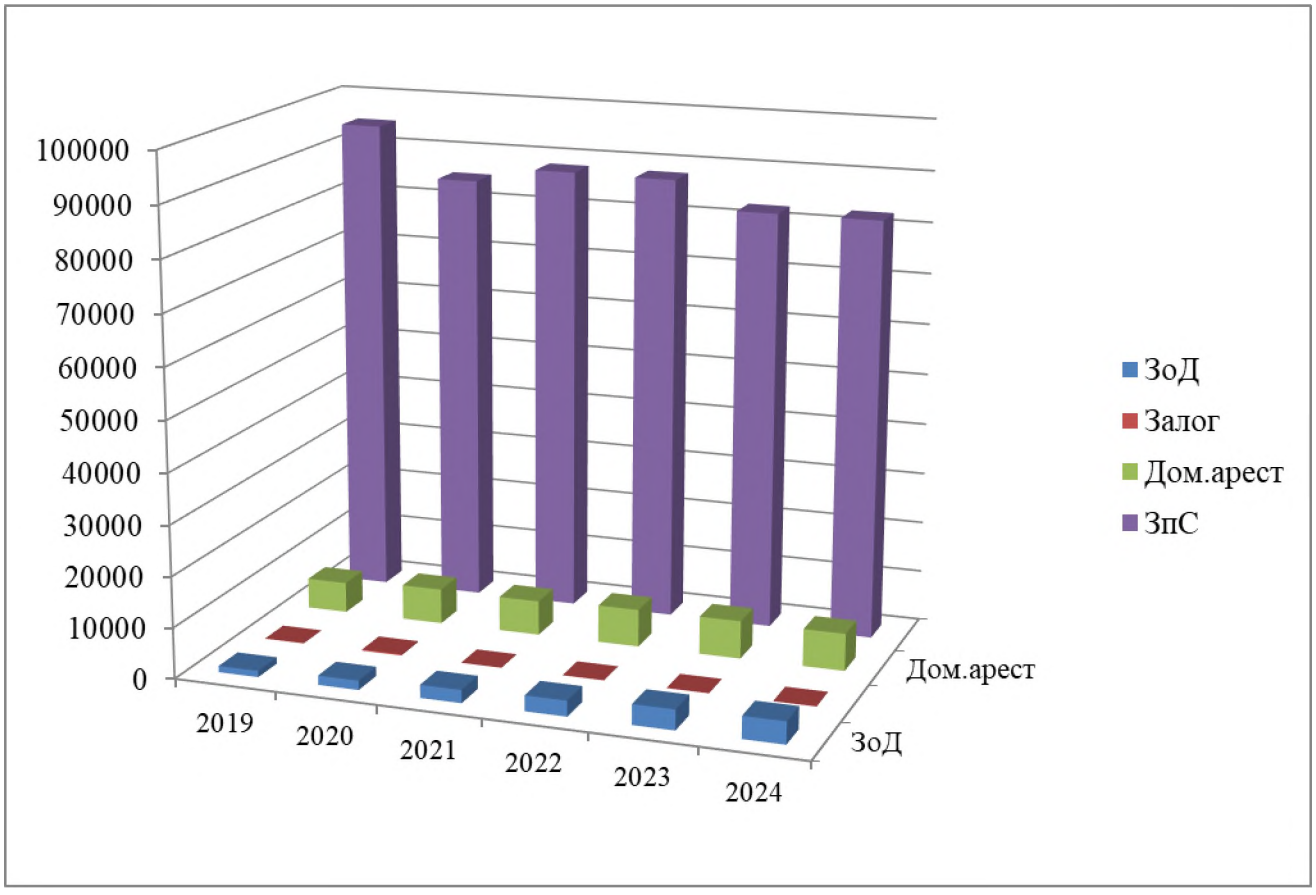

Таблица 1.6. Количество уголовных дел рассмотренных судами РФ в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) в соотношении с общим количеством уголовных дел, рассмотренных судами РФ в период 2015 - 2024 гг.

год	Общее количество рассмотренных уголовных дел	В порядке гл. 40 УПК РФ при согласии с предъявленным обвинением	
		число	процент к общему количеству
2015	945 169	622 848	65,8
2016	942 076	629 688	66,8
2017	872 151	597 316	68,5
2018	831 117	554 109	66,7
2019	776 394	431 295	55,5
2020	727 886	348 876	47,9
2021	747 421	311 257	41,6
2022	744 362	289 642	38,9
2023	703 948	251 894	35,7
2024	638 850	217 295	34

Диаграмма 1.6. Сравнительная динамика количества уголовных дел, рассмотренных судами РФ в особом порядке судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением к общему количеству рассмотренных уголовных дел в период 2015 – 2024 гг.

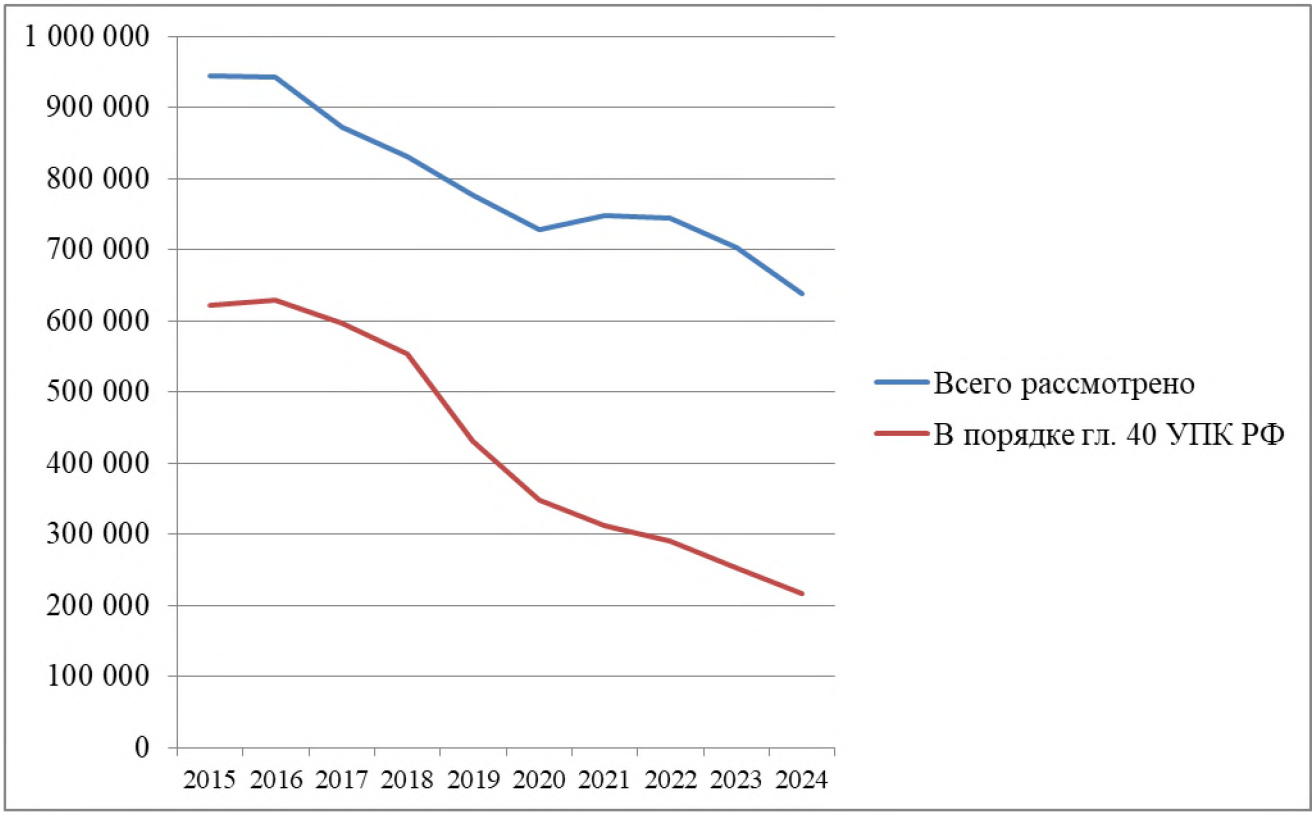

Таблица 1.7. Количество прекращенных уголовных дел и лиц, в отношении которых суды Российской Федерации прекратили уголовное преследование по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям, в период 2015-2024 гг.

год	Количество					
	Всего рассмот-ренно дел	Прекращенных дел		Подсудимых	Лиц, в отношении которых дело прекращено по реабилитирующим основаниям*	Лиц, в отношении которых дело прекращено по нереабилити-рующим основаниям
		число	% от общего кол-ва			
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
2015	945 169	220 256	23	1 057 575	10 785	231 481
2016	942 076	211 378	22	1 041 766	12 825	218 926
2017	872 151	180 408	20,6	991 777	3457	193 386
2018	831 117	176 563	21,25	956 630	1722	191 251
2019	776 394	175 640	22,6	887 371	1570	189 859
2020	727 886	175 536	24,1	840 044	1297	187 863
2021	747 421	159 211	21,3	842 311	1138	170 498
2022	744 362	146 973	19,7	835 535	992	157 072
2023	703 948	131 157	18,6	769 918	1065	138 679
2024	638 850	117632	18,4	693 406	671	123 520

*Отсутствие события преступления, состава преступления, непричастность лица к совершению преступления

Диаграмма 1.7. Динамика прекращения уголовных дел судами в России в период с 2015 - 2024 гг.

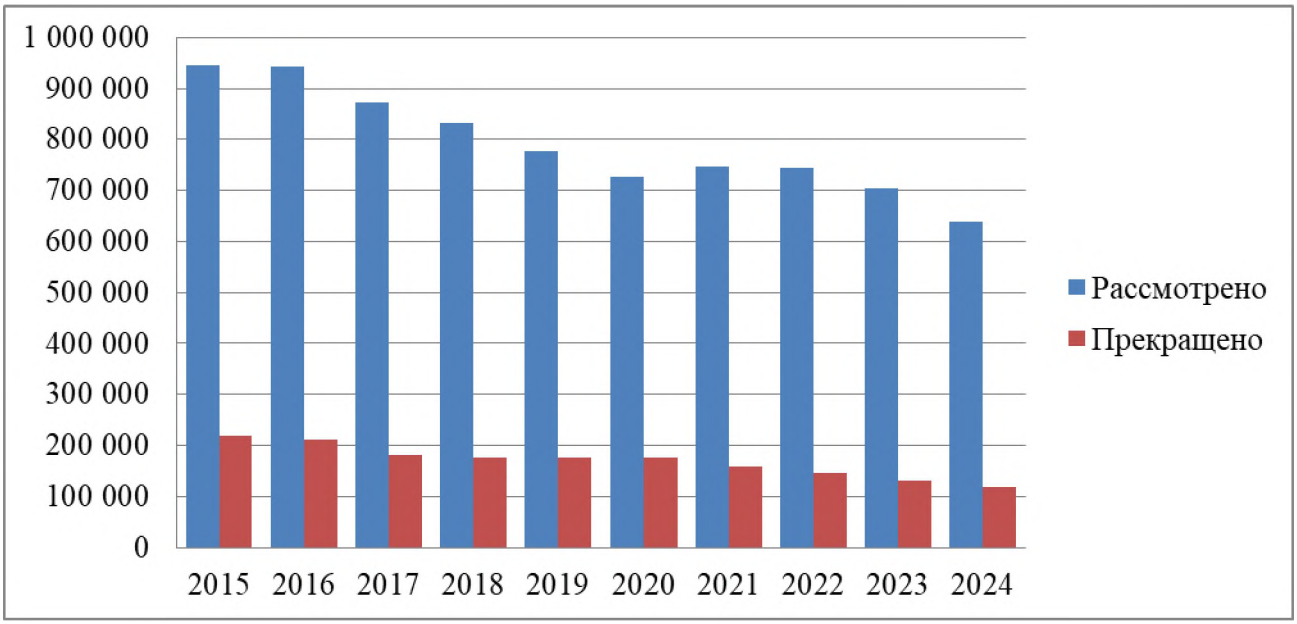
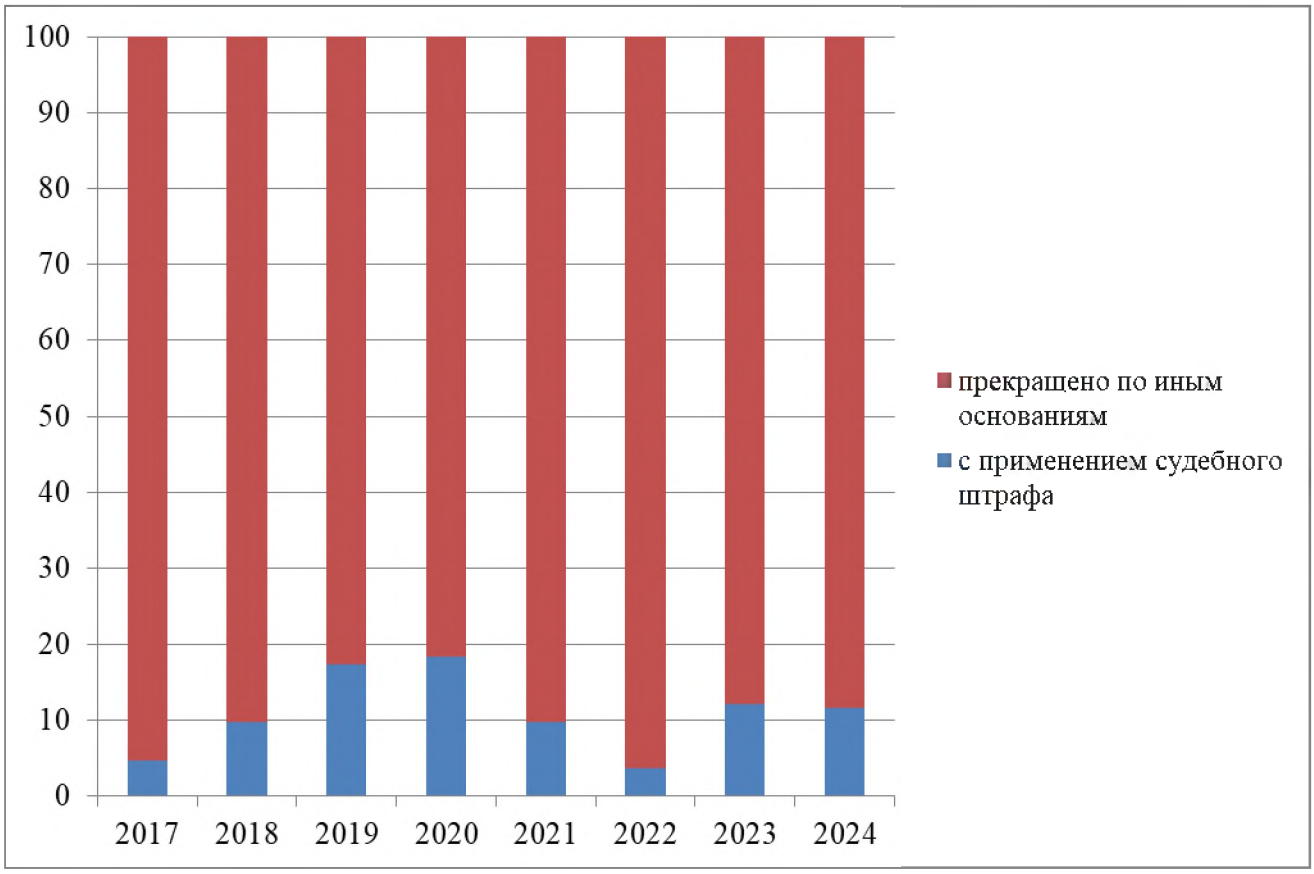

Таблица 1.8. Количество уголовных дел, прекращенных судами Российской Федерации с назначением судебного штрафа по ходатайствам о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа в период 2017-2024 гг.

год	Количество прекращенных судами дел	Из колонки 2 с применением судебного штрафа	
1	2	3	
		количество	процент
2017	180 408	8583	4,75
2018	176 563	17200	9,7
2019	175 640	30678	17,4
2020	175 536	32427	18,4
2021	159 211	15648	9,8
2022	146 973	5514	3,75
2023	131 157	2783	2,1
2024	117 632	2092	1,7

Диаграмма 1.8. Процентное соотношение количества уголовных дел, прекращенных с назначением судебного штрафа и количества уголовных дел, прекращенных по иным основаниям в России в период 2017-2024 гг.

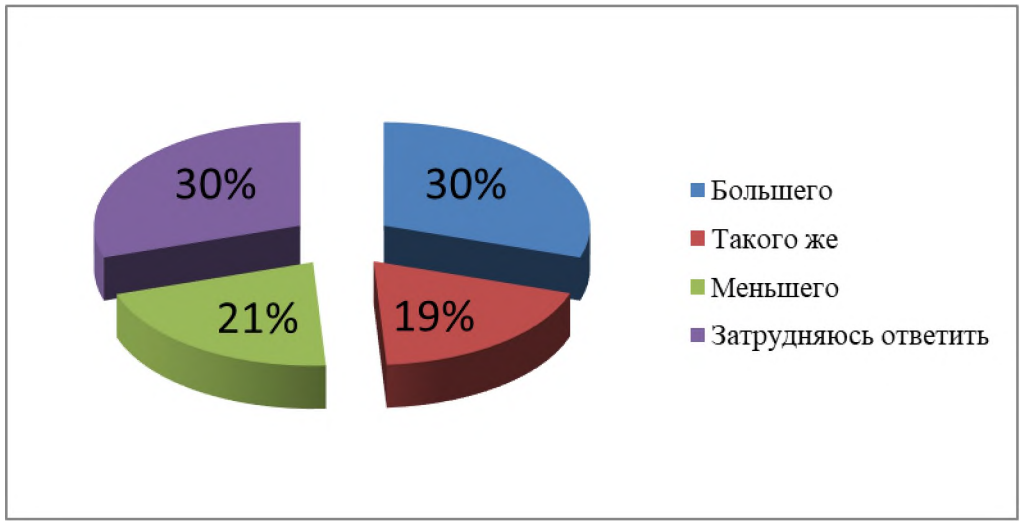

Приложение 2.

Материалы опубликованных социологических исследований

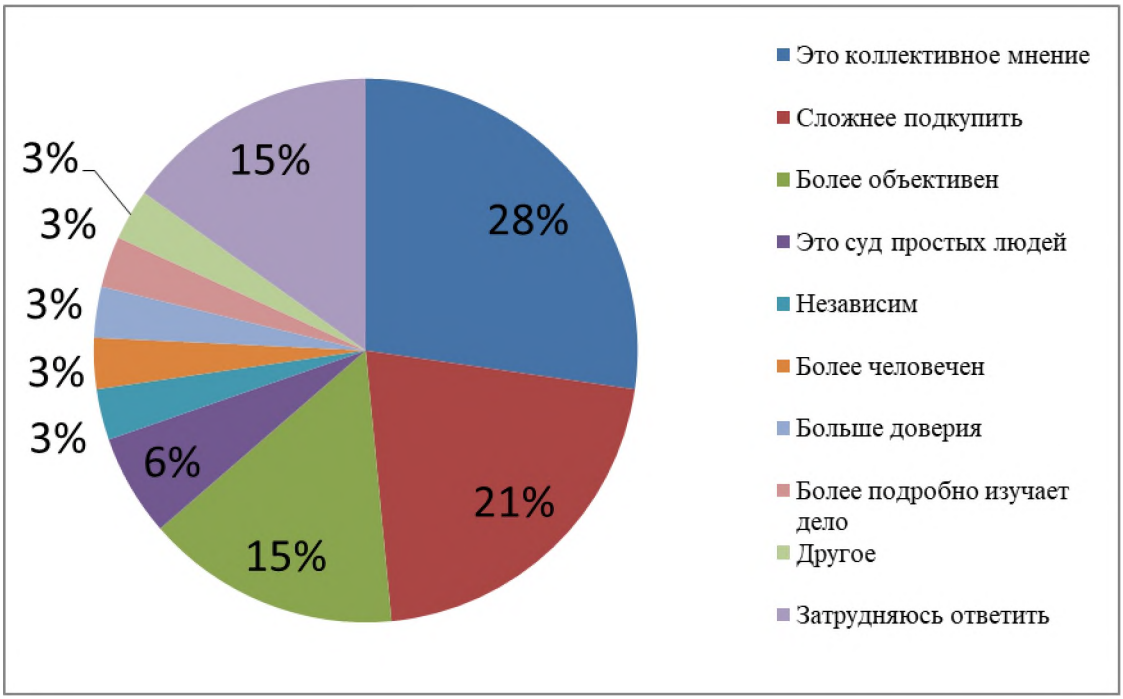
2.1 Результаты опроса населения РФ сотрудниками Фонда «Общественное мнение» о суде присяжных (2006 г.)[1]

Вопрос 1: «Суды присяжных заслуживают большего доверия, чем суды, в которых решение о виновности или невиновности подсудимого выносит судья, меньшего или такого же доверия?»

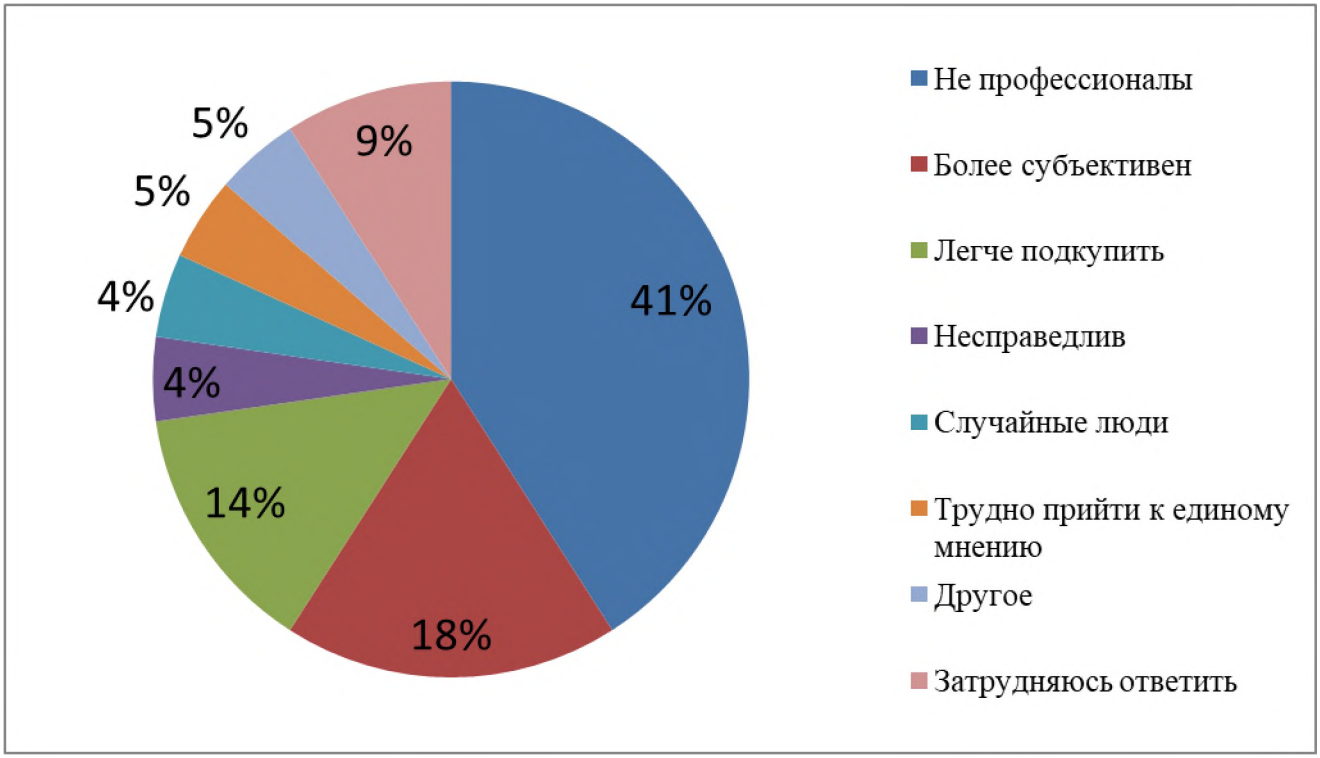

Вопрос 2: «Почему суды присяжных заслуживают большего доверия?» (вопрос задавался лицам, давшим на Вопрос 1 положительный ответ)

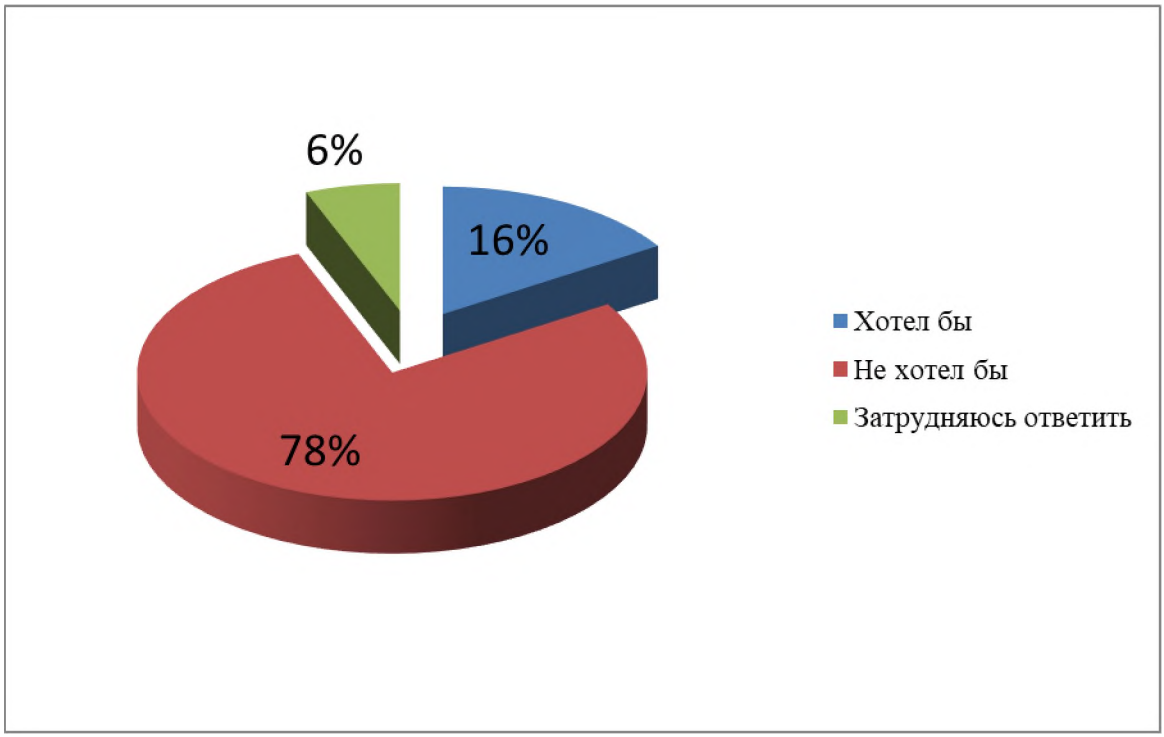
[1] Опрос населения проводился в 100 населенных пунктах 44 субъектов РФ и дополнительно в г. Москва. Проинтервьюировано 2100 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

Вопрос 3: «Почему суды присяжных заслуживают меньшего доверия?» (вопрос задавался лицам, давшим на Вопрос 1 отрицательный ответ)

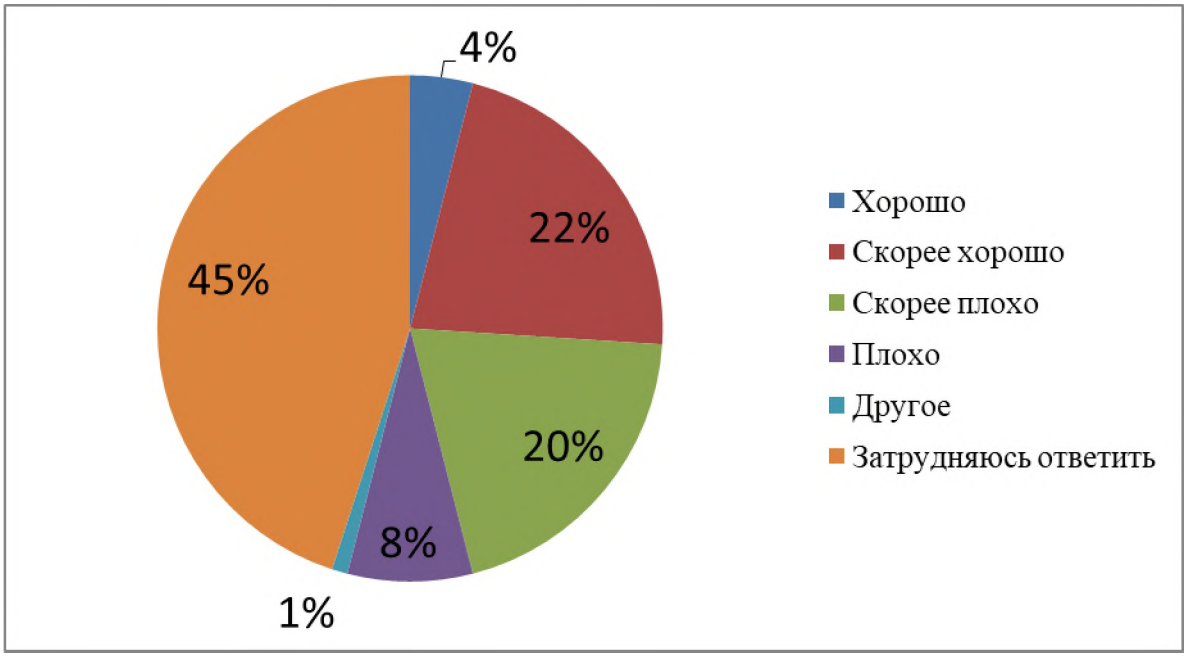

Вопрос 4: «Хотели ли бы вы попасть в число присяжных заседателей?»

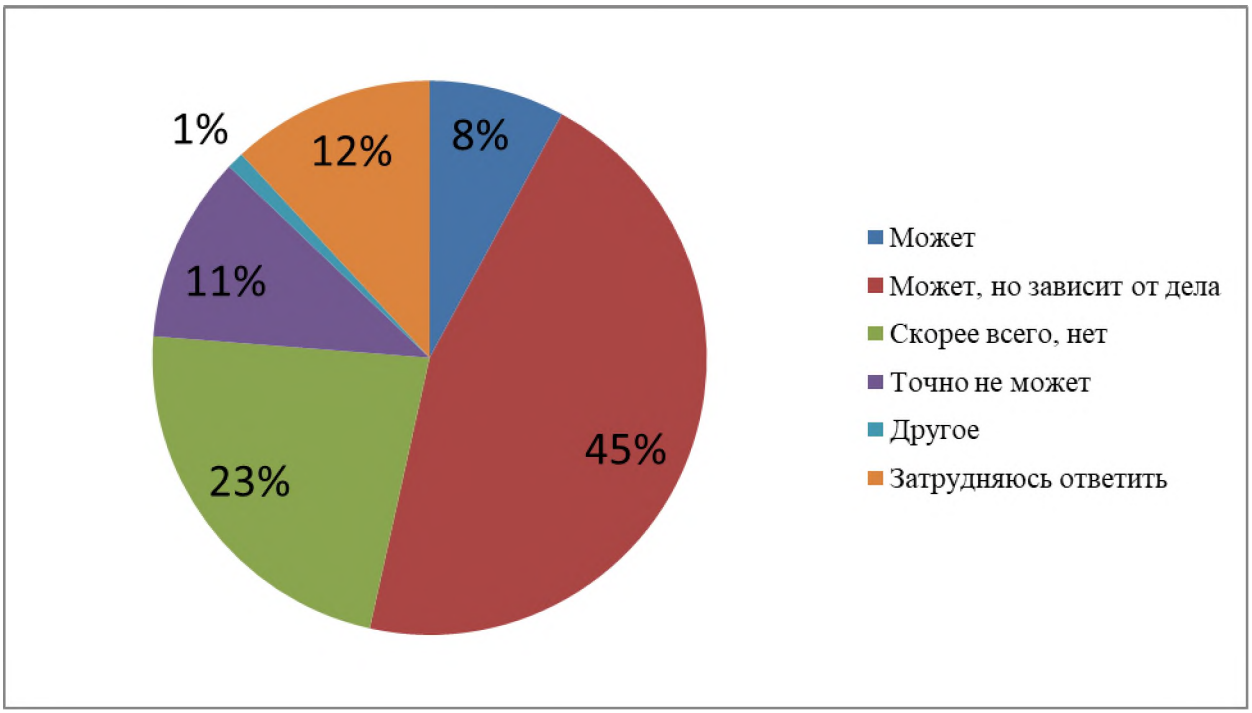
2.2. Результаты опроса населения, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения, об оценке эффективности работы судебной системы РФ (2007 г.)[1]

Вопрос 1: «Как бы вы могли оценить работу судов?»

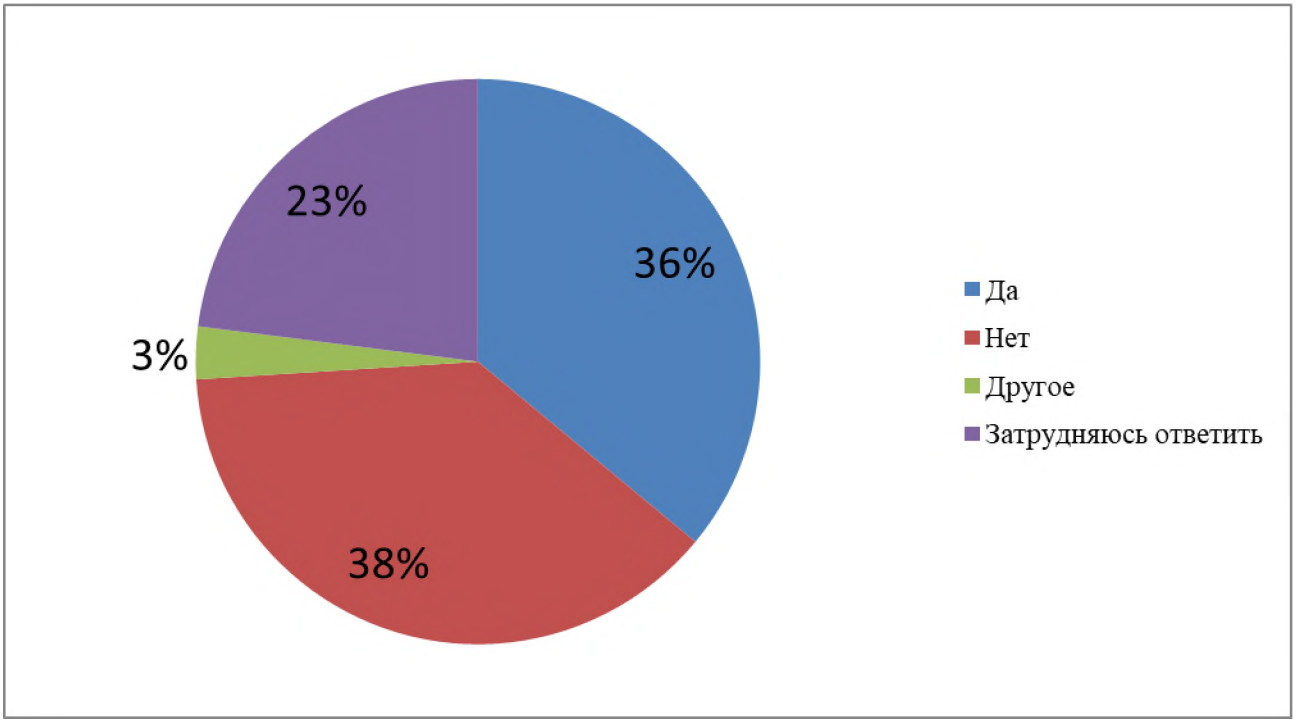

[1] Опрос населения проводился в 153 населенных пунктах 46 субъектов РФ. Опрошено 1600 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

Вопрос 2: «Может ли обычный человек, обратившись в суд рассчитывать на справедливое решение своего вопроса?»

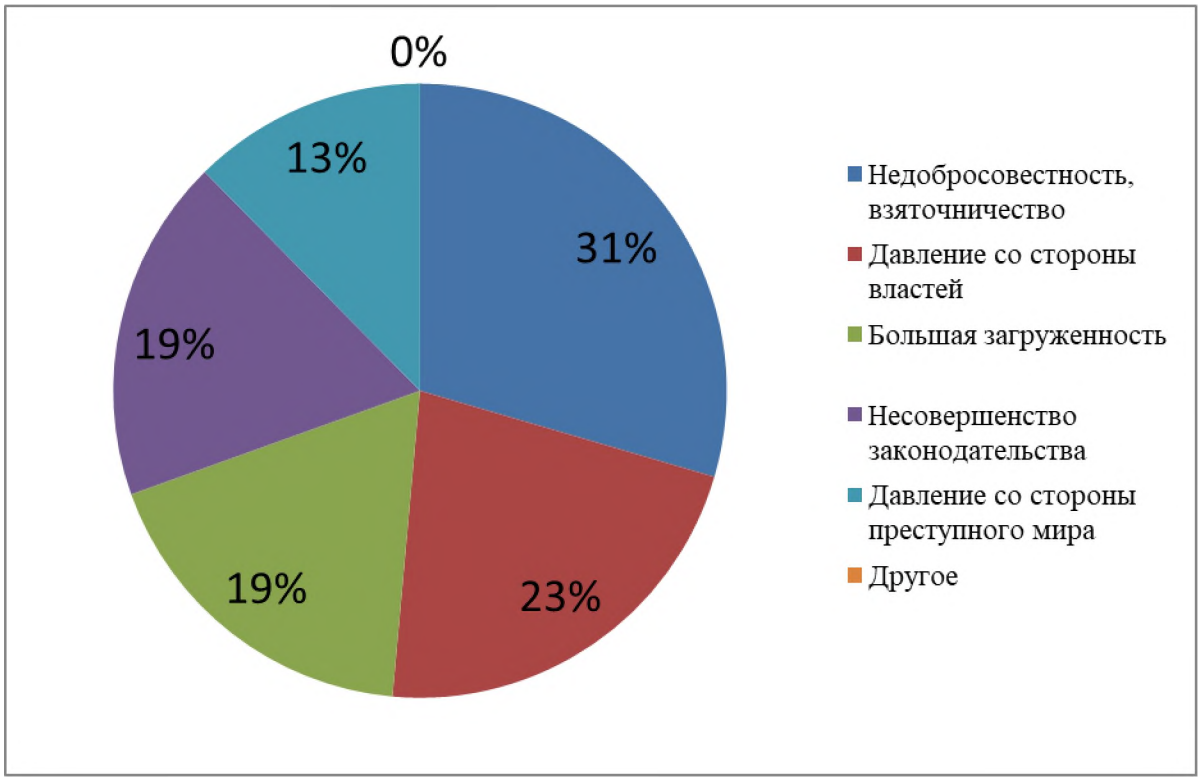

Вопрос 3: «Является ли суд эффективным средством защиты прав граждан?»

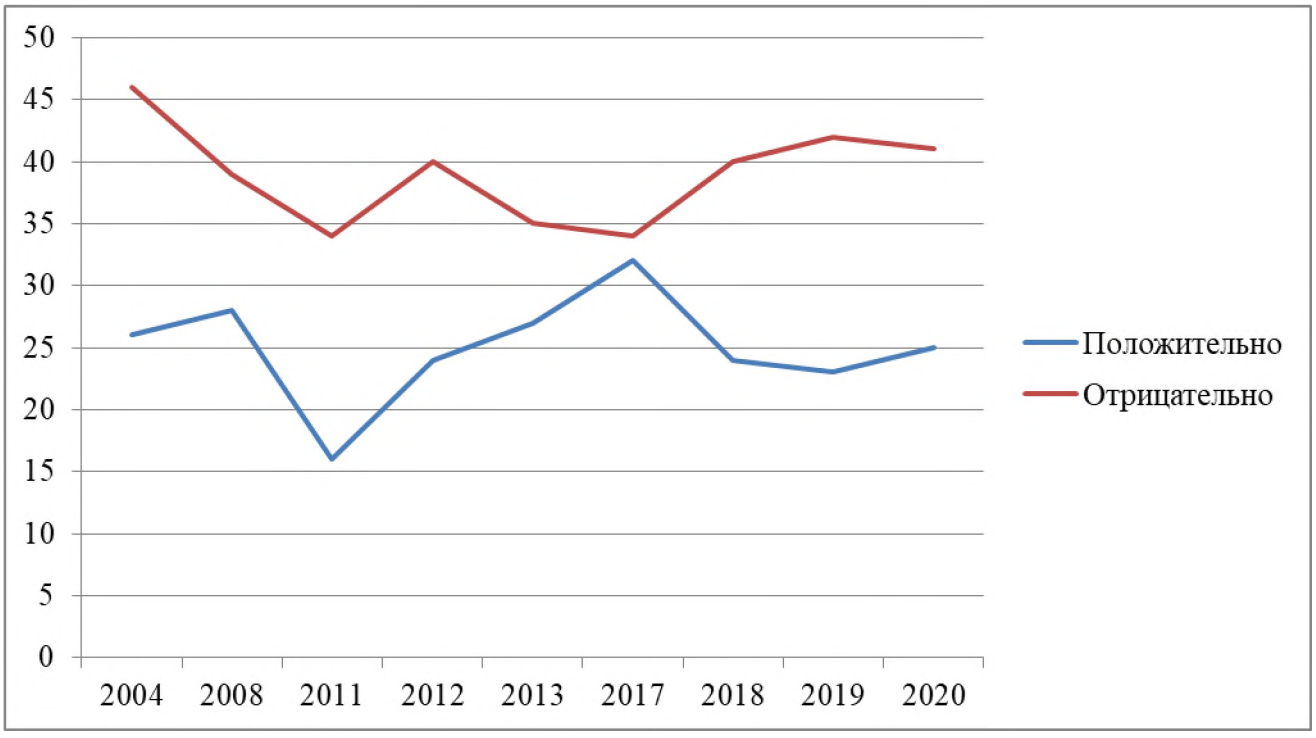

Вопрос 4: «Что мешает судам работать эффективнее с обращениями граждан? (пять наиболее популярных ответов)[1]

[1] Каждому отвечавшему можно было назвать до трех причин.

2.3. Динамика показателей оценки деятельности судов за период 2004 – 2020 г. (по данным Фонда «Общественное мнение»)

Приложение 3.

Сводные данные опроса правоприменителей, проведенного по проблемам диссертационного исследования

№	Варианты ответа	Судьи (112)	Работники прокуратуры (192)	Сотрудники органов предварительного расследования (256)	Адвокаты (178)
1	***Что содержится в ст. 6 УПК РФ?***				
	Цель уголовного процесса / уголовного судопроизводства	23 (20,5%)	66 (34,3%)	77 (30%)	58 (32,6%)
	Задачи уголовного процесса / уголовного судопроизводства	27 (24,1%)	47 (24,5)	52 (20,3%)	47 (26,4%)
	Назначение уголовного судопроизводства	46 (41%)	62 (32,3%)	112 (43,75%)	62 (34,8%)
	Принцип уголовного судопроизводства	14 (12,5%)	14 (7,3%)	15 (5,95%)	9 (5%)
	Иной вариант ответа	2 (1,9%)	3 (1,6%)	-	2 (1,2%)
2	***Согласны ли вы с содержанием ст. 6 УПК РФ?***				
	Да	57 (47,5%)	123 (64%)	79 (30,8%)	112 (63%)
	Нет	52 (46,4%)	63 (32,8%)	153 (60%)	62 (34,8%)
	Затрудняюсь ответить	3 (6,1%)	6 (3,2%)	24 (9,2%)	4 (2,2)
3	***Что бы вы хотели увидеть в содержании цели (задач) уголовного процесса / уголовного судопроизводства? (Ответ предлагался дать интервьюерам, отрицательно ответившим на предыдущий вопрос)***				
	Наказание	16 (30,7%)	12 (19%)	94 (60,8%)	4 (6,45%)
	Защиту государства / общества	21 (40,4%)	21 (33,3%)	23 (15%)	12 (19,35%)
	Законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовного дела	12 (23%)	23 (36,5%)	22 (14,4%)	41 (66,1%)
	Иное	3 (5,9%)	7 (11,2%)	14 (9,8%)	5 (8,1%)

4	***Считаете ли вы необходимым нормативное закрепление цели уголовного процесса / уголовного судопроизводства? В каком нормативном документе это должно быть произведено?***				
	Да, обязательно, в УПК РФ	74 (66%)	112 (58,3%)	153 (59,8%)	64 (36%)
	Да, обязательно, в ином программном документе (в качестве примера в вопросе предлагалось название «Основы уголовно-процессуальной политики РФ»	15 (13,4%)	23 (12%)	12 (4,7%)	51 (28,7%)
	Нет, не обязательно	21 (18,75%)	51 (26,6%)	88 (34,4%)	51 (28,7%)
	Без разницы	2 (1,85%)	6 (3,1%)	14 (1,1%)	12 (6,6%)
5	***Считаете ли вы эффективной существующую систему мер уголовно-процессуального принуждения?***				
	Да, считаю	72 (64,3%)	127 (66,1%)		
	Она недостаточно эффективна	29 (26%)	34 (17,7%)		
	Она не эффективна	11 (9,7%)	31 (16,2%)		
6	***Какие меры пресечения по вашему мнению не отвечают своему назначению и должны быть удалены из закона? (Количество поданных ответов за каждую из мер пресечения)***				
	Подписка о невыезде и надлежащем поведении	-	-	-	-
	Личное поручительство	97	113	198	115
	Наблюдение командования воинской части	-	-	-	-
	Присмотр за несовершеннолетним	64	53	120	22
	Запрет определенных действий	12	4	16	-
	Залог	7	22	37	-
	Домашний арест	-	-	-	-
	Заключение под стражу.	-	-	-	-
7	***Какие меры пресечения Вы считаете наиболее эффективными? (Предлагалось оценить эффективность каждой меры пресечения по шкале от 1 до 5. Оценка каждой меры выводилась как среднее из суммы всех значений)***				
	Подписка о невыезде и надлежащем поведении	2,89	3,1	2,1	3,6
	Личное поручительство	1,74	1,2	1	1,7
	Наблюдение командования воинской части	3,5	3,2	3,4	4
	Присмотр за несовершеннолетним	2,1	1,6	1,1	2,4
	Запрет определенных действий	3,2	3,1	2.9	3,8
	Залог	3,3	2,9	1,3	2

	Домашний арест	3,8	4	4,2	4,1
	Заключение под стражу.	4,7	4,8	5	4,4
8	***Считаете ли вы необходимой судебную процедуру избрания мер пресечения?***				
	Да, она необходима	93 (83%)	118 (61,5%)	134 (52,3%)	127 (71,3%)
	Нет, она не нужна	4 (3,6%)	21 (11%)	85 (33,2%)	16 (9%)
	Нужно сократить сферу ее применения	15 (13,4%)	53 (27,5%)	37 (14,5%)	35 (19,7%)
9	***Для каких мер пресечения вы бы оставили судебную процедуру? (Количество от давших утвердительный ответ в процентах)***				
	Запрет определенных действий	89	62	37	69
	Залог	67	31	12	7
	Домашний арест	93	96	78	99
	Заключение под стражу	100	100	96	100
10	***Какую меру пресечения, будучи следователем (дознавателем) по делу, вы изберете, если лицо подозревается в совершении преступления небольшой тяжести? (Вопрос задавался только сотрудникам органов предварительного расследования)***				
	подписку о невыезде и надлежащем поведении			236 (92,2%)	
	личное поручительство			-	
	запрет определенных действий			4 (1,6%)	
	залог			16 (6,2%)	
11	***Проводите ли вы судебные заседания по уголовным делам без выхода в зал судебных заседаний? (Вопрос был задан исключительно судьям)***				
	Да	22 (19,6%)			
	Нет	67 (59,8)			
	Иногда	12 (10,7%)			
	По делам о преступлениях небольшой тяжести	11 (9,9%)			
12	***Встречались ли вы со случаями рассмотрения уголовных дел судьями без выхода в зал судебных заседаний? (Вопрос был задан адвокатам)***				
	Да				138 (77,5%)
	Нет				13 (7,3%)
	Иногда				21 (11,8%)
	По делам о преступлениях небольшой тяжести				6 (3,4%)

13	***Принимали ли вы решение о рассмотрении в общем порядке уголовного дела, по которому обвиняемым было заявлено ходатайство о его рассмотрении в порядке гл. 40 УПК РФ? (Вопрос задавался исключительно судьям)***				
	Да	6 (5,35%)			
	Нет	92 (82,1%)			
	Сам не принимал, но слышал о таких фактах	14 (12,5%)			